

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2016. Т. 11

№4 (158)

IZVESTIA

Ural Federal University

Journal

Series 3

Social and Political Sciences

2016. T. 11

№ 4 (158)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутич**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

Ф. С. Исмагилова,
докт. психол. наук, проф.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

Р. Р. Муслумов,
канд. психол. наук

Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук., доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ

- Бакеева Е. В.* Непрерывность как онтогносеологическая проблема..... 5
- Керимов Т. Х.* Аналогия, однозначность, различие: аналитическая и континентальная традиции понимания 17

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

- Лобовиков В. О.* Структурно-функциональная аналогия между логикой и чистым естествознанием *a priori* на примере третьего закона Ньютона. *Импликация и коррекция в логике как векторные операции и третий закон Ньютона как закон контрапозиции* 31
- Лисанюк Е. Н., Павлова А. М.* Логические аспекты многообразия агентов 45

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

- Кемеров В. Е.* Проблема интеграции современного обществознания: туннельное видение..... 61
- Антонова Н. Л., Данилова А. В.* Повседневная мобильность: социологическая концептуализация 69
- Лушикова О. Л.* Роль социокультурного капитала в условиях глобализации..... 76
- Полякова О. Б.* Специфика жизнестойкости психологов и педагогов с профессиональными деформациями (выгоранием) 82
- Берзин Б. Ю., Мальцев А. В.* Учитель: удовлетворенность профессией и социально-психологическое самочувствие 91

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Михайленко Е. Б.* Многоуровневые вызовы режиму ядерного нераспространения: уроки Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. 98
- Погосян Р. А.* Молодежный фактор в «арабской весне»: проблемы и перспективы ... 110
- Мусихина Т. П., Мамин Н. В.* Ближний Восток в условиях войн «четвертого поколения» (на примере войны в Ираке 2003–2011 гг.) 120
- Лапанович Е. А., Михайленко В. И.* Турция и Россия в XXI в.: трудное партнерство 132

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- Сысолятин Ант. А., Сысолятин Ал. А.* Проблема жизненного выбора: конфликт самобытия человека..... 149

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

- Голуб Е. А., Пургин С. П.* Фотография как встреча: экзистенциальный аспект анализа 158
- Мельникова С. В., Поршинева О. С.* Образ города и его функционирование в культурно-историческом контексте: к постановке проблемы (на примере Екатеринбурга) 166
- Головнева Е. В.* Кто такие сибиряки? Конструктивистское прочтение ценностей сибирской идентичности 173
- Юрлова С. В.* «Книга о вкусной и здоровой пище»: сравнительный анализ структурно-морфологических изменений 184
- Forteza Fernandez R. F.* Critical Discourse Analysis of Key Concepts in Obama's Statement: Cuba Policy Changes..... 191

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

- Здоровцева О. В.* Секуляризация сознания и процесс религиозного возрождения России 207

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Кудрявцева В. И.* Исторические трансформации античного кинизма: некоторые аспекты проблемы..... 217
- Потапова К. И.* Метафизика действия у Аристотеля 224

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Воробьев А. М.* К юбилею и не только... *О новой книге профессора К. Н. Любутина*..... 234

НЕКРОЛОГ

- Багиров Борис Борисович 238
- Авторы номера 240
- Summary 243

ОНТОЛОГИЯ

УДК 111.1 + 159.955 + 159.956

Е. В. Бакеева

НЕПРЕРЫВНОСТЬ КАК ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье рассматривается вопрос о возможности осмысления непрерывности в онтологическом аспекте. Выявляется и анализируется парадоксальный характер феномена непрерывности как бытийного «фона» мышления о сущем. Осуществляется анализ ряда феноменов, характеризующих духовно-нравственный, политический, познавательный аспекты существования современного человека и требующих философской тематизации непрерывности. Исследуются основные стратегии осмысления парадокса непрерывности в современной философии. В качестве наиболее отвечающей характеру данной проблемы утверждается парадоксальная стратегия осмысления непрерывности в дискретном акте саморефлексии субъекта.

К л ю ч е в ы е с л о в а : непрерывность, парадокс, целостность, субъект, интуиция, представление.

Современная мысль, как философская, так и научная, характеризуется своеобразным «переоткрытием» представления о целостности мира. Это представление, в свою очередь, неразрывно связано с утверждением непрерывности (континуальности) бытия, по отношению к которой любое сущее как дискретная «единица бытия» выступает чем-то вторичным, условным.

Ощущение *непрерывности* — одна из основных интуиций современности. Вездесущий и в то же время неуловимый характер этого ощущения не оставляет возможности даже задаваться вопросом, о непрерывности *чего* идет речь: любое «что» требует выделенности, отграниченности от всего остального, а следовательно — несовместимо с непрерывностью в собственном смысле слова. Феноменологически же эта интуиция обнаруживается в самых разных аспектах человеческого бытия: к примеру, как ощущение невозможности провести четкие границы между индивидами, группами или слоями в области социального; как переживание «экономической реальности» в качестве своего рода гомогенной среды, по отношению к которой отдельные феномены («товар», «услуга», «экономический интерес», «производитель», «покупатель» и т. п.) оказываются чем-то условным;

как ощущение всеобщей связанности и столь же всеобщей разделенности в сфере глобальной политики.

Примеры, иллюстрирующие данную интуицию, можно множить, однако более плодотворным представляется выделение момента, объединяющего все перечисленные и многие другие примеры, как бы «просвечивающего» сквозь них. Речь идет о своего рода «переключении гештальта», характеризующем трансформацию мировосприятия: обращая осмысляющее внимание к миру, современный человек зачастую видит не столько вещи, предметы и явления, выделяющиеся на фоне «мира как целого», и даже не столько связи между этими вещами и явлениями, сколько *сам этот фон*. Точнее говоря, именно в контексте данной трансформации данный фон впервые становится заметным, получает признание. Представляется, что именно в качестве подобного признания (имеющего в первую очередь онтологический смысл) можно трактовать, к примеру, следующее замечание Л. Витгенштейна: «Невыразимое (то, что кажется мне полным загадочности и не поддается выражению), пожалуй, создает фон, на котором обретает свое значение все, что я способен выразить» [2, 427]. Это открытие (многократно повторенное в философских опытах XX–XXI вв.) требует, таким образом, осмысления *невыразимого*, или того фона (по определению непрерывного), на котором и выделяется все то, что фигурирует в философии под рубрикой «сущего».

Между тем сама данная задача — осмысления непрерывности как среды, на фоне/в которой существуют вещи, предметы и явления, — сопряжена с неустрашимым парадоксом, делающим эту задачу на первый взгляд невыполнимой. Речь идет о невозможности (в контексте непрерывности, принимаемой в качестве «онтологически исходной») провести границу между мыслящим и мыслимым или, иными словами, о невозможности выделения точки, из которой непрерывность может мыслиться. В этом отношении попытки преодоления или разоблачения «логоцентризма», предпринятые представителями так называемой «постметафизической» мысли, могут трактоваться не столько как усилия по «ниспровержению основ», сколько как констатация исчезновения или растворения «центра» (как устойчивого места субъекта познания и действия) в той непрерывной среде, которая и определяет собой любые дискретные «вещи». Соответственно и те процессы, которые характеризуют существование самых разных сфер бытия современного человека, можно интерпретировать как проявление трудностей, связанных с исчезновением онтологического «центра» в ситуации «открытия» (или «переоткрытия») непрерывности, а не просто как свидетельство упадка нравов в глобализованном обществе.

В рамках такой интерпретации обратимся к некоторым характерным феноменам современности. Наиболее очевидным и выразительным из них является как раз общепризнанный феномен самого упадка нравов, характеризующийся размыванием и релятивизацией норм и ценностей, взаимным проникновением и аннигиляцией элементов различных мировоззренческих систем. Оказываясь на одной плоскости, выступая в качестве альтернативных и равноправных «образов мира», различные религиозные и этические учения начинают оспаривать друг друга без того, чтобы обеспечить какому-либо участнику этого спора более или

менее ощутимое преимущество. При этом важной оказывается не сама ситуация спора (к примеру, меж- и внутриконфессиональные догматические разногласия, сопровождающие всю историю религии), но именно то обстоятельство, что этот спор теперь ведется на фоне «невыразимого», в котором не столько «сглаживаются» все противоречия, сколько растворяются сами позиции участников спора. Так, нередко звучащие сегодня обвинения в адрес христианства, утверждающие его ведущую роль в создании ситуации глобального экологического кризиса, на первый взгляд основываются на совершенно определенной онтологической установке, согласно которой именно «природа» или «жизнь» выступают тем самоценным началом, которое необходимо освободить из-под власти человека как познающего и действующего субъекта. Однако при ближайшем рассмотрении сама эта установка оказывается обязанной своим существованием тому человеческому активизму, который подвергает критике: «благоговение перед жизнью» (А. Швейцер) испытывает не *сама жизнь*, но только тот, кто уже ощущает себя выделенным из природы, непоправимо разлученным с ней.

В этом отношении любые попытки возвращения к «разрушенной целостности», к утраченному раю единства человека и природы базируются в конечном счете на отказе от позиции разума, осуществляемом самим разумом. Позиция субъекта при этом не «снимается», но нерелексивным образом переносится на природу. Этот момент отмечает, в частности, Г. Рормозер, характеризующий феномены, подобные движению «Нью Эйдж»: «Что за великое стремление находит здесь свое отражение? На место разума приходит ремифологизация, обожествление природы. Природа понимается как носительница собственной субъективности и тем самым спасительной силы; если свести к короткой формуле: природа — источник спасения и исцеления. Это может проявляться вполне безобидно, скажем, в виде новой метода водной терапии. Такие безобидные формы существовали и раньше, однако теперь природа как источник спасения и исцеления понимается в совершенно ином смысле. Кроме того, на место единства, достигаемого на путях рациональности, выдвигается целостность, познаваемая и переживаемая непосредственно. И наконец, посредством медитативных упражнений человек приучается отказываться от себя в своей субъективности и растворяться во всеобъемлющем, божественном религиозном целом» [6, 84–85]. Именно это стремление к «непосредственно переживаемой целостности» и является внутренне противоречивым, выступая свидетельством встречи двух взаимоисключающих феноменов: во-первых, сохраняющейся субъектности, т. е. необходимости мыслить/поступать в опоре на *собственное* основание, быть центром исхождения активности, и, во-вторых, признания своей включенности в целостность и непрерывность мира, предполагающего передачу функции субъекта этому Целому. Однако этот отказ от себя в пользу «мира» или «природы» оборачивается в конечном счете потерей и себя, и мира.

Обретение позиции бесконечного Разума, мыслящего мир как непрерывность, очевидным образом невозможно средствами разума конечного. Любая попытка последнего помыслить *непрерывность как таковую* приводит только к бесконечному скептицизму: «Природа, если бы она понимала сама себя и могла

возвыситься до формулировок, выработала бы бесконечный ряд суждений о существовании. Только человеческий разум обладает способностью отказываться от того, что есть, и наслаждаться тем, чего нет, только он способен производить и организовывать пустоту. Я не осознаю самого себя, я емь только когда что-то отрицаю; когда же утверждаю, я становлюсь взаимозаменяемым и веду себя как объект. “Нет” предопределило расчленение первоначального Единства. <...> Мы изобретательно разрушаем репутации, в первую очередь репутацию Бога; но в наше оправдание следует сказать, что еще больше усилий мы прилагаем, чтобы разрушить и свою репутацию, ставя под вопрос прежние истины и дискредитируя их, в результате чего в нашем сознании отрицание плавно переходит в сомнение» [8, 66–67]. Сомнение, таким образом, оказывается неизбежным именно в силу того, что в попытке слияния с миром конечный разум, существуя способом отрицания как «расчленения первоначального Единства», вынужден отрицать сам этот способ. В этой ситуации открытие непрерывности как фона всех без исключения религиозно-догматических учений, этических концепций, систем ценностей грозит опасностью атрофии способности к поступку. Попытка преодоления ограниченности разума оборачивается бессилием последнего.

Наиболее очевидным образом это бессилие проявляется именно в тех областях человеческого бытия, которые непосредственно связаны с осуществлением власти разума по отношению к миру: в сфере практического (политика) и теоретического (наука) овладения миром. Процессы, происходящие в связи с исчезновением центра исхождения активности в политической сфере, предельно четко описаны Ж. Бодрийаром. «Начало конца» политического как такового, согласно Бодрийару, связано именно с попыткой придать политическому смысл тотальной активности. Речь идет о власти, субъектом которой выступает «общество как таковое», иными словами, о власти, которая есть одновременно субъект и объект властных отношений. Однако именно эта попытка тотального (что в данном случае означает — нравственного) осмысления политической активности парадоксальным образом оборачивается энтропией как политического, так и социального: «Социальное овладело политическим. Но теперь, став всеобщим и всепоглощающим, низведя политическое до нулевой степени его существования, превратившись в абсолютное исходное основание, будучи вездесущим, то есть проникая во все щели физического и ментального пространства, — сохраняется ли оно еще как таковое? Нет, эта новая его форма свидетельствует о его конце: его энергия обращена против самой себя, его специфика исчезает, его исторической и логической определенности больше не существует. Утверждается нечто, в чем рассеивается не только политическое — его участь постигает и само социальное. У социального больше нет имени. Вперед выступает анонимность» [1, 197].

Самым важным здесь является именно указание на связь «всепоглощающего» и «вездесущего» характера социального и неминуемого рассеивания как самого социального, так и политического. И вновь речь идет не столько о неких объективных явлениях, связанных с «концом социального», сколько об иной «фокусировке взгляда», обнаруживающей то, что всегда присутствует, но обычно скрывается за любыми определенностями, выделяемыми в той или иной «области

мира», а именно — сам мир как Целое. Это перенесение внимания с той или иной «фигуры» на сам фон Целого и ставит субъекта как носителя конечного разума перед невозможностью осуществления и осмысления политической активности.

Однако самыми показательными в отношении обсуждаемой проблемы являются те процессы, которые характеризуют существование современной науки, и в первую очередь — современного естествознания. В этой области (пере)открытие целостности и непрерывности всего существующего порождает ряд неразрешимых философско-методологических и теоретических трудностей. Наиболее очевидная из этих трудностей связана как раз с «размыванием» субъект-объектной оппозиции, выступающей фундаментом познавательной активности как таковой. Это «размывание» становится особенно заметным в тех областях науки, которые традиционно выстраивались в опоре на четкую метафизическую конструкцию, наиболее внятным образом сформулированную Р. Декартом. В рамках этой конструкции субъект как мыслящая субстанция «вынесен за скобки» природы как объекта естествознания (или, по Декарту, «универсальной математики»). Это исключение субъекта из картины мира, с одной стороны, позволяет понять природу как нечто однородное (как протяженную субстанцию), с другой же стороны — не позволяет осмыслять мир как Целое, характеризующееся *непрерывностью*. Между субъектом и миром-объектом разверзается пропасть, на которую указывает и известная «психофизическая проблема», сформулированная Декартом.

Эта метафизическая схема начинает расшатываться по мере того, как в процессе развития естествознания изменяется облик самого мира-объекта, или природы. Характерное для классического новоевропейского естествознания представление о природе как о том, что состоит из простых элементов, подвергается проблематизации именно тогда, когда эти «простые элементы» становятся непосредственным объектом исследования. Оформление квантово-механических представлений в физике микромира ставит исследователя перед необходимостью отказа от картезианской метафизической схемы и соответственно перед необходимостью осмысления нового положения субъекта познания по отношению к объекту. Именно здесь и открывается *непрерывность* как философско-методологическая проблема: осознание субъектом своей включенности в мир-объект требует — в пределе — признания того, что посредством субъекта *мир мыслит себя*. Это признание, в свою очередь, ставит субъекта (конечное сознание) перед лицом невозможной задачи превращения в *бесконечное сознание*. Так, рассматривая проблему осмысления парадокса сосуществования альтернативных «классических реальностей» в «квантовом мире», М. Б. Менский указывает именно на сознание как на то, что препятствует этому осмыслению. Онтологически интерпретируя сознание как «разделение альтернатив» [4, 54], автор связывает «выключение сознания» с «появлением сверхсознания»: «Можно показать, что при выключении сознания доступной становится не только информация из всех альтернатив, но и информация из всех альтернатив во все моменты времени. <...> Возможность доступа к такой *расширенной информации* можно назвать *сверхсознанием*. Стало быть, выключение сознания, то есть переход к “чистому существованию”, означает появление сверхсознания. При выключении сознания доступная информация

не выключается, а невероятно увеличивается. Понятно, что так определенное сверхсознание может быть источником не просто интуиции в обычном смысле слова, но источником *сверхинтуиции*, то есть знания о том, что является истиной, хотя не может быть выведено из всего объема информации, доступной человеку в сознательном состоянии» [4, 55].

Следует отметить, что цитированное выше рассуждение осуществляется автором в контексте задачи объяснения феномена интуиции с точки зрения новой онтологии (которую можно было бы назвать «квантовой») и в этом отношении выглядит вполне убедительным. Однако допущение сверхсознания как своего рода разумной ипостаси самого мира, заставляющей вспомнить об Уме-Нусе древних, окончательно разрушает ту «онтологическую диспозицию», которая и делает возможным существование науки как таковой. Знаменитое «Физика, берегись метафизики!» указывает именно на это, часто не осознаваемое, условие возможности научно-познавательного отношения к миру: члены этого отношения четко определены в своих границах, *исключающих* непрерывный переход от одного (конечного разума как познающего субъекта) к другому (миру-объекту).

В опоре на данную определенность как раз и осуществляется движение познающего субъекта от теоретически обоснованных предположений к опыту и обратно. При этом само теоретическое обоснование тех гипотез, в рамках которых задумывается и осуществляется апелляция к опыту (как бы она ни трактовалась — как верификация или фальсификация), неизбежно опирается на метафизические предпосылки. Последние, однако, обязательно должны быть *соразмерными* конечному разуму; упомянутая выше картезианская схема как раз и выступает образцом такой соразмерности. Эта соразмерность означает своего рода «встроенность» смысла в теорию, «уже-понятность» (включающую в себя и возможность наглядной интерпретации) тех или иных теоретических положений. В такой (классической) ситуации познавательная активность является осмысленной «по определению», без того, чтобы осуществлять рефлексивность в отношении этой осмысленности. Иными словами, *понимание* в данной ситуации не выделяется в качестве отдельной задачи в рамках познавательного процесса, направляя последний скрытым образом.

Однако в ситуации, когда именно непрерывность появляется в поле зрения исследователя, под вопросом оказываются ее соразмерность возможностям конечного разума и соответственно ее (сам собой разумеющийся) смысл. Задача понимания (онтологической интерпретации) оказывается в этой ситуации чем-то отдельным по отношению к задачам собственно познавательным. Эти задачи, в свою очередь, в определенной степени теряют осмысленный характер, зачастую направляясь не столько стремлением обрести более отчетливый образ объекта (той или иной степени общности), сколько «техническими» возможностями тех или иных исследовательских методов и методик. На эту методологическую трансформацию указывает, в частности, В. Ш. Рубашкин: «Создание теории обычно происходит в два этапа. Первый — это *концептуальное описание* новой гипотетической реальности (*газ состоит из упруго соударяющихся молекул, живой организм состоит из клеток...*). Далее может следовать математическое

оформление концептуального описания (в физике чаще всего в виде дифференциальных уравнений), что позволяет делать количественные предсказания и/или на теоретическом уровне воспроизвести ранее экспериментально установленные количественные соотношения измеримых характеристик. В этой схеме концептуальное описание *мотивирует* выбор именно такого, а не иного математического аппарата.

В неклассической физике данная схема оказалась нарушенной. С концептуальными описаниями, начиная с квантовой механики, возникли проблемы. Математический аппарат приходится выбирать “на ощупь”, двигаясь не от интуитивно понятной физической картины процесса, а руководствуясь, с одной стороны, внутренней логикой математических формализмов, с другой — возможностью получить подтверждаемый экспериментальными данными и оправдываемый ими вычислительный результат. И уже потом, задним числом, подбирать к этой математике какие-то “наглядные” аналогии — иногда более, иногда менее удачные» [5, 49–50].

В этой характеристике методологических особенностей неклассической физики как нельзя лучше продемонстрирован характер тех трудностей, с которыми сталкивается естествоиспытатель, оказавшийся перед лицом непрерывности. Вырастая из одного «корня» (парадокса, связанного с задачей осмысления непрерывности), эти трудности выступают трояким образом. Во-первых, сам субъект познания здесь в определенном смысле «повисает в пустоте», теряет свою онтологическую позицию, ровно постольку, поскольку непрерывность предполагает неопределенность. Соответственно в этой ситуации отсутствует основание для того, чтобы появилось некое привилегированное «место» — как центр исхождения активности. Во-вторых, именно в условиях неопределенности положения субъекта объект, в свою очередь, теряет свой наглядный характер: *представление* всегда нуждается в точке, по отношению к которой оно устанавливается. Речь идет, таким образом, не столько о специфике тех исследовательских областей, которые выходят за пределы разрешающих возможностей человеческого восприятия, сколько об универсальной ситуации, обусловленной «размыванием» субъект-объектной оппозиции в современной науке.

Затруднения в построении наглядного образа изучаемого объекта испытывают в равной степени и физик, исследующий микромир, и биолог, выявляющий сложные зависимости в сфере «живого», и социолог, пытающийся прояснить закономерности прямых и обратных связей, определяющих существование человека и общества. И вновь следует подчеркнуть, что само появление проблемы наглядности в современной науке свидетельствует, как представляется, не столько об открывшейся в ходе прогрессирующего развития познания сложности реальности, сколько об изменении ракурса исследовательского взгляда. Сложность обнаруживается именно постольку, поскольку внимание субъекта перемещается на «то, в чем» он (субъект) встречается с объектом. Эта интуитивно ощущаемая исходная целостность решительно сопротивляется всем попыткам заключить ее в рамки представления. Наконец, в-третьих, эта ситуация открывается еще в одном аспекте: языковом. Возможности языка описания объекта, соразмерные

конечному разуму, также обнаруживают свою недостаточность применительно к парадоксальной задаче постижения целостности и непрерывности. Это обстоятельство становится объектом внимания как самих ученых, так и методологов в тот самый момент, когда оформляются контуры неклассической науки, т. е. в первой половине прошлого столетия. Особенность же современной ситуации заключается, собственно, в том, что проблема языка науки все чаще связывается не с особенностями объекта в определенной области исследований, но с (пере)открытием несоизмеримости «самой реальности» и возможностей человеческого языка членить и упорядочивать эту реальность.

Хорошим примером подобной саморефлексии познающего субъекта является замечание И. Стенгера по поводу трудностей, возникающих в рамках попыток создания так называемой «искусственной жизни»: «...“искусственная жизнь” — это столкновение человеческого языка, который также принадлежит к числу человеческих инструментов, с не-человеческим созданием. И первый объект этой конфронтации — способность человеческого языка и прочих приспособлений “схватить” значимые черты жизни. Конфронтация имеет спекулятивный характер, потому что проверке подлежит не жизнь; ей подлежат наши человеческие языки и приспособления, чьи ограничения, возможности и потребности соизмеряются с задачей выражения “жизни” как с помощью слов, так и с помощью технических или математических операций» [7, 51]. Это указание на спекулятивный характер противостояния «жизни» и «человеческих приспособлений» как раз и обнаруживает то обстоятельство, что речь здесь идет не столько о специфике жизни как особого объекта научного исследования (в конце концов, для механицистов XVIII столетия этой специфике не существовало), сколько о «не-человеческом» характере реальности как таковой. Точнее, речь идет о «сверхчеловеческой» (неизбежно включающей в себя и самого человека) реальности, всегда выходящей за рамки любого возможного языка. Реальность, характеризующаяся непрерывностью, всегда *невывразима*, если вспомнить приведенное выше высказывание Л. Витгенштейна.

Именно столкновение с этой невыразимостью порождает довольно странную ситуацию в современной науке: в то время как сам процесс производства знания приобретает все менее осмысленный характер, сама деятельность осмысления (онтологической и методологической интерпретации знания и познания) все более приобретает метафизически-спекулятивные черты. Иными словами, теоретико-познавательное сознание разделяется на «бессознательную» и «сверхсознательную» составляющие, а собственно сознательная «ипостась» при этом все более тонет в неопределенности. Так, в цитированной выше работе М. Б. Менского автор, поясняя свою трактовку интуиции как эффекта «сверхсознания», замечает: «Этот вывод... является очень необычным, так как позволяет не только сблизить, но и объединить *два направления познания*, которые многими считаются взаимоисключающими. Первое из этих направлений — это *естествознание*, или наука, а второе можно охарактеризовать как мистический путь познания, или *метафизику*» [4, 55]. Оставляя в стороне вопрос о корректности отождествления метафизики и «мистического пути познания», обратим внимание на то обстоятельство,

что такое объединение «двух направлений познания» неизбежно подводит нас к вопросу о *точке сопряжения* этих направлений или, что в данном случае то же самое, о *субъекте* этого сопряжения. Иными словами, мы сталкиваемся здесь с вышеописанным парадоксом: требование выхода на уровень «сверхсознания» (слияния с Целым), предъявляемое субъектом (сознанием) к самому себе, является внутренне противоречивым, оно, так сказать, отменяет само себя.

Таким образом, вопрос о возможности осмысления непрерывности выступает прежде всего как проблема включения в «пространство» этой непрерывности сознания (субъекта), *по определению экстерриториального*. Оказываясь «лицом к лицу» с этим парадоксом, субъект открывает для себя три возможные стратегии действия, так или иначе представленные в современной философии. Первая из этих стратегий как раз и связана с попыткой «возвращения утраченного рая» той целостности, которая нарушается в момент рождения декартовского «когито». В качестве той целостной и непрерывной среды, в которую следует возвратиться субъекту-сознанию, предлагается мыслить, например, *язык* (философская герменевтика) или *жизнь* (различные варианты философии жизни и некоторые направления феноменологии). Однако, как уже было отмечено выше, подобная стратегия неизменно сталкивается с непреодолимым препятствием: само возвратное движение к исходной целостности непоправимо нарушает последнюю. Возвращение к языку осуществляется посредством движения, имеющего внеязыковую «природу», возвращение к жизни возможно только через прохождение «точки смерти» самого субъекта. Признание неустранимости этого препятствия лежит в основе второй из обозначенных выше стратегий, связанной с отрицанием целостности и непрерывности как парадоксальным способом их восстановления.

Речь идет о всевозможных вариациях «антиметафизического» или «постметафизического» философствования, общей чертой которых выступает стремление к преодолению субъектности, так сказать «изнутри», путем разоблачения именно претензии субъекта-сознания на то, чтобы охватить Целое. Непрерывность немыслима, мысль всегда уже есть раскол. Именно этот парадоксальный жест отрицания того стремления, которое и направляет действия субъекта, вновь обращает его к *невыразимому*. Между тем и здесь непрерывность по-прежнему ускользает от схватывания мыслью: разоблачая свое стремление к целостности, субъект не столько отменяет, сколько утверждает себя самым этим действием и соответственно продолжает настаивать на своей экстерриториальности. Таким образом, любое действие субъекта *в отношении* непрерывности — утверждение или отрицание — непоправимо разлучает субъекта и непрерывность, просто в силу того, что непрерывность *безотносительна по определению*.

Признание этой безвыходности становится точкой отсчета третьей стратегии осмысления данного парадокса. Именно эта стратегия представляется наиболее адекватной той ситуации, в которой оказывается субъект, усомнившийся в своей автономии перед лицом открывшейся целостности. Осмысление в данном случае осуществляется не путем снятия или, напротив, утверждения парадокса непрерывности, но посредством *включения парадокса* в онтологический контекст непрерывности (целостности). Иными словами, данная стратегия выстраивается

в опоре на следующий парадоксальный тезис: *непрерывность может быть осмыслена только дискретным актом*, в контексте которого мысль как представление (содержание мысли) и мысль как бытийное состояние (форма мысли) неразрывно связаны друг с другом или, точнее, совпадают в своем истоке.

Нетрудно заметить, что сам этот тезис оказывается возможным только в силу осуществления дискретного акта саморефлексии субъекта, стоящего перед задачей осмысления непрерывности. Это рефлексивное действие, однако, не ограничивается сугубо теоретической (познавательной) сферой; речь идет именно о *бытийном акте*, одновременно выделяющем субъекта из области «только мыслимого» и соединяющего его с этой областью. Осуществляемое здесь движение оказывается, так сказать, «двунаправленным». Признавая необходимость осмысления непрерывности, субъект ее «легитимирует», принимая тем самым свою включенность в Целое мира; констатируя же невозможность, внутреннюю противоречивость этого осмысления, субъект осуществляет разрыв с Целым, открывая таким образом особое теоретическое пространство, или пространство представления. Эта «двунаправленность» обеспечивается именно тем, что в акте рефлексии субъект открывает и признает самого себя в качестве «живого парадокса», или — той самой «точки сопряжения» конечного и бесконечного (сознания и сверхсознания), которая и выступает условием осмысления непрерывности. Таким образом, это осмысление оказывается возможным для конечного субъекта (сознания) только в двух разных измерениях: в измерении мира как Целого, «ухватываемого» только посредством интуиции, и в измерении мира как представления, познаваемого дискурсивным мышлением и, в силу этого, неизбежно ограниченного. Именно признание этой ограниченности, при сохранении требования мыслить непрерывность как отсутствие границ, парадоксальным образом «размыкает» субъекта по отношению к Целому, точнее, открывает субъекту его всегда-уже-включенность в Целое.

В свою очередь, в измерении представления это «размыкание» предстает как дискретность, выделенность субъекта вместе с его конечным миром из неопределенного (непрерывного) «фона». Таким образом, субъект в рамках данной стратегии осуществляет себя именно в этом парадоксальном акте «переключения» мысли с «фигуры» на «фон» и обратно. «Фон», или непрерывность, оказывается доступным для субъекта только онтологически, в переживании этой непрерывности, которое в измерении представления (дискурсивного мышления) выступает как *нечто всякий раз иное и новое*. Так, в своем трактате «Стрела познания», М. К. Мамардашвили указывает именно на этот парадокс: в непрерывности «...одно неотлично от другого, старое — от нового, между ними нет времени. То есть не можем расчлнять по времени, линейно увязывая моменты с последовательностью реального протяжения. Если я абсолютно понял сказанное Гераклитом (или Ньютоном), то, будучи *другим*, оно неотлично от него самого (непрерывно и вечно) — время гомогенно плотно и его нельзя *воспринять*. И оно же (то есть говоримое в свободе, в предельной полноте действия) прерывно — в силу “конечного вращаения”, в силу того, что для того, чтобы это было, надо “запрокинуться назад” и дать породить себя впереди (то есть совершенно особого распределения

прошлого, настоящего и будущего), поскольку мы свободны лишь в смысле акта создания акта мысли и последний, следовательно, не определен и не подразделим до конца. Тогда можно получить пульсирующую сферу, континуум бытия-сознания» [3, 132–133]. То, что обозначается здесь как «конечное вращение», и есть дискретный «двунаправленный» акт, соединяющий и разделяющий конечные миры в парадоксальной непрерывности, или в «континууме бытия-сознания».

В осуществлении этого акта интуиция и дискурсивное мышление, действуя в разных онтологических измерениях, выполняют различные функции. Интуиция, как уже было сказано, «отвечает» в этом акте за сохранение целостности, непрерывного фона, на котором разворачиваются конкретные (определенные) события мира. Именно этот фон, ставший «видимым» или осмысленным, и трансформирует ожесточенное противоборство разных мировоззренческих, идеологических, научно-теоретических систем в подлинно диалогическое отношение. Последнее обязательно выстраивается в опоре на допущение каждым из участников собственной ограниченности и соответственно на осмысление своей позиции в диалоге как *дополнительной* (в смысле принципа дополненности Н. Бора) по отношению к другим. Ощущение «невыразимого фона», на котором оформляется та или иная определенная концептуальная система, предохраняет последнюю от догматического омертвения, сохраняет ее живую связь с Целым, оставляя зазор для необходимой и неизбежной трансформации. От растворения же в этой целостности и непрерывности данную систему предохраняет второй вектор акта «бытия-сознания», оформляющий и утверждающий эту систему в ее границах. Парадоксальным образом именно признание присутствия непрерывного фона, всегда и неизбежно выходящего за рамки всякой дискурсивности, позволяет более четко очертить рамки той или иной концептуальной системы. Интуитивным образом отыскивая «точку сопряжения» переживаемого фона и оформленного представления (конечного образа бесконечного мира), субъект выделяет основания той или иной концептуальной системы одновременно и в онтологическом аспекте (как те понятия или положения, которые, используя выражение И. Канта, можно только «мыслить, но не знать»), и в познавательном (теоретическом) плане. В последнем случае эти «только мыслимые» понятия и тезисы выступают в качестве аксиом или постулатов, не имеющих сугубо теоретического обоснования, но обосновывающих все остальные положения данной концептуальной системы.

Таким образом, включение непрерывности в поле зрения познающего и действующего субъекта оборачивается в конечном счете требованием пересмотра онтологического и гносеологического статуса самого субъекта. Осознавая свою всегда-уже-встроенность в Целое мира, субъект оказывается перед лицом необходимости не столько отражать и преобразовывать мир в качестве противостоящей ему «объективной реальности», сколько дать слово этому Целому (всегда новое слово и одновременно всегда то же самое). В этом контексте особое значение приобретает именно интуиция как своего рода «мост», соединяющий онтологический и гносеологический планы осуществления этой новой задачи. Это, в свою очередь, означает, что сама интуиция перестает быть только вспомогательным (и, согласно духу «классической рациональности», весьма сомнительным) *средством познания*.

В контексте признания целостности и непрерывности всего существующего «центр тяжести» в понимании интуиции переносится именно в онтологический план. Иными словами, она обретает самостоятельный онтологический статус парадоксального феномена, в котором и происходит «встреча» дискретности и непрерывности, фрагментарности и целостности, конечности и бесконечности.

-
1. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального // Карл Ясперс, Жан Бодрийяр. Призрак толпы. М., 2007. С. 186–241.
  2. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М., 1994.
  3. *Мамардашвили М. К.* Стрела познания: набросок естественно-исторической гносеологии. М., 1996.
  4. *Менский М. Б.* Интуиция и квантовый подход к теории сознания // Вопр. философии. 2015. № 4. С. 48–57.
  5. *Рубашкин В. Ш.* Физика частиц — логико-философский комментарий // Там же. № 5. С. 45–57.
  6. *Рормозер Г.* Ситуация христианства в эпоху «постмодерна» глазами христианского публициста // Там же. 1991. № 5. С. 75–86.
  7. *Стенгерс И.* Сердце Бога и вещество жизни // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира. М., 2012. С. 42–79.
  8. *Чоран Э.-М.* Портрет цивилизованного человека // Апокалипсис смысла: Сборник работ западных философов XX–XXI веков. М., 2007. С. 46–103.

Рукопись поступила в редакцию 26 апреля 2016 г.

УДК 11 + 111.1:2 + 141.111 + 141.113

Т. Х. Керимов

АНАЛОГИЯ, ОДНОЗНАЧНОСТЬ, РАЗЛИЧИЕ: АНАЛИТИЧЕСКАЯ И КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ТРАДИЦИИ ПОНИМАНИЯ

Проблема единства и множества значений сущего стала предметом широкой дискуссии в средневековой философии. Эта дискуссия была актуализирована в рамках континентальной онтологии во второй половине XX в. и возрождается с неожиданной стороны в начале XXI в. в онтологии и метаонтологии в аналитической философии. Несмотря на разные исторические предпосылки и теоретические мотивы этой дискуссии, в ней разыгрывается целая совокупность проблем, касающихся возможностей построения онтологии и системы ее понятий. В статье рассматриваются история проблемы, пути решения этой проблемы в аналитической философии в «мейнстрим онтологии» и онтологическом плюрализме. Событие постулируется в качестве исходной проблемы методологии совмещения аналогии и однозначности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: метафизика, онтология, онтотеология, бытие, аналогия, однозначность, равнозначность, монизм, плюрализм, различие, событие.

Аналогия и однозначность: история вопроса

Известно, что в описании различных значений сущего Аристотель не использует аналогию. Тем не менее схоласты считали, что именно начиная с Аристотеля отношение между сущим как таковым и различными его значениями понимается как отношение аналогии. Поэтому, прежде чем сосредоточиться на решении данного вопроса в современной философии и его альтернативах, мы обратимся к некоторым вехам в истории этой проблемы, которая восходит в своих истоках к Аристотелю, но актуализируется в не-аристотелевских выражениях в средневековой философии.

Аристотель ставит вопрос о единстве и множественности понятия сущего в «Метафизике» и в логических сочинениях. В четвертой книге «Метафизики» Аристотель определяет предмет новой науки: «Есть некоторая наука, исследующая сущее как сущее... а также то, что ему присуще само по себе» [1, 119]. В некотором смысле искомая наука является общей наукой, поскольку она противопоставляется частным наукам, каждая из которых отделяет себе какую-то часть сущего и исследует присущее этой части. И тем не менее «метафизика» не является общей наукой о сущем в целом, изучающей, например, свойства, присущие всему сущему по природе. В то же время это не наука о сущем как таковом как особом регионе сущего. Аристотель говорит о другом: «Есть некоторая наука, исследующая сущее как сущее», т. е. исследующая сущее, всякое сущее в той мере, в какой оно есть: сущее в его бытии. «Как сущее» указывает на бытие или факт бытия, общий всему сущему. Аристотель обозначает сущее как сущее термином *ousia*: «И вопрос, который издревле ставился и ныне и постоянно ставится и доставляет

затруднения, — вопрос о том, что такое сущее, — это вопрос о том, что такое сущность. Именно о ней одни утверждают, что она одна, другие — что больше, чем одна, а из них одни утверждают, что она ограничена по количеству, другие — безгранична по количеству» [1, 188].

Такое понимание науки о сущем вызывает тем не менее некоторые сомнения, потому что она в действительности оказывается не только «наукой без имени», но и наукой без предмета [11, 21–68]. Прежде всего, в отличие от Платона, который включает *само бытие*, вместе с *тождественным* и *иным*, *движением* и *покоем*, в число пяти «главных родов», благодаря чему бытие получает статус однозначного понятия, Аристотель ясно дает понять, что сущее не является родом: «...ни единое, ни сущее не может быть родом для вещей» [1, 108]. Но если всякая наука определяется предметом своего исследования и если такой предмет как род сущего отсутствует, тогда, даже если и согласиться с тем, что наука о сущем как сущем существует, она оказывается беспредметной наукой. Науке о сущем как сущем недостает именно сущего как сущего. Более того, неродовая принадлежность сущего гарантирует ему подозрительный статус многозначного понятия. То есть из самой возможности науки о сущем как таковом оказывается востребованной логико-лингвистическая постановка вопроса о значении сущего. На самом деле, если слово «сущее» — это омоним, т. е. обозначает разные, не связанные друг с другом вещи, как, например, слово «звезда», обозначающее небесное тело, геометрическую фигуру или известную личность, тогда единая наука о сущем как сущем невозможна, как и наука о звездах. Если слово «сущее» — это синоним, т. е. обозначает одну и ту же вещь по необходимости, тогда возможна только одна наука о сущем, одна онтология, которая постулирует одинаковость всего сущего. Итак, сущее — это омоним или синоним?

В «Категориях» Аристотель уточняет, что омонимами «называются те предметы, у которых только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности... разная...»; синонимами «называются те предметы, у которых и имя общее, и соответствующая этому имени речь о сущности одна и та же...» [2, 53]. Тогда к какой категории отнести сущее? Когда в той же четвертой книге «Метафизики» Аристотель пишет, что «о сущем говорится в различных значениях», можно было бы подумать, что сущее — это омоним. Но омонимы почти всегда подразумевают случайное совпадение слов. Аристотель добавляет: «О сущем говорится, правда, в различных значениях, но всегда по отношению к чему-то одному, к одному естеству и не из-за одинакового имени...» [1, 119]. Может быть, сущее — это синоним? Однако синонимия подразумевает одинаковость сущности различных видов, но не родов. «О сущем говорится в различных значениях» — не есть ли это случайность? На этот вопрос Аристотель отвечает: *сущее* действительно *омоним*, но не случайный, т. е. не без основания. Оно ближе к синониму. *Сущее*, говорит Аристотель, *pros hen legomenon*. Это одно референции и основания Аристотель называет *ousia*. Другие категории выражают качества *ousia*, количества *ousia*, отношения между *ousia* и т. д. «Сущее» не является омонимом в привычном значении случайного совпадения имен, поскольку различные значения «сущего» связаны между собой в силу их соотнесенности с его «фокальным значением» [16, 180–199]. Все, что

есть, есть на основе *ousia* как причины, основания, начала сущего в целом. В то же время если «о сущем говорится в различных значениях», которые и упорядочиваются соответствующими категориями, *ousia* полагается как первая и высшая категория. Поэтому *ousia* в качестве сущности обеспечивает общность сущего, а в качестве первой и высшей категории задает иерархичность сущего.

Конечно, можно согласиться с П. Обанком в том, что схоластическая позиция по вопросу об аналогии сущего не соответствует мысли Аристотеля и что теория аналогии сущего представляет собой «платонизацию Аристотеля» [11, 199–205]. В конце концов, можно присоединиться к тезису П. Рикера «Вся теория аналогии в целом — это лишь псевдо-наука», результат влияния теологии на собственно философский дискурс [20, 318]. Но нельзя не согласиться, что аристотелевское описание различных значений сущего предвосхищает тот тип решения, к которому Фома Аквинский обращается как к аналогии. Это решение продолжает аксиологическую традицию, но предопределяется посылками христианского вероучения. Бог, или, вернее, божественное аристотелевской метафизики, есть сущее, которое, как и любое другое сущее, есть *ousia*, имманентно миру, принадлежит единству мира, хотя и сохраняет за собой статус высшей инстанции сущего. Метафизика Аквината ведет к божественному сущему как к высшему принципу существования, т. е. к тому, что трансцендентно относительно сущего. Это принципиальное различие отражается и на трактовке аналогии. Из трех типов аналогии — пропорциональности, атрибуции и причастности — центральной и решающей в средневековой философии становится аналогия атрибуции [10].

Проблема аналогии сущего у Аквината возникает на двух разных уровнях — категориальном, или предикаментальном, и трансцендентальном, на горизонтальном и вертикальном [18, 43–62, 80–112]. Предикаментальная аналогия сущего связывает акциденты с субстанцией. Трансцендентальная аналогия сущего конституируется степенями субстанциональности и формальной иерархией, которую они подразумевают [Там же, 29]. Понятие сущего обозначает Бога или творения, субстанцию или акциденты в единстве отношения, связывающего их с первичной инстанцией. На категориальном уровне первичной инстанцией является субстанция, на трансцендентальном уровне — Бог, последний — референт всех значений сущего, принцип порядка, вокруг которого все и собирается.

Категориальный порядок реальности, который является «инфраструктурой» трансцендентального порядка, имеет подлинное основание только в рамках вертикальной причинности, исходящей от Бога. Теория аналогии сущего и метафизика причастности тесно связаны между собой [Там же, 34]. Понятие причастности, с одной стороны, утверждает различие и множественность причастных, а с другой стороны, открывает мир его трансцендентальному источнику, сохраняя за ним его субстанциональный характер. Это означает, что разнородные субстанции образуют способы и степени совершенства сущего в иерархизированном мире, на вершине которого оказывается чистое бытие, бытие само по себе (*esse per se subsistens*), воплощающее всю полноту совершенств. Структура аналогии коррелирует со структурой причастности: они соответствуют друг другу как понятийный и реальный аспекты единства бытия.

Даже если, согласно аналогии сущего, между Богом и его творениями сохраняется разрыв, способ, каким определенные свойства приписываются Богу, должен быть соотнесен со способом, каким обозначаются его творения. «...Все, что сказывается о Боге и о прочих вещах, сказывается не однозначно и не омонимически, а по аналогии: то есть сообразно порядку и отношению к [чему-то] одному» [8, 177].

Единство на категориальном и трансцендентальном уровнях — это не единство рода или равенства; это единство причинности и причастности, которое, собственно, и связывает акциденты с субстанцией, а творения — с Богом. Понятие сущего неоднозначно, поскольку прилагается к множественности, оно неравнозначно, поскольку эта множественность упорядочивается первичной инстанцией. Следовательно, единство аналогического понятия не единство рода или равенства: оно не становится над или вне сущего, а прилагается к нему безо всякого посредничества.

Именно это аристотелевское и томистское решение об аналогии сущего оспаривает Дунс Скот со своим тезисом об однозначности сущего. Для доказательства данного тезиса Дунс Скот привлекает понятие «первого объекта» разума: «...Первым объектом нашего интеллекта является сущее, поскольку в нем сходятся два первенства, а именно первенство общности и первенство виртуальности. Ведь все умопостигаемое *per se* либо сущностно (*essentialiter*) включает понятие “сущего”, либо сущностно, или виртуально, содержится во включающем [в себя] по существу понятие “сущего”. Ибо все роды, виды или индивиды и все сущностные части родов и Несотворенное Сущее чтойно (*quidditative*) включают “сущее”; все предельные отличия сущностно включены в некоторые из них, а все свойства “сущего” виртуально включены в “сущее” и то, что находится под ним» [3, 391].

У Дунса Скота сущее оказывается настолько абстрактным и неопределенным, что оно привлекается для описания всего сущего, и в том числе Бога. По мнению Э. Жильсона, Дунс Скот продолжает мысль Авиценны о том, что сущее, помимо «физического», сращенного с природой вещей, статуса, подчиненного принципу аналогии, обладает еще и другим, «метафизическим» статусом. Сущее в «метафизическом» смысле есть «сущее как таковое», предшествующее любым разделением и противопоставлениям [13, 89]. Однако, как уточняет О. Больнуа, аналогия, которую пытается преодолеть Дунс Скот, не противоречит аналогии в ее томистской канонической форме и принадлежит Генриху Гентскому [12, 23]. По сути, главный смысл возражений Дунса Скота заключается не в том, что аналогия не верна, а в том, что аналогия уже подразумевает однозначность.

Когда Генрих Гентский, следуя Авиценне, говорит, что сущее есть нечто общее и тождественное, присущее Богу и творениям, и что сущее в одном и том же значении сказывается о Боге и о творениях, тогда, в полном согласии с Авиценной, Бог, будучи введенным в сферу сущего и метафизики, имманентно включается в не-противоречивое единство понятия сущего. Но Генрих Гентский вполне осознает, что имманентизация Бога угрожает его трансценденции. Следовательно, встает вопрос: как сохранить такую трансценденцию? И для ответа на него

привлекается понятие аналогии. Понятие сущего предшествует понятию Бога или его творениям, ибо мы воспринимаем и то и другое как сущее, однако это понятие не является общим для обоих и не предшествует им. Другими словами, аналогия привлекается здесь, чтобы нейтрализовать последствия имманентизации и онтологизации Бога. Конечно, на уровне *понятий* Бог и его творения мыслятся одинаково, а именно как сущее, но в *действительности* это не так, поскольку понятийная общность не означает общности в действительности. Однако Генрих Гентский понимает, что если общее (Богу и творениям) априорное понятие сущего есть всего лишь имя, тогда никакое другое понятие не позволяет нам познать то, что есть. Вот почему аналогия привлекается им как исключение из правила общности (в действительности): с одной стороны, понятие не позволяет нам постичь действительной, однозначной общности; с другой стороны, оно исключает абсолютно равнозначное различие. Таким образом, аналогия играет двойственную роль: она ограничивает притязания метафизики на познание Бога и в то же время допускает познание сущего вообще.

Но каким бы изобретательным ни представлялось это решение, ему не удастся преодолеть очевидное противоречие. С одной стороны, Генрих Гентский утверждает, что сущее как простейшее из всех сущностей первым предстает перед человеческим разумом, но, с другой стороны, он настаивает на существовании двух понятий сущего в зависимости от того, идет речь о Боге или о Его творениях. Именно это противоречие пытается разрешить Дунс Скот, рискуя некоторыми основополагающими принципами метафизической традиции. Согласно Дунсу Скоту «...однозначное понятие — то, которое до такой степени едино, что его единства достаточно для противоречия, когда оно [это понятие] утверждается и отрицается о том же самом» [3, 407]. В результате однозначность не просто переворачивает аристотелевскую синонимию, обозначающую вещи, тождественные по имени и по значению. Отныне с тезисом об однозначности сущего, единстве значения сущего связывается с тождеством понятия. Вопрос, следовательно, смещается от семантики к логике. Достаточное единство понятия стирает все следы различия между Богом и его творениями, между двумя отличными друг от друга онтологическими порядками. Под давлением однозначности сущего онтологическое различие претерпевает радикальную трансформацию, ибо различие указывает уже не на иерархию и трансценденцию, а на само движение субстанции. И как пытается показать Ж. Делёз, все ипостаси современной философии различия в действительности являются «продолжениями» этого принципа однозначности сущего.

Тем более любопытно заметить, что в онтологии и метаонтологии аналитической философии аналогия, которая традиционно предписывала иерархическую структуру мира, выступает ключевым принципом онтологического плюрализма, тогда как однозначность задает необходимые условия онтологического монизма. Удивительное совпадение: в философском отношении онтологический плюрализм лучше вписывается в традиции Аристотеля и Фомы Аквинского, чем в традицию Дунса Скота и Делёза.

Однозначность бытия и онтологический монизм

Основные тезисы онтологического монизма, называемого также «мейнстрим онтологией» и связываемого прежде всего с именем У. ван Куайна, были сформулированы П. ван Инвагеном. Эти тезисы могут быть сведены к следующим: бытие — это не деятельность; бытие есть то же самое, что и существование; существование однозначно; смысл бытия, или существования, схватывается экзистенциальным квантором формальной логики; тезис об онтологическом обязательстве [23, 50–86]. Мы остановимся на тезисе об однозначности существования в силу его содержания и значения для постулирования онтологического монизма.

Тезис об однозначности существования прямо вытекает из понятия существования, лежащего в основе метаонтологического подхода Куайна. С одной стороны, согласно Куайну, смысл бытия, или существования, адекватно схватывается экзистенциальным квантором существования. С другой стороны, как уже заметил Фреге, понятие бытия, или существования, тесно связано с понятием числа: «...существование имеет сходство с числом. Ведь утверждение существования есть не что иное, как отрицание числа ноль» [9, 39]. Таким образом, как считает ван Инваген, такие числительные, как «четыре», «пятьдесят шесть», «одна тысяча девятьсот пять» и т. д., которые используются для ответа на вопрос Фреге «Сколько есть Fs?» (Fs — это объекты некоторого рода), имеют только одно значение вне зависимости от рода вещей, которые мы хотим сосчитать. «Сама сущность применимости арифметики состоит в том, что числа могут сосчитать все, что угодно, любого рода вещи вне зависимости от того, под какую логическую или онтологическую категорию эти вещи подпадают: если вы написали тринадцать поэм, а у меня тринадцать котов, число ваших поэм равно числу моих котов» [Там же, 61].

Что касается связи между существованием и числом, доказательство Инвагена сводится к интерпретации им сходства существования с понятием числа. «Сказать, что единороги не существуют, означает очень похожее на то, что число единорогов равно нулю; сказать, что лошади существуют, означает, по сути, то, что число лошадей равно одному или более. И сказать, что ангелы или идеи или простые числа существуют, означает, что число ангелов или идей или простых чисел больше нуля. Однозначность числа и тесная связь между числом и существованием должны убедить нас, что имеется очень веское основание полагать, что существование однозначно» [Там же]. Если числительные «четыре», «пятьдесят шесть», «одна тысяча девятьсот пять» и т. д. однозначны, тогда «существование» также должно быть однозначным.

Ван Инваген упоминает два возможных возражения против тезиса об однозначности существования. Первый известный аргумент принадлежит Г. Райлу: «Совершенно корректно произнести с одним логическим ударением, что существуют сознания, и с другим логическим ударением, что существуют тела. Однако эти высказывания не обозначают два различных вида существования, ибо “существование” не является родовым словом вроде “окрашенный” или “имеющий пол”. Они обозначают два различных смысла (senses) “существования”, наподобие

того, как слово “растущий” имеет разные смысловые оттенки в сочетаниях “растет прилив”, “растет надежда” и “растет средний уровень смертности”. Слова человека о том, что сейчас растут три вещи, а именно: прилив, надежда и средний уровень смертности, будут расценены как глупая шутка. Будет такой же шуткой сказать, что существуют четные числа, вторники, общественное мнение и военно-морские силы; или же что существуют вместе сознания и тела» [7, 32].

Очевидно, что аргументация Райла подразумевает два постулата. Во-первых, если «существование» в одном и том же смысле применяется к объектам, принадлежащим к разным логическим категориям, то это указывает на различные виды существования. Во-вторых, тезис об однозначности существования обязывает признать «существование» в качестве «родового» слова. Но, как говорит ван Инваген, эта аргументация опирается на аналогию между «растет прилив» и «растет надежда» (с одной стороны) и существованием сознаний и существованием тел (с другой). Однако эта аналогия имеет какой-то смысл, если только существование вещи отождествляется с деятельностью этой вещи, т. е. с тем, что эта вещь делает. Если «существование какого-то тела» является тем, что делает это тело, а «существование какого-то сознания» является тем, что делает сознание, тогда эти две вещи, вещь, которую делает тело, и вещь, которую делает ум, должны быть вещами совершенно разного рода. Но, в соответствии с первым тезисом мейнстрим онтологии, существование не является деятельностью. Следовательно, аргумент Райла зиждется на ложной аналогии. Если существование понимается с точки зрения не деятельности, а числа, тогда однозначность существования никоим образом не указывает на различные виды существования. «Причина проста: число однозначно и число не указывает на различные виды числа. Например, однозначность слова “два”... не предполагает существование различных видов двойственности или парности. Слово “два” означает одно и то же в утверждениях “Марс имеет два спутника” и “Гомер написал две поэмы”, но это не подразумевает, что спутники Марса демонстрируют один вид двойственности, а поэмы Гомера другой» [9, 61]. Следовательно, тезис об однозначности существования не предполагает различные виды существования или «существующее» в качестве «родового» слова подобно «окрашенному» или «имеющему пол».

Ван Инваген рассматривает еще один аргумент в пользу равнозначности «существования» и «есть» («there is»), представленный Х. Патнемом в «Этике без онтологии». Патнем утверждает, что тезис об однозначности существования искажает куайновский подход к онтологическим вопросам: «...как только мы признаем, что есть так или иначе фиксированный заранее, один “действительный”, один “буквальный” смысл “существовать” (и, кстати, один “буквальный” смысл “тождества”), который отлит в мрамор и который не может быть ни ограничен, ни расширен без осквернения статуи бога, мы уже блуждаем в Стране Эльфов» [19, 84–85].

Главный тезис Патнема состоит в том, что онтологи подменяют вопросы соглашения вопросами факта. Если мы по тем или иным, скажем прагматическим, соображениям принимаем некое соглашение о расширенном значении «есть», в соответствии с которым «есть» относится к универсалиям, споры о том,

существуют ли *действительно* универсалии, бессмысленны, как и споры о том, является ли «0 км/сек» *действительно* скоростью, или является ли отрезок прямой линии *действительно* особым видом эллипса, или является ли корпорация *действительно* личностью. «Так же, как мы можем, по соглашению, расширить значения “скорости” или “эллипса” или “личности” таким образом, что они будут обозначать предметы, которые прежде они не обозначали... мы можем расширить значение “есть”, чтобы применить ее к любого рода вещам...» [23, 68].

В качестве примера подмены соглашения фактом рассмотрим мереологическую сумму. Глупо спорить о том, действительно ли существуют суммы — например, объект, составленный из колонны Нельсона и Триумфальной арки. Если мы считаем полезным существование сумм, для нас по определению является истинным то, что для любых двух физических объектов есть вещь, которая является их суммой. «Те, кто расширили значение “есть”, могут сказать и действительно утверждают, что “есть большой каменный объект, который частично находится в Лондоне, а частично — в Париже и больше нигде”. Те, кто по каким-либо причинам не принимают воображаемое расширение определения “есть”, могут сказать и действительно утверждают, что “нет большого каменного объекта, который частично находится в Лондоне, частично — в Париже и больше нигде”» [Там же, 68–69]. Но люди, высказывающие два этих предложения, не будут противоречить друг другу по той простой причине, что для них «есть» (и «объект») означает разные вещи. Все онтологические споры обесмысливаются, как только выясняется, что речь идет не о фактах, а о соглашении.

Ван Инваген возражает Патнему, поскольку не совсем понятно, каким образом значение «есть» может быть «расширено по соглашению». Предположим, что кто-то допускает возможность расширения значения термина путем принятия новых конвенций, регулирующих его использование, например значения термина «личность», таким образом, что корпорации отныне будут называться «личностями». Такое расширение возможно, только если кто-то верит, что *есть* по крайней мере одна корпорация, к которой применяется обозначение «личность». Точно так же допускается возможность расширения значения «есть» таким образом, что «есть» относится к суммам, только если верить, что *есть* по крайней мере одна сумма, к которой применяется «есть». «Расширение значения термина таким образом, чтобы этот термин применялся к объектам, помимо тех, к которым он уже применялся, аналогично расширению географических границ: вы можете расширить географическую границу, чтобы охватить новую территорию, если только эта территория уже есть. Единичное, “фиксированное заранее”, значение “есть”... должно быть предпосылкой любой попытки расширения значения того или иного термина по соглашению: вам нужен фиксированный заранее смысл “есть”, чтобы выразить свою веру (веру, которую вы должны иметь, если вы допускаете такое соглашение), что класс “новых” вещей, к которому этот термин применяется, не пустой» [Там же, 69–70].

Аналогия бытия и онтологический плюрализм

Стандартный подход онтологически монистичен, поскольку допускает только один способ бытия. Метафора Дж. Тернера поясняет позицию онтологического монизма [22, 6–7]. Онтологическая картина реальности мониста — это картина большой доски с колышками, которые соответствуют различным объектам, а резинки разных цветов указывают на свойства этих объектов и на характер отношений между этими объектами. Онтологические плюралисты считают данную картину неправдоподобной. Как блестяще выразился К. МакДэниел, все согласятся, что столы и числа суть разные роды сущего, т. е. разные роды вещей, сущностей, объектов [17, 290]. Следовательно, требуется не одна, а множество досок, каждая из которых будет представлять род вещи с соответствующим ему модусом существования [22, 8].

Онтологические плюралисты соглашаются с Куайном и ван Инвагеном в том, что кванторы выражают существование. Но они считают, что нам нужны множество кванторов для выражения множества способов бытия. Например, абстрактность и конкретность — это взаимоисключающие черты объектов: принадлежащее одной категории не может принадлежать другой. Поэтому вполне разумно для столь разных вещей иметь различные модусы бытия. Но если предположить, что конкретные и абстрактные объекты существуют по-разному, тогда стандартную запись онтологического плюрализма можно представить следующим образом: « $\exists_a$ » означает существовать абстрактно, « $\exists_c$ » — существовать конкретно.

Важно правильно понять значение этого нововведения. Существуют две возможности трактовки данного значения. Согласно первой возможности имеется один способ существования, который выражается общим квантором существования, а абстрактное и конкретное представляют собой ограничения этого общего квантора. В таком случае существовать абстрактно и существовать конкретно — это не различные способы существования, а всего лишь свойства некоторых вещей. Согласно второй возможности имеется множество способов бытия, каждому из которых соответствует множество экзистенциальных кванторов. Кванторы существования нужно принимать именно в качестве примитивов. Даже если плюралист допускает, что имеется общий дизъюнктивный квантор существования (существовать абстрактно или существовать конкретно), этот, последний, вторичен в отношении « $\exists_a$ » и « $\exists_c$ ».

Развернутая онтологическим плюрализмом позиция опирается на традицию, восходящую к работам Д. Льюиса. Согласно этой традиции главная цель метафизики состоит в построении фундаментальных теорий, т. е. теорий, которые должны быть не только истинными, но и «разделять реальность на естественные составные части», по выражению Платона [6, 210]. Подспудная идея заключается в том, что одни выражения больше приближаются к естественным составным частям реальности, чем другие. Поэтому необходимо различать совершенно естественные свойства и просто свойства: «Цвета, как мы теперь знаем, уступают в естественности таким совершенно естественным свойствам, как масса или заряд...» [15, 60–61]. То есть совершенно естественные свойства разделяют природу

на составные части. Вещи являются объективно похожими друг на друга или отличающимися друг от друга в силу распределения совершенно естественных свойств (и отношений). Вслед за Льюисом Т. Сайдер применяет естественность к логическим выражениям, таким как экзистенциальный квантор. Согласно Сайдеру экзистенциальный квантор является совершенно естественным выражением [21, 384–400]. Онтологический монист считает, что общий квантор существования имеет вполне естественное значение, онтологический плюралист будет утверждать, что $\exists_a$ и $\exists_c$ имеют гораздо более естественные значения, чем дизъюнктивно общий квантор (в вышеупомянутом примере), который определяется через них. В отличие от общего квантора множество кванторов разделяет реальность на естественные составные части.

Способы бытия являются онтологически составными частями реальности, поэтому состоятельность языка напрямую зависит от того, в какой степени его примитивные понятия соответствуют реальным различиям. Но такое уточнение поднимает вопрос о связи составных частей реальности, способов бытия между собой. Для решения этого вопроса онтологический плюрализм и привлекает понятие аналогии.

На примере общего свойства «быть здоровым» МакДэниел раскрывает понятие аналогии. Я здоров, моя кровеносная система здорова, и брокколи являются здоровыми. Можно было бы сказать, что используемое в этих предложениях значение «быть здоровым» отличается в каждом конкретном случае. Но различные значения «быть здоровым» связаны друг с другом не случайно. Ранее мы уже упоминали, что в литературе по Аристотелю выражение, значение которого унифицировано таким способом, называется *pros hen* равнозначным выражением, или выражением с фокальным значением. Напомним еще раз: нечто имеет фокальное значение в том случае, если оно имеет несколько значений, каждое из которых нужно понимать с точки зрения некоторого центрального значения этого выражения. Фокальное значение «быть здоровым» — это значение, которое относится к живым организмам. Но ведь есть и другие значения «быть здоровым». Пищу можно назвать здоровой, какой-то орган можно назвать здоровым, если он функционирует нормально.

Очевидно, что «быть здоровым» не является *pros hen* равнозначным выражением. Возможно, есть общее значение «быть здоровым», в соответствии с которым и я, и кровеносная система, и брокколи считаются здоровыми. То есть можно было бы подумать, что «быть здоровым» однозначно. Тем не менее и здесь возникают сомнения, потому что то, в силу чего я или кровеносная система или брокколи «здоровы», каждый раз будет другим. Я здоров в силу того, что обладаю процветающим организмом, моя кровеносная система здорова в силу того, что функционирует должным образом, а брокколи является здоровым в силу того, что способствует процветанию организма. Если и существует общее значение «быть здоровым», единство этого значения подразумевает сложную сеть отношений между различными родами здоровья.

Конечно, можно было бы представить список всех действительных и возможных здоровых вещей, но этот список не объясняет нам значение «быть здоровым».

«Я заимствую “аналогическое” из средневековой философии, но я не использую “аналогические выражения” для обозначения выражений с фокальным значением. Скорее всего, я буду называть выражение аналогическим только в случае, если оно имеет общий смысл, который... относится к разного рода объектам в силу того, что эти объекты служат примером самых разных черт. В моем понимании никакое выражение не является и *pros hen* равнозначным, и аналогическим. Выражение может быть аналогическим и весьма равнозначным: в дополнение к тому, что выражение может иметь общий смысл, оно может иметь несколько ограниченных смыслов. И наоборот, выражение может быть аналогическим, но иметь только один смысл. Но выражение является *pros hen* равнозначным, только если он не в состоянии иметь общий смысл» [17, 295]. По мнению МакДэниела, именно в таком значении Хайдеггер использует понятие бытия. То есть такие слова или фразы, как «бытие», «существование», «существует», «является сущим» и «есть», являются аналогическими. Существует множество модусов бытия: экзистенция, сподручное, наличие, или наличность, жизнь и субсистенция. Но существует также общее понятие бытия. Тогда как каждый модус принадлежит сущему с определенным содержанием, определенной чтойностью, общее понятие бытия включает в себя пространство всех возможных модусов.

Но если общее понятие бытия представлено в формальной логике неограниченным экзистенциальным квантором, то как можно выразить ограниченные смыслы бытия, например экзистенцию или сподручное и т. д.? Введение постоянных символов (например, собственных имен) или специальных предикатов для обозначения различных родов бытия нельзя считать удачным, потому что в первом случае бытие отождествляется с сущим, а во втором способ бытия отождествляется со свойством. Если формально общий смысл «бытия» представляется посредством символа « $\exists$ » математической логики, ограниченные смыслы «бытия» также лучше всего представлять посредством кванторов. Таким образом, каждому особому роду бытия соответствует ограниченный квантор, областью которого является собственный подкласс области неограниченного квантора. Более того, эти ограниченные кванторы по своему значению предшествуют неограниченному экзистенциальному квантору. Последний нужно понимать с точки зрения этих ограниченных кванторов, а не наоборот. Но если ограниченные кванторы предшествуют неограниченному квантору, то они должны быть семантически примитивны. Семантически ограниченные кванторы «из-за имплицитных семантических правил языка ограничены в своем диапазоне определенными конкретными способами» вне зависимости от контекста разговора [14, 76].

Аналогия, однозначность, событие

Не выражает ли плюрализм собственно саму сущность монизма? Ибо когда онтологические плюралисты утверждают, что существуют различные способы бытия, но при этом допускают наличие общего понятия бытия, нужно предположить, что различные способы бытия, несмотря ни на что, организуются согласно этому общему понятию. На самом деле, любой, кто придерживается неоднозначности

«бытия», должен был бы признать, что вещи по своей природе настолько отличаются друг от друга, что никакой разговор о бытии вещей невозможен, т. е. никакое общее понятие бытия невозможно. Но если неоднозначность «бытия» связана со множеством способов бытия, то по какому праву мы сохраняем общее понятие бытия? Если оригинальность онтологического плюрализма по отношению к онтологическому монизму кажется менее очевидной, не служит ли это доказательством того, что отношение между монизмом и плюрализмом нужно понимать совершенно из других оснований?

Куайн считал бессмысленным мнение, согласно которому существует множество способов существования. Это пренебрежительное отношение к плюрализму он связывает с квантификацией существования. В частности, Куайн пишет: «Есть философы, упорно отстаивающие тезис, что “существует”, сказанное о числах, классах и подобном, и “существует”, сказанное о материальных предметах, – это два употребления одного двусмысленного термина. Что меня больше всего приводит в недоумение – так это упорство, с которым они настаивают на своем. Что они могут считать очевидным? Почему не рассматривать “истинно” как недвусмысленный, но очень общий термин, а различие между истинными логическими законами и истинными признаниями понимать как просто различие между логическими законами и признаниями? И почему бы то же самое не сделать в отношении существования?» [5, 100]. Но, как мы видели, квантификация существования не представляет никакой проблемы для онтологического плюрализма. Необходимо всего лишь добавить, что имеется множество способов существования и, как следствие, множество значений квантификационных выражений. И в этом сочленении монизма и плюрализма обнаруживается настоящее философское основание интеграции аналогии в однозначность.

В следующем отрывке МакДэниел объясняет эту возможность на примере выражения «является частью»: «Моя точка зрения заключается в том, что выражение “является частью” аналогично. Я композиционный плюралист: имеется более чем одно фундаментальное отношение части к целому. Фундаментальное отношение частности, которое несет ваша рука к вашему телу, не является фундаментальным отношением частности, которое этот регион пространства-времени несет ко всему пространству-времени. Но обыденное слово “часть” используется однозначно в предложениях, в которых части приписываются к материальным объектам и к регионам пространства-времени. Существует общий смысл выражения “является частью”, который разыгрывается в обоих предложениях. Этот общий смысл соответствует не-фундаментальному отношению частности, о чем свидетельствуют объекты обоих родов» [17, 296].

Если аналогия всегда предполагает относительность, гетерогенность бытия, если бытию свойственно оставаться самотождественным для себя, становясь другим в различных высказываниях себя, которые его разделяют, следовательно, бытие является как различие. Различие действительно позволяет перейти от видовых различий к родовому тождеству. Однако, согласно аналогии сущего, бытие не общий род, поскольку сам факт наличия различий делает невозможным соотнесение различий с общим родом. Любое движение от одного сущего к другому,

от одного означающего к другому уполномочивается изначальным аналогическим смещением бытия под сущее.

Но если бытие всегда предполагает возможность собственного аналогического смещения, тогда эта возможность вписана в понимание бытия. Если бытие высказывается в различных значениях, то это потому, что имя бытия не собственное имя. Следовательно, аналогия не извне, а изнутри конституирует бытие как различие и относительность. Сама идея единства бытия, идея бытия как такового для собственной идеации требует внутреннего различительного повторения. Аналогия бытия указывает на определенную «квазиметафоричность», «переносность» (Ж. Деррида), имманентную становлению бытия. Эту ни к чему несводимую метафоричность никакая идеализация не в состоянии преодолеть, поскольку раскрываемое данной метафоричностью пространство удвоения и повторения есть само условие идеализации. «Действительно, главное в однозначности не то, что Бытие выражается одним-единственным смыслом. Главное — что оно выражается в одном и том же смысле во всем, в чем выражается, но то, в чем оно выражается, различается: оно выражается в самом различии» [4, 55].

Недостаточно противопоставлять аналогию однозначности. Необходимо, напротив, распознать в аналогии однозначность бытия как такового. Следовало бы в таком случае понять, каким образом в структуре аналогии, а значит в самом основании онтологического проекта философии, однозначность одновременно и появляется, и исчезает, вписывается и выписывается в нем вплоть до опустошения собственного значения. Для того чтобы «проникнуть на эту территорию», необходимо совместить два противоречащих друг другу, по крайней мере на первый взгляд, утверждения о разности, разнородности и различии сущего и однозначности бытия.

Это совмещение возможно только благодаря трансформации бытия как события или событийности сущего. Разность, разнородность и различие сущего есть не уникальность сущности, а событие бытия. Единственное мыслимое различие — это различие как событие бытия. Событие выражается в отношении сущего к своему бытию. Это совмещение влечет за собой две трансформации. Первая трансформация касается онтологического различия бытия и сущего. «Между» сущим и бытием имеется только «пространство» для различия или даже «пространство» различия. Однако это «пространство» (почему мы и пишем это слово в кавычках) теперь понимается в смысле про-изведения, или становления, а различие само выступает как операция: различие здесь совпадает с выходом в присутствие или присутствием сущего. Таким образом, однозначность относится не к сущему и не к субстантивированному бытию, а к самой операции бытия как становления, благодаря которой сущее выходит в присутствие. Однозначно бытие как различие.

Отсюда следует вторая трансформация. «Первый объект», общий всем другим объектам, — это не что иное, как различие, причем такого рода, что переворачивается сам смысл общего. И в этом переворачивании меняется сам смысл бытия: из абстрактного качества общей черты бытие трансформируется в событие или событийность событий. Сущее как сущее, общее всему остальному, трансформируется в событие бытия или событийность сущего.

Поскольку сегодня невозможно с философской точки зрения склонить кого-то в сторону монизма или плюрализма, кажется вполне уместным осуществить их сопоставление в надежде на более сложную гипотезу, которая нуждается еще в отдельной проверке.

1. *Аристотель*. Метафизика // Соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1975.
2. *Аристотель*. Категории // Там же. Т. 2. М., 1978.
3. *Блаженный Иоанн Дунс Скот*. Избранное. М., 2001.
4. *Делез Ж.* Различие и повторение. СПб., 1998.
5. *Куайн У. В. О.* Слово и объект. М., 2000.
6. *Платон*. Федр // Соч. : в 4 т. Т. 2. СПб., 2007.
7. *Райл Г.* Понятие сознания. М., 1999.
8. *Фома Аквинский*. Сумма против язычников. Кн. 1. Долгопрудный, 2000.
9. *Фреге Г.* Основоположения арифметики. Томск, 2000.
10. *Ashworth E. J.* Medieval Theories of Analogy // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource]. URL: <<http://plato.stanford.edu/entries/analogy-medieval/> (accessed: 05.10.2016).
11. *Aubenque P.* Le problème de l'être chez Aristote. P., 1962.
12. *Boulnois O.* Ed. Jean Duns Scot. Sur la connaissance de Dieu et l'univocité de l'étant. P., 1988.
13. *Gilson E.* Jean Duns Scot: Introduction à ses positions fondamentales. P., 1952.
14. *Hirsch E.* Physical-Object Ontology, Verbal Disputes, and Common Sense // Philosophy and Phenomenological Research. 2005. № 70.1.
15. *Lewis D.* On the Plurality of Worlds. Oxford, 1986.
16. *Owen G. E. L.* Logic and Metaphysics in Some Earlier Works of Aristotle // Logic, Science, and Dialectic. N. Y., 1986.
17. *McDaniel K.* Ways of Being // Metametaphysics. New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, 2009.
18. *Montagnes B.* The doctrine of the analogy of being according to Thomas Aquinas. Milwaukee, 2004.
19. *Putnam H.* Ethics without ontology. Cambridge, Mass., 2002.
20. *Ricoeur P.* The Rule of Metaphor. The creation of meaning in language. Toronto, 1977.
21. *Sider T.* Ontological Realism // Metametaphysics. New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, 2009.
22. *Turner J.* Ontological Pluralism // Journal of Philosophy. 2010. № 107.
23. *Van Inwagen P. P.* Existence: essays in ontology. Cambridge, 2014.

Рукопись поступила в редакцию 10 октября 2016 г.

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

УДК 16 + 17 + 51-77 + 11 + 530.15

В. О. Лобовиков

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АНАЛОГИЯ МЕЖДУ ЛОГИКОЙ И ЧИСТЫМ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕМ А PRIORI НА ПРИМЕРЕ ТРЕТЬЕГО ЗАКОНА НЬЮТОНА

Импликация и коррекция в логике как векторные операции и третий закон Ньютона как закон контрапозиции

В статье предлагается отчасти модифицированная дефиниция понятия «следование», которая может быть использована для разработки в какой-то мере нового варианта разрешения парадоксов материальной импликации. Классическое истинностно-функциональное определение импликации критикуется как чисто «скалярное», т. е. не содержащее собственно *векторного* аспекта. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой явное включение векторного аспекта в более адекватное (полное и точное) определение импликации (по сравнению с ее классической дефиницией) создает новые возможности для устранения парадоксов следования. Из этой гипотезы выводятся некоторые интересные следствия, в частности, предлагается такая новая обобщенная формулировка законов контрапозиции логических операций «импликация» и «коррекция», которая явно учитывает их векторный аспект. Предложенные нововведения используются для исследования замечания Шопенгауэра о фундаментальной аналогии между формальной логикой и чистым естествознанием а priori. По отношению к взаимосвязи логики и метафизики природы структурно-функциональная аналогия между двузначной алгеброй логики и двузначной алгеброй метафизики как формальной аксиологии демонстрируется на примере третьего закона Ньютона.

К л ю ч е в ы е с л о в а: следование, импликация, парадокс материальной импликации, релевантная логика, вектор, инверсия вектора, контрапозиция, третий закон Ньютона.

1. Парадоксы следования и релевантная логика

И все еще вопрос «Что есть “подлинное” значение слова “имплицирует”?» остается особенно трудным.

Льюис К. И. Обзор символической логики [37, 325]

Начнем данную статью с цитаты из работы «О понятии логического следования» А. Тарского: «Понятие логического следования принадлежит к категории тех понятий, введение которых в область точных, формальных исследований едва ли было актом окончательного решения со стороны того или иного исследователя: уточняя содержание этого понятия, его старались приспособить к обыденному, “уже существующему” способу употребления. Эту задачу сопровождали обычные в таких ситуациях трудности: среди других понятий естественного языка понятие следования не выделяется более ясным содержанием либо точно отмеченной областью [использования], его способ употребления не постоянен. Задачу схватывания и согласования всевозможных туманных, часто противоречивых интуитивных восприятий, связанных с этим понятием, следует признать *argioi* невыполнимой и загодя следует согласиться с тем, что всякое точное определение рассматриваемого понятия будет носить в большей или меньшей степени черты произвола» [22].

В настоящей статье систематический анализ концепции логического следования А. Тарского осуществляться не будет, так как всесторонний глубокий анализ этой концепции уже осуществлен, например в монографии В. В. Целищева [24, 120–191]. Используя приведенные выше формулировки Тарского, можно сказать, что в данной статье предлагается гипотетический вариант еще одного возможного решения «задачи схватывания и согласования всевозможных туманных, часто противоречивых интуитивных восприятий, связанных с обсуждаемым понятием». И конечно же, загодя следует согласиться с тем, что предлагаемое усовершенствование (дополнение) точного определения рассматриваемого понятия будет носить в большей или меньшей степени черты произвола. Тем не менее в этой связи может служить утешением стремление автора как-то уменьшить степень произвольности предлагаемых гипотетических дефиниций за счет приспособления их к окружающей формальную логику изменяющейся внешней среде. Роль такой непрерывно изменяющейся среды играет грандиозная система содержательных научных (в частности, естественно-научных), и в особенности физических, теорий (и их истории).

В течение длительного времени времени *векторный* характер некоторых величин в теоретической физике как чистом естествознании не осознавался и в строгие определения понятий и точные формулировки законов физики не включался (в явной форме), хотя часто неявно подразумевался.

Аналогичное положение, по моему мнению, имеет место в логике вообще и в отношении бинарных операций «импликация» (материальная импликация) и «коррекция» в особенности. Коррекцией в классической символической логике иногда называется бинарная логическая операция, являющаяся *математически двойственной* по отношению к импликации (материальной), и в настоящей статье

слово «коррекция» используется именно в таком значении. На языке символической логики сказанное о коррекции можно выразить еще и так: по определению

$$(C \Leftrightarrow B) \equiv (C \supset B)^* \equiv \neg(\neg C \supset \neg B) \equiv (\neg C \& B).$$

Здесь C , B , A суть логические формулы; символы $\Leftrightarrow$, $\supset$, $\neg$, $\&$ обозначают логические операции «коррекция», «импликация (материальная)», «отрицание (классическое)», «конъюнкция» соответственно; символ $\equiv$ обозначает логическую равносильность формул, а A^* — формула, математически двойственная формуле A .

В естественном языке коррекция ($C \Leftrightarrow B$) представлена выражением «не C , а B ». Именно такое выражение часто используют для представления в естественном языке *исправления* (чего) A на (что) B , поэтому название «коррекция (correction)» в отношении к операции ($C \Leftrightarrow B$), на мой взгляд, вполне естественно.

В профессиональной среде философов и особенно логиков общеизвестно, что со времен античной древности классическая бинарная операция «импликация» (называемая иногда «материальной импликацией») рассматривалась как *парадоксальная*. Имелась в виду очевидная *странность* точного определения (истинностно-функционального) смысла импликации с помощью следующей истинностной таблицы (табл. 1).

Таблица 1

C	B	$C \supset B$	$C \Leftrightarrow B$
и	и	и	л
и	л	л	л
л	и	и	и
л	л	и	л

Парадоксами импликации в табл. 1 являются две нижние строки. Если согласиться с точностью определения смысла следования приведенной выше истинностной таблицей, то необходимо будет согласиться также и с истинностью следующих двух высказываний: (1) если $2 + 2 = 33$, то один из спутников Юпитера называется «Европа»; (2) если $2 + 2 = 33$, то скумбрия — опоссум. Обычным людям эти высказывания кажутся неадекватными, но, вопреки этому, табл. 1 является необходимым элементом классической теории логического следования¹. И такая очень странная ситуация существует уже не одно тысячелетие.

Естественно поэтому, что в истории философии были неоднократные попытки дать понятию «следование» в логике такую более адекватную дефиницию, которая не сводит *весь* смысл следования к истинностно-функциональному смыслу материальной импликации. Да, естественно, так и было. Разных попыток подобного рода было много. Исследованиям в указанном направлении уделили большое внимание В. Л. Васюков [1, 2], Е. К. Войшвилло [3], Д. В. Зайцев [5],

¹ Строго говоря, значения терминов «следование» (в логике) и «логическое следование» не тождественны. Логическое следование B из C имеет место, если только следование B из C является законом логики (тавтологией).

Д. В. Зайцев и Е. А. Сидоренко [6], Р. Раутлей и Р. Муйер [19], Е. А. Сидоренко [20], В. А. Смирнов [21], В. В. Целищев [24], В. И. Шалак [25, 26], В. Аккерман [28], А. Р. Андерсон [29], А. Р. Андерсон и Н. Д. Белнап [30], А. Р. Андерсон, Н. Д. Белнап, и Дж. М. Данн [31], Дж. М. Данн [35], К. Файн [36], К. И. Льюис [37], К. И. Льюис и К. Г. Лэнгфорд [38], Е. Д. Марес [42], Е. Д. Марес и А. Фурман [43], Р. К. Мейер [44–47], Г. Рэстэл [49]. Критики классической теории следования указывали на такой ее недостаток, как *принципиальное игнорирование (преднамеренное отсутствие учета) связи между содержанием антецедента и консеквента импликации* [37, 324–339]. Именно этот недостаток и проявился в приведенных выше конкретных примерах парадоксов следования. Критики заложили и развивали новое направление в логике, имевшее своей задачей *осознанное моделирование (преднамеренный учет) связи между содержанием антецедента и консеквента в следовании* в его адекватной *неклассической* дефиниции. Изобретением точной дефиниции релевантного следования занимались многие логики. В результате возникло и продолжает развиваться важное направление в *неклассической* логике — релевантная логика.

2. Еще один возможный вариант определения следования — векторная импликация (или импликация как векторная величина)²

Различные точки зрения на природу логического следования являются во многом результатом фундаментальной неясности: требует ли концепция следования полнокровной связи между посылками и заключением или же отношение имеет место в силу некоторых свойств посылок или же заключения по отдельности. Безусловным свойством отношения следования является сохранение им истинности предложений; если отношение содержится между посылкой и заключением, истинная посылка ведет к истинному заключению. Однако что на самом деле представляет собой такая передача истины, является предметом споров? Означает ли это, что содержание заключения должно быть о том же, что и содержание посылок? Вообще имеет ли логика дело с содержанием утверждений или же она нейтральна в отношении этого содержания, будучи полностью формальной?

Целищев В. В. Нормативность дедуктивного дискурса: феноменология логических констант [24, 14].

Если речь идет о логических формах истинных или ложных высказываний C , B , $(C \supset B)$ как о *только скалярных* логических формах (функциях), истинностные значения которых полностью детерминированы *скалярными* величинами

² Впервые этот (векторный) вариант определения следования в логике был предложен и рассмотрен в статье [18].

истинности (истинностными значениями: «истинно», «ложно»), то в классической логике импликация (следование) полностью определяется приведенной выше табл. 1.

В предыдущем разделе отмечалось, что многие таким определением не удовлетворены. Многие согласны признать, что табл. 1 есть *необходимое* условие адекватного определения следования, но не согласны признать ее *достаточность*. По мнению многих, дефиниция материальной импликации *недостаточна* для полного и точного определения следования в логике: она верна лишь приблизительно, приемлема лишь в первом приближении (к истине). Поэтому К. И. Льюис и К. Г. Лэнгфорд предложили трактовать следование в логике как «строгую импликацию» [37, 38]. Они определили ее следующим образом: (С строго имплицирует В) $\equiv \Box(C \supset B)$, где символ $\Box$ обозначает алетическую модальность «необходимо»³. Тем самым Льюис и Лэнгфорд намеревались уточнить, дополнить определение следования, доведя его до идеала. Но в результате разрешения старых парадоксов появились новые [6, 19–21, 28–31]. Их преодолению и обсуждению темы на качественно новом уровне посвящена указанная выше обширная литература. В данной статье систематический аналитический обзор этой литературы осуществляться не будет, так как весь объем статьи посвящен точной формулировке и обсуждению еще одного (ранее не предлагавшегося) возможного варианта разрешения парадоксов материальной импликации, а также констатации факта существования нетривиальной связи (фундаментальной структурно-функциональной *аналогии*) между логикой и априорным аспектом (фрагментом) теоретической физики.

Предлагается рассматривать следование как *векторную* логическую форму, т. е. дополнить импликацию (С $\supset$ В) *вектором следования* (от чего к чему), точно указывающим на существование *направленности движения содержания мысли*: из какого содержания посылок исходим и к какому содержанию заключения приходим. Обозначим векторную импликацию («из С логически следует В») символом $(\overline{C \supset B})$. В этом составном знаке символ (С $\supset$ В) обозначает *скалярный* аспект следования В из С, точно определенный выше табл. 1, а «верхняя стрелка слева направо» обозначает *векторный* аспект следования содержания В из содержания С. Вектор в данном случае представляет собой *форму* (способ) *учета связи между содержанием В из С* в условиях систематического абстрагирования от их конкретного содержания. Такое абстрагирование является необходимой фундаментальной процедурой, без осуществления которой собственно логический (=формально-логический) анализ мышления и речи невозможен. От конкретного содержания antecedента и консеквента нужно абстрагироваться. Но при этом от *вектора* движения от одного конкретного содержания мысли к другому конкретному содержанию мысли абстрагироваться нет необходимости. Более того, во многих случаях абстрагироваться от *вектора информационного потока* в ходе дедуктивных умозаключений еще и нецелесообразно: существует ли на самом

³ Иными словами, определение строгой импликации можно сформулировать следующим образом: (р строго имплицирует q) $\equiv$ (невозможно, что (р истинно, а q ложно)) [37, 293].

деле указанное в условном суждении *направление движения содержания* мысли или его на самом-то деле нет — для адекватного мышления очень важно.

Рассмотрим еще раз приведенный выше парадокс материальной импликации «Если $2 + 2 = 33$, то скумбрия — опоссум». С точки зрения *чисто скалярного* определения следования, тождественного импликации в классической логике, в обсуждаемом парадоксальном условном суждении *все нормально: следование есть* (хотя это и странно с точки зрения любого нормального человека, а с точки зрения нормального врача-психиатра еще и очень подозрительно). Но если сопоставить обсуждаемое парадоксальное условное суждение с предложенным выше *векторным* определением следования, то результат будет отрицательным, так как *вектора, т. е. направленности, движения содержания мысли* от « $2 + 2 = 33$ » к «скумбрия — опоссум» на самом-то деле нет. А раз нет такого вектора, то нет и следования, так как наличие такого вектора следования — *необходимое* условие истинности векторной импликации.

Поскольку бинарная логическая операция «коррекция» тесно связана с импликацией, постольку сказанное выше о векторном характере импликации не может не проявиться и в связи с коррекцией. Пусть символ $\overline{(C \leftarrow B)}$ обозначает «векторную коррекцию», *необходимым* аспектом которой является *вектор — направленность исправления* содержания мысли (что замещается чем). Используя введенные ранее обозначения и дефиниции, «векторную коррекцию» можно определить следующим образом:

$$\overline{(C \leftarrow B)} \equiv (\overline{(C \supset B)})^* \equiv \overline{(\neg C \& B)}.$$

3. От закона контрапозиции материальной (скалярной) импликации к закону контрапозиции векторной импликации: обобщенный закон контрапозиции любых векторных бинарных операций как в алгебре логики, так и в алгебре метафизики (как формальной аксиологии)

Логика — это *генерал-бас* разума, и, наоборот, генерал-бас — логика музыки.

Между чистым *естествознанием* а priori и *генерал-басом* должна быть найдена аналогия.

Шопенгауэр А. К логике и диалектике [27, 118]

Законом (принципом) контрапозиции в двузначной алгебре классической логики называется, например, формально-логическая равносильность $(C \supset B) \equiv (\neg B \supset \neg C)$. Ее модификации в классической логике — логически эквивалентные ей равносильности $(\neg C \supset B) \equiv (\neg B \supset C)$, $(C \supset \neg B) \equiv (B \supset \neg C)$ — имеют то же самое название. Однако никакого собственно *векторного* аспекта в этих (формально-логических) законах нет («истина» и «ложь» в классической логике — вполне *скалярные* величины), хотя некая важная *предпосылка векторности* принципа контрапозиции существует уже и здесь, а именно — *изменение упорядоченности* множества {антецедент, консеквент}.

В отношении вышеупомянутой бинарной логической операции «коррекция» ($C \leftrightarrow B$) в двузначной алгебре классической логики также имеет место закон (принцип) контрапозиции ($C \leftrightarrow B \equiv (\neg B \leftrightarrow \neg C)$) и его модификации: ($\neg C \leftrightarrow B \equiv (\neg B \leftrightarrow C)$), ($C \leftrightarrow \neg B \equiv (B \leftrightarrow \neg C)$). В отношении импликации принцип контрапозиции общеизвестен и в комментариях не нуждается, а вот в отношении «коррекции» он известен мало. Читатель может убедиться в его обоснованности или непосредственно путем «вычисления» истинностных таблиц, или опосредованно — с помощью общеизвестного принципа двойственности, так как ($C \supset B$) и ($C \leftrightarrow B$) математически двойственны друг другу.

Учитывая вышесказанное, вполне естественно и целесообразно, на мой взгляд, предложить следующее обобщение формулировки закона (принципа) контрапозиции, дав его индуктивное определение в самом общем виде. Дадим этому индуктивному определению имя «Def-Con-Vect».

1. Если речь идет только о скалярных величинах a, b, Wab , то закон контрапозиции бинарной алгебраической операции Wab есть эквивалентность $WNab \leftrightarrow WNba$, где « $\leftrightarrow$ » обозначает некую (любую) эквивалентность, W — некую (любую) бинарную алгебраическую операцию, а Na — некую (любую) унарную алгебраическую операцию, представляющую собой инверсию скалярного значения a .

2. Если речь идет не только о скалярных величинах a, b , но и о векторной величине $\overline{Wab}$, то закон контрапозиции бинарной алгебраической операции $\overline{Wab}$ есть эквивалентность $(\overline{WNab}) \leftrightarrow Y(\overline{WNba})$, где « $\leftrightarrow$ » обозначает некую (любую) эквивалентность, $\overline{W}$ — некую (любую) бинарную алгебраическую операцию, имеющую векторный аспект, Na — некую (любую) унарную алгебраическую операцию, представляющую собой инверсию скалярного значения (чего) a , а $Y\omega$ — инверсию вектора или векторного аспекта (чего) ω . Стрелка сверху (чего) ω обозначает вектор (чего) ω , являющийся в данном случае существенным, а Y — инверсия вектора, т. е. обращение его вспять. Иначе говоря, $Y\omega$ обозначает направление, прямо противоположное направлению ω .

3. Кроме предусмотренных пунктами 1 и 2 данного определения других законов контрапозиции нет.

В том частном случае, когда векторный характер величин не является существенным, например в классической логике, дефиниция Def-Con-Vect «вырождается» в хорошо знакомую логическую эквивалентность: $WNab \leftrightarrow WNba$, где a и b — высказывания; N — классическое отрицание, а символ $\leftrightarrow$ обозначает классическую логическую эквивалентность. Если в эквивалентности $WNab \leftrightarrow WNba$ интерпретировать W как классическую импликацию, то мы получим общеизвестный закон контрапозиции (материальной) импликации в классической логике. Если же интерпретировать W (в эквивалентности $WNab \leftrightarrow WNba$) как коррекцию, то мы получим вышеупомянутый закон контрапозиции коррекции в классической логике.

Но это скромные частные случаи значительно более общего и фундаментального понятия «закон контрапозиции», точно определенного выше дефиницией Def-Con-Vect. По моему мнению, основанному в значительной

мере на интуиции и правдоподобных умозаклучениях, есть основания для выдвижения и систематического исследования *гипотезы*, согласно которой, используя введенное выше обобщенное понятие, точно определенное с помощью Def-Con-Vect, упомянутую Шопенгауэром *аналогию* (между логикой и чистым *естествознанием* a priori [27, 118]), можно точно определить как *структурно-функциональную*. Экспликации и экземплификации этой гипотезы посвящен следующий раздел статьи.

4. Приложение вышесказанного к метафизике природы, т. е. к чистому *естествознанию* a priori: третий закон Ньютона как векторная форма закона контрапозиции бинарной операции «сила воздействия *b* на *a*» в двузначной алгебре метафизики

ЗАКОН III: Для каждого действия всегда есть равное ему противодействие или: взаимные действия двух тел друг на друга всегда равны и направлены на другое тело.

Если вы надавливаете пальцем на камень, этот камень с такой же силой надавливает на этот палец. ...Если некое тело воздействует на некое другое тело и своей силой изменяет его движение, то воздействующее тело тоже (из-за равенства взаимного воздействия) будет претерпевать равное изменение в своем движении, направленное в противоположную сторону.

Ньютон И. Аксиомы, или Законы движения [48, 14]

Если от двузначной алгебры классической логики перейти к ее обобщению — двузначной алгебре классической этики морального ригоризма [12, 13, 39–41], а затем, далее, к ее обобщению — двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии вообще [12–17], то собственно *векторный* аспект закона контрапозиции может стать уже не пустяковым (несущественным), а важным, от которого уже нельзя абстрагироваться.

По моему мнению, именно это и имеет место, когда, следуя Августину Гиппонскому [34], Дионисию Ареопагиту [4], Фоме Аквинскому [32, 33], Лейбницу [9–11] и Канту [7, 8], некто рассматривает *рациональное (априорное) знание о бытии как знание о положительно ценном или должном (предписанном)*. Тут уже целесообразно иметь и систематически использовать уточненную (обобщенную) формулировку обсуждаемого закона контрапозиции, в которой не просто неявно подразумевается, а явно представлен ее собственно *векторный* аспект.

Рассмотрим конкретный пример именно такого случая, когда имеет место *закон контрапозиции некой бинарной операции* и его *векторный аспект совершенно необходим* — без него формулировка закона неточна. В качестве бинарной операции, векторный аспект которой является существенным, рассмотрим «*насилие (чего, кого) b над (чем, кем) a*», т. е. «*силу воздействия или (просто) силу действия*

(чего, кого) b на (что) a ». Обозначим эту операцию символом Fab . Иначе говоря, Fab — «приложение силы (чего, кого) b к (чему, кому) a ». В двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии ценностное значение *скалярного* аспекта бинарной операции Fab точно определяется следующей ниже табл. 2. (Эта бинарная операция неоднократно обсуждалась и точно определялась указанным ниже образом ранее [12, 13].)

Таблица 2

a	b	Fab
x	x	п
x	п	п
п	x	x
п	п	п

Сопоставив табл. 1 и 2, нетрудно заметить формальную (структурно-функциональную) аналогию между $(C \Leftrightarrow B)$ и Fab . Табличное определение скалярного аспекта бинарной операции «сила действия b на a » в алгебре метафизики (=формальной аксиологии) природы является *аналогом* табличного определения скалярного аспекта бинарной операции «коррекция, т. е. исправление, (чего) a на (что) b » в алгебре логики.

В качестве унарной операции, представляющей собой *инверсию* скалярного значения переменной величины a , рассмотрим «движение, изменение, поток (чего) a , в частности, изменение места в пространстве» (обозначим эту операцию символом Ma). Другой пример *инверсии* ценностного значения скалярной величины a — «конечность, определенность (чего) a ». Обозначим эту операцию символом Ka . Еще одна *инверсия* ценностного значения скалярной величины a — «разделение (на части), расщепление, расчленение (чего) a , или разделенный, расщепленный (что) a ». Обозначим эту операцию символом Ra .

Кроме упомянутых *ценностных-функций-инверсий* рассмотрим также такие унарные ценностные операции, которые «сохраняют» скалярное значение переменной величины a (т. е. для которых верно, что a и *ценностная-функция-от- a* имеют одно и то же ценностное значение). Конкретный пример унарной операции, «сохраняющей» значение, — «постоянство, неизменность, покой (чего) a ». Обозначим эту операцию символом Sa . Еще один конкретный пример унарной операции, «сохраняющей» ценностное значение, — «возможность (чего) a ». Обозначим эту операцию символом Va . Договоримся также о том, что символ Ia обозначает ценностную функцию «*изолированность, замкнутость, защищенность (чего) a от внешних воздействий*». Qa — «*количественная величина, или просто количество (чего) a* ». Za — «*электрический заряд, или просто заряд (чего) a* ».

В двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии ценностные значения вышеперечисленных унарных операций точно определяются следующей ниже табл. 3. (Эти унарные операции тоже неоднократно обсуждались и точно определялись указанным ниже образом ранее [14–17].)

Таблица 3

<i>a</i>	<i>Ma</i>	<i>Ka</i>	<i>Pa</i>	<i>Ca</i>	<i>Va</i>	<i>Ia</i>	<i>Qa</i>	<i>Za</i>	<i>Эa</i>
х	п	п	п	х	х	х	х	х	п
п	х	х	х	п	п	п	п	п	х

Чтобы перейти к генерированию и исследованию формально-аксиологических уравнений и систем таких уравнений в двузначной алгебраической системе метафизики как формальной аксиологии, необходимо ввести в рассмотрение и точно определить в ней отношение формально-аксиологической эквивалентности.

Определение DF-1 (отношения формально-аксиологической эквивалентности): в двузначной алгебраической системе метафизики как формальной аксиологии ценностные функции (абстрактные формы ценности) Ω и Ψ являются формально-аксиологически эквивалентными (что обозначается символом " $\Psi = + = \Omega$ "), если и только если они принимают одинаковые абстрактные ценностные значения из множества {х (положительно ценно), п (отрицательно ценно)} при любой возможной комбинации ценностных значений переменных.

Теперь можно ввести в рассмотрение обозначенную символом *Эa* ценностную функцию от одной ценностной переменной — «энергия (чего) *a*», определив эту функцию *аналитически* с помощью ранее уже определенных понятий следующим *формально-аксиологическим уравнением*: $Эa = + = VMa$. Такое аналитическое определение предлагается и принимается на основании *содержательных* физических и метафизических соображений. Если на основании таких соображений оно принимается, то соответствующий «столбик» табл. 3 обосновывается в результате «вычисления» композиции ценностных функций *VMa*.

Логическими следствиями принятия предложенных выше определений являются следующие ниже формально-аксиологические уравнения двузначной алгебры метафизики. Читатель может самостоятельно перепроверить их, аккуратно «вычисляя» значения композиций соответствующих ценностных функций (точные табличные определения всех элементарных ценностных функций, использованных в следующих ниже уравнениях, даны выше).

1) $Ia = + = SKQЭa$: закон сохранения энергии⁴.

2) $Ia = + = SKQRZa$: закон сохранения разделенного (электрического) заряда⁵.

В каком-то смысле все это очень странно и нуждается в тщательном исследовании. Приступая к таковому, нельзя не заметить, что оба упомянутых выше великих (строго всеобщих) закона сохранения [23] являются законами сохранения *скалярных* величин — энергии и разделенного (электрического) заряда. К рассмотрению собственно *векторных* величин мы еще только приближаемся.

Тем не менее достаточно внимательный читатель не может не заметить *формальную (структурно-функциональную) аналогию* между истинностными таблицами, точно определяющими истинностно-функциональные значения

⁴ Это уравнение впервые опубликовано в журнале «Философия науки» [14].

⁵ Это уравнение впервые опубликовано в журнале «Вестник Томского государственного университета» [16].

логических операций в двузначной алгебре формальной логики, и соответствующими ценностными таблицами, точно определяющими ценностно-функциональные значения вышеупомянутых операций в двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии. Эта смутно предвосхищенная интуицией Шопенгауэра *аналогия между логикой и априорной метафизикой природы* [27], на мой взгляд, не просто любопытна и удивительна, но еще и весьма существенна в логико-философском отношении.

Продемонстрируем сказанное на некоем конкретном примере. В этой связи целесообразно обратить самое пристальное внимание на тот обычно не замечаемый историко-философский факт, что И. Кант считал «третий закон Ньютона» *априорным* принципом *чистого* естествознания. В «Критике чистого разума» можно прочесть по этому поводу следующее: «*Естествознание (Physica) заключает в себе априорные синтетические суждения как принципы*. Я приведу в виде примеров лишь несколько суждений: ...*действие и противодействие всегда должны быть равны друг другу*. ...В обоих этих суждениях очевидны не только необходимость, стало быть, априорное происхождение их...» [8, 52]. Другой пример: «Быть может, кто-нибудь еще усомнится в существовании чистого естествознания. Однако стоит только рассмотреть различные положения, высказываемые в начале физики в собственном смысле слова (эмпирической физики), например: о... равенстве действия и противодействия и т. п., чтобы тотчас же убедиться, что они составляют *physica pura* (или *rationalis*)...» [Там же, 54].

Если с этим согласиться, т. е. согласиться также и с тем, что в своей сущности *метафизика есть не что иное, как формальная аксиология* [12, 13] (и, следовательно, *метафизика природы есть формальная аксиология природы*), то все *априорные* принципы *чистого* естествознания (в частности, знаменитые «три закона Ньютона») суть формы *необходимо положительно ценного* бытия [17]. Такое сформулированное в самом общем виде утверждение нуждается в апробации на каком-то конкретном материале. Выше в настоящей статье апробация данного абстрактно-всеобщего формально-аксиологического тезиса была осуществлена на примере двух строго всеобщих законов сохранения скалярных величин (энергии и заряда), а ниже в качестве конкретного материала для апробации рассматривается третий закон Ньютона.

Если от логики перейти к обобщающей ее *метафизике как формальной аксиологии* [12, 13], а затем от метафизики вообще перейти к ее важному частному случаю — метафизике природы, понимаемой (в духе Лейбница [9–11], Канта [7, 8] и Шопенгауэра [27]) как чистое (априорное) естествознание, то утверждения Канта об *априорном* характере третьего закона Ньютона могут быть представлены следующим формально-аксиологическим уравнением⁶:

$$3) \overline{FMab} = + = Y\overline{FMba}.$$

⁶ Естественно, что в текстах самого Канта такого уравнения нет. Но оно может быть точно сформулировано и строго обосновано в рамках предложенной и обсуждаемой нами дискретной математической модели формально-аксиологической интерпретации кантианской метафизики природы.

В этом уравнении двузначной алгебры метафизики как формальной аксиологии явно представлен не только скалярный (точно определенный выше табл. 2), но и *векторный* аспект бинарной операции $\overline{F\bar{a}b}$. Для точной формулировки третьего закона Ньютона [48] *векторные* аспекты «силы действия» и «силы противодействия» существенны: их *явное* представление в математической модели *необходимо*. Если уравнение 3 алгебры метафизики как формальной аксиологии точно перевести с искусственного языка на естественный, то в полученном переводе нетрудно опознать именно *векторную* формулировку третьего закона Ньютона [Там же]. (Поскольку *сила* — *величина векторная*, постольку формулировка упомянутого априорного закона природы, не учитывающая его векторный аспект, является неточной.)

Если сопоставить уравнение 3 с предложенным выше *обобщенным* определением закона контрапозиции — дефиницией Def-Con-Vect, то нетрудно заметить, что третий закон Ньютона есть закон контрапозиции бинарной операции $\overline{F\bar{a}b}$ в алгебраической системе метафизики природы (согласно пункту 2 определения Def-Con-Vect).

Этот (векторный) закон контрапозиции бинарной операции $\overline{F\bar{a}b}$ в исследуемой алгебраической модели «чистого естествознания а ргіогі» является формально-аксиологическим *аналогом* вышеупомянутого *векторного* закона контрапозиции бинарной операции «коррекция» в алгебре логики.

По моему мнению, рассмотренный в данной работе конкретный пример эвристически плодотворной *аналогии* между алгеброй логики и алгеброй метафизики природы как ее формальной аксиологии заслуживает внимания и дальнейшего изучения как в собственно теоретическом, так и в историко-философском отношении. В эпиграфе к разделу 3 данной статьи содержится императив Шопенгауэра найти *аналогию* между логикой и чистым естествознанием а ргіогі. В связи с этим данная статья — попытка откликнуться на призыв Шопенгауэра. Насколько эта попытка удачна — судить не автору, а читателям. Но, по мнению автора, действительно существует нетривиальная формальная (структурно-функциональная) *аналогия* между *векторным* законом контрапозиции бинарной операции «коррекция» в логике и третьим законом Ньютона в чистом *естествознании* а ргіогі. И в этом смысле побудительное предложение Шопенгауэра, использованное в качестве эпиграфа к разделу 3 данной работы, является вполне адекватным.

1. Васюков В. Л. RN-категории для релевантных логик // Логические исследования. Вып. 1. М., 1993. С. 124–132.

2. Васюков В. Л. Интерпретация релевантной логики в топосах // Логика и В.Е.К. М., 2003. С. 112–121.

3. Войшвилло Е. К. Философско-методологические аспекты релевантной логики, М., 1988.

4. Дионисий А. О божественных именах. О мистическом богословии. СПб., 1995.

5. Зайцев Д. В. Обобщенная релевантная логика и модели рассуждений. М., 2010.

6. Зайцев Д. В., Сидоренко Е. А. Релевантная логика // Новая философская энциклопедия. М., 2001. С. 434–435.

7. Кант И. Пролегомены. М. ; Л., 1934.

8. *Каит И.* Критика чистого разума. М., 2012.
9. *Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г. В. Соч. : в 4 т. Т. 2. М., 1983. С. 47–545.
10. *Лейбниц Г. В.* Соч. : в 4 т. Т. 3. М., 1984.
11. *Лейбниц Г. В.* Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г. В. Соч. : в 4 т. Т. 4. М., 1989. С. 49–554.
12. *Лобовиков В. О.* Математическая этика, метафизика и естественное право (Алгебра метафизики как алгебра формальной аксиологии). Екатеринбург, 2007.
13. *Лобовиков В. О.* «Нищета философии» и ее преодоление «цифровой метафизикой». Екатеринбург, 2009.
14. *Лобовиков В. О.* От финитизма в математике к финитизму в физике // Философия науки. 2012. № 4. С. 36–48.
15. *Лобовиков В. О.* Логические квадраты и гексагоны оппозиции модальностей априорного и опытного знания бытия и ценности в эпистемической логике // Пространство и время. 2015. № 1–2. С. 99–106.
16. *Лобовиков В. О.* Принцип финитизма в натурфилософии и великие законы сохранения в свете двузначной алгебры метафизики как формальной аксиологии // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2(30). С. 29–38.
17. *Лобовиков В. О.* Формальное определение области применимости «Гильотины Юма» и уточнение границы между метафизикой природы и классической физикой с помощью двузначной алгебры метафизики как формальной аксиологии // Там же. № 4(32). С. 115–124.
18. *Лобовиков В. О.* Логические законы контрапозиции векторных бинарных операций «импликация» и «коррекция» // Эпистемы : сб. науч. ст. Вып. 10 : Неклассическая наука. Екатеринбург, 2015. С. 106–113.
19. *Раутлей Р., Муйер Р.* Семантика следования // Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981. С. 363–423.
20. *Сидоренко Е. А.* Логическое следование и условные высказывания. М., 1983.
21. *Смирнов В. А.* Так называемые парадоксы материальной импликации и логические системы с понятием сильного вывода // Исследования логических систем / под ред. П. В. Таванца. М., 1970. С. 122–136.
22. *Тарский А.* О понятии логического следования [Электронный ресурс]. URL: lib.philosophical.ru/tarski/sledov.html (дата обращения: 11.09.2015).
23. *Фейнман Р.* Характер физических законов. М., 2012.
24. *Целищев В. В.* Нормативность дедуктивного дискурса: феноменология логических констант. Новосибирск, 2003.
25. *Шалак В. И.* Альтернативное определение логического следования // Логические исследования. Вып. 13. М., 2006. С. 249–260.
26. *Шалак В. И.* О понятии логического следования. М., 2007.
27. *Шопенгауэр А.* Новые паралипомены // Шопенгауэр А. Введение в философию; Новые паралипомены; Об интересном : сб. Минск, 2000. С. 55–389.
28. *Ackerman W.* Bergundung Einer Strengen Implikation // The Journal of Symbolic Logic. 1956. Vol. 21. P. 113–28.
29. *Anderson A. R.* Some Nasty Problems in the Formal Logic of Ethics // Nous. 1967. Vol. 1. P. 354–360.
30. *Anderson A. R., Belnap N. D.* Entailment: The Logic of Relevance and Necessity. Vol. 1. Princeton ; N. J., 1976.
31. *Anderson A. R., Belnap N. D., Dunn J. M.* Entailment: The Logic of Relevance and Necessity. Vol. 2. Princeton ; N. J., 1992.
32. *Aquinas Thomas St.* The Summa Theologica. Vol. 1 // Adler Mortimer J. (Ed.). Great Books of the Western World. Vol. 17. Aquinas : I. Chicago ; Auckland ; London ; Madrid, 1994.
33. *Aquinas Thomas St.* The Summa Theologica. Vol. 2 // Adler Mortimer J. (Ed.) Great Books of the Western World. Vol. 18. Aquinas : II. Chicago ; Auckland ; London ; Madrid, 1994.

34. *Augustine St.* The Confessions. The City of God. On Christian Doctrine. // Adler Mortimer J. (Ed.). Great Books of the Western World. Vol. 16. Augustine. Chicago ; Auckland ; London ; Madrid, 1994.
35. *Dunn J. M.* Relevance Logic and Entailment // F. Guenther and D. Gabbay (Eds.). Handbook of Philosophical Logic. Vol. 3. Dordrecht, 1986. P. 117–24.
36. *Fine K.* Models for Entailment // Journal of Philosophical Logic. 1974. Vol. 3. P. 347–372.
37. *Lewis C. I.* Survey of Symbolic logic. Berkeley, 1918.
38. *Lewis C. I., Langford C. H.* Symbolic logic. N. Y. ; L., 1932.
39. *Lobovikov V.* Mathematical Simulating Formal Axiological Semantics of Natural Languages (A Fundamental Generalization of Mathematical Philosophy: from Truth-values to Axiological Ones) // Philosophy, Mathematics, Linguistics: Aspects of Interconnection: Proc. of the International Scientific Conference (Nov. 20–22, 2009, Sankt-Petersburg, L. Euler International Mathematical Institute). St.-Petersburg, 2009. P. 128–132.
40. *Lobovikov V.* Algebra of Morality and Formal Ethics // Katarzyna Bronk (Ed.). Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues. Oxford, United Kingdom, 2014. P. 17–41.
41. *Lobovikov V.* An Equivalence of Moore's Paradox and Gödel's Incompleteness Sentence in Two-Valued Algebra of Formal Ethics // Philosophy Study. 2016. Vol. 6, № 1. P. 34–55. (Doi: 10.17265/2159-5313/2016.01.004).
42. *Mares E. D.* Relevant Logic and the Theory of Information // Synthese. 1997. Vol. 109. P. 345–360.
43. *Mares E. D., Fuhrmann A.* A Relevant Theory of Conditionals // Journal of Philosophical Logic. 1995. Vol. 24. P. 645–665.
44. *Meyer R. K.* Entailment and Relevant Implication // Logique et Analyse. 1968. Vol. 11. P. 472–479.
45. *Meyer R. K.* Entailment // Journal of Philosophy. 1971. Vol. 68. P. 808–818.
46. *Meyer R. K.* Entailment is not Strict Implication // Australasian Journal of Philosophy. 1974. Vol. 52. P. 212–231.
47. *Meyer R. K.* New Axiomatics for Relevant Logics – I // Journal of Philosophical Logic. 1974. Vol. 3. P. 53–86.
48. *Newton I.* Mathematical Principles of Natural Philosophy // Mortimer J. Adler (Ed.). Great Books of the Western World. Vol. 32 : Newton. Huygens. Auckland ; London ; Madrid ; Manila ; Paris ; Rome ; Seoul ; Sydney ; Tokyo ; Toronto : Encyclopedia Britannica, Inc., 1994. P. 1–372.
49. *Restall G.* Information Flow and Relevant Logics // J. Seligman and D. Westerstahl (Eds.). Logic, Language, and Computation. Vol. 1. Stanford, 1996. P. 463–478.

Рукопись поступила в редакцию 6 мая 2016 г.

УДК 161/162 + 165 + 17

Е. Н. Лисанюк
А. М. Павлова

ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МНОГООБРАЗИЯ АГЕНТОВ*

В статье предложена комплексная логическая классификация типов (презумпций) когнитивных агентов применительно к формальным теориям, моделирующим рациональное поведение, включая рассуждения. В классификации уточнены и систематизированы подходы к пониманию сути многообразия агентов, явным и неявным образом содержащиеся в логических формализмах, предназначенных для анализа знаний и убеждений агентов, их интеллектуальных способностей, а также особенностей рационального обоснования ими своих действий. Данная классификация может служить концептуальным основанием для решения проблемы многообразия агентов в логических теориях. Классификация типов когнитивных агентов включает три общих класса логических параметров — компетенций, по которым агенты могут различаться: эпистемические, целевые, или акционально-деятельностные, и дедуктивные. В статье мы отстаиваем положение о том, что эпистемические и целевые параметры выделения разных (презумпций) агентов выступают определенного рода надстройками над тем, каким образом трактуются дедуктивные параметры поведения рациональных агентов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: логические компетенции, когнитивные презумпции, многообразие агентов, практические рассуждения, эпистемическая логика.

1. Введение

В чем состоит логическая проблема многообразия агентов. Логическая проблема многообразия агентов возникает при создании формализмов, претендующих на то, чтобы служить адекватными моделями действий, рассуждений и поведения рациональных агентов, и включает в себя корпус задач по уточнению и систематизации свойств, особенностей, профилей и тому подобных индивидов, групп индивидов, программных продуктов — субъектов анализируемых рассуждений, действий и поведения. Особенно остро эта проблема стоит, хотя и не всегда осознается, в двух ответвлениях современной философской, или модальной, логики — в эпистемической логике и в разнообразных логиках действий с модальными операторами, а также в других теориях, использующих эпистемические и акциональные операторы. Суть логической проблемы многообразия агентов проистекает из двух особенностей предмета их исследования — рационального поведения. То, насколько предлагаемые теории способны учесть и выразить каждую из этих особенностей, выступает ключевым фактором адекватности конструируемых в них формализмов. Первая особенность требует проводить границу между знаниями, убеждениями и действиями разных агентов, а вторая признает, что различия между агентами в аспекте их интеллектуальных способностей носят

---

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 15-23-01002а.

необходимый характер¹. Таким образом, для решения логической проблемы многообразия агентов применительно к некоторой теории необходимо предусмотреть в ней две вещи: определить границу между агентами и описать корпус агентных способностей, или компетенций, наделив ими агентов в равной или неравной мере. Сделать и то и другое можно по-разному в зависимости от конкретных исследовательских задач, стоящих перед создаваемой формальной теорией.

Почему в логике возникает проблема многообразия агентов. Подобной проблемы в логических теориях не существовало до тех пор, пока по умолчанию подразумевалось, что правильность умозаключений и логические особенности их построения носят универсальный характер, и поэтому считалось, что в дедуктивном умозаключении всякий рациональный агент получит истинное заключение с необходимостью, если к истинным посылкам применит корректное правило вывода. Аналогичным образом обстоит дело в правдоподобных рассуждениях, несмотря на то, что у разных агентов заключения могут оказаться неодинаковыми [12, 370], тем не менее вероятность получения истинного заключения из идентичных посылок на основе идентичного правила вывода будет одинаковой в силу универсального алгоритма ее исчисления [13]. Поскольку ранее в логических теориях, как дедуктивных, так и недедуктивных, правильность умозаключения трактовалась как вообще не зависящая от того, какой именно рациональный агент берется его строить, при условии, что всякий придерживается необходимых правил, постольку от субъекта умозаключения можно было абстрагироваться.

Иначе обстоит дело, когда желают уточнить, каким образом можно построить правильное умозаключение в условиях неполной или не вполне достоверной информации, или избрать линию поведения на ее основе. Подобные ограничения могут носить внутренний или внешний характер. Внешние ограничения подразумевают, что то, как агент строит свои умозаключения, зависит от ситуации, в которой он находится, а внутренние ограничения предполагают, что на это влияют интеллектуальные особенности самого агента. Примером внешних ограничений могут служить законы морали и права, учитываемые или, наоборот, (сознательно) игнорируемые агентом при избрании линии поведения [7], а также недостоверность или неполнота информации о ситуации, в которой агент производит свои умозаключения [18, 20, 23, 25], или последствиях своих решений [3]².

Внутренние ограничения лежат в основе понятия ограниченной рациональности — так принято называть познавательную предпосылку, или презумпцию, определяющую интеллектуальную компетентность агентов в хранении информации

---

¹ Мы используем понятие интеллектуального агента, сформулированное в компьютерных науках и в особенности в программах искусственного интеллекта [32], откуда оно было отчасти заимствовано для логических исследований. Агент — это специальная абстракция для обозначения акторов определенного рода, выражающая субъектный источник рационального действия и поведения в функциональном смысле. Под агентами понимаются обладающие заданными характеристиками индивиды, группы индивидов, а также институты и программные продукты, наделенные способностями рассуждать, принимать решения и действовать.

² К внешним ограничениям относится и ограниченность доступа к информации, например, если агент вынужден действовать в ситуации жульничества со стороны других, сообщающих ему заведомо недостоверную информацию. Этот тип внешних ограничений мы частично учитываем в нашей классификации, но он в ней играет второстепенную роль.

(памяти), ее обновлении и пополнении, в способности строить выводы, производить вычисления и т. п. Термин «(когнитивная) презумпция» характеризует такую предпосылку обобщенно как «в первом лице», когда речь идет о представлениях агентов о самих себе, так и «в третьем лице», когда имеют в виду интеллектуальные компетенции других агентов [6]. Далее там, где это не рискует повлечь путаницы, мы будем подобные предпосылки называть когнитивными презумпциями рациональных агентов, имея в виду, что это название объединяет в одну группу представления агента о самом себе и о других агентах. В некоторых теориях эти представления необходимо разграничивать, например, когда речь идет об анализе исполнения норм различными агентами [5].

Сочетание внешних и внутренних ограничений позволяет по-разному конструировать различные типы агентов. Первые попытки ввести логические разграничения между агентами, устанавливающие зависимость между агентом и тем, как строятся умозаключения, появляются в середине XX в. [15]. В качестве этих разграничений могут быть поняты характеристики знаний и убеждений агентов, вытекающие из предложенных полноценных систем эпистемической логики, а также собственно логические аспекты различий между знаниями и убеждениями. Выяснилось, что содержательно многообразие агентов можно рассматривать двояко, как эпистемическое или эпистемологическое [33], хотя в логическом смысле такая граница между ними условна.

Эпистемическое многообразие агентов носит преимущественно семантический характер, оно указывает на содержательные различия в знаниях и убеждениях агентов и подразумевает, что агенты могут обладать нетождественными представлениями об истинности предложений. Например, агент α знает, что формула A истинная, потому что A — это теорема некоторой системы эпистемической логики, однако агент β может и не знать этого, если доказательство A не было получено или в другой системе A не является теоремой, либо β может считать A ложной, если существует система, в которой теоремой является $\neg A$.

Для того чтобы провести границу между разными в эпистемическом смысле знаниями агентов, в дальнейшем было предложено отличать виды группового знания агентов [29]. Эпистемологическое многообразие агентов говорит о том, что используемые ими способы получения и верификации знаний могут тоже различаться, если мы готовы допустить, что «существуют такие α , p и q , что α знает, что p , p логически влечет q (то есть $p \rightarrow q$ логически истинно), но α не знает, что q » [15, 231]. В логическом смысле эпистемологическое многообразие есть обобщение многообразия эпистемического. Эпистемологическое многообразие обычно трактуют в синтаксическом ключе, например, с помощью соответствующих аксиоматических базисов формальных систем, что равнозначно допущению о том, что агенты могут полагаться на разные определения дедуктивной выводимости [8, 288]. Эпистемологическая трактовка многообразия ограничивает абсолютный до этого характер эпистемического многообразия, когда от идеи о том, что «каждый эпистемический возможный мир логически возможен», отказываются в пользу идеи о существовании возможных миров, которые возможны эпистемически, но не являются при этом возможными логически. Такой подход позволяет миры,

возможные эпистемически, но не логически, отождествить с разными моделями того, каким образом познающий агент отличает эти миры один от другого на различных уровнях их анализа [15, 241].

В дальнейшем уточнение структуры интеллектуального агента и включение в нее наряду со знаниями и убеждениями также и интенций агента к совершению определенных действий, ценностей, желаний и т. п. открыло перспективы построения более богатых в выразительном смысле моделей поведения агентов на основе мультимодельных логик действий [28]. В теории игр и ее разнообразных практических приложениях выделение типов агентов сообразно их уточненным интеллектуальным компетенциям позволило получить важные результаты в области моделирования социального поведения, включая поведение экономическое [17], речекоммуникативное [31], а также принятие решений в условиях ограниченного доступа к информации [3].

Актуальность исследования, его цели и задачи. Вместе с тем, несмотря на многообразие предложенных логических систем, моделирующих поведение, рассуждения и взаимодействие агентов, имеется по меньшей мере два основания утверждать, что создание комплексной классификации типов агентов является актуальной задачей современной логики и смежных с ней областей исследований. Первое и, пожалуй, не столь серьезное для этого утверждения основание состоит в том, что во многих логических системах особенности изучаемых агентов принимаются по умолчанию и неявно, без каких-либо уточнений и обсуждений. Например, в большинстве популярных задач динамической эпистемической логики, таких как «чумазные дети», «профессор и бармен», «день рождения Шерил» [29], подразумевается, что действующие и рассуждающие агенты презумптивно одинаковы в смысле интеллектуальных способностей и доступа к обновлению собственных сведений. Однако известная древнеиндийская притча о трех слепых мудрецах, рассуждающих о слоне, подсказывает, что это упрощение ситуации, требующее подчас отдельного рассмотрения. Иными словами, многие стандартные формальные модели нормальных логических теорий не учитывают ограниченный характер способностей и возможностей агентов в реальной ситуации.

Второе основание более серьезное, и именно к его преодолению мы стремимся в нашем исследовании. Суть его заключается в том, что логическая проблема многообразия агентов открывает своеобразный «ящик Пандоры»: на место универсальных рациональных агентов, которыми можно пренебречь в силу их универсальности, приходит замечательное разнообразие, рискующее впасть в дефляционизм идеалов рациональности [10, 26; 2, 126]. Даже если допустить, что нам удалось провести границу между контингентными и необходимыми аспектами многообразия агентов, тем не менее неотъемлемым этапом логического моделирования рационального поведения становится то, что требуется всякий раз принимать решение о том, какие характеристики агентов следует брать во внимание при построении формализмов, а какими можно пренебречь. Свой вклад в решение этой проблемы мы видим в двух плоскостях: во-первых, мы формулируем базовый подход для конструирования локальных ответов на этот

серьезный вызов формальным теориям, и, во-вторых, мы привлекаем внимание академического сообщества к этой проблеме.

В настоящей работе мы предложим комплексную классификацию типов агентов с ограниченной рациональностью. Это означает, что мы сфокусируемся на внутренних ограничениях интеллектуальных свойств, или компетенций, агентов и почти не будем касаться внешних ограничений. Мы также изучим представления об агентах, явным или неявным образом содержащиеся в некоторых логических формализмах, предложенных для анализа рационального поведения, и сделаем это при помощи трех специальных параметров, характеризующих интеллектуальные способности агентов. Назовем их условно эпистемическим, целевым и дедуктивным. Под эпистемическим параметром будем понимать эпистемический аспект многообразия агентов, для его эпистемологического аспекта во избежание путаницы используем название «дедуктивный», а целевой параметр будет указывать на отличные от знаний и убеждений акциональные аспекты агентов — интенции, желания и т. п. Поскольку отнести ту или иную интеллектуальную компетенцию агента к одному из этих трех параметров можно весьма условно, постольку мы, с одной стороны, будем пояснять эти вопросы, когда это важно. С другой стороны, хотя в предложенной классификации границы между тремя группами агентных компетенций не носят жесткого характера, сами обсуждаемые компетенции в целом и каждая из них в отдельности являются необходимыми для решения проблемы логического многообразия.

Для создания комплексной классификации нам потребуется различать два подхода к созданию логических моделей рационального поведения агентов — моноагентный и мультиагентный. К первому относятся теории, рассматривающие действия или рассуждения одного или более агентов, которые считаются идентичными, т. е. наделяются одинаковыми интеллектуальными способностями, обуславливающими необходимый характер знаний или действий агентов, а ко второму — теории, где исследуют взаимодействия двух и более агентов и подразумевается, что они неидентичны, т. е. наделены неодинаковыми способностями, как в [25]³.

В соответствии с этой целью работа имеет следующую структуру: в первом параграфе кратко изложена суть проблемы многообразия агентов, во втором мы обсудим, какие именно интеллектуальные компетенции агентов выражает каждый из трех параметров, в третьем параграфе мы рассматриваем дедуктивный параметр выделения различных типов агентов на примере диалоговой логики П. Лоренцена и К. Лоренца и сопоставляем его с эпистемическим — на примере классификации Р. Смаллиана. Подробное исследование целевых презумпций мы оставляем для другого исследования.

---

³ Отметим, что (не)идентичность агентов в смысле их интеллектуальных компетенций носит необходимый характер в силу того, что указывает не столько на эпистемический, сколько и прежде всего на эпистемологический аспект когнитивного многообразия.

2. Три группы интеллектуальных компетенций агентов

Рассмотрим подробнее три группы интеллектуальных компетенций агентов, выделенных выше.

I. Эпистемические. Под данным видом когнитивных презумпций мы будем понимать следующие разновидности:

- а) собственно эпистемические, представляющие знания агентов о положении дел и о других агентах и их когнитивных презумпциях;
- б) докстатические, т. е. убеждения агентов⁴;
- в) способности агента, влияющие на способы получения, хранения и изменения информации, в частности знаний и убеждений.

Заметим, что разграничения агентов, накладываемые особенностями «а» и «б», представляют собой конфигурацию конкретной модели, на которой определены знания и убеждения агентов, тогда как подпункт «в» связан со свойствами фреймов.

II. Целевые, связанные с практическими рассуждениями. Данный вид когнитивных презумпций содержит цели, интенции (намерения) и желания агентов во взаимодействии и моделируется в рамках ВДИ-логики. Обстоятельное рассмотрение целевых компетенций мы отложим до дальнейшего исследования.

III. Дедуктивные. Под данным видом презумпций понимаются различные немодальные логические системы, которые лежат в основании рассуждений (вычислений) агентов. В зависимости от того какую систему тот или иной агент использует в качестве базовой, будут соответственно различаться и понимания им истины и логического следования. Здесь имеется в виду, что агенты не только могут иметь разные способности, знания и желания, но они также могут использовать разные трактовки логической истины и следования. В качестве примера можно предположить, что один агент может полагаться на интуиционистское понимание истинности и следования, а другой — на классическое. Подобные презумпции могут влиять на рассуждения агентов, приводя к тому, что одинаковое изменение баз знаний двух разных агентов (например, в результате публичного анонсирования предложения ϕ) может привести к различным результатам благодаря тому, что агенты используют различные логические правила и разные формальные модели для получения следствий [11].

Почему мы выделяем именно данные группы презумпций агентов? С формальной точки зрения эти группы презумпций можно объединять по-разному. Например, в первой группе презумпций рассматриваются свойства агентов, связанные с эпистемическими и докстатическими модальностями и — неявным образом — также и с модальностями, выражающими действия, поскольку речь идет об изменениях в знаниях и убеждениях агентов. Все три вида модальностей

⁴ Под знаниями мы понимаем относительно постоянный и непротиворечивый корпус известных агенту сведений. Важным свойством знания в стандартной эпистемической логике является то, что оно не может быть ложным. Убеждения — это подверженные пересмотру правдоподобные сведения, в истинность которых агент верит. Убеждение агента — то же самое, что ранее в эпистемической логике называли мнением [7], иногда их также называют верой агента в истинность тех или иных положений [4].

широко представлены в динамических эпистемических логиках, изучающих знания, убеждения и процедуры их модификации агентами.

Вторая группа презумпций также связана с модальными свойствами, но здесь уже речь идет только о модальностях цели, интенции (намерения) и им подобных, которые непосредственно влияют на действия агентов. Таким образом, вторая группа презумпций относится исключительно к поведению, практическим рассуждениям агентов и принципам их осуществления, которые у разных агентов могут не совпадать, так как желания и интенции по-разному регулируют как сами рассуждения, так и действия агента. Несмотря на то что эти две группы объединяет модальный характер изучающих их формализмов, виды используемых в них модальностей различны, так как предназначены для моделирования разных интеллектуальных компетенций и обладают неодинаковыми формальными свойствами.

Отличительной чертой третьей группы презумпций является то, что она охватывает формы и правила, в соответствии с которыми агент устанавливает необходимые связи между своими знаниями, убеждениями, желаниями и интенциями и строит умозаключения, где они выступают в качестве структурных элементов. С точки зрения конструирования формальных систем все три группы презумпций носят логический характер, но при этом дедуктивные презумпции характеризуют логику, используемую в качестве базовой в системе, к которой затем добавляется ее модальная часть, например эпистемическая или акциональная. Если не совпадают базовые немодальные части логических систем, применяемых агентами для построения своих умозаключений, то и общие формальные постулаты поиска выводов будут неодинаковыми. Это означает, что могут оказаться неидентичными и множества полученных таким путем предложений, выражающих знания или убеждения агентов, даже если исходные посылки были идентичны.

Рассмотрим более детально некоторые из вышеперечисленных агентных компетенций и для начала остановимся на подгруппе эпистемических презумпций, характеризующей познавательные способности, касающиеся приобретения знаний и убеждений. Даже если допустить, что данные способности носят универсальный характер, настаивать на том, что они представлены у различных агентов с одинаковой интенсивностью, было бы чрезмерным упрощением. Ф. Лью выделяет следующие параметры [25], определяющие конкретный тип агента с точки зрения *эпистемической логики и игр с несовершенной информацией* [23]:

а. *сила дедуктивных способностей* (inferential power), т. е. способность совершать необходимые шаги вывода. Под дедуктивными способностями мы подразумеваем умение строить корректные выводы, поэтому, говоря о том, что они могут различаться у разных агентов, мы подразумеваем, что эти способности тем выше, чем больше таких выводов агент может построить. В этом ключе можно выделить два количественных аспекта дедуктивных способностей: внешний, или количество выводов, которые агент способен осуществить; и внутренний, или количество шагов, за которые агент способен получать выводы. Что означают дедуктивные способности с точки зрения выражающих их логических формализмов, если отождествить последние с соответствующими модальными системами? В нормальных модальных системах дедуктивные способности агентов всегда будут

одинаковыми относительно данной системы и «идеальными» в смысле внешнего и внутреннего качественных аспектов в силу особенностей этих формализмов.

Наибольшее затруднение связано с K -аксиомой $K(\phi \rightarrow \psi) \rightarrow (K\phi \rightarrow K\psi)$, из которой вытекает, что агент знает все тавтологии данной системы, а также все, что следует из множества его знаний. Суть логического всеведения заключается не только в том, что агент способен вывести все следствия из своих знаний, но также и в том, что он уже знает все следствия, не совершая никаких шагов в рассуждении, хотя с формальной точки зрения их количество может различаться, особенно относительно выведения следствий в разных системах. При формализации рассуждений и взаимодействия агентов с ограниченной рациональностью, отвечающих представлениям о людях или программах, логического всеведения необходимо избегать, с чем и связано стремление варьировать силы дедуктивных способностей в рамках эпистемических презумпций, как одного из параметров, характеризующих тип агентов [21]. Ограниченными силами дедуктивных способностей характеризуются агенты в диалоговой логике — в одном из игровых подходов к моделированию их взаимодействий, где агенты различаются в зависимости от того, какие ходы они имеют право совершить, например, способны ли они отвечать на любые атаки или только на последнюю из них [11];

в. интроспекция, т. е. способность выводить пропозиции по поводу своего собственного эпистемического состояния (своих знаний, убеждений и т. п.). В рамках эпистемической логики обычно говорят о позитивной и негативной интроспекциях, которые выражаются соответственно аксиомами $K\phi \rightarrow KK\phi$ и $\neg K\phi \rightarrow K\neg K\phi$. Согласно аксиоме позитивной интроспекции агент знает все, что он знает, это одна из особенностей относительно «логически всеведущего» агента, моделируемого посредством модальной системы $S4$. Если же агент не знает чего-либо, то он знает, что этого он не знает, согласно аксиоме негативной интроспекции. Эта компетенция негативной интроспекции характеризует относительно «логически всеведущего» агента, подразумеваемого в системе $S5$. Моделируя взаимодействия рациональных агентов, можно наделить их компетенциями, выраженными посредством этих двух постулатов интроспекции, только какой-либо одной из них или воздержаться от этого, так что агент вообще не будет обладать способностями интроспекции. С этой целью можно использовать более слабые аксиомы, позволяющие моделировать степень интроспекции, как это сделано у Смаллиана [14], о чем речь пойдет ниже. Ясно, что любое из данных решений необходимым образом влияет на результаты взаимодействий таких агентов;

с. способность к наблюдению. Под данным параметром мы подразумеваем способность агентов наблюдать события и состояния, выступающую важным фактором в связи с доступом агента к информации. Взаимодействие агентов в условиях ограничений, накладываемых на способность к наблюдению, моделируется в играх с *несовершенной информацией* и с *неполной информацией* и исследуется посредством теоретико-игровой семантики. В играх с несовершенной информацией агентов различают в зависимости от того, доступно ли им знание о своей позиции (раунде) в игре или нет, в то время как игры с неполной информацией характеризуются тем, что не все агенты обязательно должны знать структуру самой игры;

d. *память*. Данный параметр связан с количеством запоминаемой информации. При моделировании реальных агентов (т. е. агентов с ограниченной рациональностью) необходимо учитывать ограниченный характер объема хранимой информации, как в случае реальных людей, так и компьютерных вычислений. В рамках информационных технологий можно распространить данное ограничение на любую хранимую информацию;

e. *способность и тип пересмотра своих убеждений*. Данный параметр, пожалуй, является одним из наиболее обсуждаемых в современной литературе по доксистической и эпистемической логике. В русле этой компетенции выделяют агентов, обладающих такой способностью, и лишенных ее. Агентов первой группы далее разграничивают по доступным им типам пересмотра (ревизии) убеждений, которые, в свою очередь, связаны с тем, какие логические операции доступны агентам для такого пересмотра. Так, агенту может быть доступно только распространение, т. е. простое добавление нового убеждения к уже имеющимся, или расширение, когда добавление сопровождается проверкой на совместимость элементов вновь полученного множества убеждений. В последнем случае агенты могут отличаться друг от друга тем, каким образом определена доступная им операция взятия логических следствий, при помощи которой осуществляется эта проверка.

Агентам может быть доступно не только расширение, но и удаление убеждений, которое также может быть реализовано как простое теоретико-множественное вычитание или как сокращение, т. е. удаление с проверкой оставшегося множества на совместимость, как в случае с расширением. В случае когда агенты полагают, что новая информация может оказаться ложной, но при этом все же доверяют источнику, требуются так называемые мягкие способы обновления информации (soft information) — консервативное и радикальное. Данные типы обновления информации задаются на моделях, в которых помимо миров, отношения достижимости и означивания также представлено отношение порядка, когда агент считает то или иное положение дел x «как минимум столь же правдоподобным, как» и положение дел y . Такие миры можно назвать наилучшими или наиболее релевантными для агента. Суть радикального обновления (radical upgrade) заключается в том, что после поступления информации о том, что ϕ , все миры, в которых имеет место ϕ , становятся более правдоподобными, или лучше, чем все миры, где имеется не- ϕ , при этом внутри этих двух классов отношение порядка остается прежним.

Ван Бентем [19, 139] сравнивает данный вид обновления с социальной революцией. Консервативное обновление (conservative upgrade) предполагает, что только наиболее правдоподобные миры, где имеет место ϕ , оказываются выше в данной иерархии, чем миры, где нет ϕ . В остальном же старое отношение порядка сохраняется. Проблема пересмотра убеждений агента обсуждается не только в рамках эпистемико-доксистических теорий, но также и с теоретико-игровой точки зрения, например в [22]. Различные виды ревизии убеждений подробно рассмотрены в работе [30]. Для моделирования обновления убеждений концепция АГМ предлагает специальный «оператор ревизии» [1]. Один из примеров алгоритма пересмотра множества убеждений, представляющий собой проверку на совместимость с новой информацией (из достоверного источника), был

предложен в качестве интерпретации средневекового диспута с предписаниями (*de obligationibus*) в работе [24].

Когда мы говорим о том, что многообразие агентов возникает из варьирования вышеуказанных параметров, то имеем в виду, что относительно них существует так называемый тип совершенных агентов, к примеру, агенты, обладающие идеальной памятью, которые помнят все предыдущие состояния и действия в системе (агенты с *Perfect Recall*). Другим примером идеализации могут служить агенты, обладающие логическим всеведением.

3. Дедуктивные компетенции агентов

При построении формальных моделей поведения и взаимодействия агентов их свойства можно фиксировать на синтаксическом и семантическом уровнях теории. В зависимости от того, каким образом в логических теориях определены синтаксические и семантические постулаты, будут различаться не только сами теории, но и типы рациональных агентов, подразумеваемые в них. Эта идея не нова. Выше мы говорили о постулатах эпистемической и особенностях динамической логики, которые задают тот или иной тип агента, и обнаружили, что дедуктивные свойства знаний и мнений агентов, моделируемые при помощи нормальных модальных систем, могут носить контринтуитивный и даже спорный характер, например, когда речь идет о логическом всеведении, пересмотре убеждений или интроспективных компетенциях. Несмотря на то что средствами разных систем можно конструировать различных агентов с неидентичными компетенциями по силе и их качественному набору, относительно самого агента подобные системы являются конститутивными, потому что они не только определенным образом описывают его эпистемическое состояние, т. е. его знания о себе и о мире, но и задают определенный тип структуры семантической модели, служащий для означивания предложений, выражающих эти знания и мнения, и, следовательно, оказывают решающее влияние на умозаключения агентов. Это обстоятельство подчеркивает предложенная Р. Смаллианом классификация, где в зависимости от дедуктивных компетенций выделяется четыре типа агентов, различающихся «степенью самосознания» [14].

Агент типа 1 обладает наименьшим уровнем самосознания и имеет следующие характеристики:

а) Он знает некоторые, а возможно, все логические тавтологии (теоремы), или верит в них;

б) множество его убеждений логически замкнуто, т. е. для любых предложений X и Y , если он верит в X и верит в $X \rightarrow Y$, тогда он верит в Y .

Агент типа 2 знает, что его множество знаний и убеждений замкнуто относительно *modus ponens*, поэтому к условиям «а» и «б» добавляется следующее условие:

с) он верит в $(Vp \wedge B(p \rightarrow q)) \rightarrow Bq$ (т. е. выполняется формула $B((Vp \wedge B(p \rightarrow q)) \rightarrow Bq)$). В связи с этим утверждается, что данный тип агента обладает более высоким уровнем самосознания, чем агент типа 1. Очевидно, что любой агент, обладающий

компетенцией позитивной интроспекции, может получить данную формулу в качестве следствия из соответствующего постулата. Однако эксплицитное добавление аксиомы позитивной интроспекции к компетенциям агента автоматически превращает его в агента типа 3.

Агент типа 3, или нормальный агент (у Р. Смаллиана «Нормальный мыслитель»), характеризуется тем, что для него выполняется условие $Bp \rightarrow BBp$, т. е. если агент верит в p , то он верит, что верит в p , что соответствует нормальной модальной логике $S4$.

Агент типа 4 — это Нормальный мыслитель с наиболее развитым самосознанием, как называет его Р. Смаллиан. В отличие от Нормального мыслителя, агента типа 3, агент типа 4 верит в то, что относительно его знаний выполняется постулат позитивной интроспекции и для него имеет место в качестве аксиомы формула вида $B(Bp \rightarrow BBp)$.

Обратим внимание на то, что с точки зрения гипотезы ограниченной рациональности все четыре агента Смаллиана, начиная с агента типа 1, — это идеализированные типы и «страдают» логическим всеведением в той или иной степени, ведь даже для агента типа 1 выполняется постулат $(Bp \wedge B(p \rightarrow q)) \rightarrow Bq$. В соответствии с теоремой о дедукции мы можем переписать его в виде K -аксиомы: $B(p \rightarrow q) \rightarrow (Bp \rightarrow Bq)$, что означает, что агенты верят во все следствия (или знают их — в случае эпистемической логики), выводимые из их убеждений (или знаний). Для моделирования рассуждений реальных агентов данное утверждение является слишком сильным и несовместимо с гипотезой ограниченной рациональности.

Классификация Смаллиана показывает влияние эпистемических презумпций, таких как различный уровень интроспекции, или уровень самосознания — в терминах Смаллиана, не только на выводимость тех ли иных формул в рамках системы, но и на дедуктивные способности агентов, что хорошо иллюстрирует условный характер предлагаемой классификации. Тем не менее при характеристике выделенных нами типов презумпций можно говорить о том, что эпистемические и целевые параметры соответствуют модальному фрагменту, добавляемому к существующим пропозициональным или первопорядковым фрагментам.

Классификация агентов Смаллиана указывает еще на одно обстоятельство, характеризующее агентные презумпции и существенное для нашего исследования. Так как при их рассмотрении посредством эпистемических логик и логик действия наибольший интерес для исследователей обычно представляет именно модальный фрагмент, то базовой логике, к которой добавляются те или иные модальные аксиомы, редко уделяется внимание, какого она заслуживает. Обычно ограничиваются указанием на то, что подразумевается некоторая классическая логика. Тем не менее именно логика, подразумеваемая агентами в качестве базовой, будет представлять собой комплекс его дедуктивных презумпций. Так, в зависимости от того, какой тип следования агент использует, т. е. какими постулатами выражено определение следования, будут различаться те выводы, к которым он приходит. Нетрудно заметить, что в классификации Смаллиана в этом аспекте ключевую роль играют условия «а» и «б», характеризующие базовые дедуктивные

компетенции агента таким образом, что все агенты обладают ими в равной степени. Это касается совокупности немодальных тавтологий, принимаемых агентом, и правила отделения (*modus ponens*), позволяющего осуществлять первичное упорядочивание знаний. Стало быть, в силу «b», агент типа 1, равно как и агенты типов 2–4, наделен некоторыми способностями проверять свои знания, носящие композиционный характер — об этом говорит условие «a» [9, 47]. Следовательно, дедуктивные компетенции агентов Смаллиана идентичны, и различаются они лишь в связи со своими эпистемическими компетенциями.

Рассмотрим теперь пример формальной теории, в которой агенты обладают неодинаковыми дедуктивными компетенциями. Напомним, что агентные системы могут быть моно- или мультиагентными и могут предусматривать как одного-единственного агента, так и множество агентов, однако с точки зрения свойств агентов система будет мультиагентной только в том случае, если агенты наделены различными компетенциями. Дедуктивные презумпции агентов могут быть выражены по-разному, например посредством нетождественных представлений о следовании. В подобном случае встает вопрос о том, каким образом моделировать взаимодействие между такими агентами.

Одним из возможных способов представления агентного взаимодействия агентов логическими средствами является игра, в которой правила формулируются на нескольких уровнях, например, можно выделить уровни логических и структурных правил. Тогда логические правила, определяющие, что значит атаковать и защищать некую формулу, будут также задавать формальный язык игры и выступать правилами манипулирования атомарными и молекулярными формулами в ней, а структурные правила будут уточнять порядок и типы ходов, доступные игрокам. Ясно, что на класс выводимых в данной системе формул влияют и те и другие правила, хотя и делают это по-разному. В качестве примера возьмем диалоговую логику П. Лоренцена и К. Лоренца [26, 27]. В данной системе имеются следующие логические (или частичные) правила:

Связка	Атака	Защита
$X-!-A \wedge B$	$Y-?-L$	$X-!-A$
	$Y-?-R$	$X-!-B$
$X-!-A \vee B$	$Y-?-v$	$X-!-A$
		$X-!-B$
$X-!-A \rightarrow B$	$Y-!-A$	$X-!-B$
$X-!-\sim A$	$Y-!-A$	—
$X-!-\forall xA(x)$	$Y-?-\forall x/n$	$X-!-A[n/x]$
$X-!-\exists xA(x)$	$Y-?-\exists x$	$X-!-A[n/x]$

где X и Y — игроки (переменные для P — проponent или O — оппонент), причем $X \neq Y$, $?$ и $!$ — знаки для обозначения характера действия игроков: $?$ — атака в форме запроса, $!$ — утверждение некоторой формулы (в форме как атаки, так

и защиты). Задача проponentа заключается в том, чтобы отстаивать рассматриваемую формулу, а оппонента — ее оспаривать. Логические правила выполняют конститутивную функцию, и игра не может начаться, если какой-либо из игроков не придерживается их, поэтому на уровне логических правил между агентами не может быть различий при игровом моделировании их взаимодействий.

Структурные правила игры таковы:

1. Оппонент может атаковать каждую формулу, выдвинутую проponentом, лишь один раз.
2. Проponent может атаковать формулу, выдвинутую оппонентом, произвольное количество раз.
3. Игроки ходят поочередно.
4. Игроки могут атаковать формулы, выдвинутые на любом этапе диалога.
5. Проponent может утверждать атомарную формулу, если и только если она уже была выдвинута оппонентом.
6. Правила защиты:
  - 6.1. Игроки могут защищать только последнюю атакованную и еще не защищенную формулу.
  - 6.2. Игроки могут защищать любую еще не защищенную формулу.

Правила выигрыша: окончанием диалога (игры) является состояние, когда один из игроков, делающий ход, не имеет возможности осуществить то или иное действие, т. е. для него нет ни одного возможного хода. В подобной ситуации выигрывает его противник.

В аспекте структурных правил нетрудно заметить два отличия игроков: у них неодинаковые роли, правила защиты формул от атак могут быть сформулированы по-разному. Различие ролей оппонента и проponentа, в соответствии с которым им доступны разные ходы, тесно связано с дедуктивными компетенциями агентов и носит конститутивный характер. В самом деле, оппонент выступает в роли не только своего рода фальсификатора, но и несет «ответственность» за упорядочивание (пересмотр) защищенных формул, так как только те формулы, которые утверждает оппонент, могут быть в дальнейшем использованы проponentом. Соответственно оппонент является верификатором, поскольку на него возложена обязанность вносить формулы на обсуждение. Для защиты же своего тезиса он может атаковать выдвигаемые оппонентом формулы неоднократно. Идентичность ролей агентов сделает невозможной игру, поэтому различие ролей агентов в диалоговой логике является конститутивным.

Формулировка правил защиты также влияет на дедуктивные компетенции агентов, однако если в аспекте атак и внесения формул на обсуждение роли агентов закреплены как неодинаковые, то в аспекте защит подразумевается, что в одной и той же игре агенты, напротив, одинаково руководствуются одной и той же формулировкой такого правила. В зависимости от правил защит, которые определены в системе, реализуется одна из концепций того, что считать истинной формулой. Так, если в системе имеется правило 6.1, то речь идет об интуиционистском варианте диалоговой логики, а правило 6.2 характеризует классическое определение отношения следования. Доказательство соответствия между данными типами

диалогов и интуиционистским и классическим следованием представлено в [16] с использованием секвенциального исчисления **ГКср**, и оно состоит в том, чтобы показать, что секвенциальный вывод для рассматриваемой формулы будет соответствовать выигрышной стратегии игрока в данной игре диалога. Посредством модификаций структурных правил в диалоговой логике можно задавать и более слабые системы, чем интуиционистская, например, минимальную логику. Минимальная логика в системе естественного вывода отличается от интуиционистской отсутствием правила $\perp \rightarrow D$, где D — произвольная формула, т. е. правила «из лжи следует все, что угодно». В генценовском секвенциальном исчислении это будет соответствовать уточнению в сукцеденте в том случае, если сукцедент верхней секвенции пуст, т. е. когда верхняя секвенция имеет вид $\Gamma \rightarrow \emptyset$, а нижняя $\Gamma \rightarrow D$, где Γ — множество формул, а D — произвольная формула. Таким образом, при помощи соответствующей формулировки структурного правила для защит, подразумевающего отсутствие обязательства ответить на все атаки, можно различать интуиционистский диалог от диалога для минимальной логики и тем самым различать между тем, что понимается под дедуктивной выводимостью в том и в другом случае. В качестве секвенциального исчисления для доказательства соответствия между такими диалогами и логиками можно использовать модифицированный вариант исчисления G_3 Клини.

Итак, структурные правила взаимодействия в диалоговых логиках могут рассматриваться как дедуктивные презумпции агентов в конкретной логической системе в двух ракурсах: как метаправила, определяющие тип отношения следования, и как соответствующие роли в игре. В первом ракурсе агенты, подразумеваемые в одной игре, не отличаются друг от друга, но могут быть неодинаковыми в разных играх. Во втором ракурсе нетождественность агентов носит конститутивный характер.

4. Заключение

К вопросу многообразия агентов можно подойти с двух различных позиций. Во-первых, можно считать, что многообразие агентов — это многообразие логических систем, в рамках которых формально задается или подразумевается тот или иной тип агента. В целом подобные системы могут быть как мультиагентными (допускающими более одного агента), так и моноагентными. Во-вторых, можно попытаться представить многообразие агентов, которые вступают друг с другом во взаимодействие в рамках одной системы. Данное понимание проблемы многообразия агентов кажется нам наиболее интересным для дальнейшего рассмотрения.

Источники многообразия, или агентные презумпции, можно условно разделить на три группы составляющих их компетенций, две из которых были более подробно описаны в данной статье:

1. Дедуктивные презумпции, связанные с тем, каким образом в базовой (немодальной) системе задано определение логического следования.

2. Эпистемические презумпции — знания, убеждения, включающие компетенции агентов по доступу к информации и ее хранению, а также способности модифицировать множество своих убеждений.

3. Целевые презумпции, или интенции и предпочтения касательно действий и поведения агентов: как само содержание интенций и предпочтений, влияющее на поведение агента, так и тип интенций агента.

В русле этих трех групп презумпций, своеобразных источников многообразия агентов, важная граница пролегает между дедуктивными компетенциями агентов, с одной стороны, и эпистемическими и целевыми компетенциями — с другой. Многообразие в силу различий агентов в смысле эпистемических и целевых компетенций совместимо как с различиями агентов в части дедуктивных компетенций, так и с отсутствием таких различий между ними. Однако многообразие агентов с точки зрения дедуктивных компетенций влечет их многообразие в эпистемическом смысле, это мы продемонстрировали на примере классификации агентов Р. Смаллиана. Вместе с тем имеются определенные особенности формальных теорий, относительно которых невозможно многообразие агентов в дедуктивных компетенциях, — это касается определения формального языка и способов построения формул в ней, что было показано на примере диалоговой логики, где многообразие агентов в аспекте дедуктивных компетенций задается структурными правилами, но не логическими.

-
1. *Альчуррон К. Э.* Отделение и отменяемость в деонтической логике / пер. с англ. Е. Н. Лисанюк, А. М. Павловой // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / К. Э. Альчуррон, Е. В. Булыгин, П. Герденфорс, Д. Макинсон ; под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб., 2013. С. 358–370.
  2. *Драгаллина-Черная Е. Г.* Неформальные заметки о логической форме. СПб., 2015. С. 202.
  3. *Канеман Д., Словик П., Тверски А.* Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков, 2005. С. 632.
  4. *Караваев Э. Ф.* Вера и знание: Наследие Канта в философии и логике сегодня // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 17 : Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. № 3. С. 5–15.
  5. *Кислов А. Г.* Динамическая логика и деонтические операторы в «строгом смысле» // Философия науки. 2012. Т. 52, № 3. С. 65–80.
  6. *Лисанюк Е. Н.* Когнитивные характеристики агентов аргументации // Вестн. СПбГУ. Серия 6. Вып. 1. 2013. С. 13–21.
  7. *Лисанюк Е. Н.* Лояльный агент и отменяемость в деонтической логике // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 3 : Общественные науки. 2014. Вып. 1(125). С. 32–44.
  8. *Микиртумов И. Б.* Теория смысла и интенциональная логика. СПб., 2006. С. 288.
  9. *Микиртумов И. Б.* Композициональность и ее прагматика // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36, № 2. С. 42–58.
  10. *Нийншилүто И.* Истина. Абсолютная или относительная? / пер. с англ. Е. Н. Лисанюк, А. А. Савченко // Вестн. СПбГУ. Серия 17. 2013. Вып. 4. С. 26.
  11. *Павлова А. М.* Истинность в диалоговой логике и теоретико-игровой семантике (GTS) // Логические исследования. 2015. Т. 21, № 2. С. 107–133.
  12. *Пойа Д.* Математика и правдоподобные рассуждения / пер. с англ. И. А. Вайнштейна ; под ред. С. А. Яновской. М., 1957. С. 370.

13. *Светлов В. А.* Современные индуктивные концепции (логико-методологический анализ). Л., 1988.
14. *Смаллиан Р.* Вовечи неразрешимое. Путь к Геделю через занимательные загадки / пер. В. В. Целищева. М., 2013. С. 303.
15. *Хинтиikka Я.* В защиту невозможных возможных миров / пер. А. Л. Никифорова // Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования / сост., общ. ред. В. Н. Садовского, В. А. Смирнова М., 1980. С. 231.
16. *Alama J., Knoks A., Uckelman S. L.* Dialogues games for classical logic (short paper) // M. Giese, & R. Kuznets (Eds.), *Tableaux 2011: Workshops, tutorials and short papers.* Bern : Universiteit Bern. 2011. P. 82–86.
17. *Aumann Robert J.* Agreeing to Disagree. *The Annals of Statistics.* 1976. Vol. 4, № 6. P. 1236.
18. *van Benthem J.* Logical Construction Games // *Acta Philosophica Fennica.* 2006. 78. P. 123–138.
19. *van Benthem J.* *Logical Dynamics of Information and Interaction.* Cambridge University Press, 2010.
20. *van Benthem J., Liu F.* Diversity of Logical Agents in Games // *Philosophia Scientiæ.* 2004. 8(2). P. 165–181.
21. *Egre P.* Propositional Attitudes and Epistemic Paradoxes. PhD thesis, Universite Paris 1 et IHPST, 2004.
22. *Hintikka J.* *The Principles of Mathematics Revisited.* Cambridge University Press, Cambridge, 1996.
23. *Hötte T.* A Model for Epistemic Games. Master thesis, 2004.
24. *Lagerlund H., Olsson E.* Disputation and Change of Belief // *Burley's Theory of Obligations as a Theory of Belief Revision,* in Yrjönsuuri, 2001. P. 35–62.
25. *Liu F.* Diversity of Agents and their Interaction // *Journal of Logic, Language and Information.* 2008. 18(1). P. 23–53.
26. *Lorenzen P.* *Constructive philosophy* // Transl. by Pavlowic. Amherst : University of Massachusetts Press, 1987.
27. *Lorenzen P., Lorenz K.* *Dialogische Logik.* Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978.
28. *Meyer J.-J., Veltman F.* Intelligent agents and common-sense reasoning // Blackburn P., Benthem J. van, Wolter F. (eds). *Handbook of Modal Logic.* Elsevier. 2007. P. 991–1029.
29. *Pacuit E.* Dynamic Epistemic Logic I: Modeling Knowledge and Belief // *Philosophy Compass.* 2013. Vol. 8, № 9. P. 798–814.
30. *Pacuit E.* Dynamic Epistemic Logic II: Logics of Information Change // *Philosophy Compass.* 2013. Vol. 8, № 9. P. 815–833.
31. *Schumann A.* Reflexive games and non-Archimedean probabilities. *P-Adic Numbers, Ultrametric Analysis and Applications.* 2014(1). Vol. 6. P. 66–79.
32. *Shoham Y.* 1993. Agent-oriented programming. *Artificial intelligence* 60: 51–92.
33. *Stich St.* Reflective equilibrium, analytic epistemology and the problem of cognitive diversity // *Synthese.* 1988. 74(3). P. 391–413.

Рукопись поступила в редакцию 15 октября 2015 г.

УДК 30 + 37.011 + 304.2

В. Е. Кемеров

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ: ТУННЕЛЬНОЕ ВИДЕНИЕ

В статье рассматривается парадоксальная ситуация в разделении социально-гуманитарных наук и их интеграции. Они взаимодополняют друг друга таким образом, что исключают влияние сопредельных предметов и методов на свое функционирование. Это затрудняет системное отображение общественного процесса и понимание перспектив самого обществознания. Выход из этой ситуации обнаруживается в характеристике историчности разделения труда в обществознании, в эволюции его парадигм.

К л ю ч е в ы е с л о в а: туннельное видение, предметно-методологические оппозиции дисциплин, динамика обществознания, проблема парадигмы современного обществознания, разделение социально-гуманитарных наук и перспективы системной интеграции обществознания.

Туннельное видение — состояние зрения, при котором человек теряет способность к периферическому обзору. Он воспринимает лишь изображение, попадающее на центральную область сетчатки; возникают трудности с объемным отображением объекта, с удержанием в поле зрения нескольких объектов. В результате становится проблемой ориентация в пространстве. Излечению от этого недуга препятствует отсутствие явных анатомо-физиологических отклонений.

Этот диагноз распространяется и на многие области общественной жизни, на разные сферы профессиональной деятельности, в том числе и на сферу научную [6]. В этой статье мы рассмотрим туннельное видение как характерную черту современного обществознания, объединяющего разные дисциплины, по сути разобщенные и часто просто не замечающие друг друга.

Методологический парадокс заключается в том, что обществознание, декларирующее интеграцию социально-гуманитарных наук, не может пока обеспечить системный взгляд на общество, на историю, на совместную и индивидуальную жизнь людей. Корни этой ситуации надо искать в «родовой травме» научного обществознания, т. е. в процессе его становления [3]. Но пока обратимся к некоторым аспектам данной ситуации, характерным для настоящего времени.

Философия и социология

В нашей литературе часто обсуждается вопрос о соотношении философии, в частности социальной философии, и социологии. Причем это соотношение трактуется как разделение: философия занимается своим делом, социология — своим. На практике так и происходит. Но в теоретико-методологической дискуссии всплывает трудная проблема: и социальная философия, и социология занимаются обществом, но они должны как-то разделить свои действия [5]. Иначе говоря, объект один и тот же, а методологические установки различные, стало быть, и предметы исследования разные.

Трудности отчасти заключаются в самой постановке вопроса: а почему философия рассматривается в соотношении с социологией? С точки зрения логико-теоретической такое, конечно, возможно. Но с точки зрения историко-методологической дело обстоит много сложнее. Современная философия определяется и самоопределяется не только в соотношении с социологией, но и во взаимодействии с другими дисциплинами обществознания: психологией, культурологией, исторической и экономической науками, а также и с вненаучными областями человеческой деятельности, опытом повседневности.

Вопрос об отношении дополнительности философии общества и социологической теории имеет смысл, если мы разделяем философию общества как некую обобщающую дисциплину и социологическую теорию как теорию конкретного общества и соответствующих исследований. Но обобщающая работа философии может быть трактована иначе: она сама вырастает из обобщения опыта научных исследований и обыденного бытия людей и на этом обобщении строит свои методологические и мировоззренческие установки.

По сути, мы имеем дело с двумя разными пониманиями общего и соответственно с двумя разными трактовками картины социального мира. В одном случае картина мира и общие законы бытия постулируются и накладываются на конкретный материал, в другом они выводятся из переработки разнообразных форм человеческого опыта. Первое понимание можно считать традиционным. Второе базируется на анализе и переработке научного и обыденного опыта, соответственно ориентируется на обновление образов и методов человеческой деятельности и, разумеется, научных дисциплин.

Контакты социальной философии и дисциплин научного обществознания постоянно наталкиваются на множество препятствий; они, странным, казалось бы, образом, обнаруживают несогласуемость философских и научных форм и достаточно ярко характеризуют различия в режимах их бытования. Если мы захотим более полно «ввести» в социальную философию материал научного обществознания, мы почувствуем, что дисциплинарные формы, в которые он упакован, всячески сопротивляются их включению в картины социального *процесса*. Это происходит в основном потому, что дисциплинарные формы *показывают* не людей, не процессы общения, деятельности или самореализации, где люди выступают *субъектами* социальности, а *стороны, грани, подсистемы*, в которых опредмечиваются эти процессы. Каждая из дисциплин сосредоточена на *своем*

аспекте социальности: он отделен от других аспектов, внеположен им и только косвенным образом — через *функции* дисциплин, скажем, социологии и истории или экономики и психологии — связан с другими аспектами, с другими предметами. А дальше просматривается особая система разделения деятельности, которая гораздо сильнее, чем вопросы о тенденциях общественной жизни и стремлениях людей, воздействует на методологические установки и научные пристрастия представителей различных социальных и гуманитарных дисциплин.

Этот вариант «введения» материала научного обществознания в социальную философию выявляет как будто бы непреодолимые барьеры, но он же ставит ряд вопросов, позволяющих обрисовать перспективу дальнейшего движения. Это вопрос о социальной укорененности традиционной системы разделения труда социально-гуманитарных наук. Это, далее, вопрос о принадлежности системе самой социальной философии, а стало быть — о принципиальной неполноте последней. И это, наконец, вопрос о социально-философском выражении проблематики бытия людей, освобожденном от «структурного насилия», производимого разделением научного труда. Последний вопрос стимулирует переключение философской ориентации на формы повседневности, фиксирующие проблематику индивидуальной и совместной жизни людей на «языках» обычных схем общения и действия.

Итак, если мы разделяем социологию и философию, исходя из логико-теоретических положений, тогда реальностью становится их дистанцирование и их отношение по принципу взаимоисключающей дополнительности.

Но возможен другой подход, когда мы исходим из исторической динамики дисциплин.

Учтем, например, что социология XX столетия заметно менялась. В первой половине века это была социология структур, акцентирующая внимание на средствах адаптации людей к социальным системам. Во второй половине века акцентируется внимание на зависимости структур от бытия людей, макросоциального — от индивидуальных взаимодействий. Этот эволюционный переход осуществляется социальной феноменологией и этнометодологией, такими социологами, как Бурдьё [2], Гидденс [10] и многие другие. И в данной ситуации уже не так важно, считаются ли исследователи социологами или философами, важно, что они ставят философские вопросы о воспроизводстве и развитии форм социального бытия. Они подходят к пониманию общества как *процесса*, значит, вводят в социологию *историзм* — как в понимании ее объекта, так и в осмыслении историчности ее собственного бытования. Но здесь мы опять сталкиваемся с ограничениями, налагаемыми традиционными принципами взаимной дополнительности на интеграцию дисциплин обществознания.

История и социология

Критика спекулятивной философии истории сопряжена с движением познания к реальности, с попытками строить историю как науку, исходящую из реальности. Но ясный — в плане критики — тезис о реальности терял свою определенность, как только дело доходило до его позитивной трактовки.

Возникла, например, такая проблема: может ли история как наука опираться на общую для всего знания реальность или она должна основываться на *особой* реальности истории?

В классической философии истории, надо заметить, трактовка истории как *процесса* была тесно связана с пониманием истории как *прошлого*. К середине XIX в. представления эти стали расходиться. Объяснение истории через абстрактно-общие схемы, через идейные и психологические мотивы, через ценностную и смысловую устремленность человеческой деятельности стало отходить на второй план. На первый стало выдвигаться представление об истории как о прошлом, о том, что было, *завершилось* и в этой завершенной форме подлежит *научному* описанию и объяснению.

Обозначилась *возможность двух толкований истории*: 1) истории в широком смысле как *процесса* деятельности людей, развертывающей во времени социальные и культурные формы их бытия, процесса, совершенного и совершающегося, т. е. включающего прошлое, настоящее и будущее, и 2) истории как *завершившегося бытия*, представленного в результатах деятельности людей, в ее следах и памятниках [4]. Эти два толкования истории часто переплетались и смешивались. Но в плане философском и научном они намечали два принципиально различных подхода к пониманию реальности и объяснению истории: первый, нацеленный на понимание и объяснение истории как развития общества, претендующий на системный охват его полифонии, и второй, ориентированный на выделение из человеческого бытия *особого аспекта* и *особой предметности*, подвластных специальному историческому описанию и объяснению. Именно второй подход стали противопоставлять философии истории, именно он во многом обусловил формирование истории как специфической области научного знания.

Поле деятельности исторического познания заметно сокращалось и становилось все более подготовленным для применения эмпирических методов исследования. Вместе с тем как будто бы отпадала надобность в объяснительных схемах, выходящих за рамки непосредственно воспринимаемого и описываемого материала. Историческая реальность, таким образом, сужалась до конкретной совокупности письменных документов, вещественных следов и памятников человеческой деятельности. Теоретический компонент исторического знания вовсе не исключался, но тем не менее ставился в полную зависимость от приемов эмпирического описания и обобщения материала, «пристраивался» к данным эмпирического анализа. В нем, естественно, все больше места находили объяснения исторических причин и следствий, описания социальных структур и трансформаций общественной жизни и соответственно меньше места оставалось для индивидуальных характеристик бытия людей, для истолкования изменений в обществе как результатов деятельности людей, различных ее сочетаний. Тенденция ко все более конкретному отображению исторической реальности, ко все более научному ее описанию грозила исчезновением людей с авансцены исторической драмы, к вытеснению их на задний план обстановкой и декорациями исторического действия.

«Сужение» исторической реальности в целях ее более точного и конкретного описания так или иначе вело к широкому привлечению в историческое исследование вещных свидетельств человеческой жизни и деятельности. Возникал неизбежный парадокс: для людей места в пространстве истории становилось меньше, зато для вещей это пространство оставалось открытым. Более того, получалось, что вещи в некотором смысле способны «сказать» больше о жизни людей, чем сами люди.

Конечно, этот подход не мог полностью отказаться от описания людей, их поступков, интересов и стремлений. Но люди, «вписанные» в вещественную обстановку своей собственной истории, утрачивали таким образом специфически человеческие свойства и все отчетливей представляли носителями каких-то вещеподобных связей и сил.

Так тенденция преодоления спекулятивной философии истории породила ряд парадоксальных следствий. Из поля зрения научного исторического познания стали ускользать проблемы, характеризующие историю общества именно как *социальный* и *человеческий* процесс. Преодоление метафизики на этом пути обернулось сближением истории с физикой, *натурализацией* знания о человеческой истории, истолкованием общественного процесса как процесса квазиприродного, описанием жизни людей по «логике вещей». Стереотип, в согласии с которым научность знания и его натуралистическая (скажем мягче: естественно-научная) ориентация совпадают, во многом определил ход развития исторической науки и всего обществознания во второй половине XIX — начале XX столетия.

В середине XIX столетия благодаря классикам позитивизма произошло разделение общества как объекта на социальную статику и социальную динамику. По умолчанию статика оказалась в ведомстве социологии, а динамика — в ведомстве истории. Причем динамика в основном фиксировалась в прошлом. Настоящее представляло в виде больших структур, в соответствии с которыми осуществлялось управление людьми и их исследование.

В середине столетия двадцатого такое разделение исследовательского труда как раз из-за его простоты перестало соответствовать научным и практическим задачам. Началась мучительная борьба с методологическими стандартами [11, 8]. Стали возникать гипотезы *ad hoc*, дополняющие стереотипные социологические представления. Предполагалось создать особый теоретический конструкт, «который может быть извлечен из неподвижности социальной действительности» [12, 336], т. е. теории социальных изменений, восполняющие недостатки теорий социальных структур. Но в этом уже не было особой надобности, поскольку в социологию настойчиво включались микросоциология, концепции социального действия и повседневного поведения людей.

В исторической науке также идут поиски связи между трактовкой социального процесса и формами индивидуальных взаимодействий. Ощутимый вклад в этот поворот внесла французская школа «Анналов», в отечественной литературе это движение возглавил А. Я. Гуревич с его работами. Таким образом «оживал» процесс истории. Но история по-прежнему предсказывала движение «назад», притяжение прошлого все еще оказывается сильнее стремления представить само движение истории [7].

Историки устанавливают право людей на участие в социальном процессе. Происходит реконструкция форм деятельности людей в социальном процессе. Описываются ритуалы, стандарты и стереотипы массовых действий. Но этого недостаточно, ибо помимо участия людей в истории продолжают работать какие-то другие, часто анонимные, силы. Важно обнаружить в движении истории формы самореализации людей, воплощающие другие силы. Но это пока невозможно, потому что историческое познание не обладает соответствующими ресурсами. Мешает сложившаяся матрица разделения труда между дисциплинами общественности.

История и психология

В середине XX в. на первый план выдвигаются направления и школы, осмысливающие введение гуманитарного «измерения» в изучение социальных взаимодействий и личностного бытия людей.

Оформляется *гуманистическая психология*, включившая целую плеяду впоследствии знаменитых исследователей: А. Маслоу, К. Роджерса, Х. Салливан, В. Франкла, Э. Фромма, К. Хорни, Э. Эриксона. В основе взглядов этих психологов — установка на понимание личности как самореализующегося субъекта, открытого к социальным взаимодействиям, обладающего потенциалом для преобразования внешних влияний.

Это движение не повторяет установки интроспекционистской психологии конца XIX в., требовавшей обратиться к внутреннему миру личности и там черпать знание о человеческой душе. Оно устанавливает связь между самореализацией личности и социальными формами, которые воплощают эту самореализацию.

В позитивной трактовке человеческая самореализация характеризуется как важный аспект деятельности людей, как процесс, обеспечивающий постоянное наполнение социального воспроизводства живыми человеческими силами. Предметные и внешесоциальные формы возможны только при их наполнении самореализацией людей. Это наполнение социального процесса силами человеческой самореализации — условие, без которого он просто невозможен.

Разумеется, в конкретной истории мы не находим примеров «полной» гармонии между индивидуальной самореализацией и социальным процессом. Но из этого не следует, будто история иногда протекает при наличии человеческой самореализации, а иногда может без нее обойтись. Вне человеческой самореализации истории не существует. Другое дело, что она воплощается в формах, видоизменяющих и отчуждающих от людей их самоосуществление: преодоление и смена данных форм, их новообразование и развоплощение и является одной из характеристик исторического процесса.

Понимание этого важного пункта невозможно при опоре на представления об *отдельном индивиде* и «охватывающем» его обществе, порождающие малопродуктивные манипуляции с понятиями общественного и индивидуального. Непродуктивно оно и при жестком разграничении предметного бытия людей и их самореализации.

Самореализация не дополнительная, вторичная характеристика человеческой деятельности, это грань, выявляющая ее многомерность. Обнаружение, использование и модификация в предмете социальных качеств только потому и возможны, что в силах и способностях человеческого индивида присутствует и реализуется его со-бытие с другими людьми, форма связи с их силами и способностями.

«Возвращение» людей в историческое и социологическое познание отчетливо указывает на ограниченность традиционных представлений о разделении труда в обществознании и его интеграции. Радикальные изменения в установках социологии, истории и психологии неизбежно сказываются и на взаимоотношениях между дисциплинами. «Революция в социологии — это революция в целевой дисциплинарной структуре изучения людей», — писал Дж. Арри [14, 466].

Проблема парадигм обществознания

Разделение дисциплин обществознания, так же как идея их интеграции, базируется на неявной установке, согласно которой существует традиционная матрица социально-гуманитарных дисциплин, определяющая их предметы и методы, их взаимоотношения. Однако если мы обратимся к эволюции научного обществознания, то обнаружим, что дело обстоит не так.

Во-первых, потому, что до середины XX в. научного обществознания не было. Во-вторых, потому, что «традиционное» представление о суверенитете дисциплин и их взаимоотношениях формировалось в процессе становления научного обществознания, после того как они вывели свои предметы из-под власти абстрактно-философских представлений о человеке, обществе, истории, культуре. Иными словами, «традиционное» представление о структуре обществознания само является продуктом истории, причем сравнительно недавней. Оно зафиксировало выход общественных наук из-под господства философских абстракций, их самостоятельность и способы их связи в условиях разделения труда. По сути, философская интеграция дисциплин сменялась научной, исходящей из разделения предметов и методов. Одна парадигма, «философская», сменялась другой — «научной», испытавшей заметное влияние позитивистской методологии. Вторая парадигма закрепилась и сохраняла позицию до середины XX в. Этому способствовал и авторитет социологии, в особенности структурно-функционального анализа, считавшейся методологическим «ядром» этой парадигмы.

Но затем по ходу развития психологии, исторического и экономического познания, социальной антропологии и феноменологии, определявших собственные методологические ориентиры, эта парадигма утратила реальную значимость. Возникают идеи отказа от парадигмы, провозглашаются концепции *множественности* парадигм [13, 9]. Этот поиск не увенчался успехом. Разобщенность дисциплин только росла, возник кризис их самоопределения [1].

Историзм парадигмы обществознания

Эволюция парадигмы (парадигм) обществознания указывает на то, что сама эта парадигма есть явление историческое. Ее форма и влияние на знания зависят от изменения форм социального бытия и соответственно от их воздействия на структуры производства социально-гуманитарного знания. По ходу этого процесса формируются новые парадигмы, сдвигаются представления о функциях дисциплин и способах их взаимодействия. Что примечательно, предметная ориентация дисциплин сохраняется, а их методология трансформируется, особенно в части освоения или присоединения «территории» сопредельных дисциплин.

Философия самобытности отдельной общественной науки и ее взаимодействия с партнерами трансформируется. Тут самое время сказать о позиции современной философии. В ее определении есть двусмысленность, заданная сочетанием разных трендов. Сохраняется стандартное представление о том, что философия — некая обобщающая дисциплина, предлагающая мировоззрение и методологию. И фактически реализуется другая тенденция, согласно которой философия — одна из социально-гуманитарных дисциплин, работающая с другими над проблемами социального бытия и его выражения в научном и обыденном знании. Второй тренд задает ориентацию философии на динамику социального бытия и на действие этой динамики в структурах обществознания. Причем речь идет не об отражении динамики в теориях и образах, а об анализе форм и функций этих отображений, об их встроенности в ход общественной эволюции и об их влиянии на ее сдвиги.

История парадигм обществознания показывает, что отдельные дисциплины стремятся преодолеть туннельное видение. Но эта же история показывает, что нельзя его преодолеть, не изменив форм взаимодействия с другими дисциплинами. Переиначив идею Дж. Арри, отмеченную ранее, скажем, что нельзя укрепить фундаментальные основы научной дисциплины, не повлияв на системную согласованность ее с другими областями познания. Если формы простого разделения труда и простой кооперации уступают первый план формам системного партнерства и системной методологии, это признак того, что и в трактовке общества как объекта на первый план выходит трактовка его как процесса, как воспроизводства и создания его структур в формах совместной и разделенной деятельности людей.

---

1. Буравой М. Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире // Социс. 2009. № 4.

2. Бурдые П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2005.

3. Кемеров В. Е. Социальная философия в современном мире // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4, вып. 3–4(13–14).

4. Кемеров В. Е. Социальная философия. М., 2004. Гл. 2.

5. Момджян К. Х., Подвойский Д. Г., Кржевов В. С., Антоновский А. Ю., Бараш Р. Э. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? // Вопр. философии. 2016. № 1.

6. Пек М. С. Непроторенная дорога. Ч. 3, разд. «Туннельное видение ученых». К., 1999.

7. Хвостова В. К. Методология истории и ее связь с конкретно-историческими исследованиями // *Вопр. философии*. 2016. № 7.
8. Bulmer M. *Sociology and History: Some Recent Trends* // *Sociology*. 1974. Vol. 8, № 1.
9. Cole St. *The Hierarchy of the Science?* // *American Journal of Sociology*. 1983. Vol. 88, № 4.
10. Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge, 1984.
11. Kuzminski A. *The Paradox of Historical Knowledge* // *History and Theory*. 1973. Vol. 12, № 3.
12. Ritzer G. *Toward an Integrated Sociological Paradigm*. Boston, 1980.
13. Rocher G. *A General Introduction to Sociology*. L., 1972. P. 336.
14. Urry J. *Thomas Kuhn as Sociologist of Knowledge* // *The British Journal of Sociology*. 1973. Vol. 24, № 4. P. 466.

Рукопись поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

УДК 316.47 + 316.62 + 304.44

Н. Л. Антонова
А. В. Данилова

ПОВСЕДНЕВНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

В статье представлен социологический анализ повседневной мобильности, под которой понимаются рутинные воспроизводимые перемещения как совокупность действий и взаимодействий индивидов и групп, цель которых — становление, поддержание и развитие социальных связей и отношений. Повседневная мобильность — это вид социальной практики, детерминированной нормами и имеющей пространственно-временную организацию. В работе выделены виды повседневной мобильности (телесные (физические) и виртуально-коммуникационные перемещения), а также определены ее функции (становление, воспроизводство и развитие социальных связей и отношений, поддержание социального порядка, интеграция индивидов в сообщества/сети, наращивание сетевого капитала).

К л ю ч е в ы е с л о в а: повседневная мобильность, социальная практика, перемещения, социальные отношения и связи.

Социологическая концептуализация повседневной мобильности выступает, на наш взгляд, одним из перспективных направлений современных исследований. Изменения, свойственные современному миру, оказали значительное влияние на повседневную жизнь людей, их представления о пространстве и границах. Повседневная жизнь индивидов и групп трансформируется, увеличивая долю социальных контактов, расширяя социальные связи в повседневных практиках. Современный житель мегаполиса становится субъектом активных перемещений, которые свидетельствуют о его статусно-ролевых позициях, социальной идентичности и межкультурной коммуникации. Повседневная мобильность выступает условием производства и воспроизводства социальных отношений, в основе которых — реализация потребностей различных социальных групп.

Одним из первых социологов, чьи интересы были обращены к изучению феномена перемещений, был Г. Зиммель. Немецкий исследователь определил методологические основания для его анализа, которые заключаются в следующем:

- индивид, в отличие от животных, «стремится к соединению» [6];
- взаимодействие «лицом-к-лицу» является «наиболее непосредственной и чистой формой взаимодействия» [14, 111], вся социальная жизнь состоит из таких рутинных взаимодействий;
- изучение движения индивида в пространстве позволяет выявлять социальные связи и отношения и определять причины социальных действий и взаимодействий.

Таким образом, феномен перемещений включается в предметное поле социологического анализа и становится фундаментом построения объяснительных моделей социальных действий и взаимодействий индивидов и групп, формирования социальных связей и отношений.

Дальнейшее рассмотрение процессов перемещения в рамках классической социологии приводит к созданию теории социальной мобильности. П. А. Сорокин в своей типологии социальной мобильности выделяет горизонтальную территориальную социальную мобильность, однако географические перемещения не становятся проблематикой его специального социологического изучения. Вместе с тем определение горизонтальной мобильности в концепции автора выступает, по нашему мнению, важным эмпирико-социологическим инструментом, не только раскрывающим социальную значимость перемещений, но и позволяющим провести процедуру их измерения.

Одним из существенных прорывов в исследовании перемещений можно считать работы представителей чикагской социологической школы. В трудах Р. Э. Парка по социальной экологии [9] перемещение становится фактором, определяющим специфику социальной организации жизнедеятельности людей: это «свойственное человеку стремление» отличает человека от растения, а тот факт, что перемещения человека целенаправленны (т. е. имеют цель и направление), отличает человека от животного. Американский исследователь приходит к выводу, что перемещения индивидов и социальных групп связаны с установлением социальных контактов, которые, в свою очередь, являются базисом формирования и развития социальных взаимодействий и отношений.

Другой известный представитель чикагской школы Э. Бёрджесс, развивая подход Р. Э. Парка, предлагает одну из первых классификаций перемещений. Согласно этой типологии [2, 66] первый вид перемещений — рутинные перемещения, которые призваны «контролировать постоянную ситуацию», а второй вид — перемещения, связанные с изменениями в повседневной жизни человека-персоны («движения в ответ на новый стимул или ситуацию»).

В целом в работах представителей чикагской социологической школы получили развитие идеи Г. Зиммеля и были сформулированы ключевые положения для дальнейшего социологического осмысления изучаемого феномена: перемещения индивидов и групп являются целенаправленными, а стремление к перемещению выступает социальным свойством индивида; возникновение социальных

связей как результат перемещений становится условием интеграции индивидов в общество/сообщество, однако «личные и социальные отношения во многом определяются физическими расстояниями» [8]; рутинные (повседневные) перемещения обеспечивают неизменность сложившегося социального порядка, т. е. свидетельствуют о социальной устойчивости общественной жизни.

Классический этап развития социологии стал источником и идейным вдохновителем обращения в конце прошлого столетия современных исследователей к вопросу перемещений. Именно этот тезис утверждён основателями новой парадигмы мобильностей М. Шеллер и Дж. Урри [13], которую авторы определяют как «псевдоновую». Основные положения классиков развиваются и дополняются признанием материальной гетерогенности социального, концепцией «чувственных географий», теориями социальных сетей, комплексности, а также идеями пространственного поворота. Новая парадигма мобильностей анализирует транспортные и коммуникационные инфраструктуры как целостные системы мобильности с точки зрения доступности и практик их использования, характерных для разных социальных групп, поскольку «каждое движение переплетено с социальными практиками» [10, 155].

Основные вопросы, входящие в область исследований парадигмы мобильностей, — это проблемы, связанные с выявлением факторов как способствующих, так и препятствующих реализации мобильностей индивидов и социальных групп, определяющих возможности и процедуры установления и поддержания социальных связей и отношений. При этом особое место в аналитическом конструировании занимают исследования неравенства в доступе к мобильностям. В частности, индивиды, имеющие ограниченные физические возможности здоровья, испытывают значительные затруднения в повседневных перемещениях, и соответственно их доступ к мобильностям ограничен.

Таким образом, особенностью новой парадигмы мобильностей является рассмотрение всего комплекса перемещений, а также исследование взаимосвязи между разными видами перемещений. Они рассматриваются не как результат рационального решения о наиболее быстром и наименее проблематичном способе передвижения из пункта А в пункт Б, а как особый социальный феномен. В русле нового подхода признается влияние социальных установок, идентичностей, опыта и т. п. на выбор маршрута и способа перемещения, кроме того, предполагается наличие разнообразных дискурсов и систем обоснования, отдающих предпочтение определенным видам и формам мобильности.

В нашем понимании повседневная мобильность — это рутинные воспроизводимые перемещения как совокупность действий и взаимодействий индивидов, цель которых — становление, поддержание и развитие социальных связей и отношений. По сути, это вид социальной практики, реализуемой индивидами и социальными группами, детерминированной нормами и имеющей пространственно-временную организацию.

Проблема расстояния выступает ключевой в социологическом осмыслении повседневной мобильности. Это связано с попытками современных исследователей ее типологизировать. Речь идет о том, что повседневные перемещения

не ограничиваются только изменениями положения тела индивида в физическом пространстве. И в этом смысле дискуссионным выглядит тезис У. Бека о повседневной мобильности как мобильности «между домом и рабочим местом» [1, 70].

Решение данного вопроса предлагают О. Содерстон и Л. Крот [15], создающие аналитическую рамку, которую они называют «аналитики мобильности». Исследуя мобильность, авторы выделяют два аспекта в ее анализе: мобильность как телодвижение (перемещение определяется субъектом, маршрутом, скоростью, повторяемостью, масштабом); мобильность как социальное явление (определяется целью, значением, опытом, компетенциями). Эта аналитическая рамка позволяет включить в исследования повседневной мобильности, например, коммуникационную или виртуальную мобильности.

Британский социолог Дж. Урри также не ограничивается телесными перемещениями, в его типологии мобильности по способу реализации могут быть телесными, физическими, виртуальными, воображаемыми, коммуникационными [10, 135–136].

В нашем понимании правила и принципы преодоления расстояний выступают формальным критерием, позволяющим определить виды повседневных мобильностей: телесные (физические) перемещения и виртуально-коммуникационная мобильность. В первом случае индивиду/группе приходится изменять свое положение в физическом пространстве и пересекать границы своего места жительства. При этом перемещение может осуществляться как без использования, так и с использованием транспортных средств (трамвай, троллейбус, автобус, автомобиль, поезд, самолет). Во втором случае речь идет о применении технических ресурсов в виде телефонов, компьютеров, планшетов и пр., которые позволяют осуществить повседневную мобильность, оперативно преодолевая значительные расстояния.

В представленные выше виды повседневной мобильности помимо расстояния включен еще один критерий — время, которое индивид затрачивает на преодоление расстояний: телесные перемещения требуют больших временных затрат, нежели виртуально-коммуникационные. Соответственно преодоление расстояния обладает темпоральным измерением.

Повседневная мобильность предполагает «вписанность» индивида/группы в систему событий. С одной стороны, темпоральность характеризует перемещения как одновременные или последовательные. Физические перемещения характеризуются последовательностью: пока не завершено одно перемещение, другое не может начаться; движение по маршруту происходит поэтапно, в определенном порядке; не достигнув остановки определенного вида транспорта, индивид не сможет воспользоваться им. Виртуально-коммуникационные перемещения с большей вероятностью оказываются одновременными: распространение программ по обмену мгновенными сообщениями позволяет вести несколько бесед параллельно, кроме того, написание текстового сообщения может сопровождаться разговором по телефону. Использование различных мобильных устройств (смартфоны, ноутбуки, планшеты и т. д.) позволяет одновременно осуществлять физические и виртуально-коммуникационные перемещения, такая практика отражается на развитии технических средств: появление и демократизация bluetooth-гарнитур

и громкой связи в автомобиле (hands free) отвечают потребностям одновременных перемещений.

С другой стороны, индивид осуществляет перемещения в соответствии с ориентацией во времени. Современные индивидуальные повседневные мобильности представляют собой слабосинхронизированные системы. Индивидам необходимо тщательно согласовывать время для того, чтобы встреча состоялась, иногда это происходит вплоть до наступления самого события встречи. Также существуют формальные обязательства участия в определенных событиях, которые свидетельствуют о необходимости следования сложившейся системе норм и ценностей.

Представленную типологию социальной мобильности можно дополнить. Критериями для выделения ее видов могут стать длительность (ритм) перемещений, их структура (маршруты), использование технических средств (транспорта) и др.

Повседневная мобильность как социальная практика обладает свойством интерсубъективности, т. е. не сводится «к индивидуальным паттернам или предпочтениям» [10, 102], она регулируется определенными нормами. Примером этого являются правила дорожного движения. Они устанавливаются на государственном уровне, их соблюдение контролируется и санкционируется. Вместе с тем формальные правила дорожного движения дополняются неформальным «дорожным этикетом», который, к примеру, предполагает необходимость освободить место в левом ряду для автомобиля, двигающегося с большей скоростью. Тот же «дорожный этикет» предписывает обогнавшему автомобилю поблагодарить уступившего дорогу, «моргнув аварийкой».

Мы можем говорить не только о социальной обусловленности мобильности, но и о социальных характеристиках ее протекания, а также об определенных социальных последствиях. Обязательность выполнения формальных и неформальных норм отличается в различных обществах и обладает различными обоснованиями. То, как водитель, относится к выполнению этих правил, сопряжено с процессом конструирования идентичности. Так, например, нарушитель скоростного режима может считать себя «лихачом», «гонщиком», «деловым человеком», «обычным жителем мегаполиса» и т. д. в соответствии с привлекательными для него системами обоснования. Различные перемещения, по мнению современного исследователя О. Енсена [12], могут быть проанализированы с точки зрения драматургического подхода И. Гофмана как акты конструирования идентичности через перемещение.

Повседневная мобильность имеет нормативно-ценностные основания, которые необходимы для воспроизводства социальных отношений. Она осуществляется в пространственно-временном измерении, а не между иерархическими социальными позициями. Рутинные перемещения не всегда сопряжены с изменением социальной позиции. Сам факт перемещения скорее является подтверждением принадлежности к определенной социальной группе. Наиболее привилегированные социальные группы стремятся к созданию символических и материальных барьеров, ограничивающих доступ к более комфортным и скоростным способам перемещений (примером этого может служить выделение различных классов обслуживания пассажиров, отличающихся по стоимости).

Возможность свободно перемещаться для преодоления расстояний, наличие потенциально доступных отдаленных объектов является ресурсом, необходимым для получения выгод. При этом понятие «свободно перемещаться» имеет несколько аспектов. Здесь важна возможность перемещаться независимо от внешней воли. В этом смысле наименее обеспеченными ресурсами такого рода становятся дети, старые люди, люди с ограниченными возможностями, которые оказываются не способны к самостоятельным перемещениям и зависят от сопровождающих их лиц. Кроме того, понятие «свободно перемещаться» включает в себя и возможность остаться без движения, т. е. отказаться от перемещения. И наконец, «свободно перемещаться» означает иметь возможность выбирать способ перемещения: «Я мог себе позволить роскошь, которую почти никто не может себе позволить: я живу в Америке и не умею водить машину. Вообще. У меня ее даже физически нет. Я всюду хожу пешком, красота! Ну, или на велосипеде» [7].

Таким образом, движение «насыщается ценностями, нормами и властью» [4] и становится ресурсом, к которому разные социальные группы имеют разный доступ. Реализация повседневной мобильности как вида социальной практики обнаруживает широкий спектр сценариев и интерпретаций, характерных для представителей различных социальных групп и общностей. Так, повседневные мобильности трудоспособного населения будут отличаться от перемещений пожилых и старых людей; мобильности женщин, имеющих детей дошкольного возраста, иные, нежели перемещения девушек-студенток, не обремененных детьми и брачными узами.

Л. Камареро и Дж. Олива [11] подробно проанализировали, как отличается повседневная мобильность жителей различных районов одного из испанских городов. В своем исследовании они приходят к выводу, что существует корреляция между семейными обязательствами, районом проживания (анализируемые в исследовании районы проживания в значительной степени отличаются по социально-демографическим характеристикам населения) и повседневной мобильностью горожан. При этом жители пригородов являются более мобильными не потому, что живут далеко от центра города, места работы и досуга, а потому, что имеют больше социальных обязательств и обладают большими возможностями для мобильности (сетевым капиталом).

Повседневные мобильности имеют содержательно-целевое назначение, т. е. функциональное поле. Э. Дюркгейм в своих работах под социальной функцией понимал соответствие того или иного явления определенной потребности социальной системы [5]. Положив в основу определения функций повседневной мобильности потребности такой социальной системы, как общество, можно говорить о возможностях их анализа на макроуровне.

Во-первых, повседневная мобильность, как мы отмечали выше, выполняет функцию становления, воспроизводства и развития социальных связей и отношений. Во-вторых, ей присуща функция социального порядка, который служит организации повседневной жизнедеятельности индивидов и групп. В-третьих, исследуемый нами феномен обеспечивает интеграцию индивидов в сообщества/сети, формирующиеся по разным основаниям. В-четвертых, повседневные мобильности

способствуют наращиванию сетевого капитала индивида, который в целом может служить индикатором адаптационного потенциала разных групп и общностей.

В целом изучение практики повседневной мобильности составляет особую предметную область социологического анализа. Ее социальное значение в обществе заключается в формировании возможностей для взаимодействий индивидов и групп, имеющих нормативно-ценностные основания, и необходимых для поддержания устойчивых социальных отношений, конституирующих социальное пространство (определяемое как пространство социальных отношений). Повседневные перемещения создают «...относительно стабильный универсум ситуаций...» [3, 51], способствуя закреплению статусно-ролевых позиций представителей различных социальных групп. Исследования повседневной мобильности выступают важным звеном в конструировании идей и концепций социологического осмысления социальных изменений и процессов в современном общественном развитии.

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой ; послесл. А. Филиппова. М., 2000.
2. Бёрджесс Э. Рост города. Введение в исследовательский проект / пер. В. Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология. 2000. № 4. С. 122–136.
3. Бурдье П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб. ; М., 2001.
4. Веселкова Н. В. Новые исследования мобильности: совпадающие и несовпадающие потоки и социальная компетентность // Журн. социологии и социал. антропологии. 2011. Т. 14. № 3. С. 50–66.
5. Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии : учеб. пособие для вузов. 5-е изд. М., 2001.
6. Зиммель Г. Мост и дверь // Социология власти. 2013. № 3. С. 145–150.
7. Константинов А. Возвращение Оганова // Русский репортер. № 48(236) [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrep.ru/article/2015/10/07/vozvrashchenie-oganova> (дата обращения: 02.12.2015).
8. Парк Р. Э. Физика и общество // Социол. обозрение. 2007. Т. 6, № 1. С. 4–16.
9. Парк Р. Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Там же. 2006. Т. 5, № 1. С. 11–18.
10. Урри Дж. Мобильности. М., 2012.
11. Catarelo L. A., Oliva J. Exploring the social face of urban mobility: daily mobility as part of the social structure in Spain // International Journal of Urban and Regional Research. 2008. Vol. 32.2. P. 344–362.
12. Jensen O. Erving Goffman and everyday life mobility // The contemporary Goffman. N. Y., 2010.
13. Sheller M., Urry J. The new mobilities paradigm // Environment and Planning. 2006. Vol. 38. P. 207–226.
14. Simmel G. Sociology of the Senses // Simmel On Culture: Selected Writings. L., 1997.
15. Soderstrom O. The mobile constitution of society: rethinking the mobility – society nexus // Working Papers MAPS. 2010. № 7 [Electronic resource]. URL: <http://doc.rero.ch/record/19815> (accessed: 18.03.2015).

Рукопись поступила в редакцию 8 апреля 2016 г.

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена выявлению роли социокультурного капитала в условиях глобализации общества. На основе анализа различных трактовок концепта социокультурного капитала выводятся его качественные характеристики, отличающие его от других видов капитала. Выявлено, что социокультурный капитал в современном обществе негласно выполняет функцию регулятора социальных процессов, в том числе и глобализационных. Эффективность этой функции зависит от уровня развития общества, в котором он генерируется, а также от объема других видов капитала, потенциально способных конвертироваться в социокультурный капитал.

Ключевые слова: социокультурный капитал, глобализация, конвертируемость капиталов, идентичность.

Глобализация играет значимую роль в жизни современного общества (под *глобализацией* в данном контексте мы будем понимать интенсивное перемещение или обмен объектами между предустановленными объединениями, будь они политическими, экономическими или культурными [14, 184]). Процесс глобализации затронул практически все сферы жизни общества: экономику, культуру, образование, религию и т. д. Естественно, наибольшее влияние глобализация оказала на экономику, превратив мировое пространство в единую экономическую систему. Транснациональные корпорации, международная конкуренция, мировая торговля — все это следствие процессов глобализации.

Не могла не затронуть глобализация и образовательную систему, в которой благодаря унификации и стандартизации систем высшего образования стало возможным формирование единого образовательного пространства. Огромную роль сыграла глобализация и в духовной сфере жизни общества: благодаря аккумуляции — процессу и результату взаимодействия культур [11, 149] — произошло приобщение мирового сообщества к историко-культурному наследию различных национальных и этнических сообществ, которые раньше находились в культурной изоляции от внешнего мира.

Глобализация оказала существенное влияние на все сферы и стороны жизни общества: очевидно, что любому государству необходимо включаться в процессы глобализации, без которых оно не сможет полноценно развиваться. Однако в целом отношение к глобализации неоднозначное: с одной стороны, нельзя не признать положительное влияние процессов глобализации на мировое сообщество, но с другой — невозможно отрицать и негативные последствия ее влияния. Среди них наиболее острыми являются проблема увеличения экономического разрыва между развитыми и отсталыми странами, деиндустриализация экономики, увеличение безработицы, экологические проблемы (истощение природных ресурсов, загрязнение воды), утрата национального и исторического наследия

отдельных культур, поглощение национальной культуры образцами массовой культуры, ассимиляция небольших этнических сообществ и т. д. По сути, глобализация сокращает все то, что составляет основу национального достояния любого общества: природные ресурсы, экономическую мощь, культурное наследие и т. д., другими словами — *капитал*. Капитал в широком смысле можно отождествлять с богатством нации, которое представляет собой совокупность ресурсов, способных приносить доход, выгоды, блага на разных уровнях общества — отдельному человеку, предприятию, организации, территории, обществу в целом [1, 36].

Из сказанного выше напрашивается вывод: глобализация сокращает объем совокупного капитала общества, в который включаются все виды капитала — природный, экономический, социальный, человеческий и др. Однако отдельное место среди всех видов капитала занимает социокультурный капитал, сокращение объема которого грозит не только истощением различного рода ресурсов, но и *утратой идентичности*. Как один из видов нематериальных ресурсов он генерируется на уровне взаимодействия культуры и общества, в систему координат которых органично вписан человек как носитель определенной культуры, национального самосознания. А потеря корней, забывание истории в условиях глобализации неизбежным образом приведут к утрате идентичности.

Выходит, что в результате влияния глобализации утрачивается не только капитал во всем его многообразии, но и размывается идентичность и в первую очередь идентичность этническая. Как отмечает А. И. Куропятник, «...усилия глобализации направлены на разрушение устойчивых и глубоких социальных связей индивида с любыми сообществами, в том числе и теми, которые по инерции все еще относятся к традиционным» [8, 156].

Действительно, межкультурные связи, популяризация канонов массовой культуры, унификация ценностно-нормативных систем направлены на формирование космополитичной личности («Я как человек мира»), которая отрицает этничность в любых ее проявлениях и ракурсах. Глобализация стремится к созданию единого унифицированного мирового пространства, в котором господствующей идентичностью станет глобальная идентичность. Сохранение же этнической идентичности возможно лишь в условиях генерации и увеличения кумулятивного социокультурного капитала общества.

В данной статье мы попытаемся выяснить качественные характеристики социокультурного капитала с тем, чтобы понять, может ли он в условиях глобализации сохранить этническую идентичность.

Следует отметить, что четко сформулированной концепции социокультурного капитала нет: разные исследователи вкладывают в это понятие собственный смысл. Самая распространенная трактовка социокультурного капитала сводится к его отождествлению с социальным капиталом. Действительно, социальный капитал играет важную роль в современном обществе, и в первую очередь в процессе формирования социального пространства [6], поэтому неудивительна путаница и взаимная замена этих понятий. К примеру, Ф. А. Ветров [4, 86], исследуя социокультурный капитал территории в дихотомии «Моногород» — «Инноград»,

апеллирует к трактовке социального капитала П. Бурдьё. Можно предположить, что одной из качественных характеристик социокультурного капитала является способность выполнять функцию социального капитала.

Некоторые исследователи рассматривают социокультурный капитал как совокупность различных видов капиталов. Н. Г. Федотова, к примеру, дает следующее его определение: «Социокультурный капитал — это совокупность капиталов социального и культурного, символического характера по отношению к некоторому сообществу» [12, 128]. Очевидно, что все то, что принято обозначать словом «социокультурное», является результатом взаимодействия социального и культурного: оно образуется на стыке культурного, общественного и индивидуального. Исходя из этого, можно сделать вывод, что социокультурный капитал образуется путем переплетения нескольких источников различных видов капитала.

Другой исследователь, Э. А. Паин, при анализе иранской и турецкой моделей модернизации с точки зрения объема сформированного социокультурного капитала в этих странах рассматривает его во взаимосвязи с другими видами капитала. В первую очередь он отмечает деградацию культурного капитала нации, поясняя, что «государство не успевало, а зачастую и не могло привить новые культурные навыки, а традиционная система социализации и передачи культурных норм рушилась»; помимо этого «неуклонно таял» социальный капитал, связанный с уровнем общественного доверия, взаимопомощью, поддержкой, готовностью к совместным действиям и т. д. По мнению Э. А. Паина, социокультурный капитал — важнейшая предпосылка модернизации, со временем он должен конвертироваться в экономический капитал [9, 120–122]. Из этого можно сделать вывод о взаимосвязи социокультурного капитала с другими видами капитала и их взаимной конвертации.

Более проработанная трактовка концепции социокультурного капитала представлена С. В. Богдан: в ее основе — анализ взаимодействия социального и культурного в широком социологическом дискурсе. Исследователь полагает, что в основе конструкта социокультурного капитала — «соотношение понятий *социальное* и *культурное* в интерпретации капитала» [2, 50]. По мнению С. В. Богдан, особенность социокультурного капитала состоит в том, что он образуется в тех социальных отношениях, связях и сетях, которые носят социокультурный характер. При этом важным условием генерации такого капитала является «культурно-охранная и культуротворческая деятельность индивидуальных и коллективных субъектов» [Там же, 52].

Существует и более широкая трактовка социокультурного капитала. По мнению С. А. Узаковой, анализирующей особенности семейных ценностей казахов в современных условиях глобализации, социокультурный капитал представляет собой основу общественных отношений. В данном контексте автор обращает внимание на тесную связь такого капитала с идентичностью, которая основывается на кровно-родственной связи и родовом сознании [10, 130]. В. Е. Шедяков также рассматривает социокультурный капитал сквозь призму идентичности, утверждая, что в основаниях социокультурного капитала входит осознание своей принадлежности к определенному кругу устойчивых социальных отношений и группам

онлайн-идентичности [13, 213]. И другой исследователь, Т. А. Ветрова, при исследовании социокультурного городского ландшафта (на примере города Череповца) указывает на связь социокультурного капитала с идентичностью, отмечая, что он связан с поиском региональной идентичности [3, 95].

Исходя из этого, можно выделить следующие качественные характеристики социокультурного капитала: с одной стороны, социокультурный капитал можно рассматривать в широком контексте как основу всех общественных отношений, что указывает на его социальную обусловленность, а с другой, необходимо отметить его культурную обусловленность — включенность в определенное культурное пространство, тесно связанную с идентичностью как осознанием принадлежности к определенному сообществу.

Отдельно следует отметить исследователей, использующих концепт социокультурного капитала для изучения различных проблем культурной жизни и решения социально-психологических задач. К примеру, А. В. Кудинова применяет понятие социокультурного капитала при исследовании роли медиакультурных факторов инновационной модернизации современного российского общества [7, 46]. Другой исследователь, В. Г. Грязева-Добшинская, исследует феномен толерантности как социокультурный капитал инноваций предприятий и определяет его как «готовность субъектов на уровне принимаемых ценностей, символов, социальных ролей к изменениям, к инновационному варианту развития» [5, 18].

Эти исследования свидетельствуют об универсальности концепции социокультурного капитала, которую можно использовать для анализа различных социально-культурных проблем. И хотя на сегодняшний день данный концепт представляется недостаточно определенным и конкретным, тем не менее он позволяет изучать социальные явления с точки зрения встраивания в условия современного общества. В доказательство можно выделить несколько качественных характеристик социокультурного капитала, наличие которых позволяет рассматривать его как самостоятельную и независимую переменную в структуре совокупного капитала.

Во-первых, социокультурный капитал, как и любой другой вид капитала, выполняет функцию ресурса. Однако источником такого капитала является не один ресурс, как преимущественно в других видах капитала, а комбинация различных источников, образуемая путем их взаимного переплетения: это деньги, власть, образование, религия и т. д.

Во-вторых, качественной характеристикой данного капитала является взаимосвязь с другими видами капитала. С одной стороны, он образуется путем комбинации разных видов капитала: например, индивидуального социального капитала (социальные связи индивида) и группового символического капитала (репутация и авторитет его семьи или родственников). С другой стороны, различные виды капитала на разных уровнях способны конвертироваться в социокультурный капитал. Например, высокий уровень социального капитала общества (высокое доверие в обществе, взаимная поддержка, наличие добровольных объединений) в условиях развитой экономики (экономический капитал) способен конвертироваться в аккумулированный социокультурный капитал общества (высокий

уровень образованности общества, большая доля среднего класса, превалирование духовных ценностей, высокий уровень развития культуры и т. д.).

В-третьих, социокультурный капитал предстает как часть культуры, которая указывает на степень включенности человека в определенные ценностно-нормативные системы, на принадлежность к определенному социокультурному сообществу, подкрепленную осознанием общей судьбы, исторического прошлого, культурного наследия и т. д.

В-четвертых, социокультурный капитал способствует формированию идентичности: он представляет собой ту платформу, на которой происходит ее формирование путем включения в социальное и культурное пространство, путем социализации и усвоения исторического наследия данной культурной среды.

И в-пятых, необходимо отметить универсальность концепции социокультурного капитала, которая позволяет подходить к изучению предмета исследования с различных сторон: с точки зрения его функциональных возможностей, включенности в социокультурное пространство и взаимодействия с другими социальными явлениями.

В условиях глобализации социокультурный капитал играет значимую роль в жизни общества: выступая основой социальной и культурной жизни, он задает ключевые направления развития социума. В то время как деиндивидуализация, потеря корней, отчуждение, вызванные процессами глобализации, приводят к размыванию и утрате идентичности, социокультурный капитал, напротив, способствует сохранению этнической идентичности через такие механизмы, как ценности, нормы, традиции, идеалы, обычаи и т. д.

Другими словами, социокультурный капитал в современном обществе неявно выполняет функцию регулятора социальных процессов, в том числе и глобализационных. Эффективность этой функции зависит от уровня развития общества, в котором он генерируется, а также от объема других видов капитала (природного, экономического, культурного, социального, человеческого, символического), потенциально способных конвертироваться в социокультурный капитал. Чем выше уровень социально-экономического, политического, духовного развития общества, тем больше объем социокультурного капитала. И, несмотря на очевидные преимущества всеобщего процесса глобализации, усилия общества должны быть направлены на консолидацию общественных сил, препятствующих «распылению» социокультурного капитала общества.

---

1. *Беляева Л. А.* Нематериальный капитал: к методологии исследования // Социол. исслед. 2014. № 10.

2. *Богдан С. В.* Концептуальное содержание понятия «социокультурный капитал» // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. Челябинск. 2012. № 4(32). С. 50–55.

3. *Ветрова Т. А.* Социокультурный городской ландшафт: антропогенность, модернизация, социокультурный капитал (на примере города Череповца) // Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Череповец, 2012. Ч. 1.

4. *Ветров Ф. А.* «Моногород» — «Инноград»: социокультурный капитал территории // Там же.

5. *Грязева-Добшинская В. Г.* Толерантность субъектов творческой и инновационной деятельности как социокультурный капитал инноваций предприятий // Вестн. ЮУрГУ. Серия «Психология». Вып. 15. 2011. № 42.
6. *Ильдарханова Ч. И.* Переоткрытие социальной реальности города и села: методологические новации изучения динамики жизненного пространства // Вестн. МГИМО. 2014. № 6.
7. *Кудинова А. В.* Медиакультурные факторы современной российской модернизации // Медиакультура и медиаобразование в поликультурном обществе : сб. науч. ст. по материалам всерос. науч. заоч. конф. с международ. участием. М., 2014.
8. *Куропятник А. И.* Миграция и идентичность в условиях глобализации // Материалы международ. конф. «Идентичность и миграция в меняющемся мире» в рамках Конвента «Модернизация обществ и множественные модернизации». Екатеринбург, 2013.
9. *Паин Э. А.* Социокультурный капитал в стратегиях управляемой модернизации: сравнительный анализ иранской и турецкой моделей // TERRA ECONOMICS. 2014. Т. 12, № 3.
10. *Узакова С. А.* Социокультурный капитал казахов в условиях социальных трансформаций // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 7. Философия. 2015. № 2(28).
11. *Ушканова Р. Д.* Логико-семантический анализ аккультурации // Вестн. ЯГУ. 2010. Т. 7, № 1.
12. *Федотова Н. Г.* Теоретико-методологические векторы концепции социокультурного капитала // Вестн. Новгород. гос. ун-та. Новгород, 2015. № 87, Ч. 1.
13. *Шедяков В. Е.* Социокультурный капитал как условие активизации производительных сил общества // Актуальні проблеми філософії та соціології. Вип. 5. Одеса, 2015.
14. *Bartelson J.* Three Concepts of Globalization // International Sociology. June. 2000. Vol. 15(2).

Рукопись поступила в редакцию 25 апреля 2016 г.

СПЕЦИФИКА ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ПСИХОЛОГОВ И ПЕДАГОГОВ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ДЕФОРМАЦИЯМИ (ВЫГОРАНИЕМ)

Рассмотрена жизнестойкость как одна из важнейших частей человеческого существования, способствующих интенсивному саморазвитию, постепенному возрастанию активности и признанию, а также как предпосылка предупреждения (при адекватном и высоком уровнях) и возникновения (при слабовыраженной жизнестойкости, низком уровне) профессиональных деформаций. Выявлена специфика жизнестойкости психологов и педагогов с профессиональными деформациями: ниже среднего уровень вовлеченности, средний уровень жизнестойкости, контроля и принятия риска. Обращено внимание на то, что у работающих педагогов с профессиональными деформациями выявлен ниже среднего уровень вовлеченности, что необходимо учитывать при организации и осуществлении психологической профилактики и психологической коррекции профессиональных деформаций.

Ключевые слова: акмеологический потенциал, выгорание, деперсонализация, жизнестойкость, педагоги, профессиональные деформации, психологи, редукция личных достижений, эмоциональное и/или физическое истощение.

Осуществляя профессиональную подготовку и сопровождение профессиональной деятельности специалистов, необходимо подчеркнуть важность определения особенностей составляющих *профессиональных деформаций*, под которыми понимают деструктивные изменения личности при выполнении деятельности; изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками профессиональной деятельности; деструкции, возникающие при многолетнем выполнении одной и той же профессиональной деятельности, негативно влияющие на ее продуктивность, порождающие профессионально нежелательные качества, изменяющие профессиональное поведение человека; изменение психической структуры, качеств личности под влиянием выполнения профессиональных обязанностей [23, 24].

При осуществлении психологической диагностики, психологической профилактики и психологической коррекции профессиональных деформаций специалистов внимание необходимо акцентировать на жизнестойкости.

Чем раньше диагностированы и осознаны психологические предпосылки профессиональных деформаций, тем эффективнее будут их психологическая профилактика и психологическая коррекция [5].

Согласно С. Мадди и С. Кобаса (S. Maddi & S. Kobasa) *жизнестойкость (hardiness)* — одна из важнейших частей человеческого существования, способствующая интенсивному саморазвитию, постепенному возрастанию активности, признанию, а не отрицанию стресса, восприятию стрессовой ситуации менее болезненно, укреплению воли, психологической живучести и психического здоровья,

формированию установки на выживаемость и успешному преодолению дистресса с приобретением опыта в направлении личностного роста [15, 16].

Именно жизнестойкость дает возможность специалисту адекватно проанализировать стрессовые производственные ситуации и возникающие профессиональные деформации, а также извлечь опыт, открывающий новые возможности и указывающий оригинальные пути решения проблем.

Формирование активной жизненной позиции и жизнестойкого совладания с трудными ситуациями способствует нивелированию пассивности и стремления подчиниться обстоятельствам и плыть по течению.

Теоретической основой профилактического направления профессиональных деформаций являются *три основных компонента жизнестойкости как ключа к стрессоустойчивости* (по С. Мадди):

1) *жизнестойкий, т. е. трансформационный, копинг* — рассмотрение перемен как проблем, ожидающих своего решения, осуществления необходимых когнитивных (расширение перспективы при рассмотрении проблемы и углубление понимания сути проблемы) и поведенческих шагов для эффективного решения проблемы и извлечения из опыта решения проблемы максимальной пользы (наблюдений, находок, мудрости, чтобы расти и развиваться как личности);

2) *жизнестойкое отношение к окружающим людям* — проявление жизнестойких установок в отношениях с людьми (жизнестойкие люди в любых условиях стараются строить отношения на основе взаимопомощи и взаимоподдержки);

3) *жизнестойкие установки:*

– *вовлеченность (commitment)* — уверенность в том, что обнаружение стоящего и интересного для человека способствует включению его в происходящее. Основными характеристиками низкой вовлеченности являются ощущение себя вне жизни, отвергнутым; получение удовлетворенности от процесса и результатов собственной деятельности выступает критерием высокой вовлеченности;

– *контроль (control)* — убежденность в том, что повлиять на результат происходящего можно только в борьбе. Высокий уровень контроля способствует ощущению, что сам человек выбирает свой жизненный путь и собственную деятельность, и подкрепляется поддержкой другими людьми его инициативы; низкий контроль характеризуется беспомощностью;

– *приятие риска (challenge)* — уверенность в том, что развитию способствует все происходящее с человеком путем приобретения положительного и отрицательного опыта [17, 18].

Повышению уровня выраженности компонентов жизнестойкости препятствует отсутствие способности адекватно воспринимать действительность, стрессоустойчивости, умения находить оригинальные способы решения проблем, опираясь на собственные возможности, смысла в различных сферах жизнедеятельности, целостности мотивационно-потребностной сферы.

При осуществлении психологической профилактики профессиональных деформаций специалистов важно сформировать и развить такие качества жизнестойкого человека, как высокая адаптивность и стрессоустойчивость, независимость и уверенность в себе, способность к творческой переработке действительности через

испытание настоящих чувств, выполнение важного и интересного сейчас, доверие собственной интуиции и своему взгляду на мир, стремление к целям и достижениям.

Необходимо отметить, что жизнестойкость выполняет функцию профилактики стресса, помогает успешно справляться с тревогой и стрессами у других людей, способствует сохранению эффективного и проактивного характера группового взаимодействия.

Специалисты с профессиональными деформациями утрачивают такие важные качества жизнестойких людей (по Д. А. Леонтьеву), как незаурядное умение импровизировать и находить нетривиальные решения сложных проблем; убежденность в том, что наша жизнь имеет смысл (основу для этой убежденности часто дает приверженность тем или иным ценностям); умение принимать действительность такой, какова она есть.

Жизнестойкость — это не только сочетание жизнелюбия и энергичности, действенного интереса к жизни и возможностей для достижения поставленных целей, но и умение нестандартно реагировать на стандартные жизненные ситуации; не только уверенность в том, что все в жизни имеет свой смысл и все — свое предназначение, но и готовность выходить победителем из любых жизненных испытаний и выносить из них жизненный опыт, а также оптимистичный способ взаимодействия с миром и окружающими людьми [2].

В психопрофилактической и психокоррекционной работе со специалистами с профессиональными деформациями должен быть сделан акцент на том, что жизнестойкость дает толчок к развитию способностей, возможности проявить лучшие свои человеческие качества, освобождение от оков неуверенности, комплексов и пессимизма, удовлетворение от понимания жизненных процессов; обеспечивает уважение к людям и жизни; помогает достойно выйти даже из экстремальных ситуаций и преодолеть порой серьезные недуги; придает силы для преодоления препятствий и противодействий.

Блок методики диагностики особенностей профессиональных деформаций вообще и эмоционального и/или физического истощения, деперсонализации и редукации личных достижений в частности включал в себя следующие опросники:

— *Maslach Burnout Inventory* — опросник на «выгорание» (МБИ; авторы — К. Маслач и С. Джексон (С. Maslach & S. Jackson); автор адаптированного варианта — Н. Е. Водопьянова; цель — измерить степень «выгорания» в профессиях типа «человек — человек») [1, 469–470; 19–22];

— *Maslach Burnout Inventory* — модификация опросника на «выгорание» (МБИ мод; авторы — К. Маслач и С. Джексон (С. Maslach & S. Jackson); авторы модификации: преподаватели кафедры психологии профессиональной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета; цели — диагностировать степень «выгорания» в профессиях типа «человек–человек»; определить, как люди профессий типа «человек — человек» рассматривают свою работу и людей, с которыми они тесно сотрудничают) [6, 219–222; 19–22];

— *Опросник психического выгорания* (ОПВ; автор — Б. А. Фарбер (B. A. Farber); автор адаптированного варианта — А. А. Рукавишников; цель — диагностировать психическое «выгорание», включающее различные подструктуры личности) [11, 357–360; 12–14].

Результаты исследования особенностей профессиональных деформаций 3816 будущих и работающих психологов и педагогов городов Конаково, Лихославль, Москва, Муром, Осташков, Электросталь показали: выше среднего уровень профессиональной мотивации и редукации личных достижений; средний уровень личностного отдаления, профессиональных деформаций, психического «выгорания» и психоэмоционального истощения; ниже среднего уровень деперсонализации и эмоционального истощения [3, 4].

В *диагностический блок выявления особенностей жизнестойкости* были включены опросники:

– *Тест жизнестойкости (ТЖ (М-АГ))*; автор – С. Мадди (S. Maddi); авторы краткой версии – М. В. Алфимовой и В. Е. Голимбет; цель – определить уровень жизнестойкости) [7];

– *Тест жизнестойкости (ТЖ (М-ЛР))*; автор – С. Мадди (S. Maddi); авторы адаптированного варианта – Д. А. Леонтьев и Е. И. Рассказова [2]; цель – определить уровень жизнестойкости) [8];

– *Тест жизнестойкости (ТЖ (М-ОР))*; автор – С. Мадди (S. Maddi); вариант опросника Е. Н. Осина и Е. И. Рассказовой; цель – определить уровень жизнестойкости) [9];

– *Тест жизнестойкости (ТЖ (М-О))*; автор – С. Мадди (S. Maddi); автор скрининговой версии опросника – Е. Н. Осин; цель – определить уровень жизнестойкости) [10].

Чтобы отследить динамику жизнестойкости и ее составляющих у психологов и педагогов с профессиональными деформациями О. Б. Поляковой осуществлена модификация интерпретаций результатов опросников жизнестойкости (табл. 1, 2).

Таблица 1

Интерпретация результатов опросников жизнестойкости по О. Б. Поляковой

Опросник	Наименование показателя	Уровень жизнестойкости, баллы				
		Н – низкий	НС – ниже среднего	С – средний	ВС – выше среднего	В – высокий
ТЖ (М-АГ)	Составляющие жизнестойкости	0–2	3–4	5–7	8–9	10–12
	Жизнестойкость (сумма составляющих)	0–6	7–14	15–21	22–29	30–36
ТЖ (М-ЛР)	Вовлеченность	0–10	11–21	22–32	33–43	44–54
	Контроль	0–9	10–20	21–30	31–41	42–51
	Принятие риска	0–5	6–11	12–18	19–24	25–30
	Жизнестойкость (сумма составляющих)	0–26	27–53	54–81	82–108	109–135

Окончание табл. 1

Опрос-ник	Наименование показателя	Уровень жизнестойкости, баллы				
		Н – низкий	НС – ниже среднего	С – средний	ВС – выше среднего	В – высокий
ТЖ (М-ОР)	Вовлеченность	0–5	6–11	12–18	19–24	25–30
	Контроль	0–4	5–9	10–14	15–19	20–24
	Принятие риска	0–3	4–7	8–10	11–14	15–18
	Жизнестойкость (сумма составляющих)	0–14	15–28	29–43	44–57	58–72
ТЖ (М-О)	Составляющие жизнестойкости	0–2	3–4	5–7	8–9	10–12
	Жизнестойкость (сумма составляющих)	0–6	7–14	15–21	22–29	30–36

Таблица 2

Интерпретация результатов по всему блоку методик диагностики жизнестойкости и ее составляющих по О. Б. Поляковой

Наименование показателя	Уровень жизнестойкости, баллы				
	Н – низкий	НС – ниже среднего	С – средний	ВС – выше среднего	В – высокий
Вовлеченность	0–21	22–42	43–66	67–87	88–108
Контроль	0–19	20–39	40–60	61–80	81–99
Принятие риска	0–14	15–28	29–44	45–58	59–72
Жизнестойкость	0–54	55–111	112–168	169–225	226–279

У будущих и работающих психологов и педагогов с профессиональными деформациями выявлены (табл. 3):

1) *ниже среднего уровень вовлеченности* (причем у будущих психологов и педагогов и работающих психологов – средний уровень, а вот у работающих педагогов уровень ниже среднего, что и накладывает отпечаток на общий результат): не всегда знают, куда ведет их жизнь; не предвкушают будущее; нервирует наличие слишком большого выбора возможностей в жизни; предпочитают не вступать в глубокие отношения с людьми; спокойно ожидают начала рабочего и учебного дня; бывает, что чувствуют себя лишними даже в кругу друзей; вечером, случается, чувствуют себя совершенно разбитыми; иногда им кажется, что никому нет до них дела, что жизнь проходит мимо них, что окружающие их недооценивают; иногда так устают, что уже ничто не может заинтересовать их; не всегда заняты интересным делом; не всегда работают с удовольствием; иногда им не хватает упорства закончить начатое; не любят, когда им жалуются; не очень любят знакомиться

с новыми людьми; ситуативно им бывает трудно сблизиться с другими людьми; стараются быть в курсе всего происходящего вокруг них; часть работы кажется им бесполезной;

2) *средний уровень контроля*: не верят, что смогут внести вклад в изменение мира к лучшему; не уверены, что их усилия на работе и в учебе в дальнейшем окупятся; отмечают, что нередко жизненный успех зависит в большей степени от удачного стечения обстоятельств, чем от приложенных усилий; считают, что иногда, чтобы преуспеть в жизни, нужно довериться судьбе; бывает, что возникающие проблемы часто кажутся им неразрешимыми; если проблема требует больших усилий, предпочитают отложить ее решение до лучших времен; иногда их пугают мысли о будущем; бывает, что они меняют свои планы в зависимости от обстоятельств; случается, что наваливается столько проблем, что просто руки опускаются; иногда они не уверены в собственных решениях, однако стараются ставить перед собой труднодостижимые цели и добиваться их; не всегда контролируют ситуацию настолько, насколько это необходимо, не всегда могут повлиять на результат того, что происходит вокруг; уверены, что смогут воплотить в жизнь то, что задумали; непредвиденные трудности порой совершенно утомляют их; иногда предпочитают «плыть по течению»;

3) *средний уровень принятия риска*: в отдельных случаях они не готовы работать за меньшие деньги и выполнять неинтересные задания; огорчаются, если изменяются их планы; не беспокоятся, если им приходится скучать; случается, что они неохотно берутся воплощать новые идеи; иногда им кажется, будто они не живут полной жизнью, а только играют роль; редко сожалеют о сделанном; иногда им кажется, если бы в прошлом у них было меньше разочарований и невзгод, им было бы сейчас легче жить на свете; их раздражают события, из-за которых они вынуждены менять свои планы, считают, что лучше синица в руках, чем журавль в небе; не всегда неожиданности дарят им интерес к жизни; отмечают, что их мечты редко сбываются; считают, что если бы они могли, то многое бы изменили в прошлом; часто мечтают о спокойной, размеренной жизни;

4) *средний уровень жизнестойкости*: быстро утомляются; в большинстве ситуаций стараются продемонстрировать активность и дееспособность; в стрессовых ситуациях иногда поддаются панике, принимают решения случайно или оттягивают их принятие; все-таки стараются не сдаваться; иногда в стрессовых ситуациях могут потерять самообладание, стать пассивными и опустить руки; иногда подвержены стрессу; относительно активны и уверены в себе в незнакомых стрессовых ситуациях; при высоком напряжении у них часто появляются депрессия, сбой в работе, усталость и ухудшение состояния здоровья; редко готовы рисковать.

Таким образом, жизнестойкость рассматривается как предпосылка предупреждения (при адекватном и высоком уровнях) и возникновения (при слабовыраженной жизнестойкости, низком уровне) профессиональных деформаций будущих и работающих специалистов.

Спецификой жизнестойкости психологов и педагогов с профессиональными деформациями являются средний уровень жизнестойкости, характеризующийся

Таблица 3
Результаты выявления особенностей составляющих профессиональных деформаций и общей жизнестойкости психологов и педагогов с профессиональными деформациями (по О. Б. Поляковой)

Опросник	Диагностические процедуры и их составляющие	Испытуемые									
		Пс	Пед	Пс + Пед	Ст-пс	Ст-пед	Ст-пс + ст-пед	Всего			
ТЖ (М-АГ)	Во	Б	5,02	4,40	4,71	5,36	5,01	5,19	4,95		
		У	С	НС	С	С	С	С	С		
	К	Б	6,84	5,55	6,20	5,92	5,27	5,60	5,90		
		У	С	С	С	С	С	С	С		
	ПР	Б	5,39	5,28	5,34	5,37	5,30	5,34	5,34		
		У	С	С	С	С	С	С	С		
	Ж	Б	17,25	15,23	16,24	16,65	15,58	16,12	16,18		
		У	С	С	С	С	С	С	С		
ТЖ (М-ЛР)	Во	Б	22,06	21,43	21,75	22,91	21,86	22,39	22,07		
		У	С	НС	С	С	С	С	С		
	К	Б	25,39	24,90	25,15	25,24	25,03	25,14	25,15		
		У	С	С	С	С	С	С	С		
	ПР	Б	14,85	13,06	13,96	14,52	14,17	14,35	14,15		
		У	С	С	С	С	С	С	С		
	Ж	Б	62,30	59,39	60,85	62,67	61,06	61,87	61,36		
		У	С	С	С	С	С	С	С		
ТЖ (М-ОР)	Во	Б	12,95	11,40	12,18	12,87	12,53	12,70	12,44		
		У	С	НС	С	С	С	С	С		
	К	Б	13,71	13,08	13,40	13,52	13,28	13,40	13,40		
		У	С	С	С	С	С	С	С		
	ПР	Б	9,36	8,92	9,14	9,04	9,12	9,08	9,11		
		У	С	С	С	С	С	С	С		
	Ж	Б	36,02	33,40	34,71	35,43	34,93	35,18	34,95		
		У	С	С	С	С	С	С	С		

Окончание табл. 3

Опросник	Диагностические процедуры и их составляющие	Испытуемые								Всего	
		Пс	Пед	Пс + Пед	Ст-пс	Ст-пед	Ст-пс + ст-пед	Ст-пс + ст-пед	Всего		
ТЖ (М-О)	Во	Б	5,31	5,05	5,18	5,73	5,45	5,59	5,39	5,39	
		У	С	С	С	С	С	С	С	С	
	К	Б	7,06	6,14	6,60	6,02	5,80	5,91	6,26	6,26	
		У	С	С	С	С	С	С	С	С	
	ПР	Б	5,26	5,17	5,22	5,31	5,29	5,30	5,26	5,26	
		У	С	С	С	С	С	С	С	С	
	Ж	Б	17,63	16,36	17,00	17,06	16,54	16,80	16,90	16,90	
		У	С	С	С	С	С	С	С	С	
	Общие результаты	Σ Во	Б	45,34	42,28	43,81	46,87	44,85	45,86	44,84	44,84
			У	С	НС	С	С	С	С	С	С
		Σ К	Б	53,00	49,67	51,34	50,70	49,38	50,04	50,69	50,69
			У	С	С	С	С	С	С	С	С
Σ ПР		Б	34,86	32,43	33,65	34,24	33,88	34,06	33,86	33,86	
		У	С	С	С	С	С	С	С	С	
Σ Ж		Б	133,20	124,38	128,79	131,81	128,11	129,96	129,38	129,38	
		У	С	С	С	С	С	С	С	С	

Примечания к таблицам 1–3. Пс – психологи; пед – педагоги; ст-пс – студенты-психологи; ст-пед – студенты-педагоги; Б – баллы; У – уровни; Во – вовлеченность; К – контроль; ПР – принятие риска; Ж – жизнестойкость; Σ – сумма.

ниже среднего уровнем вовлеченности и средним уровнем контроля и принятия риска.

Обращает на себя внимание тот факт, что у работающих педагогов с профессиональными деформациями выявлен ниже среднего уровень вовлеченности, что необходимо учитывать при организации и осуществлении психологической профилактики и психологической коррекции профессиональных деформаций.

1. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб., 2000.
2. *Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости : метод. руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. М., 2006.
3. *Полякова О. Б.* Профессиональные деформации личности: понятие, структура, диагностика, особенности : моногр. М., 2013.
4. *Полякова О. Б.* Психогигиена и профилактика профессиональных деформаций личности. М., 2008.
5. *Полякова О. Б.* Саморегуляция как предпосылка предупреждения профессиональных деформаций // Новое в психолого-педагогических исследованиях: теоретические и практические проблемы психологии и педагогики. 2015. № 2(38). С. 213–222, 237.
6. Практикум по психологии профессиональной деятельности. СПб., 2000.
7. Тест жизнестойкости [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkoyazychnaya-versiya-kratkoj-shkaly-zhiznestoykosti> (дата обращения: 17.05.2014).
8. Тест жизнестойкости [Электронный ресурс]. URL: <http://psytolerance.info/techniques/index.php?c=1296057145&s=1297326077> (дата обращения: 17.05.2014).
9. Тест жизнестойкости [Электронный ресурс]. URL: <http://psycabi.net/testy/563-test-zhiznestojkosti-metodika-s-maddi-adaptatsiya-d-a-leonteva> (дата обращения: 17.05.2014).
10. Тест жизнестойкости [Электронный ресурс]. URL: <http://psylab.info> (дата обращения: 17.05.2014).
11. *Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.
12. *Farber B. A.* Introduction: A critical perspective on burnout // Stress and burnout in the human service professions. N. Y. : Pergamon Press, 1983. P. 1–20.
13. *Farber B. A.* Tailoring treatment strategies for different types of burnout // Paper presented at the Annual Convention of the American Psychological Association. 106th. San Francisco California. 1998. Aug. P. 14–18, 424–517.
14. *Farber B. A.* Understanding and treating burnout in a changing culture. JCLP // Psychotherapy in Practice. 2000. Vol. 56(5). P. 589–594.
15. *Kobasa S. C.* Stressful life events, personality and health: an inquiry into hardiness // J. Pers. Soc. Psychology. 1979. Vol. 37. P. 1–11.
16. *Maddi S. R.* The story of hardiness: 20 years of theorizing, research and practice // Consult. Psychol. J. 2002. Vol. 54. P. 173–185.
17. *Maddi S. R.* Hardiness: an operationalization of existential courage // J. Hum. Psychol. 2004. Vol. 44. P. 279–298.
18. *Maddi S. R., Harvey R. H., Khoshaba D. M. et al.* The personality construct of hardiness, III: Relationships with repression, innovativeness, authoritarianism, and performance // J. Pers. 2006. Vol. 74. P. 575–598.
19. *Maslach C., Jackson S.* MBI: Maslach Burnout Inventory; manual research edition // Palo Alto, CA : Consulting Psychologists Press, 1986. P. 1–17.
20. *Maslach C., Jackson S.* MBI: Maslach Burnout Inventory; research edition // Palo Alto, CA : Consulting Psychologists Press, 1981. P. 13–15.

21. Maslach C., Jackson S. The measurement of experienced burnout // Journal of Occupational Behavior. 1981. Vol. 2. P. 99–113.
22. Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job Burnout // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52. P. 397–422.
23. Polyakova O. B. Category professional deformation in psychology // Procedia: Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 146. 25 Aug. P. 279–282.
24. Polyakova O. B. Structure of professional deformation // Procedia: Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 146. 25 Aug. P. 420–425.

Рукопись поступила в редакцию 3 июня 2016 г.

УДК 371.12.011.3-051 + 159.923.2

**Б. Ю. Берзин
А. В. Мальцев**

УЧИТЕЛЬ: УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ПРОФЕССИЕЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ

В статье рассматриваются проблемы удовлетворенности профессией и самочувствие учителей Екатеринбурга в условиях реформирования системы общего образования. На материалах проведенного социологического исследования анализируется ряд показателей удовлетворенности и самочувствия и их взаимосвязь. Это прежде всего мотивы выбора профессии, образ профессии, ее престижность, отношение к работе. Дается характеристика наиболее востребованных профессиональных черт учителя. Выделены наиболее острые вопросы, волнующие учителей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: учитель, профессия, удовлетворенность, самочувствие, работа, образ, престиж.

Отношение к труду, к работе находится в центре внимания социологов и психологов многие десятилетия. Одно из первых фундаментальных исследований в отечественной науке, посвященных отношению к труду, было проведено в шестидесятые годы прошлого столетия. В нем анализировались объективные и субъективные показатели отношения к труду, структура мотивов трудовой деятельности и влияние личностных характеристик на удовлетворенность работой [1, 97].

В целом можно сказать, что под удовлетворенностью работой многими авторами понимается система ценностных ориентаций и социальных установок, связанных как с содержанием труда (профессией), так и с особенностями конкретной организации, в которой трудится человек. Это реакция на совокупность объективных и субъективных факторов, связанных с работой. К ним можно отнести возраст, пол, социальный статус, состояние здоровья, опыт (стаж) работы, уровень оплаты труда, организацию деятельности и уровень руководства, отношения между людьми в организации и т. д. [2]. В частности, субъективным индикатором удовлетворенности является самочувствие личности.

Одно из первых исследований, посвященных удовлетворенности трудом и профессиональному самочувствию учителя, было осуществлено в конце XX в. на Урале. В исследовании, проведенном социально-психологической лабораторией Института философии и права УрО АН СССР в 1989 г. под руководством одного из авторов статьи, под самочувствием понималась «целостная, относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды, условий бытия человека, определяющая степень удовлетворения его потребностей, возможностей самоутверждения и самореализации» [3, 3].

В 1996 г. уральский социолог Л. Я. Рубина опубликовала в журнале «Социологические исследования» статью «Профессиональное и социальное самочувствие учителей», в которой социальное самочувствие определяется как «результат восприятия представителями данной социальной группы своего социального положения в ряду других групп с их статусами» [4, 72]. В этом исследовании индикаторами самочувствия выступили степень удовлетворенности выбором профессии и реализации жизненных планов, престиж профессии, возможность смены профессии, комфортность межличностных отношений, чувство социальной защищенности [Там же, 71].

Подходы, зафиксированные в данных исследованиях, были использованы спустя два десятилетия при изучении социально-психологического самочувствия учителей Екатеринбурга в 2016 г. В опросе приняло участие 529 учителей из 49 школ.

Одной из центральных идей исследования было выявление особенностей взаимосвязи удовлетворенности опрошенных своей профессией и самочувствием.

Объективными показателями, характеризующими удовлетворенность работой, профессией (самочувствие в данной социальной группе), явились уровень материального благосостояния, возраст и стаж работы, тип школы — обычная или «статусная» (лицей, гимназия и т. п.), жилищные условия, наличие семьи и детей.

Субъективными индикаторами самочувствия послужили оценка удовлетворенности профессией и работой, мотивы выбора профессии, готовность сменить работу и причины этого, личные достижения и проблемы, затрудняющие жизнь. Весьма показательным индикатором стали ассоциативный образ профессии и оценка ее основных характеристик учительской средой и обществом, средствами массовой информации.

Ограниченные рамками статьи, мы попытаемся рассмотреть лишь взаимосвязь удовлетворенности профессией с другими индикаторами субъективного плана.

Весь массив опрошенных был разделен на две части: полностью удовлетворенные своей профессией (256 человек, или 48,4 % от числа опрошенных), назовем их группа А, и в различной степени не совсем удовлетворенные своим выбором (252 человека, или 47,6 %) — группа В.

Для выявления значимых различий между этими группами был применен критерий Манна–Уитни [5], обработка данных производилась с помощью пакета «Статистика 6».

1. Удовлетворенность профессией и мотивы выбора, представление о профессии

В качестве причин выбора профессии были предложены традиционные критерии: семейная традиция, советы друзей, родителей, увлеченность предметом и т. д. Распределение ответов выглядит следующим образом (в % от числа ответов):

- 1) чувствовал призвание к работе учителя — 22,9;
- 2) увлекался предметом, который сейчас преподаю, — 21,8;
- 3) пример любимого учителя — 18,1;
- 4) всегда любил детей — 14,9;
- 5) семейная традиция — 8,9;
- 6) случайно — 6,6;
- 7) хотелось получить высшее образование — 3,5;
- 8) настояли родители — 2,1;
- 9) советы друзей и знакомых — 1,8;
- 10) другое — 1,3.

По результатам опроса около двух третей учителей, попавших в выборку, пришли в школу по призванию, это подтверждают и цифры, характеризующие удовлетворенность профессией.

Статистически достоверные различия между удовлетворенностью и мотивом выбора профессии (уровень значимости критерия Манна–Уитни менее 0,05) были выявлены по следующим показателям (в % от числа ответов в каждой группе):

	группа А	группа В
чувствовали призвание к работе учителя	25,2	20,0
всегда любил детей	17,4	12,2
случайно	1,5	8,0

С целью уточнения мотивов выбора профессии, степени удовлетворенности профессией опрошенным был задан контрольный вопрос: «Хотели бы вы, чтобы кто-нибудь из ваших детей стал учителем?» Были получены статистически значимые различия между группами. Так, например, в группе В (не совсем удовлетворенных профессией) пожелали, чтобы дети выбрали эту профессию, лишь 11,5 %, и 49,6 % были против подобного выбора.

Исследование позволило оценить, насколько точно представляли опрошенные работу учителя в процессе выбора профессии (в %). Оказалось, что

представляли ее довольно точно	34,4
в чем-то ошибались, в чем-то нет	56,1
представляли ее совершенно не такой, какая она есть	9,5

В группе А точность представлений по критерию Манна–Уитни оказалась выше, чем в группе В.

Так, например, довольно точно представляли особенности профессии в группе А 48,8 % опрошенных, в группе В — 20,2 %, в группе удовлетворенных профессией (группа А) ошибались 43,4 %, а в группе В таких было уже 69,4 %.

Оценивая возможности профессии учителя, на первое место опрошенные поставили разнообразие жизненных ситуаций, их нестандартность (78,6 %), затем — возможность проявить свои способности в школе по призванию; это подтверждают и цифры, характеризующие удовлетворенность профессией.

При характеристике недостатков профессии были отмечены отсутствие свободного времени (72,2 % от числа опрошенных), низкая материальная обеспеченность (69,4 %), трудности с устройством личной жизни (62,2 %). Следует признать этот фактор весьма существенным: только две трети опрошенных учителей замужем (женаты), почти у трети опрошенных нет детей (27,4 %).

При анализе степени удовлетворенности профессией и оценке ее возможностей существенные различия по критерию Манна–Уитни зафиксированы в группе В — по низкой материальной обеспеченности и отсутствию свободного времени.

В группе А значительно больше неудовлетворенных возможностями служебного продвижения, деловой карьеры (41,1 % от числа ответов).

2. Удовлетворенность профессией и работой

Удовлетворенность работой представляется более широким понятием, так как включает помимо удовлетворенности профессией также оценку условий и организации труда, техническую обеспеченность учебного процесса, удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами по работе и администрацией, учениками и их родителями.

При оценке учителями различных сфер деятельности, где они чувствуют себя наиболее уверенно, спокойно и свободно, первое место заняла семья, затем идут общение с друзьями и работа. Значимые различия по отношению к работе (в %) проявились следующим образом:

	группа А	группа В
чувствуют себя на работе уверенно	16,2	9,7
согласен с утверждением, что «работа — главное в жизни»	30,2	14,8

В ходе исследования учителям был задан вопрос: «Если бы у вас была сейчас возможность выбрать работу по своему желанию, то что бы вы выбрали?». Наибольшее число ответов в целом по массиву набрал вариант «дающую возможность больше зарабатывать» (48,8 % от числа опрошенных), второе место — «творческую, интересную, заставляющую постоянно совершенствоваться» (43,1 % от числа опрошенных).

Была сделана попытка проанализировать распределение ответов. Анализ структуры ответов показал, что наиболее предпочтительны варианты, связанные с самореализацией личности (см. таблицу).

По критерию Манна–Уитни значимые различия были выявлены между группами А и В: предпочитали работу «творческую, интересную» в группе А 30,7 % против 21,8 % в группе В; «дающую возможность общения с широким кругом людей» — соответственно 15,5 и 10,4 % от числа опрошенных в каждой группе; «спокойную, не требующую особого напряжения сил» — в группе А 5,0 %, в группе В 10,0 %.

Предпочтения при выборе работы (гипотетическая ситуация)	Процент от числа опрошенных
Дает возможность больше зарабатывать	29,3
Творческая, интересная, заставляющая постоянно совершенствоваться	25,9
Дает возможность общаться с широким кругом людей	12,5
Тобой никто не командует, все решаешь сам, успех зависит только от тебя	10,3
Спокойная, не требующая особого напряжения сил	8,2
Трудно сказать / затрудняюсь ответить	6,6
Сложная, ответственная, связанная с руководством людьми	3,7
Дает возможность быть на виду, достичь определенного общественного положения, известности	2,2
Не требует особой самостоятельности, идет под компетентным руководством	1,3

Другая гипотетическая ситуация в анкете была связана с выбором варианта из дихотомий. Предлагалось указать, какому типу учителя сегодня наиболее трудно работать в школе.

На первом месте (63,3 %) — дихотомия «мягкие, уступчивые» и «властные, требовательные». Пятикратное превосходство получили «властные и требовательные» (отметили, что трудно «мягкому и уступчивому» учителю, 53,1 %, «властному» — лишь 10,4 % опрошенных).

На втором месте (31,7 %) — дихотомия «терпимые к максималистским, незрелым взглядам, мнениям учеников» — «активно борющиеся с незрелыми мнениями учеников». «Терпимые» — 2,8 %, «борющиеся» — 28,9 % от числа опрошенных.

На третьем месте (29,1 %) — дихотомия «пытающиеся искать новое, непривычное, постоянно экспериментирующие» и «предпочитающие опробованные, устоявшиеся методы и приемы работы». Различия соответственно 9,8 и 19,3 % от числа опрошенных.

При сравнительном анализе групп, полностью удовлетворенных профессией (группа А) и не совсем удовлетворенных (группа В) по критерию Манна–Уитни, статистически значимые варианты ответа для группы В — «труднее всего работать в школе мягкому, уступчивому учителю» — указали 36,2 % опрошенных (группа А — 31,2 %), для группы А оказался более важен ответ «труднее всего учителю, предпочитающему опробованные, устоявшиеся методы и приемы работы» — 15,1 % опрошенных в группе (группа В — 9,5 %).

3. Удовлетворенность профессией и образ учителя в общественном мнении и профессиональной среде, в средствах массовой информации

Для более объемной характеристики профессии респондентам было предложено выбрать по ассоциации тот или иной образ, наиболее точно описывающий особенности учительского труда. В перечень вошло 14 наименований.

Наиболее популярным оказался образ «Белка в колесе» (63,3 % от числа опрошенных), «Актер» (56,0 %), «Наставник» (50,9 %), «Друг» (46,3 %), «Помощник»

(34,2 %). Первые два места заняли ассоциации, отмечающие двойственный характер профессии.

При оценке факторов, влияющих на выбор образа, были зафиксированы существенные различия между группами с различной степенью удовлетворенности профессией; ассоциации с негативным оттенком оказались более присущи учителям, не совсем неудовлетворенным профессией (группа В) (в %):

	группа А	группа В
«Белка в колесе»	56,6	68,3
«Громкоговоритель»	12,9	22,2
«Смотритель»	9,7	18,3
«Сизиф»	3,1	9,9
«Друг»	51,2	39,7

Подобная тенденция сохранилась и при оценке сложившихся представлений о профессии учителя в общественном мнении и среди самих опрошенных.

В целом по массиву опрошенных учителя для характеристики коллег выбрали следующие из 11 утверждений (в % от числа опрошенных): учитель — это человек

- 1) творчески относящийся к делу — 64,3;
- 2) уважающий в ученике человека — 47,3;
- 3) обладающий высокой культурой — 44,8;
- 4) обладающий чувством собственного достоинства — 43,7;
- 5) бескорыстный, самоотверженный — 40,8;
- 6) беззащитный — 40,3.

Естественно, можно говорить о завышенной самооценке, но налицо и в определенной степени защитная реакция от негативного общественного мнения, так как все позитивные характеристики нашли свое подтверждение.

Следует отметить, что самооценка выполняет очень важные функции в самосознании личности. Она регулирует поведение учителя и предохраняет, защищает его от воздействия неприятных, но неизбежных в профессии педагога ситуаций. Зачастую самооценка опирается на коллективный опыт субъекта (профессиональной группы). Полученные в процессе нашего исследования данные позволяют сказать, что учителя очень болезненно воспринимают то критическое отношение к себе со стороны общества, которое сегодня доминирует на страницах газет, на ТВ и в Интернете.

Представления об оценках общественного мнения в полной мере свидетельствуют об этом. Треть опрошенных отметили, что в обществе учитель предстает как человек безапелляционный в своих суждениях и безразличный к детям.

Абсолютное большинство учителей (72,4 %) считают, что сегодня печать, радио, телевидение, Интернет не только не способствуют повышению авторитета профессии, но, более того, дискредитируют деятельность учителя.

В целом, подводя некоторые итоги, можно сказать, что, несмотря на достаточно большое число не совсем удовлетворенных выбором профессии, подавляющая

часть учителей не собирается менять работу. По данным опроса, лишь 11,5 % опрошенных готовы сменить сферу деятельности.

Основные причины неудовлетворенности — низкий заработок, ненормированный рабочий день, который не оставляет времени на семью, личную жизнь, отсутствие взаимосвязи между ростом профессионального мастерства и зарплатой, статусом, престижем учителя.

Главными проблемами для учителей являются прежде всего материальные. Каждый второй не удовлетворен уровнем зарплаты. Каждый третий жалуется на неудовлетворительные жилищные условия.

Проблемы, влияющие на уровень социально-психологического самочувствия, присущи учителям не только Екатеринбурга и Свердловской области, но и других краев и областей России. Именно решению этих проблем и было посвящено декабрьское (2015) заседание Госсовета РФ, на котором были указаны основные направления решения накопившихся проблем в сфере общего и профессионального образования.

-
1. Человек и его работа : Социологическое исследование / под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М., 1967.
  2. Прусова Н. В., Боронова Г. Х. Психология труда : конспект лекций. М., 2008.
  3. Социально-психологическое самочувствие учителя: время перемен. Свердловск, 1990.
  4. Рубина Л. Я. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социс. 1996. № 6.
  5. Корнеев А. А., Кричевец А. Н. Условия применимости критериев Стьюдента и Манна — Уитни // Психол. журн. 2011. Т. 37, № 1.

Рукопись поступила в редакцию 8 июня 2016 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.37(063) + 341.67(063) + 355.019.1(063)

Е. Б. Михайленко

МНОГОУРОВНЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РЕЖИМУ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ: УРОКИ ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ДНЯО 2015 г.

Конференция 2015 г. участников Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) закончилась без принятия итоговой резолюции. Экспертное сообщество восприняло это негативно — как серьезное отсутствие консенсуса среди участников договора и как вызов режиму ядерного нераспространения. В рамках данной статьи анализируются современные вызовы режиму ядерного нераспространения через призму теорий политического конструктивизма, теорий режимов. Исследование показывает, что происходит трансформация режима ДНЯО на трех уровнях — внутреннем, внешнем и в рамках общего изменения баланса сил в мире. Режим ядерного нераспространения, созданный в 1970-х гг., испытывается на прочность новыми акторами, региональными объединениями неядерных государств и новой расстановкой сил на международной арене. На смену традиционной двухуровневой системе распределения сил (государства, обладающие ядерным оружием, и безъядерные государства) пришло многоуровневое сложное сочетание интересов и амбиций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: режим ядерного нераспространения, ДНЯО, Обзорная конференция ДНЯО, ЯОГ, НЯОГ.

Международные режимы создаются по разным причинам и имеют разные принципы действия. Американский исследователь Оран Р. Янг выделяет три типа режимов: спонтанный, режим переговорного типа и навязанный (установленный) режим [37, 98–100]. Янг акцентирует внимание на том, что режим есть создаваемый людьми конструкт, он может иметь не только разные формы, но и трансформироваться. Режим ядерного нераспространения постоянно трансформируется. Роль Обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия (далее — Обзорная конференция ДНЯО) заключается в том, чтобы содействовать эволюции режима, предохраняя его тем самым от коллапса. Итоговые документы Обзорных конференций являются демонстрацией преемственности постепенных изменений.

В мае–апреле 2015 г. состоялась Обзорная конференция ДНЯО, которая завершилась без принятия итогового документа. Ряд экспертов оценили этот факт как наличие серьезных проблем в функционировании режима ядерного нераспространения и среди них выделили расхождения между участниками по Ближнему Востоку, по гуманитарным последствиям применения ядерного оружия и обострившиеся в последние годы российско-американские отношения в области ядерного разоружения [6, 11]. Напротив, другие эксперты призвали не придавать особого значения отсутствию итогового документа, указывая на то, что это не является поводом считать режим неэффективным. Обзорная конференция 2015 г. не первый прецедент, когда переговоры заканчиваются без принятия итоговой резолюции [7, 14, 24].

Российские эксперты акцентируют внимание на «провале» работы Обзорной конференции ДНЯО в 2015 г. и связывают это с кулуарными играми участников переговорного процесса. В обоснование своей оценки ведущий российский аналитик в области нераспространения В. Орлов утверждает, что инициативы «неядерных активистов» уводят дискуссии в сторону от решения ключевых вопросов разоружения [2].

Действительно, в рамках Обзорной конференции ДНЯО проявили себя несколько групп и коалиций [18]. Ряд стран и независимых групп выдвинули на повестку дня новые проблемы, такие как гуманитарные последствия применения ядерного оружия. Однако следует ли расценивать появление подобных инициатив как вызов режиму? С нашей точки зрения, деление проблем режима на «серьезные» или «второстепенные» является не совсем корректным в рамках современного диалога по проблемам нераспространения.

Режим ядерного нераспространения — составная часть современной мировой договорной системы. Он был сформирован в период холодной войны великими державами с целью создания более предсказуемой биполярной системы безопасности. Международный режим ядерного нераспространения, правовой основой которого является ДНЯО, представляет собой режим безопасности, в котором большая часть участников отказывается от права создания и обладания ядерным оружием. В свою очередь, пять ядерных государств обязуются не передавать ядерное оружие неядерным странам и выступают гарантами создания зон, свободных от ядерного оружия [16, 173]. Данный режим был установлен великими державами и закрепил юридически статус пяти государств в качестве обладателей ядерного оружия. Режим предполагает многостороннее сотрудничество стран в области мирного атома, развитие территорий, свободных от ядерного оружия, переговорный процесс в области разоружения и т. д. Соблюдение международного режима ядерного нераспространения является одним из краеугольных камней международной безопасности.

В рамках данного исследования, опираясь на теории международных режимов и их трансформаций, осуществляется анализ режима нераспространения, который учитывает изменения во внутренней среде режима, изменение баланса сил в международной системе, влияние внешних факторов на режим [37, 106–111]. Ни один из этих уровней анализа не является определяющим, первостепенным

или второстепенным. Изменения происходят на всех трех уровнях одновременно и приводят к сложной системе взаимоотношений между участниками режима ядерного нераспространения.

В самом начале статьи рассматривается основной круг проблем, возникших в ходе Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. Далее обращается внимание на основные вызовы режиму. В заключение формулируется матрица вызовов режиму ДНЯО.

Основные проблемы Обзорной конференции ДНЯО 2015 г.

Можно выделить четыре группы проблем, которые выявились в ходе конференции. Во-первых, дали о себе знать противоречия по ряду важных вопросов между двумя лидерами, гарантами режима, — Россией и США. Во-вторых, по мнению ряда неядерных участников конференции, страны, обладающие ядерным оружием, грубо нарушают шестую статью ДНЯО о разоружении: вместо сокращения ядерных арсеналов они приступили к их модернизации. В-третьих, давно остается нерешенным вопрос о зоне, свободной от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке. В-четвертых, в ходе дискуссий между странами, обладающими ядерным оружием, и странами, не обладающими ядерным оружием, обозначился острый конфликт по вопросу о гуманитарных последствиях (катастрофе) в результате применения ядерного оружия.

Противоречия между РФ и США стали проявляться еще до начала конференции. В первую очередь это касается соглашений по контролю над вооружениями, таких как Договор о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД), а также о размещении американских систем ПРО на территории Европы.

В 2012 г. В. В. Путин на совещании с ведущими экспертами в области безопасности в Сарове заявил, что участие в Договоре РСМД наносит ущерб стратегической безопасности страны в силу того, что ряд стран обладают ракетами данного класса [3]. Российский эксперт Е. Бужинский отмечает, что США нарушают данное соглашение по двум позициям: «производство беспилотных летательных аппаратов и использование двух ступеней МБР, подлежащих утилизации, в качестве мишеней, имитирующих ракеты средней дальности для испытания противоракет» [1].

В свою очередь, Конгресс США в своем отчете от 31 июля 2014 г. относительно статуса выполнения РСМД пришел к выводу о нарушении Россией соглашения о РСМД и обвинил администрацию Б. Обамы в недостаточности действий в отношении России с целью выполнения договора. В качестве рекомендаций Конгресс США предложил президенту ряд действий по усилению контроля за деятельностью России в рамках испытания ракет средней дальности. Конгресс также рекомендовал не участвовать в дальнейших переговорах с Российской Федерацией по сокращению ядерных вооружений, поскольку Россия не выполняет условия договоренностей. «Президент не должен вступать ни в какие соглашения с Правительством Российской Федерации по вопросам сокращения ядерных

сил, кроме как с одобрения сената в соответствии со статьями Конституции Со-единенных Штатов» [10].

Конгресс США потребовал, чтобы министр обороны США обеспечил размещение в Польше и Румынии системы ПРО для защиты от баллистических ракет средней и меньшей дальности, запущенных российскими вооруженными силами, в соответствии со сроками, установленными в Документе 2010 г. (*Ballistic Missile Defense Review of 2010*) [Там же].

На Обзорной конференции 2015 г. представители российской и американской делегаций обвинили друг друга в нарушении договоренностей в области разоружения. Госсекретарь США Дж. Керри в приветственном слове обвинил Россию в нарушении договора о РСМД и подрыве режима безопасности [22]. В ответ директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России М. Ульянов обвинил США в дискредитации России и в наращивании системы ПРО, а также в модернизации американских ядерных вооружений [31].

Отсутствие взаимопонимания между двумя странами – учредителями ДНЯО не только стало препятствием для выполнения шестой статьи ДНЯО, но также не способствовало достижению соглашения о зоне, свободной от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке; РФ и США, будучи странами – депозитариями ДНЯО и странами-посредниками в этом сложном вопросе, заняли противоположные позиции [17]. Нарастающие противоречия привели к подрыву переговорного процесса в области разоружения, а также к практике подозрений, недоверия среди стран, обладающих ядерным оружием [6].

Конфликт между странами, обладающими ядерным оружием и неядерными государствами, произошел в связи с нарастанием угрозы применения ядерного оружия в условиях кризиса международной системы и отказом ядерных государств от практики реального разоружения.

Формализованным вариантом обращения неядерных государств к ядерным стало Совместное заявление о гуманитарных последствиях применения ядерного оружия, подписанное в апреле 2015 г. 159 государствами – членами ДНЯО [15].

Начиная с 2013 г. в Вене было проведено несколько конференций, обращенных к гуманитарным последствиям применения ядерного оружия. Австрийское правительство взяло на себя инициативу заполнения правового пробела в деле запрещения и ликвидации ядерного оружия [21]. Гуманитарная инициатива, с одной стороны, является правовой инициативой по ликвидации правового пробела по запрещению ядерного оружия (как биологического, так и химического), а с другой – проявлением группового протеста неядерных государств против политики наращивания милитаризации в ядерной сфере, осуществляемой ядерными государствами.

Таким образом, наряду с традиционными вызовами режиму ДНЯО, прежде всего отсутствием консенсуса между ядерными державами, внутри ДНЯО проявилась новая тенденция в виде регионализации, которой представители ядерных государств пока не уделяют достаточного внимания.

Изменение статуса национальных государств в контексте режима ядерного нераспространения

В начале 1990-х гг. появляются исследования, посвященные роли и месту национальных государств в формирующейся мировой системе. В работе Б. Бузана и О. Увейвера «Регионы и державы: структура международной безопасности» предлагается следующая типологизация национальных государств: государства типа «постмодерн», государства современного типа и государства типа «премодерн» [8, 22].

В данном случае рассматривается классический вариант государств вестфальского типа с акцентом на государственном суверенитете. Они склонны к высокому уровню организации безопасности в ответ на внутренние и внешние вызовы [Там же, 23]. Государства типа «постмодерн» являются новым типом государств, формирующихся преимущественно из развитых капиталистических стран мира. Эти государства не отрицают важность границ, суверенитета и национальной идентичности, но достаточно открыты для интернационализации культурной, политической и экономической жизни. Для такого типа государств закрытый суверенитет не имеет столь важного значения. В связи с этим они сталкиваются с такими новыми вызовами безопасности, как нелегальная миграция и сохранение идентичности [Там же, 24].

К государствам типа «премодерн» относятся многочисленные государства Азии и Африки. Это государства со слабой экономической и политической системой. Вызовы безопасности для таких государств происходят из внутригосударственных взаимоотношений и от субгосударственных акторов. Таким образом, сама типологизация государств позволяет определить модели поведения государства в рамках международной безопасности. Если для государств современного типа ядерное оружие может рассматриваться как необходимый атрибут могущества и силы, то государства «постмодерна» в большей степени сконцентрированы на всеобщей безопасности и гуманитарных последствиях применения ядерного оружия [Там же]. Г. Чафетц уточняет, что периферийные государства, которые еще не достигли уровня развитых государств, чувствительно относятся к проблеме поддержания государственного суверенитета и рассматривают ядерное оружие как самую надежную гарантию защиты суверенитета. Их позиция представляет собой потенциальную угрозу режиму ядерного нераспространения [9, 128].

Э. Солинген в работе «Ядерная логика: противоположные направления развития в Восточной Азии и Ближнем Востоке» [26, 24] выдвигает тезис о том, что государство в первую очередь руководствуется национальными интересами и при разработке ядерного потенциала исходит из внутривнутриполитических мотивов. Э. Солинген определяет два варианта развития стран Востока: нуклеризацию, т. е. стремление к овладению ядерным оружием, и денуклеризацию, т. е. отказ от ядерного оружия. Чем более вовлечено государство в мировую экономику, тем выгоднее для страны становится денуклеризация. Национальные закрытые государства выбирают вариант нуклеризации. Это связано с недоверием правящей

элиты этих государств к мировому рынку, неспособность интегрироваться в глобальную экономику усиливает характерные для них изоляционистские тенденции. При определенном развитии политического режима в них имеют место поощрение национализма, радикализма во внешней политике и движение к политической и экономической автаркии.

Таким образом, тип государственного политического режима также может влиять на выбор определенной программы действий в отношении ядерного нераспространения.

Ж. Химанс использует персоналистский подход для обоснования выбора государством ядерной или безъядерной траектории. По его типологизации государственный лидер «оппозиционный националист» (*oppositional nationalist*), движимый такими чувствами, как страх и гордость, стремится превратить страну в ядерную державу, что, по существу, является его личным самовыражением. Другой тип лидера — «оппозиционный подчиненный» (*oppositional subaltern*) — выбирает вариант гарантий безопасности от ядерной державы и воздерживается от собственных притязаний на обладание ядерным оружием. Третий тип лидера — «состязательный националист» (*sportsmanlike nationalist*) — может не иметь причин для создания ядерного оружия, но его личные амбиции связаны с созданием ядерной технологической базы. Последний тип лидера может даже выступать против международного режима нераспространения [13].

При принятии решения о создании режима ядерного нераспространения важным фактором является восприятие правящей элитой, лидером страны позиционирования государства на международной арене. Выделяются два типа государств согласно их статусности. В первом случае речь идет о «появляющихся державах» (*emerging power*), которые могут вступить в конкурентную борьбу с уже существующими державами. Примером данного типа является Индия. Ядерное оружие позволяет Индии формировать свой «политический капитал» среди данной группы государств [23]. Т. Соьер в статье «Растущие державы и режим ядерного нераспространения и разоружения» определяет вызовы для международной безопасности, связанные с появлением таких стран. Несмотря на то что большинство из «растущих держав» являются членами ДНЯО и не обладают ядерным оружием, нельзя исключать возможность изменения их статуса в связи с приобретением ими ядерного оружия. Их позиция является особенно чувствительной к проблемам ДНЯО, поскольку они сталкиваются с системным противодействием со стороны ядерных держав, особенно США, Великобритании и Франции, в доступе к новым технологиям в ядерной энергетике [25].

Эксперты обращают также внимание на появление государств «срединной силы» (*middle power*). Эти государства исполняют роль стабилизаторов системы международных отношений. К ним относят Австрию, Австралию, Швецию [12].

В связи с завершением холодной войны и распадом биполярной системы снижается роль коллективной солидарности, основанной на блоковом пристрастии, и усиливается значение национального интереса в политике государств. А. Вендт предлагает следующие основания национального интереса: физическое выживание, автономию, экономическое процветание и коллективную самооценку.

Под коллективной самооценкой он понимает «необходимость группы чувствовать себя комфортно при оценивании другими, а именно испытывать уважение или признание статуса» [36, 235–237]. После окончания холодной войны нарастает конфликт между ядерными и неядерными государствами. Ядерные государства получают негативную коллективную оценку. И надо иметь в виду, что это касается не только США. Это связано прежде всего с нежеланием ядерных государств сокращать ядерные вооружения, с ограничениями ими допуска в ядерный клуб других государств, с использованием ими собственного ядерного потенциала для силовых решений проблем в отношении неядерных государств.

После воссоединения Крыма близкий к МИД Италии журнал «Аффари Эстери» опубликовал редакционную статью А. Альбонетти, в которой автор обратил внимание на опасную тенденцию со стороны конвенциональных ядерных держав игнорирования интересов государств, которые, подписав режим нераспространения, добровольно отказались от ядерного оружия. А. Альбонетти полагает, что договор о нераспространении противоречит итальянской конституции, которая определяет равные международные права Италии в отношениях с другими государствами. В связи с вышесказанным Италия должна настаивать на пересмотре Договора о нераспространении ядерного оружия, добиваясь от ядерных держав гарантий неиспользования ядерного оружия против государств–участников ДНЯО и реального ядерного разоружения [5, 227–235].

Т. Поль обращает внимание на региональную дифференциацию в подходах к ядерному оружию. С точки зрения региональной безопасности он выделяет три типа регионов: регионы с высокой конфликтностью, средней и низкой. Ближний Восток он рассматривает как «высококонфликтный регион» [20, 137–141]. По мнению Б. Бузана, Ближний Восток отличается высокой конфессиональной, территориальной, политической конфликтностью между Израилем и арабскими странами. В «высококонфликтном регионе» роль ядерного оружия является определяющей для обеспечения вопросов национальной безопасности. Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в этом регионе невозможно без решения вопросов безопасности для ряда стран региона [8, 185–218].

Таким образом, в рамках существующего режима ДНЯО, объединяющего 191 государство, выделяются группы государств с разными амбициями и претензиями в отношении режима ДНЯО.

Регионализация переговорного процесса в рамках ДНЯО

В настоящее время переговорный процесс в рамках Обзорных конференций ДНЯО представляет собой сложную модель региональных и интеррегиональных связей и интересов. Роль региональных групп, организаций, форумов становится все более активной в решении вопросов международной безопасности. Внутри бюрократического института ДНЯО можно проследить практику построения региональных и межрегиональных связей, целью которых является достижение консенсуса между отдельными членами ДНЯО и представление коллективного голоса в рамках переговорного процесса. Консолидация их интересов в значительной

степени происходит на основе формулирования все более жестких и непримиримых требований в отношении ядерных государств.

У. Ван отмечает активизацию региональных групп в обсуждении вопросов ядерного нераспространения [34]. Анализируя динамику в Северо-Восточной Азии, Ван предполагает возможность создания северо-восточной зоны, свободной от ядерного оружия, усиление сотрудничества между Южной Кореей и Японией, вероятность создания северо-восточного варианта «Евратома» и центров передачи передового опыта между Японией, Южной Кореей и Китаем. Ван полагает, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе произойдет усиление роли АСЕАН в решении вопросов ядерной безопасности и нераспространения. Несмотря на то что современные региональные организации в Азии избегают договоренностей в сфере безопасности, сотрудничество между ними в технической сфере и в вопросах физической безопасности может стать толчком для формирования региональных организаций в этой сфере. Региональные группы являются эффективным диалоговым механизмом и инструментом для усиления представительства региональных государств в международных организациях.

Коллективным голосом в рамках переговорного процесса на последней Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. выступали традиционные региональные группы ООН (Лига арабских государств, Группа государств Западной Европы), а также региональные организации ЕС, АСЕАН [30], Сообщество карибских государств (КАРИКОМ) [29], страны-участницы Договора о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии [4] и др. Помимо региональных групп в рамках конференции выступали межрегиональные и тематические группы: Движение неприсоединившихся (Non-Aligned Movement) [28], Коалиция новой повестки дня (New Agenda Coalition) [27], Инициатива по нераспространению и разоружению (Non-proliferation and Disarmament Initiative) [19], Венская группа десяти (Vienna Group of Ten) [32]. В рамках конференции работали разные инициативные группы. Практика создания региональных и межрегиональных кластеров для усиления позиций в переговорном процессе Обзорной конференции ДНЯО усложняет процесс достижения консенсуса. Складывается сложное региональное и интеррегиональное многоголосье.

***

Проблема режима ядерного нераспространения, основой которого принято считать ДНЯО, заключается в том, что с правовой точки зрения данный режим является не совсем ясным и четко определенным международным институтом. Текст ДНЯО является скорее рамочным документом, определяющим контуры и направления в области ядерного нераспространения и использования мирного атома. По мнению экспертов, это была «великая сделка» («grand bargain») [35] между странами, обладающими ядерным оружием, и безъядерными странами о том, что страны, обладающие ядерным оружием, будут разоружаться в обмен на то, что безъядерные страны не будут стремиться приобрести такое оружие. Таким образом, внутри режима появились два типа государств: государства, обладающие ядерным оружием (have states), и государства, не обладающие

ядерным оружием (haven't states). Режим создавался в условиях классического баланса сил периода холодной войны, в рамках которого две сверхдержавы определяли порядок мирового устройства. Государства, обладающие ядерным оружием, стали гарантами режима ДНЯО и заняли привилегированное положение внутри режима. Неядерные государства не хотят мириться с таким дискриминационным положением и публично заявляют о своих претензиях к ядерным государствам.

В рамках существующего режима ДНЯО, в состав которого входит 191 государство, можно выделить ряд категорий государств с разными амбициями и сформулированными претензиями в рамках режима. Множатся региональные, межрегиональные и тематические группы в рамках ДНЯО. Процесс будет продолжаться, так как современная стратегия многих национальных государств нацелена на усиление их возможностей посредством участия в международных объединениях.

Отсутствует единство позиций среди государств, обладающих ядерным оружием. Проблемы взаимодействия РФ и США, модернизация ими ядерных арсеналов, отказ от переговорного процесса вызывают опасения у других участников Обзорных конференций. Такие ядерные государства, как Франция и Великобритания, участвуют в различных региональных инициативах в рамках ДНЯО. Китай занимает самостоятельную позицию по вопросам реализации условий положений ДНЯО. В рабочем документе Китая отмечается важность глобального управления в ядерной сфере, напрямую влияющего на мир и стабильность на глобальном и региональном уровнях. Китай призывает РФ и США разоружаться и подтверждает необходимость полной ликвидации ядерного оружия.

Т. Рауф сформулировал следующие внутренние проблемы ДНЯО: негибкость делегаций, слабое лидерство, следование узким национальным интересам в ущерб глобальным интересам [33].

В рамках конференции представители ядерных государств игнорировали предложения о пересмотре режима ДНЯО и тем самым показали свою незаинтересованность учитывать мнения неядерных государств.

Классическая договоренность ядерных государств с неядерными («великая сделка») уже не работает. Страны, не обладающие ядерным оружием, настаивают не только на нераспространении ядерного оружия, но и на полной его ликвидации в целях сохранения человечества. Китай предлагает ЯОГ взять на себя обязательство по полному запрещению и ликвидации ядерного оружия. Остальные ЯОГ не делают подобных заявлений.

Как и прежде, принятие заключительного документа имеет важное значение. Тем не менее все чаще возникает вопрос о реализации и выполнении обязательств, взятых на себя участниками Обзорных конференций.

Усложняющиеся межрегиональные и региональные процессы, характерные для современной системы международных отношений, являются дестабилизирующим фактором для внутренней динамики института ДНЯО, а также демонстрируют усиление нового феномена коллективной силы. Если позиция неядерных государств и далее не будет услышана лидерами ядерных государств,

это может сыграть деструктивную роль в деле стабильности и устойчивости режима ДНЯО.

1. *Бужинский Е.* Есть ли будущее у Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности // Индекс Безопасности. 2014. № 3(110), т. 20. С. 147–152.
2. *Орлов В. А.* Стекланный зверинец нераспространения // Россия в глобальной политике. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Steklyanniy-zverinets-nerasprostraneniya-17639> (дата обращения: 20.08.2016).
3. *Путин В. В.* Россия не откажется от средств обеспечения своей безопасности. РИА-Новости [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/defense_safety/20120224/574097820.html (дата обращения: 20.08.2016).
4. Совместное выступление государств–участников Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, на общих дебатах Обзорной конференции 2015 года государств–сторон Договора о нераспространении ядерного оружия (Нью-Йорк, 27 апреля 2015 года). ООН: официальный сайт. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/centralasia_ru.pdf (дата обращения: 20.08.2016).
5. *Albonetti A.* L'Ucraina e la pace. Il TNP e l'epoca nucleare // Affari Esteri. 2014. № 174. P. 227–235.
6. *Arbatov A.* An Unnoticed Crisis: The End of History for Nuclear Arms Control. Carnegie Moscow Center. June 16, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://carnegie.ru/2015/06/16/unnoticed-crisis-end-of-history-for-nuclear-arms-control/ians> (accessed: 20.08.2016).
7. *Baklitskiy A.* The 2015 NPT Review Conference and the Future of the Nonproliferation Regime. Arms Control Association. July/August 2015 [Electronic resource]. URL: https://www.armscontrol.org/ACT/2015_0708/Features/The-2015-NPT-Review-Conference-and-the-Future-of-The-Nonproliferation-Regime (accessed: 20.08.2016).
8. *Buzan B., Waver O.* Regions and Powers. The structure of International Security, Cambridge University Press, Cambridge, 2010.
9. *Chafetz G.* The end of the Cold War and the future of nonproliferation: an alternative to the neo – realist perspective // Security Studies. 1993. Vol. 2. P. 127–158.
10. Consequences for Russia's Arms Control Violations Act of 2014 [Electronic resource] URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2725/text> (accessed: 20.08.2016).
11. Disappointing NPT conference. The Japan Times. May 26, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/05/26/editorials/disappointing-npt-conference/#.V8BhHyOLTJw> (accessed: 20.08.2016).
12. *Efstathopoulos Ch.* Reinterpreting India's Rise through the Middle Power Prism // Asian Journal of Political Science. 19:1. 2011. P. 74–95.
13. *Hymans J.* The Psychology of Nuclear Proliferation: Identity, Emotions, and Foreign Policy. Cambridge, 2006.
14. *Jaramillo C.* NPT Review Conference: No outcome document better than a weak one. Bulletin of the Atomic Scientists. June 3, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://thebulletin.org/npt-review-conference-no-outcome-document-better-weak-one8366> (accessed: 20.08.2016).
15. Joint Statement on the Humanitarian Consequences of Nuclear Weapons delivered by H. E. Sebastian Kurz Federal Minister for Europe, Integration and Foreign Affairs of Austria 28 April 2015 // 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/humanitarian_en.pdf (accessed: 20.08.2016).
16. *Krasner St. D.* International Regimes. Cornell University Press, 1983.
17. *Meier O.* The 2015 NPT Review Conference Failure Implications for the Nuclear Order. FG03-WP No 04 October 2015 Berlin [Electronic resource]. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/arbeitspapiere/mro_wp_NVV_October2015.pdf (accessed: 20.08.2016).

18. *Mukhatzhanova M.* Coalitions to Watch at the 2015 NPT Review Conference // Nuclear Threat Initiative, February 24, 2015 : official website. URL: <http://www.nti.org/analysis/articles/coalitions-watch-2015-npt-review-conference/> (accessed: 20.08.2016).

19. NPDI Statement for 2015 NPT Review Conference // 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT). 27 April 2015. United Nations : official website. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/NPDI_en.pdf. (accessed: 20.08.2016).

20. *Paul T. V.* Power versus Prudence: Why Nations Forgo Nuclear Weapons. McGill-Queen's University Press, 2000.

21. Pledge presented at the Vienna Conference on the Humanitarian Impact of Nuclear Weapons by Austrian Deputy Foreign Minister Michael Linhart // Vienna Conference on the Humanitarian Impact of Nuclear Weapons. 8–9 December 2014 [Electronic resource]. URL: https://www.bmeia.gv.at/fileadmin/user_upload/Zentrale/Aussenpolitik/Abruestung/HINW14/HINW14_Austrian_Pledge.pdf (accessed: 20.08.2016).

22. Remarks at the 2015 Nuclear Nonproliferation Treaty Review Conference by John Kerry Secretary of State United Nations New York City, NY April 27. 2015 [Electronic resource]. URL: http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/27April_US.pdf (accessed: 20.08.2016).

23. Report, Embassy of Hungary in the Soviet Union to the Hungarian Foreign Ministry. June 02 1967 // Hungarian National Archives (Magyar Országos Levéltár, MOL). XIX-J-1-j India, 1967, 44. doboz, 60-10, 001059/2/1967. Obtained and translated for NPIHP by Balazs Szalonta // Cold War International History Project. Digital Archive : web-сайт. URL: http://legacy.wilsoncenter.org/va2/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=home.document&identifier=4CCDA698-EA39-077E-D98E5FD300172493&sort=Collection&item=Indian%20Nuclear%20History (accessed: 05.08.2012).

24. *Salander H.* Reviewing a Review Conference: Can there ever be a successful NPT RevCon? European Leadership Network. June 8, 2015 [Electronic resource]. URL: http://www.europeanleadershipnetwork.org/reviewing-a-review-conference-can-there-ever-be-a-successful-npt-revcon_2827.html (accessed: 20.08.2016).

25. *Sauer T.* The Emerging Powers and the Nuclear Non-Proliferation and Disarmament Regime. Security Policy Brief. # 27. September 2011 [Electronic resource]. URL: <http://aei.pitt.edu/33466/1/SPB27-Sauer.pdf> (accessed: 20.08.2016).

26. *Solingen E.* Nuclear Logics: Contrasting Paths in East Asia and the Middle East. N. J., 2007.

27. Statement by H. E. Dell Higgie, Ambassador for Disarmament and Permanent Representative of New Zealand to the Conference on Disarmament, Geneva. On behalf of the New Agenda Coalition at the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT). 28 April 2015. N. Y. United Nations : official website. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/NAC_en.pdf (accessed: 20.08.2016).

28. Statement by H. E. Dr. Javad Zariff, Minister of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Iran before the 2015 NPT Review Conference on behalf of the Non-Aligned Movement States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, 27 April. 2015. United Nations : official website. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/NAM_en.pdf (accessed: 20.08.2016).

29. Statement by H. E. Mr. E. Courtenay Rattray, Permanent Representative of Jamaica to the United Nations on behalf of the Caribbean Community (CARICOM) at the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons New York, 28 April 2015. United Nations : official website. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/CARICOM_en.pdf (accessed: 20.08.2016).

30. Statement by H. E. U Kyaw Tin Permanent Representative of the Republic of the Union of Myanmar to the United Nations in New York on behalf of the Member States of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) at the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons New York, 28 April 2015. United Nations : official website. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/ASEAN_en.pdf (accessed: 20.08.2016).

31. Statement by Mikhail I. Uliyanov, Acting Head of the Delegation of the Russian Federation at the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (General debate) [Electronic resource]. URL: http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/27April_Russia.pdf (accessed: 20.08.2016).

32. Statement by the Vienna Group of Ten Statement by Mr. Richard Mathews Director Nuclear Policy Department of Foreign Affairs and Trade, Australia. 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT). 30 April 2015. United Nations : official website. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/VGroup10_en.pdf (accessed: 20.08.2016).

33. *Tariq R.* The 2015 NPT Review Conference: setting the record straight. 24 June 2015. SIPRI [Electronic resource]. URL: <https://www.sipri.org/node/384>. (accessed: 20.08.2016).

34. *Wan W.* Regional Approaches to Nuclear Non-Proliferation. «Fresh Ideas for the Future: Symposium on the NPT Nuclear Disarmament, Non-proliferation, and Energy.» Project on Managing the Atom, Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, April 30, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/WWNPTPoster.pdf?webSyncID=93e6cb6c-8e5b-72a8-1656-5a6ddc081726&sessionGUID=84adad27-2a42-b61d-3e5c-3a105141cc48> (accessed: 20.08.2016).

35. *Weiss L.* Nuclear-Weapon Syayes and the Grand Batgain. Arms Control Association [Electronic resource]. URL: https://www.armscontrol.org/act/2003_12/Weiss (accessed: 20.08.2016).

36. *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge. 2012.

37. *Young O. R.* Regime dynamics: the rise and fall of international regimes. International Regimes. Cornell University Press. 1983.

Рукопись поступила в редакцию 18 ноября 2016 г.

МОЛОДЕЖНЫЙ ФАКТОР В «АРАБСКОЙ ВЕСНЕ»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается роль молодежного фактора в событиях 2010-х гг. в странах на юге и востоке Средиземноморского региона, которые явились результатом глубоких изменений в сознании арабской молодежи, произошедших за предыдущее десятилетие до начала «арабской весны». В арабских государствах на сцену вышло новое поколение, объединенное общим опытом экономических, политических и социальных неудач правящих режимов. Несмотря на большой интерес в российской и зарубежной литературе к феномену «арабской весны», исследований о роли молодежи в этих событиях и, собственно, о том, что она собой представляет в арабских странах, опубликовано не так много. Сравнительные исследования по молодежному движению в средиземноморских государствах практически отсутствуют, существует недостаток сопоставимых данных и разнородность аналитических и методологических подходов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «арабская весна», Европейский союз, политика ЕС в Средиземноморском регионе.

Потрясения в 2010-х гг. в странах на юге и востоке Средиземноморского региона в основном изображались как всплески молодежной активности после многих лет относительного спокойствия [7, 7]. Быстрая и неожиданная массовая мобилизация молодежи 2010–2011 гг. явилась результатом глубоких изменений в сознании арабской молодежи, произошедших за предыдущее десятилетие до начала «арабской весны». В арабских государствах на сцену вышло новое поколение, объединенное общим опытом экономических, политических и социальных неудач правящих режимов. В центре внимания нового поколения оказались статус и условия жизни молодых людей Средиземноморского региона [Там же].

В данной статье мы рассмотрим и проанализируем ряд недавних исследовательских работ европейских и арабских авторов по вопросам молодежного активизма в средиземноморских государствах, обращенных к теме роли молодежного фактора в событиях «арабской весны». Кроме того, проанализируем документы и материалы, вышедшие в рамках европейской программы EuroMesCo при содействии итальянского Института международных отношений (Istituto Affari Internazionali, IAI)¹.

Для начала отметим, что в российской литературе глубокий анализ влияния демографических процессов на молодежное движение в арабских государствах представил А. В. Коротаев [1]. Но, несмотря на большой интерес в российской и зарубежной литературе к феномену «арабской весны», исследований о роли молодежи в этих событиях и, собственно, о том, что она собой представляет в арабских странах, опубликовано не так много. Сравнительные исследования по молодежному движению в средиземноморских государствах практически

¹ Подробнее см.: <http://www.euromesco.net/>, <http://www.iai.it/it>

отсутствуют, в недостаточном количестве представлены сопоставимые данные, аналитические и методологические подходы разнородны. Молодежь средиземноморских государств изображается и как источник перемен современности, и как потенциальная угроза общественному порядку (фактор нестабильности) из-за ее политических и социально-экономических обид (безработица, исключение из жизни общества).

Старший научный сотрудник Института международных отношений в Риме Сильвия Коломбо рассматривает роль молодежного активизма в событиях «арабской весны» в контексте государственной политики средиземноморских государств и программ Европейского союза. Последние внедрялись в Средиземноморье и были частью Барселонского процесса, начатого в 1995 г. По ее мнению, большинство аналитиков, изучающих арабские восстания 2010-х, характеризуют население региона с высоким уровнем безработицы в молодежной среде, что усугубляется драматической демографической ситуацией, неустойчивым положением молодежи в политической, социальной и экономической жизни и приводит к появлению диффузного недовольства и гнева у молодежи [7, 8]. Переговоры политиков, журналистов и ученых со всего мира о «маргинализации», «изоляции» и «лишении гражданских прав» арабской молодежи катализировали внимание к вопросам молодежи [12, 3–9].

Во многих странах Средиземноморского региона молодежь стала восприниматься как причина и основной актор «арабской весны» и послереволюционных политических преобразований. Сильвия Коломбо отмечает, что политиками и учеными молодые люди были идентифицированы как потенциальный двигатель для долгосрочных изменений в регионе. Тем не менее восприятие арабских восстаний как ведомых молодежью не помогло молодежи получить рычаги участия в жизни государств, а привело к обратному эффекту — утрате популярности молодежи и ее планомерной изоляции от общественных структур и институтов. Далее итальянский исследователь отмечает, что акцент на молодежь как на не «революционных игроков» привел к недооценке центральной роли взрослых и ведомых ими организаций, учитывающих интересы не только молодых людей, но и всего общества [7, 10].

Молодежные группы и организации, конечно, играли важную роль в недавних событиях, но они часть более широкого спектра движений, таких как профсоюзы, крестьянские движения, политические партии, религиозные организации. Сильвия Коломбо обращает внимание на то, что именно эти движения и организации необходимо принимать во внимание при оценке перспектив «расширения возможностей молодежи» и улучшения общих условий жизни населения. «По прошествии пяти лет с момента первой волны “арабской весны” многие вопросы о феномене молодежного активизма в средиземноморских странах до сих пор остаются нераскрытыми», — утверждает итальянский автор [Там же]. Рассматривая влияние политических программ региональных правительств на изоляцию или включение молодежи в жизнь общества, Сильвия Коломбо говорит о том, что работа с молодежью в этом регионе должна повлечь за собой в первую очередь признание очевидного факта: «молодежь — диверсифицированная категория» [Там же].

Молодые люди разных социальных, культурных, классовых, гендерных и этнических слоев выражают различные социально-экономические нужды и потребности, различные идеи и переживания и, как правило, действуют по-разному. В значительной степени отличаются и события в отдельных странах Средиземноморского региона (разные политические программы, разный тип и объем внешней поддержки). Несмотря на отсутствие согласованной международной характеристики арабской молодежи, Сильвия Коломбо в первую очередь основывается на группировке по возрасту (15–29 лет). Во многих странах региона молодежь стала двигателем и объединяющим фактором — за спиной у разнообразных акторов, включая взрослых, вставших против сторонников жесткой руки арабских режимов. Молодежь, которая получает образование, чтобы зарабатывать, развиваться и создавать семьи, сталкивается на своем пути со многими проблемами. Это в первую очередь социальное отчуждение — процесс систематического блокирования прав и возможностей в получении ресурсов (образование, жилье, занятость, здравоохранение, гражданская активность, право голоса), ограждение молодежи от всестороннего участия в жизни общества. Сильвия Коломбо полагает, что понятие социального отчуждения подчеркивает причины, послужившие толчком к событиям «арабской весны». Законы, политика или программы, а также преобладающий набор ценностей, верований и учреждений могут систематически работать в пользу определенных влиятельных групп за счет других [11, 83–87]. Что касается молодежи, ее исключение из жизни общества часто бывает продуманным старшим поколением.

Обратимся к рассмотрению роли молодежного фактора в «арабской весне» на примерах Египта, Палестины и Туниса.

Научный сотрудник центра ближневосточных и североафриканских исследований Свободного университета Берлина Надин Хани Абдалла (Nadine Hani Abdullah)² размышляет об ответственных за социополитические изменения в Египте через призму ограничений молодежной активности на местном уровне. Надин Абдалла проводит исследования в рамках «Арабского форума альтернатив» (Arab Forum For alternatives), созданного в рамках европейской программы EuroMeSCo³. Форум призван обеспечить пространство для взаимодействия экспертов, активистов и исследователей, заинтересованных в вопросах реформы в арабском регионе. Форум регулируется научными принципами уважения разнообразия, стремится предложить альтернативные варианты политических и социальных изменений в пределах демократических ценностей внутри средиземноморских государств⁴.

---

² Надин Хани Абдалла (Nadine Hani Abdullah) работает над диссертацией «Роль гражданского общества в демократических преобразованиях: сравнительное исследование между Польшей и Египтом» на соискание докторской степени в Институте политических исследований (Гренобль, Франция); имеет степень магистра Института политических исследований (Париж, Франция), степень бакалавра факультета экономики и политологии Каирского университета, французской секции. Исследования сосредоточиваются на гражданском обществе, демократическом переходе в Египте и египетских международных отношениях, особенно в Средиземноморском регионе.

³ Подробнее о программе см.: <http://www.euromesco.net>

⁴ Подробнее о форуме см.: <http://afaegypt.org/English>

Сразу после отставки президента Египта Хосни Мубарака в феврале 2011 г. молодежное движение, спровоцировавшее восстание 25 января, стало играть не последнюю роль на политической сцене страны [2, 27]. Молодежь стремится к политическому влиянию внутри государства, объединяется в разные организации, претендующие на защиту целей революции, выраженных в лозунге «Справедливость, свобода и достоинство», и настаивает на своем включении в новую систему (система государственного управления Египтом). Поэтому неудивительно, что активность молодежи Египта после арабских восстаний привлекла широкое внимание в научных кругах. Профессор политологии Принстонского университета США Ами Джамалу совместно с Майклом Хоффманом в работе, посвященной изучению различий и общих черт молодежи и «арабской весны» [8, 168–188], пытаются проанализировать текущее положение арабской молодежи и на основании этого понять причины их недовольства и формы политического поведения. Профессор английского университета Дархам Эмма Мерфи [13, 5–22] рассматривает арабскую молодежь как явление, а не социальную категорию. Значительное число исследователей рассматривают египетскую молодежь инструментально, через использование активистами социальных медиа (киберактивность) для мобилизации общественности (Линда Херрера [9, 333–352]). Другие сосредоточились больше на динамике политических обязательств молодежи в Египте (Nadine Sika [14, 181–199], Американский университет в Каире), а также на событиях до 25 января и восстаниях (Dina Shehata [15], Центр политических и стратегических исследований Аль-Ахрам).

Надин Абдалла отмечает, что до сих пор не хватает исследований по сценариям молодежных движений на местных уровнях, о проблемах, с которыми сталкиваются молодежные движения в постоянно меняющемся политическом контексте. Быстроизменяющееся соотношение сил в Египте вынуждали молодежные движения приспосабливать свои стратегии и тактику получения прав и рычагов влияния внутри государства.

В целом после 2011 г. молодежные движения Египта действительно разделились на многочисленные группы с различными целями и стратегиями, в связи с чем сформировались три стратегические линии по работе с молодежью после арабских восстаний: 1) ведение «уличной политики» для оказания давления на молодежных активистов с «революционными» требованиями; 2) постепенное изменение подхода по вовлечению молодежи в политическую систему, создание новых социальных структур для постепенной «колонизации» новых общественных и политических пространств; 3) создание союза молодежи с новым политическим режимом. Надин Абдалла рассматривает три молодежные организации Египта, стратегии их работы и трудности, с которыми они сталкиваются: 1) Фронт Муниципалитетов Египта (FME) (gabihit mahliat masr); 2) Муниципалитеты Аль-Докки и Аль-Агузы (MDA) (mahliat Аль-Докки Уол Агуза); 3) Коалиция Ард Аль-Ливаи (PCAL) (el-i'tila'af al-sha'by le-ard al-liwaa). В то время как первое движение распространено по всей Египетской Республике, второе и третье базируются в Эль-Гизе. Молодежь стремилась стать активной, чтобы оказывать давление на власть (муниципалитеты), чтобы та, в свою очередь, стала более

ответственной перед народом. Почему молодежь выбрала работу именно с муниципалитетами? Городские институты правления рассматриваются молодыми египтянами в качестве важного канала для получения связи с общественностью, так как они имеют дело с ежедневными проблемами граждан и их потребностями в социальных услугах и инфраструктуре (электричество, вода, дороги). Работа с муниципалитетами стала особенно важной из-за роспуска местных советов после восстания 2011 г. и, как следствие, отсутствия какого-либо органа, способного быть посредником между людьми и местными органами власти или контролировать работу последних.

В рамках данной статьи мы не ставим цель подробно рассмотреть деятельность каждой из трех организаций. Отметим лишь, что хотя «уличная политика» и являлась одним из основных инструментов молодежи по оказанию давления на власти, их активность на местном уровне имеет большой потенциал для более эффективной работы. Во время «египетского перехода» (egyptian transition)⁵ уличные демонстрации помогли молодым людям остановить некоторые процессы, но не добиться решения своих вопросов. Молодежная активность на местном уровне способствует формированию молодежных кадров, которые связаны с местными сообществами, а также способны оказать давление на местное самоуправление. Однако для достижения постепенных социополитических изменений через работу на местном уровне молодежные организации должны увеличить собственные человеческие ресурсы, чтобы суметь реализовывать программы и предоставлять социальные услуги населению. Выборы в местные органы власти, которые еще не проведены, теперь становятся почти единственным путем для молодежного включения в политическую систему. Правящий режим всячески препятствовал молодежи в политическом участии в делах государства. По мнению Надин Абдалла, Европейский союз и гражданские организации могут поддержать молодежь Египта двумя путями: 1) предложить молодежным лидерам Египта получение технических знаний о работе местных советов, функционировании и руководстве демократических партий; 2) организовать образовательные обмены между политическими партиями Европы и их египетскими коллегами.

В работе Омар Шаба (Omar Shaba), директора группы стратегических исследований в Палестине (Pal-Think)⁶, рассматриваются вызовы и приоритеты, вставшие перед палестинским молодежным движением в свете «арабской весны». С большой уверенностью можно сказать, что палестинский народ в целом и палестинская молодежь в частности были наиболее активными среди всех народов «арабской весны» еще до ее распространения в Египте и других странах Средиземноморского региона [16, 45].

---

⁵ Египетский переход (egyptian transition) — процесс смены правящих режимов во время событий «арабской весны» в 2010-х гг.

⁶ Группа стратегических исследований. Основана в 2007 г. в секторе Газа в Палестине группой палестинских исследователей и общественных активистов. Является независимой некоммерческой, неполитической, неправительственной, нерелигиозной организацией, цель которой — стимулировать и вдохновлять рациональные общественные обсуждения для достижения консенсуса во имя благосостояния палестинцев региона. Подробнее см.: <http://palthink.org/en/>, <https://www.facebook.com/Palthink/>

Они надеялись, что «арабская весна» станет долгожданным средством укрепления позиций Палестины (ослабит или положит конец израильской оккупации), поспособствует процессу национального примирения между Хамас и ФАТХ⁷. Но палестинская молодежь была слишком «занята» внутренним противостоянием, и «арабская весна» не оправдала ее надежд.

Вскоре с высоким уровнем разочарования палестинцы отметили, что Палестина не входит в число высших приоритетов ранней «арабской весны» ни в Тунисе, ни на площади Тахрир (Площадь освобождения) Египта. В конечном итоге палестинцы признали, что на ранней стадии «революции» арабские страны должны были сконцентрироваться на проблемах и требованиях собственных народов (экономическое и социальное равенство, демократия, справедливость). Палестинцы надеялись, что, как только эти требования будут удовлетворены, придет очередь полноценной государственности для Палестины. Палестинцы хорошо осознают собственные ограниченные возможности по достижению политических прав без поддержки ключевых арабских стран, особенно Египта, и международного сообщества. Однако молодые палестинцы, перенесшие смену трех властей и израильской оккупации, подражали арабским весенним демонстрациям и с особым энтузиазмом полагали, что это шанс бросить вызов «полицейскому государству» [16, 47]. При этом, так же как и в других странах «арабской весны», политические и социальные горизонты палестинской молодежи были ограничены отсутствием политических свобод и широко распространенной безработицей⁸. А уникальность ситуации заключалась в том, что палестинцам нужно было «свергать одновременно три правительства»: израильскую оккупацию, авторитарное правление ФАТХ на Западном берегу реки Иордан и Хамас в секторе Газа.

Омар Шаба весьма подробно рассматривает действия палестинской молодежи и формы их мобилизации. Палестинские юноши внимательно и с восхищением наблюдали за разворачивающимися событиями «арабской весны». С помощью социальных сетей на 15 марта 2011 г. была назначена первая акция молодежной активности, что настороженно было встречено как в Хамас, так и в ФАТХ. Однако из-за несогласованности действий между молодежью, отсутствия единой модели поведения они не достигли целей. Молодежь не могла определиться, стоит ли одновременно противостоять собственным режимам, хронически разделенным, или оккупации? Часть молодежи включилась в Интифаду (Избавление) — народное освобождение оккупированных Израилем территорий вдоль стены на Западном берегу реки Иордан, где некоторая прямая конфронтация с израильскими

⁷ Конфликт между Движением за национальное освобождение Палестины (ФАТХ) и Исламским движением сопротивления (Хамас), называемый также Гражданской войной в Палестине, — вооруженный конфликт между двумя основными группировками Палестинской национальной администрации (ПНА), начавшийся в 2006 г. В основном вооруженные столкновения проходили в июне 2007 г. в секторе Газа, полностью взятом под контроль сторонниками Хамас. В боевых действиях в основном принимали участие вооруженные отряды политических сил — Силы безопасности автономии, полиция, президентская гвардия, а также боевики «Бригады мучеников аль-Аксы» (ФАТХ), с одной стороны, и боевики «Бригад из ад-Дина аль-Кассама» (Хамас, численностью до 12 тыс.) — с другой. Поводом для конфликта стали распределение политического влияния в ПНА и попытка убийства премьер-министра Исмаила Хании, представителя движения «Хамас».

⁸ Западный берег реки Иордан, Иерусалим и сектор Газа были оккупированы Израилем в 1967 г.

солдатами все еще оставалась возможной. В начале октября 2015 г. родилась крайняя форма сопротивления — Хаббах (Habbah)⁹. Многие палестинские, израильские и международные журналисты, представители интеллигенции и писатели пытались найти подходящую терминологию для этого движения. Омар Шаба пишет, что данная вспышка разочарования и насилия среди палестинской молодежи в конечном счете демонстрирует опасную тенденцию к индивидуальной и общественной радикализации на фоне тупиковой ситуации политического процесса.

События в Египте стали особенно тревожащими для палестинской молодежи. В сентябре 2015 г. Палестинский исследовательский центр (PCPSR) провел опрос, который показал, что 80 % палестинцев Западного берега и сектора Газа считали, что Палестина больше не является главным объектом «арабской весны» [18]. Молодые люди начали искать другие пути, ведущие к улучшению ситуации в стране, не копируя революции в других арабских государствах. Там, где провозглашалось «Al-sha'b yurid isqat al-nizam» («Народ хочет свергнуть режим»), палестинцы, столкнувшись с израильской оккупацией, утверждают лозунг «Al-sha'b yurid inha' al-inqisam» («Народ хочет конца раздела») [16, 53]. Pal-Think работал с палестинской молодежью во многих областях, включая образование, культуру, обучающие и диалоговые программы. Центр организовал несколько встреч между палестинской молодежью и представителями ЕС, чтобы обсудить формы сотрудничества¹⁰.

Омар Шаба пишет, что сегодня может не быть свободной и независимой Палестины, но молодежь должна быть активной в формировании лучшего будущего для себя и будущих поколений палестинцев. Он предлагает конкретные шаги по унификации молодежного движения Палестины: 1) преобразование и модернизацию учебных заведений (в том числе при поддержке внешних партнеров, в частности, Европейского союза); 2) осуществление выборов советов студентов во всех университетах в секторе Газа и на Западном берегу; 3) внедрение новых муниципальных выборов (последние в секторе Газа были проведены в 2005 г.); 4) обеспечение свободы мнений и протестных молодежных движений. При этом, подчеркивает Омар Шаба, еще предстоит обсуждать стратегию, которая сможет объединить молодежное палестинское движение, а именно: независимо от ее отношения к какой-либо из политических группировок воспитать молодежь толерантной, поддерживающей институциональную демократию, влиятельной в политической жизни Палестины [Там же].

Центр Pal-Think провел семинар с представителями множества молодежных групп, включая молодежь, аффилированную с Хамас и ФАТХ. Семинар показал, что молодые участники согласились с тем, что ключевая цель палестинского молодежного движения (движений) должна состоять в том, чтобы поощрять активное участие молодежи в политической жизни и продвигать демократические

---

⁹ По состоянию на февраль 2016 г. 162 палестинца были убиты и 12 тыс. ранены израильскими солдатами или поселенцами, 31 израильтянин при этом был убит, 500 получили ранения. Это волна взаимных атак, которая продолжается и по сей день. Источник: <http://www.iai.it/en/publicazioni/youth-activism-south-and-east-mediterranean-countries-arab-uprisings>, p. 51.

¹⁰ Подробнее см.: <http://palthink.org/en123/?p=695>

методы объединения палестинцев, чтобы завершить работу по освобождению Палестины. Отсутствие этих приоритетов в «арабской весне» привели к разочарованию палестинской молодежи в ее эффективности. В сентябре 2015 г. Центр Pal-Think опросил 25 студентов из сектора Газа, 10 из них открыто высказались против поддержки «арабской народной революции». Мало кто из респондентов указал, что революционные движения достигли своих целей. Каждый письменный ответ подтвердил мнение о том, что результаты репрессий после «арабской весны» усугубили палестинский кризис [16, 53].

Старший научный сотрудник немецкого института развития Берлина Изабель Шафер (Isabel Schäfer) на примере Туниса рассматривает подходы политики Европейского союза к «чувствительным» потребностям арабской молодежи [17, 62].

Молодежь была одним из главных действующих лиц в социальных протестах арабских восстаний в 2011 г. С тех пор положение молодых поколений в Средиземноморском регионе не улучшилось, а во многих странах даже ухудшилось (Ливия, Сирия, Йемен) [Там же]. Случай с Тунисом особенно показателен, учитывая тот факт, что арабские восстания начались в Тунисе и что это единственная страна, где демократический процесс перехода все еще продолжается. Тунисская молодежь была особенно активна во время революционной фазы в 2010–2011 гг., но сегодня многие молодые люди разочарованы результатами революции. В своей работе Изабель Шафер ищет ответы на вопросы: «Почему так произошло после 2011 г., и каково положение молодежи сегодня? Что было сделано, чтобы удовлетворить ее стремления и политические требования? И что еще мог бы сделать Европейский союз, чтобы поддержать молодое поколение?» Автор отмечает, что помимо обеспечения «классических» прав молодежи (занятость, образование, культурный обмен) молодежь Туниса нуждается в «чувствительном подходе» (youth-sensitive approach). «Чувствительный» к потребностям молодежи подход нужно рассмотреть и включить во всю внешнюю политику ЕС в Средиземноморском регионе. А для этого необходимо выяснить стремления и проблемы тунисской молодежи. Как и в большинстве других стран мира, молодое поколение в Тунисе стремится к занятости, получению образования, собственной мобильности, свободе, справедливости, личному развитию, участию и признанию [Там же, 63].

Согласно «Ежегодному обзору арабской молодежи» для 81 % молодых людей безработица является вторым после безопасности вопросом в Средиземноморском регионе, вызывающим беспокойство [5]. Безработица среди молодежи была и остается особенно высокой в Тунисе (33,2 % в 2015 г. по сравнению с примерно 25–30 % в 1984–2010 гг. для 15–25-летних) и может достигать 40 % в зависимости от возраста и сферы деятельности [6].

Недавние события также показали, что чем выше образовательный уровень, тем меньше шансов молодой человек имеет на рынке труда [17, 63]. Среди 650 тыс. безработных (плюс приблизительно 600 тыс. незарегистрированных безработных) около одной трети (250 тыс.) — выпускники высших учебных заведений [19]. Этот парадокс обусловлен тем, что существующие образовательные программы зачастую не приспособлены к быстроменяющимся требованиям рынка труда.

Несмотря на все это, 39 % молодого поколения допускают создание собственного бизнеса в течение будущих пяти лет [5].

На фоне новой и быстро меняющейся политической и социальной обстановки желание молодых людей быть мобильными и иметь возможность свободно передвигаться остается наиболее острым. Среди причин стремления к свободной мобильности можно отметить желание повышения профессиональных навыков, уровня образования, личного развития, а также поддержания семейных и дружеских связей, культурный туризм. Но главная мотивация молодых тунисцев к переезду имеет социально-экономический характер: желание сделать карьеру и найти лучшую жизнь в Европе или где-либо еще.

Из общей численности населения в 11 млн граждан около 1,2 млн тунисцев живут за границей. Большинство из них — во Франции (55 %, 669 тыс. человек), в Италии (15 %, 189 тыс. человек), Германии (87 тыс. человек), Ливии (69 тыс. человек), государствах Персидского залива (60 тыс. человек), Канаде (20 тыс. человек) и Соединенных Штатах (15 тыс. человек) [20]. При режиме Бен Али (1987–2011) молодые тунисцы бежали от репрессий, безработицы и отчаяния преимущественно в Италию (в среднем 1700 человек в год) [10].

После падения режима Каддафи в Ливии (2011) портовый город Зарзис (Zarzis), недалеко от тунисско-ливийской границы, стал своего рода «центром миграции» [4]. До 1990-х большинство мигрантов были рабочими средней квалификации, позже — образованной молодежью. Большие потоки студенческой эмиграции наблюдались во Францию, Германию и Северную Америку [20].

Наряду с экономическими причинами эмиграции арабской молодежи существуют и другие: радикальные идеологические взгляды (стать джихадистом), сетевые связи, контрабанда и работорговля [3]. В большинстве случаев на решение мигрировать влияет ряд факторов. И все они существовали до тунисской революции, но усилились с ее приходом в 2011 г.

Следующим требованием молодого поколения было участие в политической жизни Туниса. У многих из них были идеалистические ожидания быстрого преобразования страны и непосредственных улучшений через политическое и экономическое включение молодежи в политику. Но спустя пять лет после падения режима Бен Али «переходный процесс» не оправдал надежд молодых активистов. Молодежь по-прежнему недостаточно представлена в политических структурах.

Подводя итоги «арабской весны», можно отметить, что многие участники тех событий разочаровались в «арабской революции» и покинули политику. Несмотря на возрастающее число организаций гражданского общества, количество молодых людей, которые действительно активны в этих организациях, остается ограниченным. Молодое поколение не ощущает себя понятым новыми или прежними политическими элитами. Революции не разрешили, а всколыхнули новую напряженность и разногласия внутри молодежных движений, между светскими и религиозными слоями, между радикалами и консерваторами, между различными интересами городских и сельских молодых людей.

1. *Коротаев А. В.* Лекция «Арабская весна» // «Полит.ру» и НИУ ВШЭ на площадке «Нация и культура» в рамках Дня Вышки 10 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://polit.ru/article/2013/11/10/arabskaya_vesna/ (дата обращения: 02.09.2016).
2. *Nadine A.* The Quest for Accountability and Socio-Political Change in Egypt: Repertoires of Actions and Challenges for Youth Activism at the Local Level [Electronic resource]. URL: http://www.iai.it/sites/default/files/euromescostudy_2.pdf (accessed: 02.09.2016).
3. *Browne E.* Drivers of Irregular Migration in North Africa. GSDRC Helpdesk Research Report 1271. Birmingham, UK: GSDRC, University of Birmingham, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.gsdrc.org/publications/drivers-of-irregular-migration-in-north-africa/> (accessed: 02.09.2016).
4. *Boubakri H.* Revolution and International Migration in Tunisia. Migration Policy Centre, MPC Research Report 2013/04. Retrieved February 9, 2016 [Electronic resource]. URL: www.cadmus.eu (accessed: 02.09.2016).
5. *Burson-M.* 7th Arab Youth Survey 2015. Penn Schoen Berland (PSB), on behalf of Burson-Marsteller, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.burson-marsteller.ch/what-we-do/our-thinking/7th-annual-asdaa-burson-marsteller-arab-youth-survey-2015/?lang=en> (accessed: 02.09.2016).
6. BAFD, OCDE, PNUD 2015: African Economic Outlook: Tunisie 2015. Tunis : BAFD, p. 2.
7. *Colombo S.* Youth activism, government policies and the role of the EU // «Youth activism in the south and east Mediterranean countries since the arab uprisings: challenges and policy options» / European Institute of the Mediterranean, Febr. 2016. P. 7–27 [Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/en/publicazioni/youth-activism-south-and-east-mediterranean-countries-arab-uprisings> (accessed: 02.09.2016).
8. *Hoffman M., Amaney J.* «The Youth and the Arab Spring: Cohort Differences and Similarities» / «Middle East Law and Governance», 4(1). P. 168–188 [Electronic resource]. URL: http://mthoffma.mycpanel.princeton.edu/Hoffman_Jamal_MELG.pdf (accessed: 02.09.2016).
9. *Herrera L.* «Youth and Citizenship in the Digital Era: A view from Egypt» / Harvard Educational Review 82(3), 2012. P. 333–352 [Electronic resource]. URL: <https://www.learntechlib.org/p/74733> (accessed: 02.09.2016).
10. *Natter K.* Revolution and Political Transition in Tunisia: A Migration Game Changer? // Migration Policy Institute, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/revolution-and-political-transition-tunisia-migration-game-changer> (accessed: 02.09.2016).
11. *Kabeer N.* Social Exclusion, Poverty and Discrimination. Towards an Analytical Framework. IDS Bulletin, 31(4). P. 83–87.
12. *Lynch M.* Revolution in the Arab World: Tunisia, Egypt, And the Unmaking of an Era // Foreign Policy Magazine, 2011 г., Roberts H. The Revolution that Wasn't. London Review of Books, 35(17), 2013 г. P. 3–9 [Electronic resource]. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/02/24/revolution-in-the-arab-world/> (accessed: 02.09.2016).
13. *Murphy E.* «Problematizing Arab Youth: Generational Narratives of Systemic Failure» / Mediterranean Politics 17(1), 2012, P. 5–22 [Electronic resource]. URL: <https://www.dur.ac.uk/sgia/profiles/?mode=pdetail&id=490&sid=490&pdetail=77667> (accessed: 02.09.2016).
14. *Sika N.* Youth Political Engagement in Egypt: from Abstention to Uprising // British Journal of Middle Eastern Studies. 39(2). 2012. P. 181–99 [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/1905972/Youth_Political_Engagement_in_Egypt_From_Abstention_to_Uprising (accessed: 02.09.2016).
15. *Shehata D.* Youth Movements and the 25 January Revolution // Arab Spring in Egypt. Cairo: American University Press, B. Korany & R. El-Mahdi (Eds.) [Electronic resource]. URL: <http://cairo.universitypressscholarship.com/view/10.5743/cairo/9789774165368.001.0001/upso-9789774165368-chapter-7> (accessed: 02.09.2016).
16. *Shaban O.* The Arab Spring and the Palestinian Youth Movement: Different Challenges and Priorities // «Youth activism in the south and east Mediterranean countries since the arab uprisings: challenges and policy options» / European Institute of the Mediterranean, February 2016. P. 45–60

[Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/en/pubblicazioni/youth-activism-south-and-east-mediterranean-countries-arab-uprisings> (accessed: 02.09.2016).

17. Schäfer I. Fostering a Youth-Sensitive Approach in the EU's Policies towards the South and East Mediterranean Countries – The Case of Tunisia // «Youth activism in the south and east Mediterranean countries since the arab uprisings: challenges and policy options»/ European Institute of the Mediterranean. Febr. 2016. P. 61–72 [Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/en/pubblicazioni/youth-activism-south-and-east-mediterranean-countries-arab-uprisings> (accessed: 02.09.2016).

18. PCSPR survey, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.pcpsr.org/sites/default/files/poll%2057%20pressrelease%20English.pdf> (accessed: 02.09.2016).

19. Tunisie. Révision du programme Amal pour les diplômés chômeurs // Kapitalis. 17 March 2012. Retrieved December 20.

20. See Office des Tunisiens à l'Étranger (OTE)/ Direction de l'Information et des Relations Publiques (DIRP) (2012). Répartition de la Communauté tunisienne à l'étranger. Tunis: OTE/DIRP. Retrieved December 20. 2015 [Electronic resource]. URL: http://www.ote.nat.tn/fileadmin/user_upload/doc/Repartition_de_la_communaute_tunisienne_a_l_etranger__2012.pdf (accessed: 02.09.2016).

Рукопись поступила в редакцию 8 июня 2016 г.

УДК 355.01(5-11) + 327.88 + 94(567) + 316.325

Т. П. Мусихина
Н. В. Мамин

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В УСЛОВИЯХ ВОЙН «ЧЕТВЕРТОГО ПОКОЛЕНИЯ» (НА ПРИМЕРЕ ВОЙНЫ В ИРАКЕ 2003–2011 гг.)

В последние десятилетия внимание международной общественности приковано к распространению экстремизма и терроризма в странах Ближнего Востока, приобретающих религиозный, исламский оттенок. Авторами данной работы предпринята попытка на основании существующих теоретических подходов к пониманию феномена войн «четвертого поколения» рассмотреть и проанализировать войну в Ираке (2003–2011). Особое внимание уделяется характерному для данного типа конфликтов выходу за локальные рамки в контексте действий террористической организации «Исламское государство».

Ключевые слова: войны «четвертого поколения», Ближний Восток, вызовы региональной безопасности, война в Ираке, Исламское государство.

Для современного этапа международных отношений характерна высокая степень взаимосвязи и взаимозависимости между акторами, что находит свое отражение в продолжающемся росте числа интеграционных проектов и объединений различного уровня. Однако не следует полагать, что идущий процесс глобализации не сталкивается с препятствиями на своем пути. Отдельные государства или группы людей по ряду причин отказываются принять перемены, вызываемые данным процессом, воспринимая их в качестве угрозы как собственной безопасности, так и своему историческому и культурному наследию. Подобное противостояние

зачастую ложится в основу современного конфликта, развивающегося по типу так называемых войн «четвертого поколения».

Говоря о феномене войн «четвертого поколения», следует прежде всего определить, что представляют собой данные конфликты. Само определение войн «четвертого поколения», или «новых войн», как их еще называют, находится в стадии формирования. Термин «войны “четвертого поколения”» впервые появился в военно-аналитической науке США в 1989 г. в статье американских военных специалистов «Меняющееся лицо войны: к “четвертому поколению”» [42]. Авторы, отмечая тенденцию к усилению асимметричного аспекта ведения боевых действий и растущую степень их децентрализации, пришли к выводу, что само понимание войны и вооруженных сил стоит на пороге очередного качественного изменения. Ими также была предложена схема классификации войн по «поколениям»: «первое поколение» — классические межгосударственные войны поствестфальской эпохи; «второе поколение» — войны индустриальной эпохи, начиная с Гражданской войны в США 1861–1865 гг.; «третье поколение», по мнению авторов, связано с научно-техническим прогрессом в военной сфере с начала XX в. и его влиянием на стратегию, тактику и методы ведения войн, что наиболее ярко проявилось уже в Первой мировой войне.

Войны «четвертого поколения» выделяются авторами в отдельную категорию как войны «будущего». Они, согласно мнению военных специалистов США, являются продолжением отмеченной выше тенденции «технологизации» войны, но формируют качественно новый образ и концепцию современного военного конфликта. Данная проблема затрагивается также в таких работах, как «Армия и внутренние войска в противоборствующей и партизанской войне. Мировой опыт и современность» А. Широкова и В. Золотарева и «В защиту новых войн» М. Колдора [29, 37]. Несмотря на то что труд А. Широкова и В. Золотарева посвящен в первую очередь особенностям партизанско-повстанческой войны, а также методам противодействия этому виду конфликта, он примечателен тем, что авторы подробно рассмотрели этапы эволюции концепции партизанского движения.

Среди характерных черт войн «четвертого поколения» можно выделить следующие. В первую очередь, изменились цели участников конфликта: если раньше целью было поражение враждебного государства путем ослабления его экономического, политического и военного потенциала, то современные войны «четвертого поколения» ставят принципиально иную цель — мобилизацию населения, способную «взорвать» государство изнутри. Как справедливо отмечалось в ранее упомянутой статье «Меняющееся лицо войны...», полем войн «четвертого поколения» становится также и само общество. На первый план выходит и становится принципиально важным такой ранее слабо затронутый ресурс, как взаимодействие с населением страны-противника и вовлечение его в активные действия, что в рамках современного конфликта может стать решающим фактором победы. Изменились и методы ведения боевых действий. Классические сражения или позиционное противостояние по установившейся линии фронта уступили место «распыленным» партизанским методам ведения войны и террору. Как правило,

на острие противостояния оказываются не военные, а гражданское население. По разным данным, до 90 % жертв «новых войн» — это гражданские лица [37].

Интенсивное информационное сопровождение подобных вооруженных конфликтов также является их неотъемлемой особенностью. Хотя бурное развитие средств массовой информации и легкость доступа к ним не связаны напрямую с самими войнами «четвертого поколения», не следует отрицать значимость данного фактора. В отличие от опосредованного воздействия печатных средств, радио и телевидение воздействуют на сознание напрямую. Отдельно следует отметить развитие различных сетевых технологий. Информационно-коммуникационные возможности, предоставляемые Интернетом, становятся все более ценным ресурсом.

В войнах «четвертого поколения» нет явных побед и поражений, несмотря на наличие заинтересованных сторон, для которых подобный конфликт — это предмет ведущейся ими политической игры на международной арене. В современных конфликтах большую роль зачастую играют негосударственные вооруженные формирования, как это было в Ираке [34, 41].

Несмотря на выявленные характерные черты, не представляется возможным назвать такие конфликты однотипными — прежде всего в силу различных социально-политических, экономических, этнокультурных и исторических условий, которые оказывают существенное влияние на развитие боевых действий, а также на цели и состав их участников. Последствия «новых войн» оказываются чрезвычайно тяжелыми как для самого государства, так и для населения. Активная вовлеченность в них частных военных компаний и негосударственных вооруженных формирований приводит к размыванию государственно-субъектного аспекта войны и утрате контроля над ходом боевых действий [37]. Вызванные войной тяжелые гуманитарные последствия, обесценение человеческой жизни, разгул преступности подтачивают механизм государственной стабильности и порядка, парализуют производство, разрушают систему внутригосударственной безопасности. Правительство, подконтрольные ему силы правопорядка и армия оказываются неспособны контролировать отдельные участки страны, а иногда и большую часть территорий, что может быть обусловлено и недостатком ресурсов, и коррупционным разложением власти, и утратой ею доверия к населению в силу ангажированности последнего в пользу одной из сторон конфликта — но чаще совокупностью перечисленных выше факторов.

Война в Ираке, начавшаяся в марте 2003 г., является одним из наиболее характерных примеров войн «четвертого поколения», демонстрируя все названные особенности. Одной из задач данного исследования является попытка показать на примере эскалации войны в Ираке, насколько важными и существенными в условиях современного глобализированного мира становятся локальные конфликты и созданные ими вызовы и какой резонанс они могут получить при отсутствии своевременного разрешения. В частности, необходимо выяснить, как террористическая организация «Исламское государство» (ИГ), оформившаяся в ходе войны в Ираке, превратилась из группировки боевиков в организацию, сначала захватившую около половины Сирии и Ирака, а затем бросившую вызов

ведущим мировым и региональным государствам. Подобная призма анализа данного конфликта предлагается ниже.

Ирано-иракская война 1980–1988 гг. нанесла колоссальный ущерб экономике и инфраструктуре обеих воюющих стран. До начала этой войны Ирак был одним из богатейших государств Ближнего Востока. Только в зарубежных банках на его счетах хранилось более 30 млрд долл. После войны Ирак превратился в банкрота, задолжав разным странам около 80 млрд долл. [30]. С целью разрешения экономических проблем президентом Саддамом Хусейном была предпринята попытка захватить Кувейт, однако так называемая «кувейтская авантюра» закончилась разгромом иракской армии силами международной коалиции. Помимо того что Ирак должен был неукоснительно исполнить все 12 резолюций Совета Безопасности ООН, касающихся иракско-кувейтского кризиса, принятая 3 апреля 1991 г. резолюция № 687 предусматривала создание особой комиссии, в задачи которой входил контроль над уничтожением имеющегося оружия массового поражения и средств его доставки, а также над прекращением всех программ по его созданию. Кроме того, для обеспечения безопасности курдского и шиитского населения Ирака были созданы особые воздушные зоны, закрытые для иракской военной авиации [22]. Однако в октябре 1998 г. Ирак отказался от сотрудничества из-за сохранения наложенных на страну санкций. В ходе последовавшей 17 декабря 1998 г. операции были уничтожены и повреждены гражданские объекты, о чем в письме на имя председателя СБ ООН заявил представитель Ирака при ООН [18].

После терактов 11 сентября 2001 г. давление на Ирак со стороны Соединенных Штатов стало расти, в частности, после официальной реакции Багдада, выдержанной в крайне агрессивной манере [33]. Так, принятая 8 ноября 2002 г. резолюция № 1141 вынудила Ирак согласиться на возвращение международных инспекторов на территорию страны [23]. На состоявшемся 5 февраля 2003 г. заседании СБ ООН госсекретарь США Колин Пауэлл выступил с обширными обвинениями в адрес Ирака. Полторачасовая речь, основанная на данных Центрального разведывательного управления США, была посвящена многочисленным фактам нарушений правительством Ирака резолюций СБ ООН, сокрытию продолжающихся работ над созданием оружия массового поражения и связи его властей на высшем уровне с террористической организацией «Аль-Каида», ответственной за теракты 11 сентября 2001 г. [1]. В частности, Колин Пауэлл отметил, что на территории Ирака скрывается некто Абу Мусаб аз-Заркави, которого он охарактеризовал как сподвижника и заместителя лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена. Таким образом, к началу войны 2003 г. Ирак находился под серьезным внешнеполитическим давлением — фактически в положении страны-изгоя, в состоянии глубочайшего экономического кризиса и ситуации, близкой к гуманитарной катастрофе.

В своем обращении к гражданам США 19 марта 2003 г. президент Дж. Буш мл. объявил, что по его приказу войска коалиции перешли границу Ирака [40]. Однако по состоянию на 20 марта 2003 г. никаких дополнительных санкций со стороны ООН принято не было, более того, в ходе предшествующего заседания Совета Безопасности ООН представители Франции, Китая и России высказывались против силового решения проблемы [2]. Используя в качестве предлога

вышеупомянутую резолюцию № 687, США объявили основной целью операции «Иракская свобода» поиск и уничтожение оружия массового поражения. Для достижения оперативной внезапности наземная часть вторжения (G-Day) была начата раньше воздушной кампании (A-Day) [35, 93–94]. Такой метод войны уже был опробован силами НАТО в Югославии. Несмотря на численное превосходство иракских войск, силы коалиции за 21 день сумели захватить крупнейшие города страны. Выступая 1 мая 2003 г. перед солдатами на борту авианосца «Авраам Линкольн», Дж. Буш заявил об окончании операции [20]. К 30 апреля потери сил коалиции составили меньше 200 человек убитыми, в то время как Ирак потерял, по разным данным, от 5 до 30 тыс. человек. Такой разброс в цифрах иракских потерь во многом объясняется тем, что на стороне Ирака воевало множество добровольческих отрядов [21, 218–219].

Однако иракская война в мае 2003 г. не закончилась. В ходе апрельских событий, когда страна находилась фактически в состоянии безвластия, многие склады вооружений иракской армии остались без охраны, целые бригады и армейские корпуса, не сдавая оружия, расходились по домам. Это оружие попало в руки повстанцев — членов партии Баас и других сторонников свергнутого президента Ирака из числа расформированной армии и полиции. Таким образом, сразу после формального окончания военных действий в стране возникла почва для начала партизанской войны. Со стороны командования коалиции последовала реакция в виде операции «Удар по полуострову», направленной против одного из очагов сопротивления в районе города Тулуя [38]. Однако видимых успехов операция не принесла: партизанское движение в так называемом «суннитском треугольнике» продолжало набирать силу.

Следует отметить, что во время войны в Ираке действовало огромное множество террористических организаций с разнообразными целями и задачами. Среди наиболее значительных и известных можно выделить следующие: «Исламская армия Ирака», «Исламский фронт иракского сопротивления», «Джамаат Ансар ас-Сунна» («Армия последователей Сунны»), «Армия Махди», «Бадраа». Прежде чем присягнуть на верность Усаме бен Ладену и стать главой «Аль-Каиды в Ираке», аз-Заркави с 1999 г. являлся лидером группировки «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад» («Армия единобожия и джихада») [48]. На сегодняшний день уже очевидно, что на момент выступления Колина Пауэлла на заседании СБ ООН в феврале 2003 г. аз-Заркави не имел ничего общего ни с «Аль-Каидой», ни с ее лидером бен Ладеном. Следует отметить, что аз-Заркави и бен Ладен действительно встречались до событий войны в Ираке. Однако данная встреча произвела крайне неблагоприятное впечатление на бен Ладена и Аймана аль-Завахри (ближайшего советника лидера «Аль-Каиды», который возглавил организацию после смерти бен Ладена): малограмотный, кровожадный уголовник, по мнению лидеров «Аль-Каиды», не заслуживал доверия и внимания [46]. Будучи иорданцем по происхождению и считая правящую иорданскую династию «не исламской», первый теракт он направил против посольства Иордании в Багдаде [27]. Представители его группировки также ответственны за ряд терактов в Багдаде, убийства шиитов, а также Эзеддина Салима, главы Временного управляющего совета

Ирака [17]. Таким образом, на первом этапе войны в Ираке возникла небольшая, хотя и активная организация, ставшая прообразом будущего «Исламского государства» и заложившая основы для будущего расширения этой организации в «суннитском треугольнике».

Начиная с весны 2004 г. можно говорить о начале второго этапа конфликта. К концу 2003 г. среди религиозных лидеров шиитского населения также начали расти радикальные настроения. Шииты требовали проведения свободных всеобщих выборов в Ираке. Один из наиболее радикальных представителей шиитского освободительного движения, мулла Муктада ас-Садр, выступил за вывод иностранных войск из страны [25]. 4 апреля 2004 г. вспыхнуло первое шиитское восстание «Армии Махди», охватившее значительные районы страны вокруг города Эн-Наджафх (частичного разоружения и перемирия удалось добиться только 9 октября 2004 г.) [42]. Начатая 5 апреля в этих условиях войсками коалиции операция по штурму города Фаллуджи, занятого суннитскими повстанцами, захлебнулась из-за невозможности получить подкрепление.

Юридически оккупация Ирака закончилась 8 июня 2004 г. с принятием резолюции № 1546, согласно которой войска коалиции теперь лишь оказывали помощь переходному правительству Ирака [24]. При содействии вновь созданной иракской армии 8 ноября 2004 г. был проведен повторный штурм города Фаллуджи. На этот раз силам коалиции удалось добиться успеха, несмотря на отчаянное сопротивление боевиков-суннитов. По сути, это был единственный случай, где стороны вели фронтальные боевые действия. Таким образом, силам коалиции и переходному правительству Ирака к концу 2004 г. удалось получить относительный контроль над территорией страны.

Всего через полгода после начала вторжения в Ирак имя аз-Заркави стало нарицательным, и вскоре он привлек внимание лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена [48]. Однако сама организация «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад» являлась одной из малочисленных (особенно в сравнении с «Исламской армией Ирака», которая насчитывала порядка 10 тыс. человек [36]); по некоторым оценкам, в ее состав входило около 14 % от общего числа террористов, действовавших в Ираке [32]. 17 октября 2004 г. организация «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад» опубликовала сообщение, в котором аз-Заркави поклялся в верности бен Ладену [14]. Сама же организация стала известна как «Аль-Каида в Ираке». Приобщившись к известному «бренду», аз-Заркави в очередной раз громко заявил о себе, став для многих суннитов и сторонников Хусейна, разочаровавшихся в нерадикальных методах борьбы, олицетворением сопротивления оккупантам и поддержанному ими правительству.

Выборы нового переходного правительства, состоявшиеся, несмотря на очередные угрозы со стороны Аль-Каиды, 30 января 2005 г., ознаменовали собой начало третьего этапа войны в Ираке [5]. Победу на выборах одержала шиитская партия «Объединенный иракский альянс». К маю 2005 г. ситуация с обеспечением безопасности населения сильно ухудшилась. Были проведены три крупные антитеррористические операции: «Молния», «Матодор» и «Стальной занавес». В мае аз-Заркави опубликовал в Интернете ряд обращений, в которых заявил

о создании «бригад Омара»; основной задачей данных суннитских подразделений была борьба с вновь сформированными силами правопорядка, армией и бригадами террористической организации «Бадраа», члены которой подозревались в пытках и убийствах суннитского населения Ирака [4]. Станным и неуместным выглядело на этом фоне заявление президента Ирака, в котором он называл шиитских боевиков «героями и верными сынами своей страны» [19].

В ходе референдума по принятию конституции некоторые суннитские провинции бойкотировали голосование [6]. 15 декабря 2005 г. состоялись парламентские выборы, на которых победу в очередной раз одержал «Объединенный иракский альянс». Все это привело к тому, что в стране началась гражданская война. Весь 2006 г. был ознаменован жестокими кровавыми расправами над мирным населением. Прислушавшись к советам аль-Завахри, аз-Заркави создает «Меджлис моджахедов Шуры» («меджлис» в переводе означает «место собрания», а «шура» — традиционный для ислама совещательный орган при халифе либо правителе мусульманской страны), объединивший несколько суннитских группировок с «Аль-Каидой в Ираке» во главе. Главой «Меджлиса» стал выходец из Ирака Абу Омар аль-Багдади [48]. Действия данной организации печально известны в нашей стране в связи с захватом 3 июня 2006 г. четверых российских дипломатов, которые были казнены [11]. Аз-Заркави был ликвидирован 7 июня 2006 г. [36]. Тем не менее процесс консолидации группировок только усилился, и 15 октября было провозглашено создание «Исламского государства Ирака» (ИГИ), а 10 ноября преемник аз-Заркави присягнул на верность Абу Омару аль-Багдади [48].

Командование коалиции встало перед фактом полной потери контроля над ситуацией. Созданная Конгрессом США группа по изучению ситуации в Ираке 6 декабря 2006 г. опубликовала доклад, рекомендовавший как можно скорее передать контроль и ответственность за ситуацию в Ираке его правительству [43, 61, 75]. Тем не менее было принято решение о видоизменении стратегии действий США в Ираке, получившей название «Большая волна». В первые месяцы 2007 г. складывалось впечатление, что даже значительно увеличенный контингент войск США уже будет просто не в состоянии вернуть жизнь в Ираке в сколько-нибудь нормальное русло. Однако в целом уровень насилия существенно снизился. Немалую роль в этом сыграл Иран, оказавший давление на шиитскую «Армию Махди» и муллу ас-Садра. Помимо этого с заявленной целью «нейтрализации влияния Баас и “Аль-Каиды”» (следует сделать оговорку, что авторы данной работы не поддерживают мнение о наличии прямой взаимосвязи между партией Баас и радикальными исламистами, так как убедительных доказательств этому предоставлено не было, а обвинения, выдвинутые Колином Пауэллом в феврале 2003 г., оказались ложными и несостоятельными) командованием коалиционных сил было принято решение снабдить оружием суннитские группировки, враждебно настроенные по отношению к ним [45]. Хотя нельзя не признать, что в целом ситуация в Ираке продолжала оставаться катастрофической. Согласно проведенным в феврале–марте 2007 г. опросам, больше половины иракского населения поддерживало атаки боевиков [39].

14 августа 2007 г. в городе Кахтания произошел один из крупнейших терактов в истории, в результате которого были убиты свыше 500 человек и более 1,5 тыс. ранены [44]. В 2008 г. произошло второе восстание «Армии Махди». Захватив один из крупнейших городов Ирака — Басру, боевики выдвинули ультиматум властям. Они потребовали в течение 24 часов прекратить рейды по шиитским районам и выборочные аресты сторонников ас-Садра, немедленно освободить задержанных и принести извинения тем, кто подвергся насилию со стороны властей [28]. Очевидным просчетом стало решение иракского правительства в 2010 г. о роспуске суннитских отрядов «Сахва» — парамилитарных формирований суннитских племен, созданных для борьбы с «Аль-Каидой», вооружаемых иракским правительством и с 2008 г. полностью перешедших под его юрисдикцию [15, 223]. На этом фоне боевики ИГИ, ведущие войну с «Бадрой» и новыми вооруженными силами Ирака, устраивающие теракты и расправы над шиитами, из кровожадных убийц превратились в героев, ведущих неравный бой.

Наиболее очевидным и известным результатом войны в Ираке стал экспорт экстремизма из Ирака в Сирию. После смерти Омара Аль-Багдади в 2010 г. новый лидер ИГИ Абу Бакр Аль-Багдади присоединился к гражданской войне в Сирии в 2011 г. [48], хотя следует заметить, что боевики из Ирака начали проникать в Сирию уже в 2004 г. [31]. Несмотря на определенные успехи, достигнутые правительственными войсками Сирии к маю 2016 г. при поддержке российских ВКС, ИГ продолжает контролировать значительные районы Сирии и Ирака. Удручающей представляется ситуация в Ливии, где ИГ на фоне раскола в рядах джихадистского движения укрепило свои позиции, заявив о создании трех своих провинций на территории страны [47].

Анализируя опыт войны в Ираке, а также динамику и географию распространения ИГ, следует сделать вывод, что, к сожалению, падение авторитарных режимов на Ближнем Востоке в рамках так называемой «арабской весны» привело не к демократизации этих государств, а к образованию политического вакуума, который был быстро заполнен представителями радикального ислама, к чему, в свою очередь, оказался не готов Запад, первоначально приветствовавший этот процесс. Пытаясь объяснить данный феномен, авторы работы приходят к выводу, что современное положение дел на Ближнем Востоке во многом обусловлено «фантомными болями» по несостоявшейся государственности и отсутствию сильных национальных идей, что явилось следствием сложного и противоречивого процесса формирования государств в этом большом регионе.

После эпохи турецкого владычества на Ближнем Востоке, согласно секретному соглашению Сайкса — Пико о разделе Азиатской Турции, заключенному в 1916 г. между Великобританией, Францией, Россией и позже Италией, вместо обещанного арабским племенам независимого государства «Великая Сирия» должен был произойти раздел данной территории между подписавшими соглашение странами [13, 40–43]. С выходом России из Первой мировой войны и денонсацией данного соглашения новым советским правительством судьба региона сложилась иначе: его отдельные части были переданы под мандаты Лиги Наций, а фактически под контроль Великобритании и Франции. С окончанием Второй мировой войны

и начавшимся кризисом колониальной системы на территории Ближнего Востока образуется целый ряд государств с произвольно установленными границами и по образцам, привнесенным извне.

Важно понимать, что сложившиеся жесткие авторитарные режимы в арабских государствах Ближнего Востока зачастую противостояли исламу в его различных формах, расценивая его как своего прямого политического конкурента. Особенно это стало очевидно после Исламской революции в Иране 1979 г., так как пришедшее к власти шиитское духовенство не скрывало своих намерений по экспорту революции и не считало государства Ближнего Востока вполне суверенными [3, 288]. Ликвидация этих авторитарных режимов в очередной раз обнажила факт слабости национальных идей и национально-страновой идентичности в арабских странах при их неспособности одновременно опереться на западные демократические образцы. После иракской войны кризис государственности вывел на арену прямых политических действий широкие народные массы, которые, в свою очередь, нуждались в определенной мобилизующей идее. Очевидно, что такой идеей стало единение на базе ислама, а тяжелое экономическое и гуманитарное положение создало благоприятные условия для распространения именно радикального исламизма, так как он предлагал восстановление близкого мусульманскому населению традиционалистского идеала государственного устройства, а также представлял четкий образ врага, ответственного за тяжелые условия жизни людей, — Запад. Таким образом, противостояние западным ценностям вышло на совершенно новый уровень и стало ассоциироваться с борьбой за справедливость и право на самоопределение, а также за свое историческое и культурное наследие.

Тем не менее «Исламское государство» — порождение иракской войны — на сегодняшний день уже вышло за пределы Ближнего Востока. Отряды ИГ активно действуют на территории Афганистана и представляют собой серьезную силу, которая, по некоторым данным, контролирует восточную часть страны [7]. Под контролем ИГ находятся четыре уезда Афганистана к югу от Джелалабада [9]. В 2014 г. о присоединении к ИГ заявило «Исламское движение Узбекистана» [10]. По некоторым данным, на стороне ИГ сегодня воюют более 7 тыс. выходцев из России и стран СНГ [22]. В декабре 2014 г. «Исламскому государству» присягнул амир «Вилаята Дагестан Имарата Кавказ» 34-летний Рустам Асельдеров. В июне 2015 г. Асельдерова поддержал организатор атаки боевиков «Имарата Кавказ» на Грозный в декабре 2014 г. командир батальона смертников «Ряд ас-Салихийн» Аслан Бютукаев [12]. Вслед за этим в Интернете появилось аудиообращение, в котором объявлялось о присяге ИГ всех боевиков Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Аль-Багдади поспешил назначить Асельдерова амиром новообразованного «Вилаята Кавказ» [8]. На территорию Европы вместе с 1,1 млн беженцев, по разным данным, проникли более 4 тыс. боевиков ИГ, результатом действий которых стали террористические атаки в Париже 13 декабря 2015 г. и Брюсселе 22 марта 2016 г. [26, 16, 27].

Пугающей и без преувеличения опасной выглядит тенденция к распространению данной организации как на Ближнем Востоке, так и за его пределами. Однако, несмотря на представляющуюся довольно мрачной картину, не следует полагать,

что ИГ в состоянии вести войну везде одновременно — организация просто не располагает подобными ресурсами. Тем не менее не стоит пренебрегать угрозой террористической опасности, исходящей от ИГ. Оценивая существующую угрозу для России со стороны ИГ, очевидно, что Правительству РФ необходимо с максимальной бдительностью следить за действиями данной организации, которая претендует, по крайней мере декларативно, на то, чтобы компенсировать народным массам то, чего они были долгое время лишены в результате постколониалистской политики Запада. Следует сделать вывод, что лидерам ИГ их война представляется как глобальное цивилизационное противостояние светскому Западу, и они используют все доступные им средства, чтобы воплотить это видение в реальность.

1. 4701-е заседание СБ ООН, 5 февраля 2003 г. // ООН : офиц. сайт. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.4701> (дата обращения: 13.05.2016).
2. 4721-е заседание СБ ООН, 19 марта 2003 г. // ООН : офиц. сайт. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.4721> (дата обращения: 13.05.2016).
3. Агаев С. Иран между прошлым и будущим: События. Люди. Идеи. М., 1987.
4. Аз-Заркави формирует группы для борьбы с милицией, 6 июля 2007 г. // РБК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/incidents/06/07/2005/75297.shtml> (дата обращения: 15.05.2016).
5. «Аль-Каида» предостерегает иракцев от участия в выборах, 26 января 2005 г. // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/incidents/20050126/7009073.html> (дата обращения: 12.05.2016).
6. В референдуме по конституции участвовал 61 % иракцев, 16 октября 2005 г. // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20051016/41790311.html> (дата обращения: 12.05.2016).
7. Замараева Н. Пакистан: боевики и «Исламское государство», 11 января 2015 г. // Новое восточное обозрение [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.journal-neo.org/2015/01/11/pakistan-boeviki-i-islamskoe-gosudarstvo/> (дата обращения: 17.05.2016).
8. ИГ в России: кто из исламистов на Кавказе присягнул халифату 23 ноября 2015 г. // РБК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/23/11/2015/565315c29a79473e82526b3b> (дата обращения: 18.05.2016).
9. «Исламское государство» начало захват Афганистана, 5 декабря 2015 г. // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20151205/1336596750.html> (дата обращения: 17.05.2016).
10. «Исламское движение Узбекистана» заявило о присоединении к ИГ, 6 октября 2014 г. // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20141006/1027067431.html> (дата обращения: 18.05.2016).
11. Иракские террористы распространили видеозапись казни российских дипломатов, 25 июня 2006 г. // Лента.Ру [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2006/06/25/second/> (дата обращения: 12.05.2016).
12. Кавказ подключается к ИГИЛ, 25 июня 2015 г. // Газета.Ру [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2015/06/25_a_6854273.shtml (дата обращения: 17.05.2016).
13. Ключников Ю., Сабанин А. Международная политика Новейшего времени в договорах, нотах и декларациях : в 3 ч. Ч. 3. М., 1926.
14. Корера Г. Заркави и бин Ладен: соратники или соперники? 19 октября 2004 г. // BBC [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3756000/3756384.stm (дата обращения: 17.05.2016).
15. Кузнецов А. «Исламское государство» в контексте изменений на Ближнем Востоке // Вестн. МГИМО-Университета. Вып. 41. М., 2016. С. 221–229.

16. Нападения и взрывы в Париже: крупнейший теракт в истории Франции, 14 ноября 2014 г. // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20151114/1320235453.html> (дата обращения: 10.05.2016).
17. Ответственность за убийство Иззедина Салима взяла на себя «Аль-Каеда», 19 мая 2004 г. // Лента.Ру [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/iraq/2004/05/19/respons/> (дата обращения: 15.05.2016).
18. Письмо от постоянного представителя Ирака при ООН на имя Председателя Совета Безопасности, 18 декабря 1998 г. // ООН : офиц. сайт. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac/20/ipac.jsp> (дата обращения: 13.05.2016).
19. Президент и премьер Ирака поддержали шиитских боевиков, 8 июня 2005 г. // Лента.Ру [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2005/06/08/group/> (дата обращения: 11.05.2016).
20. Президент США Джордж Буш объявил об окончании военных действий в Ираке, 2 мая 2003 г. // Первый канал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/71427> (дата обращения: 10.05.2016).
21. *Пухов Р.* Чужие войны / под ред. Р. Пухова. М., 2012.
22. Резолюция СБ ООН № 687, 3 апреля 1991 г. // ООН : офиц. сайт. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/687> (дата обращения: 13.05.2016).
23. Резолюция СБ ООН № 1141, 8 ноября 2002 г. // ООН : офиц. сайт. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1141> (дата обращения: 13.05.2016).
24. Резолюция СБ ООН № 1546, 8 июля 2004 г. // ООН : офиц. сайт. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1546> (дата обращения: 13.05.2016).
25. Решение о шиитском восстании принималось в Лондоне, 12 апреля 2004 г. // Российская Газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2004/04/12/irak.html> (дата обращения: 11.05.2016).
26. СМИ: более 4 тысяч боевиков ИГ проникли в Европу под видом беженцев, 6 сентября 2015 г. // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20150906/1233415388.html#ixzz490U9pAeб> (дата обращения: 15.05.2016).
27. Теракты в Брюсселе. Хроника событий, 22 марта 2016 г. // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20160322/1394456335.html> (дата обращения: 15.05.2016).
28. Шиитский ультиматум, 28 марта 2008 г. // Вести.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=171353&cid=1> (дата обращения: 12.05.2016).
29. *Широков А., Золотарев В.* Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской войне. Мировой опыт и современность. М., 1997.
30. *Яременко В.* Аятолла Хомейни и последствия войны с Ираком, 23 марта 2009 г. // Полит.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2009/03/23/iran/> (дата обращения: 16.05.2016).
31. *Abouzeid R.* The Jihad Next Door, 23 June 2014 // Politico [Electronic resource]. URL: <http://www.politico.com/magazine/story/2014/06/al-qaeda-iraq-syria-108214.html> (accessed: 13.05.2016).
32. *al-Shishani M.* Al-Zarqawi's Rise to Power: Analyzing Tactics and Targets, 18 November 2005 // The Jamestown Foundation [Electronic resource]. URL: [http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews\[tt_news\]=610#.VzM1e_mLTcs](http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews[tt_news]=610#.VzM1e_mLTcs) (accessed: 17.05.2016).
33. Attacks draw mixed response in Mideast, 12 January 2001 // CNN [Electronic resource]. URL: <http://www.webcitation.org/61DZZgoPe> (accessed: 15.05.2016).
34. Census counts 100,000 contractors in Iraq, 5 December 2006 // Washington Post [Electronic recourse]. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/12/04/AR2006120401311.html> (accessed: 10.05.2016).
35. *Fontenot G.* On Point: United States Army in Operation Iraqi Freedom. Naval Institute Press, 2005.
36. Insurgent Leader Al-Zarqawi Killed in Iraq, 8 June 2006 // The Washington Post [Electronic resource]. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/06/08/AR2006060800114.html> (accessed: 13.05.2016).

37. *Kaldor M.* In Defence of New Wars, 7 March 2013 // Stability: International Journal of Security and Development [Electronic resource] URL: <http://www.stabilityjournal.org/articles/10.5334/sta.at/> (accessed: 10.05.2016).
38. Operation Peninsula Strike // Global Security [Electronic resource]. URL: http://www.globalsecurity.org/military/ops/peninsula_strike.htm (accessed: 13.05.2016).
39. Poll: Iraqis pessimistic about war's outcome, 19 March 2007 [Electronic resource] // The Associated Press. URL: <http://www.nbcnews.com/id/17687430/#.VSWkXcdqeEc> (accessed: 12.05.2016)
40. President Bush announces invasion of Iraq, 19 March 2003 [Electronic resource] // CBS. URL: <http://www.cbsnews.com/videos/2003-president-bush-announces-invasion-of-iraq/> (accessed: 10.05.2016)
41. Profile: Blackwater Worldwide, 20 August 2009 // BBC [Electronic resource]. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/7000645.stm> (accessed: 11.05.2016).
42. Shia rebels agree Baghdad truce, 9 October 2004 // BBC [Electronic resource]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/3729444.stm (accessed: 8.05.2016).
43. The Iraq Study Group Report / J. Baker, L. Hamilton. N. Y., 2006.
44. Toll in Iraq Bombings Is Raised to More Than 500, 22 Aug. 2007 // The New York Times [Electronic resource]. URL: <http://www.nytimes.com/2007/08/22/world/middleeast/22iraq-top.html> (accessed: 08.05.2016).
45. U. S. Arming Sunnis in Iraq to Battle Old Qaeda Allies, 11 June 2007 // The New York Times [Electronic resource]. URL: http://www.nytimes.com/2007/06/11/world/middleeast/11iraq.html?_r=2&hp&oref=slogin& (accessed: 08.05.2016).
46. *Weaver M.* The Short, Violent Life of Abu Musab al-Zarqawi, 8 June 2006 // The Atlantic [Electronic resource]. URL: http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2006/07/the-short-violent-life-of-abu-musab-alzarqawi/304983/?single_page=true (accessed: 12.05.2016).
47. *Wehrey F., Alrababa'h A.* Rising out of chaos: Islamic State in Libya, 5 March 2015 // Carnegie Endowment for international [Electronic resource]. URL: <http://carnegieendowment.org/syriaincrisis/?fa=59268> (accessed: 18.05.2016).
48. *Zelin A.* The War between ISIS and al-Qaeda for Supremacy of the Global Jihadist Movement, Reserch note 20, June 2014 // The WASHINGTON INSTITUTE for Near East Policy [Electronic resource]. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/the-war-between-isis-and-al-qaeda-for-supremacy-of-the-global-jihadist> (accessed: 15.05.2016).

Рукопись поступила в редакцию 18 сентября 2016 г.

УДК 327.7 + 327(470:560) + 658.26

Е. А. Лапанович
В. И. Михайленко

ТУРЦИЯ И РОССИЯ В XXI в.: ТРУДНОЕ ПАРТНЕРСТВО

В данной статье предпринята попытка рассмотреть динамику отношений между Турцией и Россией под углом сотрудничества и соперничества, а также спрогнозировать ее развитие. Авторы опираются на методологические подходы теоретиков «нового регионализма» (new regionalism), полагая, что регионы становятся самостоятельными акторами на мировой арене, могут «конструироваться» как изнутри, так и при участии внешних акторов. По мнению авторов, следование логике прагматизма и сохранение принципа фрагментации отношений обеспечит их положительную динамику.

Ключевые слова: Большое Причерноморье, Европейский союз, Россия, Турция, безопасность, газ, дипломатия энергоресурсов, регионализм, энергоресурсы.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть динамику отношений между Турцией и Россией под углом сотрудничества и соперничества в Черноморско-Средиземноморском регионе¹, выявить сферы сотрудничества и соперничества, спрогнозировать перспективы регионального сотрудничества между ними в экономической и политической областях, транспортировки энергоресурсов.

В своем исследовании авторы опираются на методологические подходы теоретиков «нового регионализма» (new regionalism), которые считают, что регионы становятся самостоятельными акторами на мировой арене, регионы могут «конструироваться» как изнутри, так и при участии внешних акторов, процессы регионализации стали ответом на процессы глобализации².

Экспансия пантюркизма и турецкой модели развития на постсоветском пространстве

При оценке потенциала влияния Турции в регионе необходимо учитывать, что с 1952 г. Турция является членом НАТО, в 1959 г. впервые было замечено ее желание войти в европейское экономическое сообщество, с 1995 г. действует Ассоциативный совет ЕС – Турция, в том же году был подписан Таможенный союз между Турцией и ЕС, с 1999 г. Турция является официальным кандидатом на членство в ЕС, а с 17 декабря 2004 г. Европейский совет открыл доступ к переговорам с Турцией о членстве в ЕС [76]. В сентябре 2014 г. турецкое руководство заявило о принятии новой стратегии ускорения процесса вступления в ЕС (accession process) [71].

¹ В Европейском союзе используется обобщающая формулировка «Большое Причерноморье» (Wider Black Sea Region), в него включается географическое пространство Черноморского бассейна, Восточных Балкан, Кавказа и Восточного Средиземноморья [66, 70].

² Подробнее о «старом» и «новом» регионализме см.: [23].

Вместе с тем Турция является сильным самостоятельным региональным игроком в регионе. Эксперты отмечают ее все возрастающую экономическую роль, военную мощь и геополитическое влияние. Страна обладает семнадцатой экономикой в мире. В силу географического расположения Турция — ключевой игрок на перекрестке планируемых, строящихся и действующих газовых и нефтяных коммуникаций.

После распада СССР российское руководство озабоченно реагировало на экспансию пантюркизма в сферу своих традиционных интересов. В феврале 1992 г. турецкий премьер-министр С. Демирель заявил: «тюркский мир простирается от Адриатического моря до Великой Китайской стены» [50]. В геостратегической концепции, разработанной турецким правительством до 2023 г., была определена внешняя политика Турции в Евразии, в основу которой заложен пантюркизм [35, 113]. В аналитических обзорах, подготовленных в Государственной думе, отмечалась «опасность распространения на юге России идей пантюркизма и панисламизма» [24].

Российско-турецкие отношения были осложнены и другими проблемами, а именно чеченской, курдской и кипрской [43].

Турецкая модель развития, которая сочетала в себе авторитарный политический режим со светской демократией, свободным рынком и государственным планированием, была принята многими лидерами центрально-азиатских стран.

Турецкая модель развития демонстрировала высокую экономическую эффективность в начале 2000-х гг. В 2000 г. были зафиксированы ежегодные темпы роста ВВП в пределах 7 %. Острый финансовый кризис 2001–2002 гг. остановил экономический рост, однако затем, в 2002–2007 гг., рост ВВП составлял устойчиво свыше 5 %. Особенностью этого периода являлись высокие темпы роста ВВП на душу населения, сокращение бедности. Появились новые промышленные центры, получившие название «анатолийских тигров» (Anadolu Kaplanları). В экспорте произошло увеличение доли продукции среднего уровня технологий (моторы, автозапчасти, сталь, продукция химического производства). Доля продукции высоких технологий составляла всего лишь 5 %. Сформировался национальный банковский сектор, способный кредитовать экономическую активность. В деловой жизни страны высокоэффективные отрасли промышленности и услуг оттеснили низкорентабельное сельское хозяйство. В рабочей силе это нашло отражение в сокращении занятости в сельском хозяйстве с 8 млн человек в 2001 г. до 5 млн в 2008 г. [42, 26].

С другой стороны, как образно отмечает турецкий эксперт И. Атиас, прирост начала 2000-х гг. обеспечивался за счет «низко висящих плодов». В последующем Турции необходимо опираться на новые факторы роста, зависящие от технологий и инноваций [Там же]. Возможно, с этим связано то, что после обрушения в 2009 и 2010 гг. ВВП сделал скачок в следующие два года до 8 %, а затем не превышал 2–4 % [Там же]. В 2013 г. Турция уступала по доле высокотехнологичных товаров в экспорте не только Венгрии и Польше, но даже Мексике и Таиланду. Проявили себя разрывы в технологическом оснащении, нормах прибыли и сбережений между производством с участием европейских партнеров и малыми локальными

производствами. Турция испытывает потребность в новых экономических и институциональных реформах. И. Атиас связывает экономический рывок начала 2000-х гг. с влиянием ЕС. Среди важнейших реформ он выделяет установление независимости Центрального банка, повышение прозрачности бюджета и усиление контроля над ним, введение эффективного конкурентного права, делегирование существенных полномочий независимым управляющим органам [42, 26].

С 2012 г. происходит спад экономического роста. Производительность труда практически остановилась на прежнем уровне. Ослабли связи с ЕС, замедлилось обновление основных фондов, иссякают частные инвестиции. Усиление государственного вмешательства сопровождается посягательствами на независимость Центрального банка и независимых регуляторов, верховенство закона. Ухудшение институциональной среды понижает порог роста экономики.

Экономический рост Турции И. Атиас связывает с качественными изменениями экономических и политических институтов в стране, с необходимостью осуществления глубоких структурных реформ. Турецкий эксперт полагает, что без структурных реформ экономический рост может остановиться на показателях 3–4 %. В случае затягивания политического кризиса даже эти умеренные показатели могут оказаться недостижимыми [Там же].

На пути к российско-турецкой политической оси

Поворотным в российско-турецких отношениях стал визит премьер-министра В. Черномырдина в 1997 г. в Турцию, в ходе которого была достигнута договоренность о совместном строительстве газопровода «Голубой поток» для поставок российского природного газа в Турцию через акваторию Черного моря [9]. Дальнейшее укрепление сотрудничества в областях экономики, торговли, вооружений произошло в 2000 г. в результате визита премьер-министра М. Касьянова в Турцию [30]. В ноябре 2001 г. во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН министры иностранных дел Турции и России подписали План действий по сотрудничеству в Евразии (Action Plan for Cooperation in Eurasia) [64]. В документе говорилось о том, что Россия и Турция намерены способствовать созданию в Европе всеобъемлющей архитектуры безопасности и конкретизировали три направления двустороннего сотрудничества: область политических интересов, которая охватывает практически все прилегающее к двум странам пространство (от Балкан до Центральной Азии и от Южного Кавказа до Средиземноморья); область борьбы против международного терроризма; область экономических интересов (энергетика, торговля, коммуникации, туризм, окружающая среда).

В 2001 г. по инициативе Турции была создана Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия (Black Sea Naval Cooperation Task Group — BLACKSEAFOR), в которую вошли шесть причерноморских стран. Турция и Россия заняли в ней ведущие позиции. Таким образом, был сделан важный шаг в направлении российско-турецкого регионального военно-политического сотрудничества [56; 10, 312; 45]. Не без посредничества России в июне 2002 г.

Турция подписала договор о военном сотрудничестве с Сирией. Основой для российско-турецкого сближения в начале 2000-х гг. стало преобладание приматовского прагматизма во внешней политике России.

В начале иракской войны в 2003 г. парламент Турции отказался поддержать предложение своего правительства о развертывании американских войск на турецкой территории с целью открытия северного фронта против режима С. Хусейна [50]. Турецкое руководство явно стремилось воспрепятствовать США, своему партнеру по НАТО, установить контроль над маршрутами транспортировки энергоносителей в бассейне Черного моря. Турция не скрывала своего недовольства возможностью постоянного присутствия военно-морской группировки НАТО в Черном море.

Подобное развитие российско-турецкого сотрудничества позволило экспертам говорить о выстраивании «российско-турецкой стратегической оси в Евразии» [Там же].

«Игра на трубах» между Россией и Турцией

В начале 2000-х гг. в центре российско-турецких отношений оказалась проблема транспортировки энергоресурсов из Каспийского бассейна на западно-европейские рынки. Соперничали два проекта: турецкий проект нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан и российский проект нефтепровода Тенгиз — Новороссийск. Нефтепровод Тенгиз — Новороссийск Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) был создан для экспорта российской и казахстанской нефти через черноморский порт. В апреле 2003 г. первая очередь нефтепроводной системы КТК была введена в штатную эксплуатацию.

С пуском в 2005 г. (промышленная подача газа началась в 2003 г.) газопровода «Голубой поток» в Турцию российские поставки газа удовлетворяли потребности этой страны на 68 %. Для Газпрома Турция превратилась во второй по объему рынок потребления газа после Европейского союза. В течение следующего десятилетия поставки российского газа должны были обеспечить 70–75 % всего внутреннего потребления в Турции. В планах Газпрома было расширение мощностей «Голубого потока» (вторая нитка) и транспортной инфраструктуры. В ходе переговоров руководителей двух государств были достигнуты соглашения о предоставлении Газпрому права на использование турецких территориальных вод в Черном море для прокладки газопровода «Южный поток» в обход Украины [33]. Председатель правления Газпрома А. Миллер рассматривал возможность строительства на территории Турции завода сжиженного природного газа (СПГ) и подземных хранилищ газа. В комплексе речь шла о создании на территории Турции распределительной системы (хаба) «Южно-европейское газовое кольцо» [18].

В декабре 2005 г. российское руководство провозгласило концепцию «Россия — энергетическая сверхдержава» [3]. Затем последовало обострение российско-украинского газового конфликта. В экспертных турецких кругах заговорили о чрезмерной энергетической зависимости от России. Анкара поддержала

строительство газопровода «Набукко»³. 13 июля 2006 г. в турецком городе Джейхане состоялось торжественное открытие нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан. Не обошлось без давления со стороны США в пользу открытия альтернативного нефтепровода.

В 2008 г. российские акционеры КТК отвергли предложение партнера по консорциуму Chevron о начале финансирования проекта расширения нефтепровода Тенгиз – Новороссийск. И был дан толчок переговорам об альтернативном трубопроводе Ескене – Курык. Его строительство осуществляется консорциумом «Казахстанская каспийская система транспортировки» (ККСТ). Казахстан и Азербайджан планируют проложить нефтепровод Ескене – Курык – Баку протяженностью 739 км и мощностью до 56 млн т. Создана система танкерных поставок из казахстанского порта Курыка в Баку и далее трубопроводом Баку – Тбилиси – Джейхан [1, 16].

Россия первоначально вела переговоры о строительстве второй ветки «Голубого потока», а затем сконцентрировалась на проекте «Южный поток», по которому планировалось направить газ по дну Черного моря в Болгарию, Австрию и Италию⁴. Одновременно Россия демонстративно утратила интерес к строительству трансанатолийского нефтепровода Самсун – Джейхан и начала продвигать нефтепровод Новороссийск – Бургас – Александруполус⁵. В мае 2007 г. президент России В. Путин подписал соглашение с лидерами Казахстана и Туркмении о транспортировке туркменского газа через Казахстан в Россию [34]. Комментируя подписание соглашения по нефтепроводу Новороссийск – Бургас – Александруполус, российский эксперт И. Канавин отметил, что Турция теряет монополию на транзит нефти [17]. Неучастие Турции в этом российском проекте было воспринято в Анкаре как стратегический поворот в российской энергетической стратегии и как удар по планам Турции превратиться в региональный «энергетический хаб» [50].

Роль Турции в урегулировании грузинско-российского конфликта

Российско-грузинская пятидневная война в августе 2008 г. поставила Турцию перед сложным выбором. С одной стороны, она первоначально отказала военным кораблям США в проходе через проливы в Черное море, используя свои права согласно конвенции Монтре [50]. С другой стороны, Турция использовала обострение российско-грузинских отношений для усиления своего влияния в Кавказском регионе, выдвинув в 2008 г. проект «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» (Caucasus Stability and Cooperation Platform). К сотрудничеству были приглашены Грузия, Азербайджан, Армения, Россия, Турция, исключая США

³ Проект газопровода из Туркмении и Азербайджана через Турцию в Европейский союз. Проект был аннулирован в 2013 г.

⁴ В декабре 2014 г. во время визита в Анкару президент В. Путин заявил о приостановке проекта. В. Путин уточнил, что Россия намерена построить новые трубопроводные системы, направленные на другие рынки, в том числе в Турцию [2].

⁵ Подробнее об этом см.: [31].

и ЕС. Анкара начала нормализацию отношений с Арменией и предложила открыть границу между двумя странами. Глава правительства Р. Эрдоган совершил поездки в Москву, Баку и Тбилиси, чтобы заручиться поддержкой проекта. Предложение о создании «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе» было положительно встречено в кавказских республиках и в России. Президент России Д. Медведев заявил, что грузинский кризис показал способность обеих стран решать такие проблемы самостоятельно, без участия внешних сил, т. е. Вашингтона [49]. Таким образом, складывались механизмы регулирования вопросов безопасности региональными акторами без привлечения внешних участников.

Несостоявшаяся российско-турецкая ось

Новый этап в российско-турецких отношениях был провозглашен в 2009 г., когда по итогам визита президента Турции А. Гюля в Москву была принята Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства [32]. Обе стороны охарактеризовали подписание данного документа как начало «нового этапа многопланового партнерства». В августе 2009 г. В. Путин в качестве главы правительства посетил Анкару в рамках ответного официального визита. Во время визита была достигнута договоренность о начале геологических работ в турецких территориальных водах по «Южному потоку» в обход Украины [27].

Примечательно, что «Южный поток» являлся основным конкурентом проекта «Набукко», соглашение по которому было подписано за месяц до этого в Стамбуле [39]. Взамен Россия обещала вернуться к поддержке турецкого проекта нефтепровода Самсун — Джейхан [50]. В. Путин сообщил турецкой стороне о том, что российско-турецкий консорциум выиграл тендер на строительство первой атомной электростанции «Аккую» [63]. Согласно договору дочерние компании Росатома вначале владеют 100 % АО АЭС «Аккую» и сохраняют мажоритарную долю в течение всего периода эксплуатации станции [40]. Товарооборот между Россией и Турцией превысил 38 млрд долларов, и к 2015 г. планировалось его увеличение до 100 млрд долларов [62]. Таким образом, складывались предпосылки формирования основ стратегического партнерства между двумя странами [21, 38–39].

В ходе визита Д. Медведева в Турцию 12 мая 2010 г. было подписано Соглашение об основах стратегического партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой, в котором был заложен межправительственный механизм Совета сотрудничества высшего уровня [Там же]. В совместных встречах принимают участие министры иностранных дел, экономики, транспорта и энергетики. По итогам были подписаны соглашения по экономическим вопросам, о сотрудничестве в области коммуникаций, полицейских формирований, продвижения инвестиций, социальной и семейной политики. Совет сотрудничества высшего уровня состоит из трех органов — Объединенной экономической комиссии, Объединенной группы стратегического планирования, Социального форума.

Отношения между двумя государствами стали более структурированными [21]. Одна из турецких газет после официального визита президента А. Гюля в Россию сообщила о «стратегическом партнерстве» между двумя странами [49]. Турецкий эксперт Э. Эршен даже сделал вывод о «складывающейся российско-турецкой стратегической оси в Евразии» [50].

Эксперты полагают, что социальный консерватизм мог служить общей идеологической платформой для сотрудничества между турецкими и российскими политическими элитами [46]. Кроме того, в ЕС опасались, что Турция может проявить интерес к Евразийскому экономическому сообществу (ЕврАзЭС) [73].

С 2013 г. начинается новый виток охлаждения российско-турецких отношений. Турецкая сторона считает, что Россия стремится к исключительной гегемонии на постсоветском пространстве, в то время как Анкара придерживается «многополярности» и открытой конкуренции. В армяно-азербайджанском конфликте Москва и Анкара находятся по разные стороны противостояния. Российское руководство поддерживает тесные отношения с крайне правыми партиями в Европе, которые категорически настроены против принятия Турции в ЕС. Россия не признает Рабочую партию Курдистана (РПК) террористической организацией. Турция настороженно относится к успехам сирийских курдов в борьбе против ИГИЛ. Анкара начала бомбить позиции повстанцев из турецких курдов РПК, объявив эту организацию серьезной угрозой для национальной безопасности после нескольких вооруженных столкновений [28].

Россия и Турция изначально занимали непримиримые позиции по сирийскому конфликту, по развитию ситуации в Египте. Анкара вряд ли оставила без внимания заявление министра обороны России С. Шойгу, который в конце февраля 2013 г. официально подтвердил планы по формированию постоянного оперативного соединения ВМФ РФ в Средиземном море [10, 315]. В свою очередь, Россия протестует в связи с размещением частей американской ПРО на территории Турции, что подрывает, по ее мнению, стратегический баланс.

В конце апреля 2015 г. президент России В. Путин в своей речи на памятных мероприятиях по случаю столетия массовых убийств армян в Османской империи в 1915 г. употребил понятие «геноцид» [26]. Это вызвало резкую реакцию со стороны Анкары [61]. Российское руководство поддерживает тесные отношения с крайне правыми европейскими партиями, например, с французским Национальным фронтом М. Ле Пен, которые настроены против принятия Турции в ЕС [11].

Турецкий министр иностранных дел А. Давутоглу первым из иностранных коллег посетил Киев после «майдана». Турция не признала результаты референдума в Крыму и поддержала резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН в поддержку целостности территории Украины. Турецкий представитель в ООН подчеркнул «необходимость обеспечения безопасности, процветания и прав крымско-татарских турок как неотделимой части крымского населения» [54]. В ответ Россия обвинила Турцию в нарушении Конвенции Монтре, поскольку вошедшие через ее проливы военные корабли США превысили установленные Конвенцией сроки пребывания в акватории Черного моря [19]. Обострилось российско-турецкое

соперничество из-за Кипра, которому Россия поставляет современные вооружения и проводит совместные военные маневры в его территориальных водах [12].

Турция как энергетический хаб для Европы

Немалую роль в осложнении российско-турецких отношений сыграл курс ЕС на диверсификацию источников энергоресурсов.

«Газовые кризисы» между Россией и Украиной 2006 и 2009 гг. подтолкнули к переосмыслению в ЕС политики в области энергетической безопасности. Глава Еврокомиссии Ж. М. Баррозу отметил в 2014 г., что «продолжающиеся споры между Россией и Украиной по энергопоставкам напомнили нам о необходимости иметь эффективную европейскую стратегию» [4].

В рамках модернизированной энергетической политики в 2009 г. в ЕС был принят «Третий энергетический пакет» [58], открывший возможности для создания интегрированного газового рынка и развития конкуренции. С целью реализации этих планов в мае 2009 г. в Праге был проведен саммит под лозунгом «Южный коридор — Новый шелковый путь» (Southern Gas Corridor) [60]. Проект должен объединить серию запланированных газопроводов, в том числе газопровод Турция — Греция — Италия (Interconnector Turkey — Greece — Italy), «Белый поток» (White Stream) с участием Грузии и Украины, Трансадриатический газопровод (Trans Adriatic Pipeline — TAP)⁶, Набукко (Nabucco), Трансанатолийский газопровод (Trans Anatolian Natural Gas Pipeline — TANAP)⁷. Важным элементом функционирования «Южного газового коридора» должен был стать Транскаспийский газопровод из Туркменистана в Азербайджан [Там же].

«Южный газовый коридор» предусматривает строительство терминалов СПГ, строительство газопроводов от месторождений на Каспии, разработку газовых месторождений на шельфе Черного и Средиземного морей, создание системы «вертикальных газопроводов Север — Юг» между Юго-Восточной и Центральной Европой с возможностью двусторонней прокачки газа. Среди партнеров ЕС по данному проекту — Турция, Азербайджан, Туркменистан, Грузия, Казахстан, Ирак, Египет, Иран и Узбекистан. Первый газ по «Южному газовому коридору» должен поступить в 2019 г. [Там же, 13].

В 2011 г. ЕС принял «Энергетический инфраструктурный пакет» (Energy Infrastructure Package), целью которого являлось определение приоритетных коридоров для транспортировки нефти, газа и электроэнергии [77]. В 2012 г. был введен механизм обязательного согласования членами ЕС любого соглашения с внешней стороной по вопросам энергетической безопасности или поставок энергоносителей. Под этот механизм попали все межправительственные соглашения, подписанные между Россией, с одной стороны, и Болгарией, Сербией, Венгрией, Грецией, Словенией, Хорватией и Австрией — с другой стороны [41].

⁶ Связывает Трансанатолийский газопровод с Бриндизи (Италия) через Албанию и Адриатическое море.

⁷ Газопровод между Азербайджаном и Турцией.

В 2014 г. Европейский совет принял официальное решение о разработке мероприятий по уменьшению энергетической зависимости от России, что привело к принятию Европейской энергетической стратегии безопасности (European Energy Security Strategy) [55]. Диверсификацию источников энергоресурсов ЕС намерен обеспечить за счет модернизации систем поставок газа на европейские рынки из Северной Африки и Норвегии [Там же]. Особую актуальность для ЕС приобретает реализация данных планов в контексте продолжающегося украинского кризиса.

В феврале 2015 г. был озвучен проект Энергетического союза ЕС, а в июле 2015 г. по итогам встречи в Дубровнике было отмечено, что сделан важный шаг в реализации Стратегии энергетического союза (Energy Union strategy). По значимости это событие сравнивают с Объединением угля и стали (ЕОУС), положившим начало европейской интеграции [67]. Таким образом, Европейский союз консолидирует интересы потребителей энергоресурсов с целью выработки их согласованной политики в отношении поставщиков энергоресурсов.

В программах ЕС диверсификации поставок энергоресурсов важное место отводилось Турции как хабу для нефте- и газопроводов из России, Каспийского региона, Иракского Курдистана, Ближнего Востока. В планах ЕС — создание газотрубопроводной системы Персидский залив — Европа [15].

Турция активно интегрируется в политику энергетической безопасности Европейского союза и участвует в разнообразных энерготранспортных проектах [44]. В марте 2015 г. Европейская комиссия и Турция дали ход новой инициативе — «Энергетический диалог высокого уровня» (High Level Energy Dialogue), который включает обсуждение таких сфер взаимного сотрудничества, как газ, электричество, ядерная, возобновляемая энергия. Особой строкой выделено сотрудничество в строительстве «Южного газового коридора» и Трансанатолийского газопровода [69].

17 марта 2015 г. президенты Турции, Азербайджана и Грузии провели церемонию закладки первого камня в сооружение Трансанатолийского газопровода, который является важной частью реализации проекта «Южный газовый коридор» [68].

Усилившаяся координация энергетической политики стран, входящих в ЕС, сказалась отрицательно на российских планах диверсификации энергетических транспортных систем. В 2010 г. было начато строительство газотранспортной системы «Южный поток» из России по дну Черного моря, территориям Болгарии, Сербии, Венгрии, Словении на север Италии со строительством газопроводов-отводов с территории Сербии в Хорватию и Республику Сербскую [38].

Президент России В. Путин во время встречи с турецким коллегой Р. Эрдоганом в декабре 2014 г. заявил о прекращении реализации данного проекта в связи «с неконструктивной позицией Европейского союза» и предложил не только расширить «Голубой поток», но и построить еще одну трубопроводную систему, а если это будет признано целесообразным, создать на турецкой территории, на границе с Грецией, дополнительный газовый хаб для потребителей в Южной Европе [33]. В тот же день между Газпромом и турецкой корпорацией Botaş Petroleum Pipeline Corporation (BOTAŞ) был подписан меморандум о взаимопонимании по

строительству морского газопровода через Черное море в Турцию. Пропускная способность нового газопровода должна составить 63 млрд кубометров газа в год. Из этого объема 14 млрд кубометров получают турецкие потребители. Остальной газ будет доставляться на границу Турции и Греции, где будет организована «точка сдачи» [36]. Российские эксперты оптимистично оценили перспективы «Турецкого потока». Прекращение поставок через Украину в 2019 г., когда заканчивается действие контракта, по мнению ряда экспертов, не оставит европейским компаниям выбора, кроме как подключиться к «Турецкому потоку» [29].

Во время визита в Москву в январе 2015 г. зампреда Еврокомиссии по энергетике М. Шефчовича российская сторона дала понять, что транзитный поток, проходящий через территорию Украины, будет перенаправлен в Турцию [22]. В апреле 2015 г. прошли успешные переговоры между Россией, Грецией и Венгрией о продлении «Турецкого потока» через территории этих европейских государств. Вслед за этим наблюдается провал переговоров между Россией, ЕС и Украиной относительно зимнего пакета газовых поставок. Еврокомиссия направляет в Газпром Заявление протеста (Statement of Objections) с обоснованием якобы имеющих место злоупотреблений доминирующим положением России на рынках газоснабжения Центральной и Восточной Европы [69].

После подписания соглашения 7 мая 2015 г. с турецким министром энергетики и природных ресурсов Т. Йылдызом руководитель Газпрома А. Миллер сделал заявление о том, что «Турецкий поток» будет введен в эксплуатацию в декабре 2016 г. [53].

В начале июня турецкий министр посетовал на то, что ЕС выступает против строительства «Турецкого потока». 9 июля поступило сообщение о расторжении Газпромом договора с одним из основных подрядчиков по строительству газопровода «Турецкий поток» итальянской компанией Saipem S.p.A. Формальным поводом стало затягивание переговоров по вопросу о скидках на газ для турецкой стороны. В марте 2015 г. BOTAŞ выторговала у Газпрома более 10 % скидки, однако этого оказалось недостаточно для турецкой стороны [7, 37].

19 июля турецкий министр Т. Йылдыз сделал неожиданное заявление о том, что Турция заинтересована в создании совместной с российской стороной системы поставок. «Мы никогда не пойдем на уступки, которые угрожают нашим интересам», — заявил министр. Эксперты выдвигают еще одну версию, связанную с тем, что РФ настаивает на строительстве четырех ниток газопровода суммарной мощностью 63 млрд кубометров в год, в то время как Анкара соглашалась на строительство одной ветки из четырех, необходимой для самой Турции. Несмотря на то что Газпром уже закупил и разместил на складах трубы стоимостью 1 млрд евро для первой нитки «Турецкого потока», российская сторона остановила его строительство на неопределенный срок [25]. В августе 2015 г. Газпром заявил о возможности пересмотра конфигурации газопроводной системы: она может оказаться в два, а то и в четыре раза меньше ранее заявленного формата из четырех ниток на 63 млрд кубометров в год [6].

Турция активно интегрируется в политику энергетической безопасности Европейского союза и участвует в разнообразных энерготранспортных проектах

Европейского союза [44], при этом оставаясь за пределами Энергетического сообщества (Energy Community)⁸. В марте 2015 г. Европейская Комиссия и Турция дали ход новой инициативе — «Энергетическому диалогу высокого уровня» (High Level Energy Dialogue), который включает обсуждение таких сфер взаимного сотрудничества, как газ, электричество, ядерная, возобновляемая энергия. Особой строкой выделено сотрудничество в строительстве «Южного газового коридора» и Трансанатолийского газопровода [49].

Не только ЕС, но и США активно противодействуют российским энергетическим проектам в обход Украины [51] и настаивают на ее включении в восточно-европейские интерконнекторы [14].

Иранская сторона также не заинтересована в усилении Турции как энергетического хаба и рассматривает проект строительства своего газопровода через Ирак в Сирию и далее на греческую часть Кипра, т. е. в обход Турции. Иранское руководство объявило о намерениях построить второй крупный нефтегазовый терминал в порту Джаск, ориентированный на поставки в европейские страны [57]. Иран не скрывает своей незаинтересованности в увеличении геополитического веса Турции в регионе [5].

Отношения с Турцией после начала военной операции России в Сирии

30 сентября 2015 г. российское руководство объявило о начале военной операции в Сирии. Усиление российского присутствия на Ближнем Востоке привело к осложнению отношений с Турцией. 24 ноября 2015 г. турецкие летчики сбили российский военный самолет, что погрузило российско-турецкие отношения в глубочайший кризис. Турецкие эксперты пришли к выводу о «завершении господства логики прагматизма и фрагментации (kompartmantalizasyon) в двусторонних отношениях» [74, 2–5].

Охлаждение отношений отразилось на российско-турецких энергетических проектах. В поисках альтернатив Турция провела переговоры с Азербайджаном и Туркменией по составлению дорожной карты реализации проекта Транскаспийского газопровода, с Катаром подписан меморандум о строительстве терминалов СПГ на территории Турции. Улучшение отношений с Израилем открыло дорогу для переговоров по импорту природного газа [59, 159; 65]. К этому следует добавить, что традиционным для Турции поставщиком голубого топлива остается Иран (около 90 % экспорта природного газа идет в Турцию) [75, 10]. Нельзя полностью исключать возможность поставок природного газа из иракского Курдистана.

После неудачной попытки военного переворота в Турции 15 июля 2016 г. на фоне осложнения отношений с США и ЕС турецкое руководство продемонстрировало намерения улучшить отношения с Москвой. В сентябре 2016 г. Газпром анонсировал получение от Турции первых разрешений на строительство «Турецкого потока» [8]. На полях Всемирного энергетического форума в Стамбуле 10 октября 2016 г. было подписано межправительственное соглашение о реализации

⁸ См.: [47]; Доклад Секретариата Энергетического сообщества по Турции (2015) [48].

проекта «Турецкий поток» [72]. А. Миллер сообщил, что российская сторона профинансирует всю морскую часть газопровода, тогда как Турция — сухопутную, а строительство инфраструктуры будет начато в 2018 г. Вместе с тем глава Газпрома подчеркнул, что не следует рассматривать «Турецкий поток» в качестве конкурента «Северному потоку-2». Посредством «Турецкого потока» предполагается осуществлять поставку порядка 31,5 млрд кубометров природного газа ежегодно [52]. В ходе переговоров обсуждался вопрос о возможности подключения «Турецкого потока» к инфраструктуре «Южного газового коридора» [20].

Таким образом, нельзя исключать вероятности того, что России в доступе к турецкому рынку энергоресурсов и турецкому транзиту в перспективе предстоит столкнуться с жесткой конкуренцией со стороны внутрирегиональных игроков. Необходимо также учитывать, что рынок энергоресурсов в Юго-Восточной и Южной Европе не так велик и значительно вырасти не обещает.

Реактивность в принятии решений со всех сторон, заинтересованных в действующих и строящихся трубопроводах, связана не столько с экономической целесообразностью, рациональным обоснованием проектов и их соответствием интересам обеспечения энергетической безопасности акторов, сколько с их политической ангажированностью.

Европейский союз оказался настолько впечатленным российско-украинским газовым конфликтом, что одним из приоритетов своей экономической политики поставил создание системы энергетической безопасности и немало преуспел в достижении поставленных целей. По крайней мере, все страны, входящие в ЕС, и даже большинство партнеров по Европейской политике соседства в вопросах энергетического сотрудничества с Россией действуют с оглядкой на ЕС, даже вопреки очевидной собственной экономической выгоде.

В противодействии ЕС строительству любого газопровода в обход Украины просматривается не только «украинский след», но и обеспокоенность в связи с чрезмерной концентрацией газовых и нефтяных вентилей на турецкой территории.

Перспективы российско-турецких отношений в области транзита энергоресурсов и создания хаба на турецкой территории будут зависеть от ряда факторов. Это экономические факторы, связанные с ситуацией на мировом рынке энергоресурсов: объемы добычи, производства и потребления, диверсификация товарной структуры, что, в свою очередь, определит возможности реализации политики по диверсификации экспортных и импортных рынков. Вместе с тем на развитие ситуации в значительной степени окажут влияние факторы политические, а именно отношения по линиям Россия — ЕС — США, Турция — ЕС — США. Надо иметь в виду, что вектор развития двусторонних отношений между Москвой и Анкарой во многом определяется развитием событий на западном направлении внешней политики каждого из акторов.

Кажется, что российско-турецкие отношения вернулись в привычное прагматичное русло. Вместе с тем это не исключает сохранения фундаментальных противоречий по широкому спектру проблем, среди которых карабахский, абхазский и югоосетинский, косовский и крымский вопросы, проблема расширения НАТО на восток, а также гражданская война в Сирии

В данном контексте следует отметить, что принцип фрагментации, который турецкие эксперты Международной организации стратегических исследований (Uluslararası Stratejik Araştırmalar Kurumu) справедливо отнесли к структурным особенностям российско-турецких отношений [74, 2–5], служил и, вероятнее всего, будет служить в дальнейшем гарантией возможности развития сотрудничества в одной сфере российско-турецких отношений при пребывании в полном тушике в другой.

Скорейшая нормализация отношений после попытки военного переворота 15 июля свидетельствует о том, что отношения между Москвой и Анкарой восприимчивы не только к изменению динамики внешнеполитической, но и внутривластной.

Следование логике прагматизма и сохранение фрагментации обеспечит устойчивость российско-турецкого партнерства, которое и впредь не обещает быть легким.

---

1. *Бутрин Д., Скорлыгина Н., Ребров Д.* Каспийская труба расширению не подлежит. Новую нефть Тенгиза примет не КТК, а Баку — Тбилиси — Джейхан [Электронный ресурс] // Коммерсант.ru. 7 марта 2008. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/864671> (дата обращения: 22.08.2016).

2. «Ведомости» сообщили о неполной остановке строительства «Южного потока» [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 8 декабря 2014. URL: <http://lenta.ru/news/2014/12/08/southstream/> (дата обращения: 25.08.2016).

3. Вступительное слово президента на заседании Совета Безопасности по вопросу о роли России в обеспечении международной энергетической безопасности от 22.12.2005 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23356/videos> (дата обращения: 22.08.2016).

4. Вышеградская группа за более дешевую энергию [Электронный ресурс] // Euronews. 25.06.2014. URL: <http://ru.euronews.com/2014/06/25/visegrad-four-group-hears-orban-call-for-cheaper-energy/> (дата обращения: 05.09.2016).

5. Газопровод «Турецкий поток» превратит Турцию в энергетического и геополитического монстра, поставив под удар Россию, ЕС и Иран [Электронный ресурс] // Panorama.am. 23 января 2015. URL: <http://www.panorama.am/ru/politics/2015/01/23/russia-turkey-eu-iran/> (дата обращения: 15.09.2016).

6. «Газпром» из четырех планируемых ниток «Турецкого потока» оставит одну или две [Электронный ресурс] // Интерфакс. 7 августа 2015. URL: <http://www.interfax.ru/business/458842> (дата обращения: 15.09.2016).

7. Газпром и Botas опять не смогли договориться по ценам на газ? [Электронный ресурс] // Neftegaz.ru. 30 июня 2015. URL: <http://neftegaz.ru/news/view/139061> (дата обращения: 15.09.2016).

8. Газпром получил разрешение на изыскания по двум ниткам «Турецкого потока» в территориальных водах Турции [Электронный ресурс] // Газпром. Сентябрь 2016. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2016/september/article287217/> (дата обращения: 31.09.2016).

9. «Голубой поток» [Электронный ресурс] // Газпром. URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/active/blue-stream/> (дата обращения: 20.08.2016).

10. *Губанов А. С.* Политика безопасности Турции в Черном море: военно-морской аспект регионального сотрудничества и конкуренции // Учен. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2014. Т. 27(66), № 1–2. С. 308–319.

11. *Демир Э.* Победитель на выборах во Франции Марин ле Пен потребовала прекращения переговоров Турции и ЕС [Электронный ресурс] // Иносми.ру. 29 мая 2014. URL: <http://inosmi.ru/asia/20140529/220656854.html> (дата обращения: 04.09.2016).

12. Документы, подписанные по итогам российско-кипрских переговоров [Электронный ресурс] // Президент России. 25 февраля 2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4814> (дата обращения: 04.09.2016).

13. Европа будет строить «Южный газовый коридор» вместо «Южного потока» [Электронный ресурс] // Прайм. 9 декабря 2014. URL: <http://1prime.ru/energy/20141209/797659662.html> (дата обращения: 05.09.2016).

14. *Еременко А.* Амос Хохштейн: «Правительства, как и люди, начинают действовать, когда их пугает счет» [Электронный ресурс] // Zn.ua. 20 февраля 2015. URL: http://gazeta.zn.ua/energy_market/amos-hohshhteyn-pravitelstva-kak-i-lyudi-nachinayut-deystvovat-kogda-ih-pugaet-schet-.html (дата обращения: 15.09.2016).

15. *Кавешников Н.* Роль энергодиалога Россия–ЕС в обеспечении энергетической безопасности «Большой Европы» [Электронный ресурс] // Вся Европа.ru. URL: <http://www.alleuropa.mgimo.ru/rolj-energodialoga-rossiya-es-v-obespechenii-energeticheskoy-bezopasnosti-boljshoy-evropi> (дата обращения: 05.09.2016).

16. Казахстан и Азербайджан планируют проложить нефтепровод Ескене – Курык – Баку [Электронный ресурс] // Ratel.kz. 6 октября 2016. URL: http://ratel.kz/kaz/kazahstan_i_azerbajdzhan_planirujut_prolozhit_nefteprovod_eskene_kuryk_baku (дата обращения: 06.10.2016).

17. *Канавин И.* Энергетическая карта мира меняется на глазах [Электронный ресурс] // Вести. ru. 15 марта 2007. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=115624&tid=44091> (дата обращения: 25.08.2016).

18. *Кириллов Д.* Южное кольцо [Электронный ресурс] // Газпром. 2005. № 12. С. 17. URL: http://www.gazprom.ru/f/posts/30/856293/journal_gazprom_12_2005.pdf (дата обращения: 22.08.2016).

19. Комментарий Департамента информации и печати МИД России по вопросу о выполнении Турцией Конвенции Монтрё от 10.04.2014 г. [Электронный ресурс] // МИД России. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/FC45C535A1D1115644257CB6004EB97E (дата обращения: 04.09.2016).

20. Конкуренция во благо: «Турецкий поток» и TANAP дополняют друг друга? [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. 11 октября 2016. URL: <https://easdaily.com/ru/news/2016/10/11/konkurenciya-vo-bлаго-tureckiy-potok-i-tanap-dopolnyat-drug-druga> (дата обращения: 11.10.2016).

21. *Кудряшова Ю. С.* Активизация российско-турецких отношений: сущность и перспективы [Электронный ресурс] // Вестн. МГИМО-Университета. 2012. № 5. С. 38–44. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/kudryashova.pdf> (дата обращения: 03.09.2016).

22. *Лабыкин А.* «Турецкому потоку» определили сухопутный маршрут [Электронный ресурс] // Эксперт online. 20 октября 2016. URL: <http://expert.ru/2015/02/8/tureckomu-potoku-opredelili-suhoputnij-marshrut/> (дата обращения: 20.10.2016).

23. *Михайленко Е. Б.* «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс. Екатеринбург, 2014.

24. Обобщенные оценки геополитической ситуации на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // АВ. 2000. Вып. 28: Проблемы законодательного обеспечения региональной безопасности на Северном Кавказе / Гос. дума. 2000. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4612/16254> (дата обращения: 15.08.2016).

25. Переговоры о строительстве «Турецкого потока» отложены на неопределенный срок [Электронный ресурс] // Newsru.com. 30 июля 2015. URL: <http://www.newsru.com/finance/30jul2015/tksreamtillbettertimes.html> (дата обращения: 15.09.2016).

26. Президент принял участие в памятных мероприятиях, посвященных 100-летию геноцида армян [Электронный ресурс] // Президент России. 24 апреля 2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49332> (дата обращения: 04.09.2016).

27. Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в газовой сфере [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативной документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902173772> (дата обращения: 01.09.2016).

28. *Пьерини М.* Что означает новая контртеррористическая политика Турции [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. 19 августа 2015. URL: <http://carnegie.ru/2015/08/19/ru-61051/ievv> (дата обращения: 03.09.2016).
29. *Ратников А., Галактионова А., Подобедова Л.* Поток о двух концах: Как Газпром и Россия рискуют в Турции [Электронный ресурс] // РБК. 26 мая 2015. URL: <http://www.rbcdaily.ru/industry/562949995305598> (дата обращения: 13.09.2016).
30. Россия — Турция. Визит М. М. Касьянова в Турцию [Электронный ресурс] // МИД России. 2000. URL: http://archive.mid.ru/bdcomp/dip_vest.nsf/2b52bc67d48fb95643257e4500435ef7/5203a82b646adec2432569b00042fc53!OpenDocument (дата обращения: 20.08.2016).
31. Семен Вайншток: Бургас—Александруполис разгрузит Босфор и Дарданеллу [Электронный ресурс] // Вести.ru. 13 марта 2007. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=116322&tid=44091> (дата обращения: 25.08.2016).
32. Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства от 13.02.2009 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/172> (дата обращения: 01.09.2016).
33. Совместная пресс-конференция с Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом от 01.12.2014 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47126> (дата обращения: 13.09.2016).
34. Соглашение между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Казахстан и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в строительстве Прикаспийского газопровода от 10.12.2007 г.: официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102118681> (дата обращения: 25.08.2016).
35. *Терехов Р. С.* Политические доктрины МИД Турецкой Республики в 1990-е гг. [Электронный ресурс] // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2(18). С. 112–118. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-doktriny-mid-turetskoj-respubliki-v-1990-e-gody> (дата обращения: 15.08.2016).
36. «Турецкий поток» [Электронный ресурс] // Газпром. URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/turkish-stream/> (дата обращения: 13.09.2016).
37. Турция вдруг посчитала, что газопровод «Турецкий поток» ей невыгоден [Электронный ресурс] // Neftegaz.ru. 20 июля 2015. URL: <http://neftegaz.ru/news/view/139559> (дата обращения: 15.09.2016).
38. «Южный поток» создаст условия для надежного снабжения российским газом основных потребителей в Европе [Электронный ресурс] // Президент России. 7 декабря 2012. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17086> (дата обращения: 11.09.2016).
39. Agreement among the Republic of Austria, the Republic of Bulgaria, the Republic of Hungary, Romania and Republic of Turkey regarding the Nabucco Project [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Republic of Hungary. URL: http://www.mfa.gov.hu/NR/rdonlyres/1C1C5D2A-DC4E-425F-9D56-056B0DB09D8F/0/090714_nabucco_agreement.pdf (accessed: 01.09.2016).
40. Akkuyu Nükleer Santral Projesi [Elektronik kaynak] // Türkiye Atom Enerjisi Kurumu, 8 Ekim 2012. URL: <http://www.taek.gov.tr/bilgi-kosesi/165-nukleer-enerji-ve-reaktorler/akkuyu-nukleer-guc-santrali/430-akkuyu-nukleer-santral-projesi.html> (ulaşım tarihi: 01.09.2016).
41. *Aoun M. C.* European Energy Security Challenges and Global Energy Trends: Old Wine in New Bottles? [Electronic resource] // Istituto Affari Internazionali, January 2015. <http://www.iai.it/sites/default/files/iaiw1503.pdf> (accessed: 05.09.2016).
42. *Atiyas I.* Elections and the Economy [Electronic resource] // Istituto Affari Internazionali, July 2015. 3 p. URL: http://www.iai.it/sites/default/files/gte_c_26.pdf (accessed: 15.08.2016).
43. *Balcer A.* Dances with the Bear: Turkey and Russia after Crimea [Electronic resource] // Istituto Affari Internazionali, July 2014. 9 p. URL: http://www.iai.it/sites/default/files/gte_wp_08.pdf (accessed: 15.08.2016).

44. Black Sea Synergy: review of a regional cooperation initiative. Joint Staff Working Document [Electronic resource] // European Commission. Brussels, 20 January 2015. URL: http://eeas.europa.eu/blacksea/doc/swd_2015_6_f1_joint_staff_working_paper_en.pdf (accessed: 05.09.2016).
45. BLACKSEAFOR [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. URL: <http://www.mfa.gov.tr/blackseafor.en.mfa> (accessed: 21.08.2016).
46. *Dimitrova A. L.* Dealing with Turkey After Ukraine: Why the EU Should Let the Enlargement Approach Go [Electronic resource] // Istituto Affari Internazionali, October 2014. 4 p. URL: <http://www.iai.it/en/publicazioni/dealing-turkey-after-ukraine> (accessed: 03.09.2016).
47. Energy Community [Electronic resource] // European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/energy/en/topics/international-cooperation/energy-community> (accessed: 15.10.2016).
48. Energy Governance in Turkey. Report on Compliance with the Energy Community Acquis [Electronic resource] // Energy Community Secretariat, 1 October 2015. 52 p. URL: https://www.energy-community.org/portal/page/portal/ENC_HOME/DOCS/3894261/25824B882CF017E0E053C92FA8C0EE59.PDF (accessed: 15.10.2016).
49. *Engdahl F. W.* The Geopolitical Great Game: Turkey and Russia Moving Closer [Electronic resource] // War and Peace. 28 February 2009. URL: <http://www.warandpeace.ru/en/commentaries/view/33074/> (accessed: 27.08.2016).
50. *Erşen E.* Turkey and Russia: An emerging 'strategic axis' in Eurasia? [Electronic resource] // EurOrient. 2011. № 35–36. P. 263–285. URL: https://www.academia.edu/1048446/Turkey_and_Russia_An_Emerging_Strategic_Axis_in_Eurasia (accessed: 15.08.2016).
51. Gas Diplomacy in the Balkans on the Move [Electronic resource] // Natural Gas World. 27 August 2015. UR: <http://www.naturalgaseurope.com/gas-diplomacy-in-the-balkans-on-the-move-25129> (accessed: 20.09.2016).
52. Gazprom to Finance Offshore Part of Turkish Stream [Electronic resource] // Natural Gas World, October 12 2016. URL: <http://www.naturalgasworld.com/gazprom-will-finance-offshore-construction-of-turkish-stream-construction-to-start-in-2018-32091> (accessed: 12.10.2016).
53. Gazprom, Ankara agree to start Turkish Stream gas deliveries in Dec 2016 [Electronic resource] // Russia Today. 7 May 2015. URL: <http://www.rt.com/business/256509gazprom-turkey-pipeline-launch/> (accessed: 13.09.2016).
54. General Assembly Adopts Resolution Calling upon States Not to Recognize Changes in Status of Crimea Region [Electronic resource] // United Nations. 27 March 2014. URL: <http://www.un.org/press/en/2014/ga11493.doc.htm> (accessed: 04.09.2016).
55. *Hafner M.* The Southern Gas Corridor and the EU Gas Security of Supply: What's Next? [Electronic resource] // Natural Gas World. 28 March 2015. URL: <http://www.naturalgaseurope.com/southern-gas-corridor-and-eu-gas-security-of-supply-22688> (accessed: 15.08.2016).
56. *Hovsepian L.* Turkey and Russia: Military-technical cooperation today and tomorrow [Electronic resource] // Central Asia and the Caucasus. URL: <http://www.ca-c.org/journal/2011-03-eng/04.shtml> (accessed: 21.08.2016).
57. Iran approves draft for new upstream contracts [Electronic resource] // Natural Gas World. 30 September 2015. URL: http://www.naturalgaseurope.com/iran-approves-draft-for-new-upstream-contracts-25664?utm_source=Natural+Gas+Europe+Newsletter&utm_campaign=7598de004b-RSS_EMAIL_CAMPAIGN&utm_medium=email&utm_term=0_c95c702d4c-7598de004b-307795253 (accessed: 17.09.2016).
58. Market legislation [Electronic resource] // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/markets-and-consumers/market-legislation> (accessed: 05.09.2016).
59. Natural Gas Information, 2016 edition [Electronic resource] // International Energy Agency. 164 p. URL: http://wds.iea.org/wds/pdf/Gas_documentation.pdf (accessed: 31.09.2016)
60. Prague Summit Southern Corridor. May 8, 2009 [Electronic resource] // Council of the European Union. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/misc/107598.pdf (accessed: 05.09.2016).
61. Press Release regarding the Approach of the Russian Federation on the 1915 events [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey, 24 April 2015. URL: <http://www.>

mfa.gov.tr/no_-129_-24-april-2015_-press-release-regarding-the-approach-of-the-russian-federation-on-the-1915-events.en.mfa (accessed: 04.09.2016).

62. *Punsmann P. G.* Search for regional accountability and ownership in the shared neighbourhood: Can a Turkish-Russian partnership coordinated with EU actions open new perspectives for peacebuilding in the South Caucasus? [Electronic resource] // Chatham House. 11 November 2010. 16 p. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/International%20Security/1110esdf_punsmann.pdf (accessed: 01.09.2016).

63. *Punsmann B. G.* The Caucasus Stability and Cooperation Platform: An Attempt to Foster Regional Accountability [Electronic resource] // International Centre for Black Sea Studies. April 2009. 8 p. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/102384/Policy_Brief_13_F-1.pdf (accessed: 01.09.2016).

64. Rusya Federasyonu ile Türkiye Cumhuriyeti arasında Avrasya'da İşbirliği Eylem Planı (İkili İşbirliğinden Çok Boyutlu Ortaklığa) [Elektronik kaynak] // Rusya Federasyonu Türkiye Büyükelçiliği, 16 Kasım 2001. URL: http://www.turkey.mid.ru/relat_2_t.html (ulaşım tarihi: 21.08.2016).

65. Rusya'nın Enerji Kartı ve Türkiye'nin Alternatifleri [Elektronik kaynak] // Analist. Ocak 2016. URL: <http://www.analistdergisi.com/sayi/2016/01/rusya-nin-enerji-karti-ve-turkiye-nin-alternatifleri> (ulaşım tarihi: 31.09.2016).

66. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy, June 2016 [Electronic resource] // European Union. 56 p. URL: https://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/eugs_review_web.pdf (accessed: 30.08.2016).

67. Speech by Vice-President for Energy Union Maroš Šefčovič on «Energy Union – 1 year on» at the conference organised by Jacques Delors Institute [Electronic resource] // European Commission. Brussels. 25 February 2016. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-16-424_en.htm (accessed: 05.09.2016).

68. TANAP'ın temeli atılıyor [Electronic resource] // Sabah. 17 Mart 2015. URL: <http://www.sabah.com.tr/galeri/turkiye/tanapin-temeli-atiliyor> (ulaşım tarihi: 11.09.2016).

69. The Energy Union: an ambitious bet [Electronic resource] // Energy Union Watch. March/August 2015. URL: http://www.iai.it/sites/default/files/euw_01.pdf (accessed: 05.09.2016).

70. The Wider Black Sea Region in the 21st Century: Strategic, Economic and Energy Perspectives [Electronic resource] // Center for Transatlantic Relations, The Johns Hopkins University, Austrian Institute for International Affairs; Ed. by D. Hamilton and G. Mangott, 2008. 345 p. URL: <https://www.ceps.eu/system/files/book/1672.pdf> (accessed: 30.08.2016).

71. Turkey Progress Report [Electronic resource] // European Commission. October 2014. 81 p. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2014/20141008-turkey-progress-report_en.pdf (accessed: 15.08.2016).

72. Turkey, Russia Sign Turkish Stream Deal [Electronic resource] // Natural Gas World. October 11 2016. URL: <http://www.naturalgasworld.com/turkey-and-russia-signs-turkish-stream-deal-after-rapprochement-32069> (accessed: 11.10.2016).

73. Turkey: Not Making Eyes at the Eurasian Union -- For Now [Electronic resource] // Eurasianet.org. 21 November 2013. URL: <http://www.eurasianet.org/node/67786> (accessed: 03.09.2016).

74. Türkiye-Rusya Krizinin Etkileri: Çok Yönlü Bir Değerlendirme [Elektronik kaynak] / Özdal H. (Ed.) // USAK Analiz. 2016. № 30. 22 s. URL: http://www.usak.org.tr/_files/3042016093442-ETQDEVFJDA.pdf (ulaşım tarihi: 31.09.2016).

75. *Vakhshouri S.* Iran's Energy Policy After the Nuclear Deal [Electronic resource] // Atlantic Council Global Energy Center. November 2015. 22 p. // URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Iran_Energy_Policy.pdf (accessed: 31.09.2016).

76. *Yılmaz K.* TTIP and EU-Turkish Economic Relations: Deepening the Customs Union [Electronic resource] // Istituto Affari Internazionali. March 2015. 8 p. URL: http://www.iai.it/sites/default/files/gte_pb_21.pdf (accessed: 15.08.2016).

77. 2020 Energy Strategy [Electronic resource] // European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/energy/en/topics/energy-strategy/2020-energy-strategy> (accessed: 05.09.2016).

Рукопись поступила в редакцию 8 июня 2016 г.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 316.477 + 159.222.2 + 159.923.2

Ант. А. Сысолятин
Ал. А. Сысолятин

ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕННОГО ВЫБОРА: КОНФЛИКТ САМОБЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье предпринята попытка философского анализа понятия «жизненный выбор». Реконструкция условий, обеспечивающих возможность нашего участия в выборе, позволяет показать ошибочность его понимания как достижения соответствия с образцом или согласованности с жизненными условиями. Более адекватным контекстом для понимания выбора (в котором становится видна его принципиальная конфликтность) представляется «вовлеченность», рассматриваемая как общая сфера жизненных вопросов каждого из окружающих нас людей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жизненный выбор, жизненные условия, образец, негативность, конфликт.

Традиционной формой проблематизации всей совокупности явлений, касающихся человеческих поступков и решений, в философии стал вопрос о свободе воли и свободном выборе. В рамках классической философии (классического способа философствования вообще) этому вопросу придается операциональный смысл, т. е. ставятся вопросы об основаниях и способах принятия решений и реализации целей, о том, каким образом детерминируется то или иное решение и с помощью чего человек может влиять на эту детерминацию [2]. Центральным элементом в данном подходе оказывается человеческий акт (поступок), который приводит к определенному результату. Сам выбор соответственно трактуется результативно, т. е. именно результат нашего действия является тем, что выбирается нами в полном смысле (все остальное: средства, обстоятельства и т. д. — находится в зависимости от него). Это позволяет описать тот или иной механизм, согласно которому совершается действие, т. е. описать структуру нашего действия.

Представляется, однако, что такой подход не исчерпывает не только всех возможностей описать, как мы совершаем тот или иной выбор, но и не позволяет учесть некоторые описания, имеющие огромное значение, например, для той

культуры, в среде которой мы находимся. Ряд привычных для нашего языка идей — судьба, выбор всей жизни, жизненный путь, счастливая жизнь (язык не позволяет нам называть «счастливым» поступок) — не могут быть адекватно рассмотрены внутри операционального подхода к человеческому выбору и также некоторые собственно философские идеи (например, идея «жизненного мира» Э. Гуссерля или ключевые понятия «философии жизни»). Подразумеваемый в них смысл выбора или принятия решения, вероятно, определяется не в структуре того или иного действия, а в некой качественно отличной структуре, не-операциональной, внутри которой жизнь трактуется как самостоятельная целостность и не может быть описана как совокупность поступков. В данной статье предпринята попытка указать основные характеристики не-операционального подхода к проблеме жизненного выбора.

Прежде всего, необходимо рассмотреть возможности расширения самого операционального подхода на область всей жизни, т. е. придать ему интересующий нас смысл целостности. Соответственно «результативность» поступка должна сохранить свое господствующее положение в описании жизненного выбора. Можно предложить несколько способов такого сохранения. Один из способов — описание результата как образца, который понимается как «эталон» жизни, определенное ее совершенство. Наш выбор в отношении эталона понимается как максимальное соответствие: после того как он найден, мы не должны отклоняться от данного образца, потому что любое отклонение означает определенную степень потери смысла нашей жизни. Это картина с уникальной «точкой ценности», от которой зависит ценность всего множества наших действий, как если бы ответ на любой наш ценностный вопрос уже предшествовал самому вопросу: мы не могли бы понимать наш вопрос, если бы «ориентир» не указывал нам заранее, по отношению к чему нужно его задавать. Это случай абсолютной безошибочности выбора: выбор может быть только единственным, а множественность «ориентиров» жизни — лишь видимостью, которая устраняется при правильном рассуждении. «Итак, есть нечто одно, что одно только больше и выше всего. Что же больше всего, и через что существует все благое или великое, и вообще все, что есть нечто, то с необходимостью есть... высшее всего существующего» [1, 42]. Сила этой абсолютности такова, что совпадение с эталоном невозможно: избавиться от него или поглотить его ценностное содержание означает выйти за пределы самой ситуации выбора.

Другим вариантом сохранить главенствующее положение результата является картина образца-«оптимума», который отличается от эталона принципиальной достижимостью. «Оптимум» — это наилучшая из всех возможных альтернатив, которая подразумевается в каждой ситуации и допускает адекватный метод своего достижения. Ярким примером воплощения подобного отношения к жизни был Бенджамин Франклин: в своей «Автобиографии» он описывает таблицу, которую строил для достижения добродетелей [10]. Поэтапный переход по строкам таблицы означал завершение работы над одной добродетелью и начало работы над другой. Полный курс «достижения морального совершенства» был рассчитан примерно на год — четыре повторения по тринадцать недель. Открытость методической процедуры достижения не означает возможность преобразовывать

оптимум: рациональность нашего выбора становится уникальным ключом, с помощью которого открывается путь к достижению образца. Эта уникальность, как и в первом случае, полагает единственность ценностного образца, он как бы включен в сам метод.

Уже сейчас мы можем сделать следующее замечание: в двух рассмотренных случаях вопросу о жизненном выборе придается неверный смысл. Если выбор подразумевает какое-либо решение, то внутри этих картин мы лишаемся возможности его принимать, но не психологически, потому что этот акт будет иметь место, а по существу, потому что выбор в них уже «вложен» как предшествующий вопрошанию. Любое другое направление в рамках этих отношений, кроме «полагаемого» верным, полностью ошибочно, оно не может иметь никакого иного статуса, кроме глупости. В случае нашей ошибки мы на самом деле не сможем ошибиться «по-настоящему», потому что и сама ошибка не может быть понятой вне отношения к «образцовому» содержанию. Нечто подобное происходит в знаменитом «онтологическом доказательстве» Ансельма в «Прослогионе», когда оказывается, что само отрицание существования Бога является подтверждением Его существования [1, 123–132].

Таким образом, обнаруживается, что трансформировать операциональное в не-операциональное, просто расширив контекст первого за пределы локального поступка, достаточно проблематично. В той мере в какой эти препятствия связаны с «вложенной» определенностью выбора, необходимо отказаться от того, чтобы начинать анализ выбора с некой определенности, и сделать первичным условием описания выбора неопределенность, т. е. такое состояние нашей жизни, когда мы не обнаруживаем никакого предпосланного ей содержания. Благодаря этому открывается некоторое «пустое» пространство, в котором оказывается возможным уникальное вопрошание о собственной жизни. К. Ясперс так комментирует данный момент: «Определенная конечная ситуация становится всего лишь поводом, а не истоком решения. Отрицающая свобода этого решения хотя и не может строить что-то в мире; но, уничтожая себя самое, она совершает точечный остаток своей субстанции. Она есть для себя нечто большее, чем ничтожность существования. Свою суверенную самобытность она спасает, говоря “нет”, для своего экзистенциального самосознания» [12, 310]. Мы видим, что здесь речь идет о негативности выбора (его отрицающем отношении к предпосланным условиям), при этом негативности подвергается как раз не сам выбор, т. е. наше участие в принятии решения о способе жизни, но только некие условия, имеющие свое основание вне нашего вопрошания. Отрицательная сила выбора направлена именно на то, чтобы создать пространство для нашего решения там, где все уже было заполнено неким «результатом».

Однако негативность в содержании выбора, без которой невозможно его осуществление в нашей жизни, подразумевает возможность бессмыслицы (иначе откуда вообще возникает сам вопрос: нам не все изначально ясно, потому мы и задаемся вопросом). Выбор, пытающийся осуществиться, сталкивает нас с серьезной «угрозой». Отношение к выбору, о котором говорит К. Ясперс, предполагает «отрицательный» результат, т. е. в руках у принявшего решение не оказывается ничего

существенного. Основание, на котором внутри этой картины мы пытаемся утвердить жизненное содержание, взятое само по себе, не позволяет нам уйти от самих себя: отрицательному самоутверждению не удастся совершить действительный выбор. При этом уже открывшееся пространство выбора не может оставаться просто «пустым», поскольку на нем пытается основать себя уже наличествующая человеческая жизнь. В силу этого могут возникнуть образы жизни, стремящиеся «скрыть» (и тем самым смягчить напряжение этой ситуации) внутреннюю неразрешимость проблемы подлинной самости.

К. Ясперс описывает ситуацию — один из вариантов такого «сокрытия» — в работе «Духовная ситуация времени», говоря о «функциональном существовании»: «Однако еще до осознания возможности этого ужасного будущего отдельного человека как такового охватывает страх, вызванный тем, что он не может жить оторванным от своих истоков, ощущая себя просто функцией. Современного человека постоянно сопровождает такой никогда ранее неведомый жуткий страх перед жизнью. Он боится утратить свое витальное бытие, которое, находясь под постоянной угрозой, находится более чем когда-либо в центре внимания; и совсем по-иному он боится за свое самобытие, до которого ему не удастся подняться» [11, 327]. Напряжение, порожденное вопросом о подлинности, стремится получить некое «обезболивание» в этой картине жизни: прямым содержанием пространства выбора становятся вопросы обеспечения существования, а основание (и проблема) этого пространства перестает (явно) указываться. Функциональное существование является тем образом жизни, в котором непрестанно решается задача удержания от выбора, жизни без совершения выбора.

Страх от осознания своей «функциональности», которым характеризуется ситуация выбора в описании К. Ясперса, не является неизменным следствием негативности. Функциональное существование возникает лишь в том случае, если между человеком и «функцией» проводится существенное различие, ставящее их как бы на разные иерархические уровни (это и позволяет утверждать, что «второстепенное» скрывает «первостепенное»). Возможен иной образ жизни, скрывающий вопрос о подлинности и основанный на предположении, что наше вопрошание не указывает ни на что более существенное для нашей самости, чем те предпосланные условия жизни, которые мы прежде отрицали. Это означает, что в пространстве выбора равносильны любые жизненные содержания, и понятие подлинной (или неподлинной) самости уже является нерелевантным. Вопрос о самости при этом сохраняется, но она трактуется как одна из «функций», не отличающаяся от прочих ценностным статусом. Самость человека соответственно может моделироваться альтернативно и множественно, собираясь из наличных жизненных содержаний. С. Жижек предлагает такую формулировку: «Сердцевина нашей субъективности — это пустота, наполняемая внешностью» [4, 267–268]. Кажется невозможным, чтобы отрицающее самоутверждение приходило в этом случае к позитивному наполнению пространства выбора, потому что не обнаруживается никакого основания для предпочтения одних содержаний другим (основания для чего-то быть более позитивным, чем другое). В «результативных» картинах выбор не был связан с нами, в этой — мы принципиально не связаны с выбором.

Мы видим, что неопределенность как необходимое условие жизненного выбора не самодостаточна: требуется расширение ряда условий, чтобы выбор стал не только возможен, но и действителен. Однако это расширение не должно состоять в предпосылании того или иного содержания жизни: в этом случае, как мы выяснили ранее, не возникает возможности реального выбора. Задача, таким образом, состоит в нахождении способа ввести определенность в совершаемый выбор, не устраняя возможность бессмыслицы. Для этого обратим внимание еще раз на негативность выбора: отрицая какие-либо «конечные ситуации» нашей жизни, мы совсем не стремимся избавиться от нашего выбора или устранимся из своей жизни. Если вопрос о жизненном выборе имеет смысл независимо от конкретных обстоятельств жизни, то понимание его приводит нас к «вовлеченности» в нас самих и показывает образ жизни как погруженность в этот вопрос. Нам важно не получить наилучший из ответов, а усвоить само состояние наилучшего вопрошания. Однако для выбора, освобожденного от связанности внешними условиями, возникает опасность «пустоты»: отсутствие внимания к его обеспечению приводит к бессмысленности и вновь не позволяет выбору осуществиться. Негативность, реализующаяся в «освобождении» вопрошающего, должна быть на что-то направлена, замкнутость же на самого себя производит впечатление сумасшествия. Если попытаться представить положение человека как исключительно позицию вопрошания, то мы окажемся в положении, когда будем пытаться совершить выбор, при этом ничего принципиально не выбирая, разыгрывая собственную «фантазию» о выборе. Таким образом, для внесения определенности в выбор необходимо понять, как он обеспечивается (но не обуславливается!).

Рассмотрим в качестве примера образ жизни монахов картузианского ордена [3]. Повседневная жизнь для монахов этого ордена была организована специфическим образом. Проживавшие в отдельных кельях в течение шести дней недели, не покидавшие их, кроме как для посещений общей церковной службы, и не разговаривавшие ни с кем на протяжении всего этого времени, монахи-картузианцы занимались исключительно интеллектуальным трудом, и только в воскресные дни они имели возможность беседовать с другими монахами.

Для небольшого числа людей в ордене создавались исключительные условия жизни, позволяющие полностью сосредоточиться на чтении и составлении книг: образ жизни некоего «супермыслителя». Невозможно представить, чтобы этот образ жизни не обеспечивался трудом, совершенно не интеллектуальным, значительно большего числа людей, не монахов. Условием такой жизни является полное разделение занятий, но она не может обеспечиваться через устранение какого-то вида деятельности, потому что — на минимальном уровне — кельи должны быть построены, книги привезены, а монахи не должны оставаться без пищи. Выбор созерцательной жизни, освобожденной от любых других забот, требует, как своей «оборотной стороны», трудовой жизни, освобожденной от созерцания. Монахи не могли бы выбрать такую жизнь вне этого ордена, без этих монастырей. Это значит, что внешние условия не могут быть оценены как безразличные к выбору. Однако одного лишь наличия условий недостаточно для осуществления созерцательной жизни: монах, проводящий почти все свое время в одиночестве

и молчании, может и не реализовать ее (кто знает, чем он занимается всю неделю наедине с собой, кто знает, чем наполнены его мысли все эти шесть дней). То, что этот образ жизни оказался плодотворным, воплотился в объемнейших библиотеках, показывает именно «вовлеченность» этих людей в условия, которые были им предоставлены.

Мы не можем считать наш выбор осуществляющимся «по-настоящему» в том случае, если нет никаких окружающих его условий. «Подложка» выбора (назовем так тот круг условий, который остается как бы «невидимым» в содержании выбора), которая делает его возможным, которой он предполагается, но не определяется (содержательно), всегда присутствует и неустранима. Вопрос, который мы задаем себе, не может быть задан каким угодно образом. Необходимые условия (от экономических до языковых) делают выбор действительно определенным, внося принудительность в его осуществление (монах, не исполняющий обетов, не может продолжать быть монахом и будет изгнан).

Мы видим, что «вовлеченность» тогда становится осмысленной, когда осуществляется связь с жизненными условиями. Наше вопрошание тогда только достигает осуществления в каком-либо решении, когда это вопрошание интуитруется в современности: образ жизни как постоянное взаимодействие — данной не нами себе жизни и именно нашей жизни, отдаваемой тому, что есть. «Поскольку я не сам дал себе жизнь, я решаю только оставить существовать то, что уже есть. Не существует соответствующего тотального действия, которым бы я давал себе жизнь, как существует действие, которым я себя жизни лишаю» [12, 314].

Однако одно только утверждение, что имеется некоторая «связь», кажется недостаточным для того, чтобы определить содержание нашего отношения к «подложке» выбора. Следует задать вопрос, не является ли круг условий выбора жесткой границей возможных для нас образов жизни, внутри которой неприемлемые варианты «механически» отвергаются («лишаются поддержки»), т. е. не предопределяет ли фактически «подложка» наш выбор? Для того чтобы проверить это утверждение, воспользуемся мысленным экспериментом. Нам необходимо представить себе человека, который обнаруживает, что не имеет никаких воспоминаний о своей жизни: ни событий, ни предметов, ни людей, он не признает ничего, что относилось бы к его прошлому. Он также не признает как «свои» какие-либо убеждения или мнения. Единственное, что является несомненным для этого человека, это он сам: несмотря на отсутствие личной истории и вместе с тем отсутствие связи с какой-нибудь другой историей, он не тревожится вопросом о «своем месте», о том, «кто он». Это убеждение не наполнено никаким иным содержанием, кроме себя самого: этот человек абсолютно точно знает, что он является «собой», и совершенно спокоен. Мы ставим вопрос: что будет делать такой человек? Или что может вообще такой человек делать?

Мы видели раньше, что возможность принимать те ли иные решения зависит от «подложки», содержащей контекст нашего выбора. В случае данного эксперимента такую «подложку» найти трудно, ее практически нет: такой человек не будет совершать свои действия в каком бы то ни было контексте, можно сказать, что каждое его действие будет «новым». Прошлое никак не участвует в тех

решениях, которые он мог бы принять, так что даже минимальное его участие в жизни — обеспечение своего существования, с необходимостью которого он столкнется, — станет «уникальным» событием. Тем не менее эта «уникальность» не создает личную историю заново, потому что такой человек не будет заинтересован в личной истории: он не потерял себя, он не ищет себя, поэтому он не будет реализовывать «вовлеченность», он как будто бы нашел ответ.

Является ли такой человек человеком вообще? Этот вопрос позволяет нам увидеть то, ради чего этот эксперимент можно провести. Этот человек сам не задается подобным вопросом, поэтому не стремится поддерживать все то, что характеризует его как «человека». При этом он также не лишен людей, которые считают его самого частью своей «истории»: сам не переживая жизненного конфликта, такой человек провоцирует его обострение у окружающих. Не нуждаясь в выборе сам, он вынуждает других людей отнестись к выбору иначе, чем это могло стать для них привычным. Это верно и для того минимального уровня участия в жизни, который останется неизбежным для него: если окружающие стремятся сохранить связь с ним, они будут вынуждены тоже столкнуться с «новизной».

М. Кундера в сборнике эссе «Искусство романа» замечает, что одним из подобных людей может быть назван герой Сервантеса Дон Кихот: для нас важно в этом примере не полное совпадение с условиями эксперимента, а ключевое условие — потеря связи с «общей историей» [6, 14]. Сумасшествие героя романа состояло в том, что его настоящая история была замещена вымышленной. Замещение было достаточно сильным, чтобы оказались замещены самые простые предметы (рыцарский шлем вместо посуды цирюльника и т. д.). В последней главе второй части романа происходит нечто важное: Дон Кихот «исцеляется» и отказывается от своей вымышленной истории, а вместе с этим — и от продолжения жизни. Однако его близкие пытаются убедить его не отказываться от образа «странствующего рыцаря» и после его смерти на могильном камне помещают эпитафию, где Дон Кихот описывается именно как «рыцарь». Мы видим, что иллюзия не только не привела к вытеснению Дон Кихота из «нормальной истории», но и проникла в нее, даже в итоге изменив ее: сумасшедшим являлся только один из персонажей, но его фантазию сделали своей историей все остальные, для которых становится не важно даже то, поддерживает ли он ее сам [9].

Обратный случай, в котором контекст, несмотря на переворот жизненной позиции героя, остался неизменным и отверг «новизну», это Грегор Замза из повести Ф. Кафки «Превращение» [5]. Ни он сам, ни его родные не могут войти в какое бы то ни было отношение к нему, как к насекомому: даже когда становится очевидно, что именно произошло, они продолжают ждать, не произойдет ли обратного превращения. Грегор находится в изоляции в своей комнате до тех пор, пока не наступает его смерть, после чего история, связанная с ним, прекращается, как будто бы ее не существовало вовсе.

Два этих примера, несколько упрощающих условия эксперимента, показывают, что столкновение с «новизной» является для окружающих людей не только столкновением с неким «чужим» вопросом: вопрос, который задает себе кто-то другой, не оставляет в покое и то, что мы считали «подложкой» нашей жизни. Жизненные

условия, предлагая нам некий современный «язык» для нашего вопроса, испытывают обратное влияние от той формулировки, которую мы выбираем. Если бы человек из нашего эксперимента оказался в условиях полного одиночества, то его ситуация оказалась бы совершенно бессмысленной для жизненного выбора, так как в ней не было бы человека, для которого выбор имел решающее значение. Однако в окружении наших «современников» любое расхождение с «историческими» условиями внутри нашего выбора меняет сами условия, тем самым меняется контекст выбора и его содержание. То, что мы называли «подложкой» выбора и в отношении чего хотели понять, оставляет ли она пространство для нашего вопроса, оказывается человеческим окружением, стремящимся держать с нами связь, а что для нас важнее — круг вопросов, которые задаются «рядом» с нами и вызывают нас на ответные действия. Современность как контекст не нейтральна по отношению к нашему «ответу» и равно «вовлечена» в выбор, составляясь нашими вопросами.

Попытка совершить жизненный выбор, который бы не терял значимости в течение всей жизни, требует своего рода принципиальной незавершенности. Фиксация выбора в виде результата, образца или условий не позволяет сохранить открытым горизонт, в котором выбор оставался бы нашим собственным. Это означает, что и в случае с «вовлеченностью» требуется соблюдение этих условий, если мы хотим действительно совершать выбор. Это запрещает утверждать, что в круге вопросов есть те, которые не могут подвергаться сомнению, критике, но в то же время что среди вопросов есть не заслуживающие никакого внимания: все, что приводит к абсолютизации¹, разрушает «связь», необходимую для нашего участия.

Если вопрос «как именно жить?» не просто ставится нами в определенный момент, а неким образом уже всегда стоит перед нами и требует ответа (и в этом можно видеть принудительность жизненного выбора), то характер данного принуждения непонятен нам, требует прояснения. «Выбор сам по себе является решающим для содержания личности; благодаря выбору она погружается в то, что было избрано. <...> На мгновение может показаться, будто то, из чего выбирают, лежит вне выбирающего и тот не стоит к избираемому ни в каком отношении, то есть может оставаться безразличным к этому избираемому. Это мгновение размышления, но, подобно платоновскому мгновению, его, по сути, как бы и нет вовсе, — и уж тем более его нет в том абстрактном смысле, в каком ты бы хотел его удерживать; и чем дольше на это мгновение смотришь, тем меньшим оно оказывается. То, что должно быть избранно, стоит в глубочайшем отношении к выбирающему, коль скоро речь идет о выборе, затрагивающем жизненные вопросы, индивиду ведь приходится одновременно еще и жить» [7, 638–639].

По этой причине, если мы стремимся дать оценку нашей жизни, мы создаем именно парадоксальную ситуацию. Попытки устранить эту парадоксальность или избежать ее позволяют сохранить принудительность, но не позволяют осуществить выбор. Если же парадоксальность становится способом осуществления

¹ При использовании термина «абсолютизация» важно учитывать не только его философский контекст, но и вообще языковой, этимологический: одним из основных значений глагола «ab-solvo» является «отделение, обособление чего-либо» [8, 16].

принуждения, если границы решения проверяются с помощью «непредусмотренного» действия, ясность ситуации выбора освобождается от необходимости быть непротиворечивой. Выбор, располагающийся в пространстве не между мной и внешними условиями и не между моими внутренними условиями, а между вопрошающими, становится необходимо противоречивым и конфликтным. Жизненный выбор представляется нам общей формой для противоречий, когда каждый человек в контексте данной ему современности пытается настоять на своем способе вопрошания.

-
1. *Кентерберийский Ансельм*. Сочинения / пер., послесл. и коммент. И. В. Купреевой. М., 1995.
  2. *Васильев В. В.* В защиту классического компатибилизма // *Вопр. философии*. 2016. № 2. С. 64–77.
  3. *Духовная культура Нидерландов и Северной Германии XIV–XVII веков* // *Символ*. 2013. № 63 (сост. М. Л. Хорьков). М., 2013.
  4. *Жижек С.* Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М., 2009.
  5. *Кафка Ф.* Превращение // *Соч.* : в 3 т. Т. 1. М., 1994. С. 112–155.
  6. *Кундера М.* Обесцененное наследие Сервантеса // *Искусство романа : эссе* / пер. с фр. А. Смирновой. СПб., 2014. С. 7–35.
  7. *Кьеркегор С.* Равновесие между эстетическим и этическим в развитии личности // *Или-или: Фрагмент из жизни* : в 2 ч. СПб., 2011.
  8. *Латинско-русский словарь* / И. Х. Дворецкий. М., 1976.
  9. *Сервантес С. М.* Хитроумный идадьго Дон Кихот Ламанчский. Ч. 2 / пер. Н. Любимова ; предисл. Ф. Кельина ; ил. Г. Дорэ. М., 1988.
  10. *Франклин Б.* Автобиография [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/148/pg148.html> (дата обращения: 07.10.2016).
  11. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории : пер. с нем. 2-е изд. М., 1994.
  12. *Ясперс К.* Философия. Кн. 2 : Просветление экзистенции / пер. с нем. А. К. Судакова. М., 2012.

Рукопись поступила в редакцию 1 апреля 2016 г.

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 77:159.937.52 + 141.32

Е. А. Голуб
С. П. Пургин

ФОТОГРАФИЯ КАК ВСТРЕЧА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА

Основываясь на теории знаков Ч. С. Пирса, согласно которой фотография представляет собой индекс, авторы пытаются описать временную структуру фотографии. Время запечатленного момента длится во времени восприятия (в настоящем). Сами особенности восприятия фотообраза позволяют определить сущностную структуру фотографии как встречу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экзистенциальный план, индекс, отпечаток, прошлое, настоящее, длительность, встреча.

Среди работ, посвященных фотографии (искусствоведов, пишущих об особенностях этого культурного явления и его истории, эстетиков и философов, занимающихся исследованием современных художественных практик, социологов и исследователей медиа, пытающихся по фотографии распознать процессы, происходящие в современном обществе, самих фотографов, пишущих о «секретах своего ремесла»), работы философов имеют особенный вес. Это, как известно, происходит далеко не всегда, когда отвлеченная мысль касается дела живого и насущного. В данном случае, по всей видимости, сам характер фотографии способствует сближению исследователей, работающих в разных областях знания, а также тех, кто ею занимается практически. Круг важнейших философских работ, определяющих основные направления изучения фотографии, уже обозначился к исходу минувшего столетия: он включает в себя эссе Вальтера Беньямина «История фотографии» и «Искусство в эпоху его технической воспроизводимости», работы Ролана Барта, в первую очередь его последнюю книгу — «Camera Lucida», работы Сьюзен Сонтаг «О фотографии» и «Смотреть чужие страдания»... Действительно, без упоминания имен Беньямина, Барта и Сонтаг не обходится практически ни одна новая статья или книга, посвященная фотографии. Нет необходимости давать обзор наиболее значимых высказываний о фотографии,

принадлежащих философам. Эта история, начатая докладом Дж. Сантаяны в гарвардском фотоклубе в первое десятилетие XX в., уже прослежена петербургским исследователем В. В. Савчуком [2].

Факт пристального внимания философов к фотографии уже сам по себе представляет интерес и заслуживает того, чтобы стать предметом философского осмысления. Что побуждает философов размышлять об этом, кажется, всего лишь об одном из многих «результатов научно-технического прогресса»? Возможно, не будет слишком смелым предположение, что это внимание вызывается осознаваемым или безотчетным чувством родства между, казалось бы, далекими областями практического дела и мысли. Не выступает ли посредником между философией и фотографией... сам *свет*? Тот ли, что, действуя на известные светочувствительные материалы, рисует на фотопластинках силуэты и образы мира, часто даже те, что недоступны простому глазу, или тот «естественный свет» (*lumen naturale*), что, действуя изнутри нашего ума, делает возможным разумение того, что в мире и в вещах вообще *может быть* постигнуто? Но мы не откажемся здесь на разработку этой смелой, но, по нашему мнению, плодотворной гипотезы. Нам в связи с задачами нашей статьи вполне достаточно констатировать устойчивый и закономерный интерес философов к фотографии. В настоящей связи уместно привести мнение автора одной из наиболее глубоких философских работ, ей посвященных. В книге «За философию фотографии» Вилем Флюссер говорит о том, что, подобно тому, как с изобретением письма начинается «история в точном смысле этого слова», сопряженная с борьбой с «идололатрией» (традиционный образ, который, по Флюссеру, всегда мифологичен), так с изобретением фотографии «начинается “пост-история” в форме борьбы с текстолатрией» [3, 22].

Нам слова Флюссера вовсе не кажутся преувеличением. Формулируя свою основную гипотезу, автор книги «За философию фотографии» говорит о том, что в связи с появлением технических образов (образов, производимых механизмами) жизнь культуры претерпевает фундаментальные изменения. Изменения касаются самой структуры человеческого существования (в этом контексте им используется хайдеггеровский термин *Dasein*). Философское рассмотрение фотографии, таким образом, с неизбежностью предполагает учет тех фундаментальных изменений, которые фотография производит в самом человеческом существовании. Наряду с иными планами осмысления фотографии в поле внимания, следовательно, появляется экзистенциальный план. Кажется, снова звучат роковые слова: «*Verweile doch! Du bist so schön!*» («Помедли же (мгновенье)! Ты столь прекрасно!»). Договор между доктором Фаустом и Мефистофелем в великой драме Гёте. Но мгновение может быть также трогательным или страшным; оно может притягивать или, наоборот, отталкивать, возмущать. Один из первых и наиболее убежденных противников фотографии, Шарль Бодлер, описывая в своем знаменитом стихотворении «*Une Charogne*» разлагающийся труп, сам уже бессознательно находился под ее влиянием. Запечатлевая ускользающее мгновение существования, фотография *работает с самой текущей материей человеческого времени*.

Нельзя сказать, что в своей книге В. Флюссер идет именно путем экзистенциального анализа. Скорее, этот смысл выступает одним из важных сопутствующих

моментов, которые автор с необходимостью принимает во внимание, поскольку это помогает ему решить основную задачу. Она же состоит в том, чтобы показать, каким образом средство коммуникации («медиум») оказывается решающим фактором в определении исторического характера жизни человека и культуры. Так же обстоит дело и в эссе В. Беньямина «Искусство в эпоху его технической воспроизводимости». В первую очередь экзистенциальный аспект возникает, когда автор говорит о феномене *ауры* и его исчезновении в фотографии и в кино. В большей степени книгу Р. Барта «Camera Lucida» можно было бы формально связать с экзистенциальным направлением анализа. Однако исследовательская драматургия этой книги и авторские задачи очень своеобразны. Выдвигая по ходу исследования такие важные понятия, как *spectrum*, «призрак», или *punctum*, «укол», погружаясь во время (фотография всегда представляет нам «то, что *было*», *se qui a été*), автор пытается найти одну-единственную фотографию, ту самую, которая полностью отвечала бы его личному и неповторимому переживанию, его тревоге. Ясно, что такая «нестрогая, даже развязная» (по характеристике самого Барта) «феноменология» вовсе не стремится к выявлению каких-либо устойчивых структур экзистенции, подвергающихся трансформации благодаря воздействию фотографии. У автора иные задачи.

Онтология фотографии (экзистенциальный план рассмотрения включается в нее необходимым условием) тогда находит свое надежное основание, когда во внимание со всей ответственностью принимаются не только образ как таковой, но само материальное тело фотографии и физические условия его возникновения. Иными словами, в основании онтологии фотографии может лежать только семиотика — рассмотрение фотографии в единстве ее материальных и эйдетических свойств («идеи») *как знака особого рода*. Вместе с тем фотография впервые вписывается в круг вещей, вписывается *во время*, и становится возможным ее экзистенциальный анализ. Решающую роль в таком «обретении основания» сыграло, как известно, семиотическое учение Ч. С. Пирса, в первую очередь его *классификация знаков*, представленная в работе «Grammatica Speculativa».

Нужные определения мы находим в параграфе пятом второй главы («Типы знаков»), который называется «Вторая трихотомия знаков». В отличие от иконы (Icon), знака, который денотирует объект «просто посредством присущих ему характеристик, которыми он обладает вне зависимости от того, существует таковой Объект в действительности или нет», индекс (Index), согласно Пирсу, «есть знак, отсылающий к Объекту, который он денотирует, находясь под реальным влиянием... этого Объекта» [1, 58–59]. Чуть далее в этом же параграфе автор добавляет: «Индекс не характеризуется простым подобием со своим Объектом даже в тех отношениях, которые делают подобие знаком. Он представляет из себя действительное изменение этого подобия, производимое Объектом». Ясно поэтому, что, несмотря на то, что фотография как изображение характеризуется очевидным (как будто бы полным) сходством с запечатленным на ней объектом, она не может быть отнесена к первому типу «второго трихотомического деления»: фотография представляет собой вид *индекса*. Недвусмысленные замечания об этом,

впрочем, мы находим у самого автора «Grammatica Speculativa». В главе «Икона, индекс, символ» он говорит: «Фотографии, в особенности моментальные, — пример очень показательный, так как мы знаем, что в некоторых отношениях они в точности похожи на те объекты, которые репрезентируют. Этим сходством они, однако, обязаны тому, что их изготовление обусловлено физическим процессом, благодаря которому достигается детальное соответствие между изображением и природой. Следовательно, в этом своем аспекте они принадлежат ко второму классу знаков — тех, что суть знаки благодаря физическому взаимодействию» [1, 78]. И еще раз в разделе, посвященном так называемым «вырожденным знакам»: «Тот факт, что последняя [фотография] известна как результат определенного излучения со стороны некоторого объекта, также сообщает ей свойства Индекса, обладающего высокой степенью информативности» [Там же, 68].

Фотографии как индексу присущи свои особенные черты, которые существенно отличают ее от других знаков этого рода. К числу индексов относятся, например, указательные местоимения и сопровождающие их жесты рук, глаз, выражение лица и т. д. Воспользуемся примером, который в ином контексте и с другими целями приводит сам автор «Grammatica Speculativa». Допустим, что один из собеседников скажет другому: «Пожар!» «Где?» — воскликнет второй. В своем ответе первый воспользуется указательным наречием, сопроводив слова соответствующим жестом. Этого будет достаточно, чтобы его собеседник сориентировался в ситуации и принял правильное решение. Указательное наречие вместе с жестом руки будет, конечно, индексом. Но этот индекс послужит всего одно мгновение: его целью является просто обратить внимание на какое-либо важное для адресата обстоятельство. Выполнив свою задачу, знак тут же отменяется, сходит на нет. Иное дело такой знак, как фотография. Она приковывает внимание к тому или иному обстоятельству и при этом не отменяется, но сохраняет свое присутствие. Обстоятельство, на которое она указывает, — это, конечно, то, что на ней запечатлено. Она рассчитывает именно на длительное внимание. Она требует *рассматривания*.

Можно уточнить в каком именно смысле фотография является индексом. Она есть индекс как *отпечаток*. Она запечатлевает прошлое и тем самым сохраняет его для нас. Конечно, выражение «запечатлевает прошлое», самое обычное («штамп»), используется также в отношении к живописи и вообще к изобразительному искусству. Однако следует подчеркнуть, что в отношении к фотографии оно имеет буквальный смысл. Фотография есть отпечаток того или иного события или явления, поскольку это, последнее, благодаря некоторым физическим по характеру (оптическим, химическим) процессам, непосредственно влияет на фотоматериалы и физически порождает ее. Это важнейшее обстоятельство, вместе с только что указанной длительностью и устойчивостью воздействия на наше восприятие, обуславливает общий характер фотографии в экзистенциальном плане. Она единственная деятельность человека, которая представляет собой во времени работу *с самим временем*.

Художник, изображая героев реальной истории или реальные события, также «сохраняет их для потомков». Но его картина не будет отпечатком этих событий

или лиц. Между ними и потомками в данном случае стоит образ, созданный в сознании художника. Если что-то и сохраняет художник непосредственно, то себя самого или, точнее, тот образ времени, который открывается благодаря его сознанию. Имеет ли здесь место «работа со временем»? В известном смысле да. Но эта работа представляет собой не столько сохранение, сколько собирание времени — из разных, растерянных повсюду, его моментов («частей») — собирание, осуществляемое сознанием художника. Фотография производит работу с самой текучей субстанцией времени, фотография имеет дело с «хронологическим временем».

Именно здесь, на роковом промежутке между рождением и смертью, в процессе, ход которого невозможно остановить, в «усредненной повседневности» (*die durchschnittliche Alltäglichkeit* Хайдеггера), — настоящее поле действия фотографии! Она влияет на некоторые наиболее существенные характеристики («параметры») человеческого присутствия. Как она включается в *экзистенцию*? Совершенно недостаточно сказать, как обычно говорится, что фотография, запечатлевая момент, тем самым сохраняет прошлое *для настоящего*. Нет сомнений: когда мы разглядываем снимок, у нас есть право сказать, что мы, находясь в настоящем, «переносимся в прошлое». Но не меньшее право сказать и так, что, напротив, чье-то прошлое переносится в наше настоящее и, следовательно, оживает в наших надеждах и планах. Живой, ускользающий момент жизни, фиксируемый фотографией, останавливается, омертвляется. Жизнь переходит в смерть. Но разве не справедливо утверждать также обратное, что неустойчивое мгновение, зафиксированное на снимке, оживает в процессе рассматривания, возрождается, заново включаясь в поток существования? Разумеется, фотография работает со временем. Но как?

Обычно указывают лишь один вектор этой работы — от *настоящего к прошлому*. Но не менее существенным представляется и другое направление — от *прошлого к настоящему и будущему*. Некоторые образы со старых снимков действительно

Рис. 1. За вокзалом Сен-Лазар

являются подобно призракам в наше время. Все же, думается, понятия *spectrum* (лат. «призрак»), предложенного Роланом Бартом, явно недостаточно, чтобы выявить существенное. Разве образ неизвестного, прыгающего через лужу на старом снимке Картье-Брессона «*Derrière la Gare de Saint-Lazare*» («За вокзалом Сен-Лазар»), явился сюда, в наше время, призраком? (рис. 1). На этом снимке запечатлено вечное мгновение, которое с равным правом можно связывать как с прошлым, так и с будущим. Точнее, оно и есть та самая связь! Конечно, в этом случае мы имеем дело с произведением искусства, фотографическим шедевром. Но в данном случае различие обычного заурядного снимка «на память» и снимка, представляющего собой произведение искусства, не имеет существенного значения. Фотография ни в каком

случае не является лишь призраком прошлого. Фотография как бы вращает время вокруг некой незримой оси, превращая будущее в прошлое, а прошлое в будущее. То же она делает и с жизнью, и со смертью.

Очень существенно в последовательности нашего анализа заметить, что выражение «остановленное (зафиксированное) мгновение» ни в коем случае нельзя понимать буквально. Не только на фотографии, но и в любой реальной ситуации жизни мгновение не может остановиться. Даже фаустовское «*verweile!*», обращенное к мгновению, не означает в точности «остановись!», но лишь — «задержи!»; «помедли!», «пребуди!». «Остановленный» момент на фотоснимке длится в нашем восприятии. Его мнимая «остановка» на самом деле означает его безостановочное течение. Это ровное течение все одного и того же содержания, напоминающее гипноз или состояние бессонницы, в котором мысль как будто бесконечно повторяет саму себя.

Несомненно, необходимо различать движение запечатленного фотографом мгновения в нашем восприятии и длительность *самого этого* восприятия, принадлежащую потоку жизни воспринимающего. Каждая вещь обладает своей длительностью (своим временем), и когда мы встречаемся с ней, наши длительности, проходя друг через друга, на некоторое время совпадают. Но трудно, а иногда даже и невозможно удержаться в длительности другой вещи. Фотография, «запечатлевающая мгновение», достигает этого. Вырванное из его собственного контекста, мгновение (его содержание) теперь длится в длительности того, кто рассматривает фотографию. Фотография реализует встречу двух длительностей. «Запечатлевающая» мгновение, она и нас «запечатлеывает» в нем. Так прошлое встречается с настоящим, а настоящее приходит в прошлое благодаря фотографу.

Фотография, являясь знаком-индексом, вместе с тем, замечает Пирс, обладает «особой информативностью». Фактически это означает, что индекс включает в себя еще и икону-образ. Но этот образ иной, нежели тот, который художник воссоздает на картине. Можно было бы сказать, что иконическое в нем преобразовано влиянием индекса. Это образ *внутри отпечатка*, что в первую очередь сказывается на особенностях восприятия того, *что* запечатлено на фотоснимке. Подосновой или субстратом восприятия выступает здесь прямой контакт с объектом, погруженность в него, его «напечатленность» в нас. Во многом работа фотографа напоминает работу живописца; он может рассчитывать ракурсы, строить композицию, принимать во внимание игру света и тени и т. д., но присутствие немого субстрата («отпечатка») решительно меняет как характер фотообраза по сравнению с характером образа в живописи, так и особенности его восприятия. Известно чувство замешательства, недоумения, возникающее у постоянного посетителя художественных выставок и галерей живописи, оказавшегося на выставке фотографий! Он не может понять, что происходит, он только чувствует, что в рациональную работу восприятия входит нечто неосознаваемое, чуждое, безотчетное... Роль бессознательного внушения возрастает по сравнению с тем, что обыкновенно происходит при восприятии произведения живописи или графики. Это, по всей видимости, и вызывает ставшее уже общим местом сравнение искусства фотографии с магией.

Образ в традиционных искусствах и образ в фотографии, так же как и восприятие этих образов, подчиняются, следовательно, различным законам. Было бы странно поэтому сравнивать их, как если бы к ним можно было бы применить одни и те же критерии. Что-то находится во власти живописи или графике, что-то является исключительной привилегией фотографии. Нам представляется, что сами особенности «работы со временем» в фотографии дают нам возможность определять главный и желанный эффект ее не столько как бартовский «укол» (*punctum*), сколько как *встречу*. Не об этом ли шла речь выше, когда мы пытались проследить, как одна длительность — длительность запечатленного момента в прошлом — продолжается в длительности текущего восприятия?

Выражением идеи фотографии как встречи стала для нас фотография А. Картье-Брессона, сделанная мастером более полувека тому назад, в 1961 г.: ...парижская улица под проливным дождем. Ее переходит, медленным шагом идя нам навстречу, пожилой человек с выразительными, резкими чертами лица. Он вышел из дому до ливня и не захватил зонта. Сейчас он возвращается, ссутулившись и втянув голову в плащ или дождевую накидку. Черты лица все же можно рассмотреть. Прямо перед нашим взглядом (мы — на противоположной стороне тротуара), обозначив вертикаль композиции, неясно уходит вверх ствол дерева. На противоположной стороне тротуара, у левого края снимка, дорожный знак: «Осторожно — дети!». Улица пустынна. На ней никого нет, кроме пожилого человека, переходящего улицу. Присмотревшись, мы узнаем знакомые черты. Это Альберто Джакометти! Сейчас он по пешеходной дорожке перейдет улицу и мы поздороваемся с ним! Подпись под снимком подтверждает догадку: «Джакометти, рю д'Алексиа» (рис. 2). Встреча!.. Но встреча произошла больше полувека тому назад! Это не имеет значения! Власть времени отложена. Она происходит вновь и вновь. Она происходит и будет происходить благодаря фотохудожнику до тех пор, пока мы узнаем идущего — до тех пор, пока мы помним и любим его.

Рис. 2. Джакометти,
рю д'Алексиа

Не хочет ли быть встречей прошлого и настоящего фотография любого мастера, желающего быть самостоятельным в указанном выше смысле? Пожалуй, понятие встречи, предложенное здесь, родственно в известном смысле бартовскому понятию *punctum*'а («укола»). Но, как нам кажется, оно в большей степени передает гуманитарный подтекст фотографической деятельности. Встречей может быть, конечно, не только портретная фотография или фотография, на которой запечатлен человек. Не дарит ли нам встречу также другая, еще более известная фотография Картье-Брессона, на которой сквозь утреннюю дымку на нас смотрит знакомое и любимое место: обсаженный деревьями мыс на острове Сите? (рис. 3).

Встреча не ограничивается отношением, которое имеет место лишь в идеальном плане. Встреча происходит здесь и сейчас. Ее условие — непосредственное взаимодействие. Те, кто встречаются, совпадают, сходятся и в пространстве, и во времени. Сами материальные условия фотографии, ее характер отпечатка создают необходимые условия для того, чтобы встреча могла состояться. Она содержит особую глубину, необходимую для этого. Парадокс лишь в том, что здесь нам, при известных условиях («мастерство фотографа»), может быть дарована встреча с тем, что отделено от настоящего момента стеной, непроницаемой которой, казалось, ничего быть не может.

Рис. 3. Остров Сите

-
1. Пирс Ч. Логические основания теории знаков. СПб., 2000.
  2. Савчук В. В. Философия фотографии. СПб., 2005.
  3. Flusser V. Pour une philosophie de la photographie. Circé, 1996.

Рукопись поступила в редакцию 4 июля 2016 г.

УДК 394.014(470.54-25) + 316.334.56

С. В. Мельникова
О. С. Поршнева**ОБРАЗ ГОРОДА И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА)***

Исследование образа города находится в фокусе современной урбанистики, носящей междисциплинарный характер; оно имеет не только научное, но и прикладное значение, позволяет выявить психологические, эстетические, социокультурные факторы, влияющие на описание, оценку, а также привлекательность конкретного города. Категория «образ города» эвристична как в плане поиска оснований инвариантности городского текста, так и в плане стратегий создания городской привлекательности для жизни «креативного класса» и инвестиций. Именно образ города определяет его субъектность, «одушевленность», смысловую разницу между «жестким» и «мягким» городом; синтезирует частные впечатления о городе в общие смысловые инварианты; аккумулирует исторические роли города, очерчивая главную; позволяет отдельным («образоспособным») элементам городского пространства становиться выразителями системного содержания. Если внутренний образ вмещает инвариантные смыслы данного города, хоть и не сводится к ним, то внешний позволяет репрезентировать их в визуальном облике; оба они коррелируют с историческим и социокультурным контекстом, что ярко проявляется на примере исторической динамики образа Екатеринбурга.

К л ю ч е в ы е с л о в а: город, образ города, образоспособность, историко-культурный контекст, символ, Екатеринбург, Свердловск.

Недавние исследования «креативного класса» и мест его обитания [30, 2] свидетельствуют, что «место имеет значение». Современные практики брендинга городов уточняют, что «место имеет значение» не само по себе, не только по причине его экономической функциональности или географической «центральности» на карте страны, не только по причине наличия административного или интеллектуального ресурса (на что указывает Р. Флорида), но и благодаря правильно очерченному образу города, формирование которого сегодня оборачивается ценным символическим капиталом. Образ города становится феноменом, подверженным коммодификации; в его изучении заинтересованы не только ученые, но и представители общественных и бизнес-кругов.

Исследование образа города невозможно без использования концептуальных наработок и интеллектуального инструментария эпохи постмодернизма, порожденных ее «вызовами» и «поворотами». Так, радикальный лингвистический «поворот» в антропологии, произошедший в последние два десятилетия XX в., был тесно связан с пониманием культуры как текста. Задача исследования любого культурного феномена в контексте данного «поворота» подразумевала перевод

---

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

скрытого смысла одного дискурса на язык другого [33, 1]. Интерпретация культуры в рамках этого подхода потребовала «текстуализации» опыта — «процесса, благодаря которому невербальное поведение, речь, верования, устная традиция, ритуал рассматриваются как полное значения согласованное целое, рассматриваемое отдельно от непосредственной дискурсивной или поведенческой ситуации» [Там же, 2]. Другим плодотворным направлением для исследования имагологической проблематики в целом и образа города в частности стал «культурный», или «культурологический», поворот в гуманитарном знании, предполагающий переход от слова и текста как единиц «перевода» к дискурсу и социальному контексту [Там же, 29]. В этом смысле исследователь может истолковать городской «текст», только рассматривая его в историческом и социокультурном контексте, как систему согласованных значений.

Но контекст — явление конкретное, это тот «фон», на котором прочитывается «фигура» (город в данное время, в данном месте). Более глубоким смысловым основанием, неким фреймом, который обуславливает понимание городского языка и направляет внимание на значимые части города, является его образ. В сознании людей, живущих или недолго пребывающих в городе, изучающих и наблюдающих город исследователей объективные измеряемые характеристики городского пространства и времени переплавлены в образ. В отличие от контекста образ не сиюминутен, он достаточно определенно и длительно влияет на оценку места города среди других городов, а каждый городской объект становится носителем общегородского смысла.

Образ города — это интериоризированное пространство жизни, которое носит характеристики переживающего это пространство сознания, поэтому в образе города присутствует субъектность, возникает иллюзия одушевленности города, что особенно явно выражается в художественных текстах о городе («Утро и город мой спит. Счастья и гордости полон» [2, 196]). Эта одушевленность может притягивать к конкретному городу или отталкивать от него: «академичный» (Петербург), «хлебосольная» (Москва), «модный» (Париж), «изящный» (Милан), «работающий и серьезный» (Екатеринбург). На «одушевленность» города обращали внимание критики фордистского города, называвшие его спрутом, чудовищем и т. д. На активном воздействии постфордистского города на его обитателей настаивают исследователи сегодня [8]. Город описывается как активный субъект, актер исторического процесса со своей уникальной судьбой, биографией и мифологией [24, 194; 31, 217; 10, 111]. Но реальной действенностью обладает не город, а его образ.

Образ города вырастает из частных характеристик, сплетаясь из переживаний, оценок, мнений, знаний населяющих его личностей: «специалист по транспорту видит город как сложную сеть связей. Специалист-теплотехник видит город как огромную фабрику поглощения и выделения тепловой энергии. Строитель видит город как сложную сумму застройки различной степени износа. Финансист и обслуживающий его экономист видят город как пространство движения капитала. Социолог видит в городе драму взаимодействия слоев и групп» [7]. Но индивидуальные характеристики образа складываются в определенный узор, в силу чего образ любого города содержит инвариантные черты.

Значительным эвристическим потенциалом в сфере исследования культурных феноменов обладают концептуальные подходы, порожденные начавшимся в конце 1970-х гг. «интерпретативным поворотом» в социальных науках [32, 24]. Под его влиянием исследователи стали искать межсубъектные (надличностные) значения не только в головах людей, но и в их коллективных практиках и социально обусловленных акциях [Там же]. Образ города, как продукт переживаний и оценок, ускользающий от процедур верификации, тем не менее объективно существующая реальность. Он не менее, а порой более реален, чем географический объект, нанесенный на карту. Роман Дж. Рабана о «мягком городе» противопоставляет его городу «жесткому» [34]. Если «жесткий» — здания, инфраструктура, фиксированные сценарии использования, то «мягкий» образуется маршрутами жителей, движимых «надеждами, ожиданиями, привычками» [3, 34]. «Мягкий город» — город исхоженный, обжитый, освоенный, это не абстрактная «территория», а конкретное «место». Отношение к месту формируется через сложный синтез исторических (временных), пространственных, социальных и культурных факторов. Как точно замечает О. И. Генисаретский, «каждому типу пространства соответствует определенное состояние сознания; и, напротив, каждое состояние сознания раскрывается в какой-то специфической пространственности» [6, 126].

Какие элементы образа становятся устойчивыми, инвариантными? Одно из оснований инвариантности образа — это некая активность самой среды, естественного и культурного ландшафта, оказывающая влияние на живущих здесь людей как питательная и формирующая среда. Шпенглеровские культурные организмы определяются именно этим. Другое основание инвариантности — общность парадигмы тех социальных и культурных смыслов, которые формируются в конкретных исторических условиях, так как «человек, достаточно продолжительное время проживающий на определенной территории, обычно в той или иной степени включен в информационное поле и различные семиотические практики» [29, 41]. И если общность парадигмы задает синхронный срез инвариантности, то диахронный формируется историко-культурной традицией. Образ города, как синтез представлений (эмоциональных и рациональных) о нем, которые формируются у индивидов или групп людей в результате освоения города как места, пригодного для жизни или пребывания, определяется перманентной культурной практикой именно здесь в ходе исторического процесса. Образ города в этом плане становится образом-символом, феноменом сознания, который участвует в конструировании картины мира, коллективных представлений о социальной реальности в целом.

Инвариантность выводит образ города на уровень символа, в котором кодируется информация о мироустройстве в его человеческом восприятии. Различные городские объекты, городские знаки, высвечивают ту или иную сторону символического смысла. Символы, как отмечал Ю. М. Лотман, представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума [19, 12]. Сохраняя смысловую и структурную самостоятельность, символ пронзает синхронный срез культуры по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Константные наборы символов выполняют тем самым функцию механизмов единства культуры. В то же время природа символа двойственна: с одной стороны, он инвариантен,

с другой — активно коррелирует с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием и сам его трансформирует [19, 12].

Екатеринбургу почти триста лет. За свою историю он менял административный статус, экономические доминанты, социальный состав, религиозные приоритеты, был обласкан властью и был оппозиционен ей, был сторонником и самодержавия, и гегемонии пролетариата. В зависимости от смены социального смыслового поля, которое отражалось в облике города, в становлении образа Екатеринбурга можно выделить несколько этапов: 1) завод-крепость; 2) горный город; 3) «столица Урала»; 4) «соцгород»; 5) город-завод (в годы Великой Отечественной войны); 6) крупный индустриальный центр; 7) «третья столица России»; 8) «торговый город». Все эти образы отличны друг от друга: в Свердловске-индустриальном и театр оперы и балета будет видаться как площадка для развития художественного вкуса рабочих и инженеров, а в Екатеринбурге-торговом пространство завода «Уралмаш» используется как огромная площадь, которую можно сдавать, получая доход. Таким образом, одни и те же физические объекты меняют свое семантическое значение в различных исторических и социокультурных контекстах. Но при этом представление об индустриальном наследии и роли города как «опорного щита» в создании оборонной мощи державы сохраняется.

В образе города можно выявить смысловые (внутренний образ) и формальные (внешний образ) характеристики. Первые связаны с его ценностью, значимостью, вторые — с визуальным обликом, тем каркасом, который несет и удерживает ценностные смыслы.

Внутренний образ фиксируется в неких специфических оценках. Так, любой город, обладая какой-то особенностью, может позиционировать себя как первый и единственный в этой области. Смысловые оценки Екатеринбурга базируются на его величине и населенности (четвертый город в стране), претензиях на столичность, существующих уже почти два века, важности как центра «опорного края державы», дающего стране не только военную мощь, но и квалифицированные кадры, проявившие себя в масштабах страны в науке, искусстве, политике.

Внешний образ наглядно демонстрирует смысловые особенности города. Образ привязан к визуальным опорам, тем компонентам городской среды, которые ориентируют находящихся в нем людей, маркируют место, делая его социально осмысленным. Визуальные метки становятся знаками-символами, которые территорию, пространство превращают в обжитое «место», «где самые банальные внешности связаны в последнем счете с конечным решением вопроса о смысле и стиле жизни» [11], указывал Г. Зиммель.

У индивидов и групп всегда есть такие «точки-опоры» смыслов. Можно ли их описать? К. Линч, один из первых исследователей визуальной конкретики города, отмечает, что наблюдатель «отбирает, организует и наделяет значением то, что он видит. Будучи сформированным, образ начинает ограничивать круг воспринимаемого и подчеркивать что-то в нем» [17, 15]. Маршруты, которыми передвигаются горожане по делам или стремясь заполнить досуг, сходны, их траектории повторяются, горожане видят одни и те же метки. К. Линч пользуется категорией «образоспособность» (imageability), обозначая с ее помощью качество

физического объекта, которое дает высокую вероятность пробуждения сильного образа в каждом конкретном наблюдателе. Для К. Линча на образоспособность влияют прежде всего визуальные характеристики: форма, цвет, порядок. Анализируя образ города, исследователь опирается на конструирующие этот образ пространственные опоры. Это пути (каналы, вдоль которых наблюдатель может перемещаться); границы (линии, швы, ограничивающие и связывающие районы); районы (средние и крупные части города); узлы (соединительные звенья, места разрыва транспортных коммуникаций, перекрестки и т. д.) и ориентиры (точечные элементы, физические объекты) [17].

Целостный образ города опирается на пространственный каркас, в котором присутствуют все эти пункты. Меняющийся облик города меняет его образ, каждому этапу развития города соответствуют свои пути, границы, районы, узлы и ориентиры. Радикальные социальные перемены требуют радикального изменения облика города, визуализирующего их [2]. Так, советская концепция «Большой Свердловск» потребовала глобальной перестройки и переименования площадей, улиц, зданий, и даже господствовавший в те времена архитектурный стиль (конструктивизм) ставил задачей воспитание нового горожанина, нового гражданина. Городское пространство и его «символические точки», к числу которых относятся и пути, и узлы, и ориентиры, задают модели жизненных приоритетов.

Образ города — представление о нем — может формироваться стихийно, через привычку выделять значимое. Такой образ устойчив, он сохраняется и воспроизводится во времени даже в условиях разрыва с традицией (как в советское время), наполняясь новыми или модифицированными смыслами. Но образ может создаваться намеренно, когда горожанину предлагается акцентировать внимание на определенных городских объектах и городских нарративах. Массовые образы, широко транслируемые, поддерживаемые или сознательно конструируемые (навязываемые) интеллектуальными и политическими элитами, формируются имиджмейкерами и политехнологами. В процессе «переформулирования» образа города часто активно задействованы городские объекты: уличные скульптуры, очевидно другому образу служащие постройки (храмы, заводы, магазины). Улицы и площади при этом могут поменять не только название (Парижской коммуны вместо Дровяной), но также облик и назначение (парк Павлика Морозова вместо торговой Сенной площади). Такой образ менее устойчив, ему необходимо многократно воспроизводиться, сохраниться в традиции, чтоб реально изменить устоявшийся, объективно сложившийся образ. Поэтому образ города-труженика, укоренившийся благодаря многократному воспроизведению его не только в сознании обывателя, но и в произведениях писателей (Мамин-Сибиряк, Бажов), поэтов (Маяковский, Твардовский, Рыжий [26]), скульпторов (Эрзя, Неизвестный), художников (Волович, Метелев), остается актуален и сегодня, и прежде всего через него мы видим город.

Категорию «образ города», которая предполагает целостную модель города, живущую в сознании человека, можно трактовать по-разному в зависимости от направления научных интересов. Эта категория востребована сегодня географами [21, 9, 13, 16, 5], политологами [20, 216–236; 11], историками [25, 14], филологами

[18, 15, 28], архитекторами [17, 23, 27]. В результате междисциплинарного синтеза возникли семантически близкие к «образу города» категории: «культурный ландшафт» [13, 9, 16, 4, 12, 22], «геопоэтика» и «геопоэтический образ» [10, 4, 1], которые фиксируют переход материи места в мифологему. Все эти штудии способствуют изучению образа города как системы символов в исторической динамике, выявлению его устойчивых и меняющихся компонентов, элементов разрыва и преемственности. Смысловое содержание символа, воплощенного в образе города, как правило, богаче и шире его конкретной реализации, которая лишь «намекает» на содержание. Задача исследователя в связи с этим — выявить латентный смысл и значение культурных символов, формирующих образ города, путем анализа породивших их исторического и социокультурного контекстов, «интертекстуальных» взаимодействий.

1. *Абашев В. В.* Пермь как текст. Изд. 2-е, доп. Пермь, 2008.
2. *Аурели П. В.* Возможность абсолютной архитектуры. М., 2014.
3. *Бредникова О., Запорожец О.* Микроурбанизм. Ловушка для города // Микроурбанизм. Город в деталях. М., 2014.
4. Введение в геопоэтику («Одиночные экспедиции в океане смыслов») / сост. И. Сид. М., 2013.
5. *Веденин Ю. А.* Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. географ. 1990. № 1. С. 3–17.
6. *Генисаретский О. И., Зильберман Д. Б.* Возможность философии. Переписка 1975–1977 гг. М., 2001.
7. *Глазычев В. Л.* Избранные лекции по муниципальной политике [Электронный ресурс]. URL: http://www.glazychev.ru/courses/mp/mp_04.htm (дата обращения: 12.08.2015).
8. *Глейзер Э.* Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее, счастливее : пер. с англ. М., 2014.
9. *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб., 2003.
10. *Замятин Д. Н.* Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск, 1999.
11. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 23–34.
12. *Исаченко А. Г.* О двух трактовках понятия «культурный ландшафт» // Изв. РГО. 2003. 135. № 1. С. 5–16.
13. *Каганский В. Л.* Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62–70.
14. *Казакова-Анкаримова Е. Ю., Поршинева О. С.* Столица Урала: эволюция административного статуса Екатеринбурга и идентичности горожан в XVIII — начале XX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 2 : Гуманитарные науки. 2015. № 2(139). С. 178–190.
15. *Клочкова Ю. В.* Образ Екатеринбурга/Свердловска в русской литературе (XVIII — середина XX в.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
16. *Лавренова О. А.* Семантика культурного ландшафта : автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/semantika-kulturnogo-landshafta> (дата обращения: 08.09.2015).
17. *Лич К.* Образ города. М., 1982.
18. *Литовская М. А.* Тема города как самооправдания биографического автора в современной прозе Урала // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 4 : Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург, 2008. С. 196–204.

19. *Лотман Ю. М.* Символ в системе культуры // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. Вып. 21. Тарту, 1987.
20. *Назукина М. В., Подвицнев О. Б.* Особенности позиционирования регионов Урала на современном этапе. Политическая регионалистика и исследования в регионах России. Политическая наука: Ежегодник, 2010 / гл. ред. А. И. Соловьев. М., 2011.
21. *Николаенко Д. В.* Гуманитарная география: проблемы и перспективы. Деп. Укр. НИИ НТИ, № 543 Ук — Д84. 1984.
22. *Подорога В. А.* Метафизика ландшафта. М., 1993.
23. *Путинцев П. А.* Феноменология города и его образа // Архитектон: Изв. вузов. 2011. № 33 [Электронный ресурс]. URL: http://archvuz.ru/2011_1/4 (дата обращения: 17.07.2015).
24. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
25. *Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А.* Пространство советского города (1920-е — 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / отв. ред. В. Г. Рыженко. Омск, 2004.
26. *Рыжий Б.* В кварталах дальних и печальных. М., 2014.
27. *Салмин Л. Ю.* Моделирование средовой ситуации и городской дизайн : дис. ... канд. искусствоведения: 17:00:06 / ВНИИТЭ. М., 1988.
28. *Созина Е. К.* Уральский текст в литературе региона 1800–1820-х гг. // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 4 : Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург, 2008. С. 53–69.
29. *Тимофеев М. Ю.* Стимулирование территориальной идентичности и симулирование брендинга места // Вестн. Перм. науч. центра. 2014. Спецвыпуск № 5.
30. *Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства : пер. с англ. М., 2014.
31. *Эртнер Е. Н.* Феноменология провинции в русской прозе конца XIX — начала XX века. Тюмень, 2005.
32. *Bibeau G., Corin E.* From submission to the text to interpretive violence // Beyond Textuality. Asceticism and Violence in Anthropological Interpretation. В. ; N. Y., 1994. P. 3–54.
33. *Palsson G.* Introduction: Beyond Boundaries // Beyond Boundaries. Understanding, Translation and Anthropological Discourse. Oxford/Providence. 1993. P. 1–40.
34. *Raban J.* Soft city. L., 1974.

Рукопись поступила в редакцию 11 мая 2016 г.

КТО ТАКИЕ СИБИРЯКИ? КОНСТРУКТИВИСТСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

В статье рассматриваются ценности сибирской идентичности как социально конструируемый феномен, выявляется смысл концепта «сибирскость». Систематизируя дискурсы вокруг сибирской идентичности, отраженные в социологических опросах жителей Сибири и научных исследованиях, автор анализирует ценности в ее структуре, связанные с природно-ландшафтным, топонимическим, переселенческим, этнокультурным, историческим нарративами. Выделенные ценности рассматриваются в качестве основания функционирования сибирской региональной идентичности на современном этапе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ценности, сибирская идентичность, сибиряки, территория, Сибирь, нарратив, конструктивизм.

В данной работе на основе методологии конструктивизма [2, 3, 8, 14] предлагается рассмотреть относительно малоизученный в отечественном гуманитарном знании вопрос о ценностях сибирской региональной идентичности. Представляется, что именно система ценностей лежит в основе формирования идентичности сообщества, определяющего себя как особый региональный социокультурный тип.

Понятие «ценность» в философских исследованиях обычно трактуется как категория, объединяющая бытие (объективная сторона) и отношение к бытию (субъективная сторона). Дополнительными аспектами понимания «ценностей» в рамках сообществ является признание того, что существует ряд специфических черт, присущих тому или иному культурно-историческому типу общества; социально-культурные ценности содержат «смыслы-знания», выступающие регулятором общества; ценности представляют собой формы духовной связи поколений; ценностное отношение является актом сознания и познания.

Применительно к анализу региональной идентичности необходимо отметить, что ценностные ориентации в ее структуре не только служат основанием деятельности региональных субъектов, но и создают набор социальных классификаций, потенциальных возможностей для их самоидентификации и формируют осознание принадлежности людей к своему региону. В рамках конструктивистского подхода особое внимание должно быть обращено к вариативным контекстам выстраивания этого осознания, что позволяет представить осознание региональной принадлежности как динамичный и структурированный процесс, где возникает множество образов региональной идентичности.

Для понимания ценностей региональной идентичности как социально конструируемого феномена оказывается также важным обращение к концепциям, учитывающим процесс самоидентификации с точки зрения присутствия

---

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ, проект 16-33-01038.

«Другого» (идеи Ж. П. Сартра, М. Бубера, Э. Левинаса), восприятия его роли и взаимной рефлексивности ожиданий определенного поведения (идеи Дж. Мида, Ч. Кули). Без «Другого» невозможно никакое чувство солидарности, сопричастности или, напротив, отличия. Согласно этому подходу развитие регионального самосознания личности происходит во многом вместе с переживаниями, связанными с мыслями о других регионах, их климате, ландшафте, людях. Формирование ценностей региональной идентичности происходит в разных ситуациях и контекстах и может меняться во времени. Соответственно, анализируя контексты актуализации сибирской идентичности, представляется возможным обозначить некоторую траекторию формирования различных вариаций сибирской идентичности в зависимости от способов взаимодействия со значимым «Другим».

Еще один важный аспект конструирования региональной идентичности, важный для понимания ее ценностной размерности, — создание нарративов, которые становятся для жителей региона их действительной историей (идеи П. Рикера, Р. Барта, Ж. Лиотара, Р. Рорти). Осознание региональной принадлежности невозможно без знания названия и границ собственной территории. «Нарративная идентичность» (П. Рикер) выступает формой идентичности, к которой человек способен прийти посредством повествовательной деятельности. При этом нарратив не обязательно состоит только из реальных фактов, он может содержать вымышленные события. Однако и в таком качестве он выполняет свою конституирующую роль, являясь основой региональной самоидентификации. Как отмечают новосибирские социологи А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская, «из “кирпичиков” уже существующих смыслов и цитат мы производим нарратив своей идентичности, уникальный смысл которого в то же время сильно завязан на актуальном контексте» [1, 12]. Присутствие в нарративе различных смысловых образов региона, относящихся к одной и той же региональной идентичности, может затруднять общую рефлексию над ней, но с точки зрения конструктивистского подхода не приводит к размыванию/исчезновению региональной идентичности, а способствует выявлению ее многоплановости и разносторонности.

Учитывая сказанное, важно разобраться, какие контексты сегодня способствуют формированию ценностей региональной группы сибиряков в российском социокультурном пространстве, как и с помощью каких языковых средств конструируется сибирская региональная идентичность, кто проводит региональные разделения и классификации. В качестве основы для анализа будут использованы дискурсы вокруг сибирской идентичности, сформированные на обыденном уровне, нашедшие отражение в интернет-форумах и социологических опросах, а также в работах экспертов, рефлексирующих над сибирской идентичностью в академическом, публицистическом, медийном полях.

В первую очередь разными исследователями в качестве главной ценностной категории сибирской идентичности отмечается принадлежность к сибирской территории как к родной земле [1, 25; 11, 94]. Территория (место) и идентичность диалектически взаимосвязаны друг с другом. Территория в значении родной земли понимается как место непосредственного физического окружения человека, где протекает его основная деятельность. Место вообще ассоциируется с корнями

человека и является личным, гуманистическим понятием [4, 114]. Социологические исследования томских ученых Е. Е. Дутчак и В. В. Кашпур показывают, что в качестве семантических понятий и «Россия», и «Сибирь» выступают как «нечто родное, близкое, хорошее», однако у значительной части респондентов эмоциональное содержание понятия «Россия» выражено через «слабость», «хрупкость» и «медленность», в то время как понятие «Сибирь» имеет «более выраженную силовую и активную компоненту эмотивного отношения» [5, 125]. Тема особенной значимости сибирской земли звучит во многих интервью, проведенных новосибирскими социологами А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской. Сибирская земля воспринимается сибиряками не как экономический ресурс, не как кладовая полезных ископаемых, а как самостоятельная ценность. По мнению многих информантов, именно любовь к сибирской земле формирует идентичность сибиряка [1, 12].

Это обстоятельство позволяет предположить, что сибирскую идентичность нельзя назвать «случайным» продуктом многочисленных и соревнующихся дискурсов» [2, 76]. Интервью и опросы экспертов свидетельствуют о том, что в ценностно-рациональном плане принадлежность к сибирской региональной общности совпадает с «малым коммуникативным кругом», где важными оказываются семейные и товарищеские отношения, сложившиеся в локальном пространстве, привыкание к месту жительства, чувство «малой родины».

Тот факт, что опрошенные исследователями 5–6 % респондентов не чувствуют своей принадлежности к сибирякам и не выделяют сибиряков в особую локально-географическую группу, позволяет вести речь о специфике ценностных ориентаций и соответственно направленности развития различных субъектов региональной идентичности. Для молодого поколения людей, живущих в Сибири, их региональная идентичность в условиях мобильности, транзитивности, роста значимости внетерриториальных связей может быть не артикулирована и подменяться другими типами идентичности. Кроме того, сибирская идентичность, осознание себя сибиряками, по-разному будут представлены на уровне городской и сельской коммуникации.

Тем не менее выражение «я сибиряк», характерное для тех жителей Сибири, кто явственно ощущает свою принадлежность к сибирской территории, оказывается лишь минимальным теоретическим конструктом, требующим дальнейшего развертывания, содержательного обогащения и обнаружения его ценностно-смысловой структуры. «Сибирскость» как ценность обнаруживает, проявляет себя, будучи сконструированной на основе разных контекстов. В интервью подача информации в высказываниях жителей о своей региональной принадлежности осуществляется от крупного плана, включающего общее суждение, к детализации этого суждения, раскрывающей суть определения «настоящий сибиряк». Так, по мнению А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской, «нельзя сказать, что сибирская идентичность является исключительно территориальной: ее содержательное наполнение особенности определяются различными факторами, как связанными с территорией, так и условно “автономными” от территориального измерения идентичности» [1, 26]. К предпосылкам макроуровня, лежащим в основе сибирской региональной идентичности, авторы относят природу и климат,

географическое положение и удаленность от центра России, экономическое положение, инфраструктуру, место и роль Сибири в экономике России. К предпосылкам микроуровня, с их точки зрения, относятся история семьи, этническое происхождение, символический статус места рождения и проживания, личная мобильность индивида [1, 26].

Омский исследователь М. А. Жигунова [6], учитывая данные исторических, этнографических и лингвистических источников, выделяет пять основных подходов к определению дефиниции «сибиряк»:

1) *топонимический*: «Сибиряки — это все люди, живущие на территории Сибири» (без этнической окраски);

2) *историко-хронологический*: «Сибиряки — это коренные, местные жители Сибири (аборигены), живущие здесь издавна», «Сибиряки — это люди, родившиеся и долго живущие в Сибири, но не те, которых насильственно заставляли в Сибирь ехать»;

3) *психологический*: «Сибиряки — это особый тип людей, обладающих сибирским характером: крепкие, сильные, здоровые, крупного телосложения, трудолюбивые, гостеприимные, свободолюбивые, демократичные, добрые, с хорошими адаптационными способностями и др.»;

4) *антропологический*: «Сибиряки — это “винегрет народов”, особая смешанная общность, сложившаяся на основе русских, с вкраплениями казахских, татарских, украинских и многих других этнических черт»;

5) *этнокультурный*: «Сибиряки — это субэтническая группа русского народа». Кроме того, термин «сибирский» часто используется для обозначения других групп. Так, например, среди российского казачества выделяются сибирские казаки, среди русских старообрядцев — сибирские кержаки, среди татар — сибирские татары и т. д.

Среди ассоциаций, возникающих у современных респондентов при слове «Сибирь», по частоте упоминаний лидируют следующие: холод (51 % ответивших), снег (32 %), зима (31 %), медведи (30 %), обширная территория (27 %), Ермак (25 %), природные богатства (22 %), тайга (20 %), лес (18 %), ссылка (16 %), Родина (15 %). На основе объединения всех полученных ассоциаций по условно-тематическому признаку М. А. Жигуновой было получено пять основных блоков.

1. *Природно-климатические* (52 % от всех ответов): суровый климат, холод, зима, мороз, снег, сугробы, снеговик, метель, красивая природа, тайга, лес, сосна, кедр, ель, поле, степь, болото, тундра, крутая местность, реки, нефть, газ, соболь, медведь, ежик, снегири, комары, морошка, клюква, брусника и др.

2. *Личностно-психологические* (16 %): моя Родина, родной край, дом, моя жизнь, спокойствие, романтика, таинственность, вечность, свобода, выносливость, здоровье, веселая жизнь, доброта, тишина, сила, выносливость, крепость духа, твердый и стойкий характер, энергия, бодрость, друзья, любовь, хорошие добрые люди, высокие, здоровые бородатые мужчины, красивые женщины, румяные щеки, «что-то страшное, холодное, необъятное» и др.

3. *Географические* (12 %): обширная территория, часть Азии, часть России, регион Российской Федерации, «Сибирь — кусок страны. Кусок мира», глубинка,

окраина, отдалена от центра России, Западно-Сибирская низменность/равнина, Обь, Енисей, Иртыш, Омск, Томск, Новосибирск и др.

4. *Исторические* (10 %): покорение/освоение Сибири, Ермак, казаки, военные заводы, декабристы, ссылка, тюрьма, острог, лагеря, каторга, Московско-Сибирский тракт, Транссиб, А. В. Колчак, Ф. М. Достоевский и др.

5. *Этнокультурные* (10 %). Здесь представлены различные народы, населяющие территорию Сибири, и особенности их культуры (аборигены, русские, татары, казахи, чукчи, ханты, манси, селькупы, ненцы, крепкие традиции, язычество, шаман, чум, баня, меховая одежда, валенки, унты, варежки, ушанка, малахай, пельмени, водка, строганина, кедровые орехи, песни и др.) [6, 192].

Эти данные суммируют результаты преимущественно этносоциологических исследований идентификации сибиряков. Они позволяют предположить, что смысл понятия «сибирскость» обретается в процессе наррации. Нарративы о том, что собой представляет «сибирскость», показывают, каким образом «сибирское» проявляет себя в речи и каким ценностным содержанием оно наполняется, какие смыслы задействуются в конструировании понятия «сибирскость». Учитывая анализ данных материалов, в дальнейшем мы будем выделять инвариантное (повторяющееся в вариантах) число таких смысловых контекстов, ценностных блоков. Нарративы о Сибири и сибиряках дают возможность эксплицировать те нюансы значения понятия *сибиряки*, которые имеют отношение к одноименному образу, но могут не относиться к социологическим и этнологическим моделям сибирской идентичности.

Во-первых, это нарратив, связанный с *ценностью природы*, осознанием природно-климатических особенностей региона. Мысленное визуальное представление о Сибири, как правило, увязывается с элементами пейзажа и природы. На принцип природно-климатического детерминизма в определении и описании фенотипа, идентичности и характера сибиряков указывали еще сибирские областники (Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин). В современной культуре важность природы для самоощущения сибирскости может выражаться, к примеру, в способах организации жизни, предпочитаемых вариантах проведения свободного времени на природе, в своем регионе, «родных красотах» [1, 27]. В нарративах природа определяет себя через упоминание природных объектов, мотивов «красоты» и «особенного духа», а климат — через выраженный мотив «становления через преодоление» [Там же]. По лингвистическим данным, в ядро ассоциаций о Сибири входят конкретные по значению единицы, легко вызывающие мысленный образ: *Сибирь — холодная, морозная, великая* [7, 399].

В то же время природно-климатические условия Сибири осознаются как неравномерные, что способствует созданию особого *топонимического* нарратива о продолжительной сибирской зиме, коротком лете, длительных морозах, продолжительной полярной ночи. С топонимическими представлениями связаны идеи о масштабе своей территории, возможности преодолеть пространство. Известно, что обширность Сибири при ее сложном рельефе, гидрографии, значительных лесных массивах создавала большие трудности в формировании путей сообщения и коммуникаций между людьми. Почти две трети территории Сибири (таежная

и притундровая зоны) были малопригодными для заселения, оставаясь сферой обитания малочисленного коренного населения и создавая ощущение «безлюдного пространства» и «гиблого места».

Дискурс о масштабности сибирской территории, как правило, сочетается с дискурсом о духе относительной свободы в Сибири (безграничные просторы воспринимаются в качестве символа реальной воли, независимости, возможности самим определять правила свободной жизни), номадизмом (готовностью людей решать свои экзистенциальные и материальные проблемы, перекочевав в новое, незнакомое место) и в то же время мотивом оторванности от центра, нарративом закрытости сибирских городов и ощущением социально-экономического неравенства по сравнению со «столичными» центрами. По выражению М. Я. Рожанского, для сибиряков характерно «ощущение временности жизни “здесь”, куда тебя забросила судьба, вечно временный характер сибирской жизни, когда пространство воспринимается как не совсем родина, или родина не навсегда, поскольку настоящая жизнь “в России”, на “большой земле”, “в райцентре”, “в области”, “в городе» [10, 12]. Эти представления наиболее очевидно в последнее время проявляются в идее «москвоборчества», противостояния Сибири Москве как вместилищу центральных властей и привилегированному субъекту Российской Федерации¹.

Представляется, что при определении «сибирскости» важен также *переселенческий* нарратив, сопряженные с ним ценности семейно-родственных отношений и профессионально значимой деятельности в высказываниях жителей региона. В исторических исследованиях было показано, что сибирская идентичность формировалась преимущественно как идентичность переселенцев (крестьянская колонизация в конце XIX — начале XX в.; ссылка в Сибирь, депортация семей в 20–30-е гг. XX в., эвакуация или депортация по национальному признаку во время Великой Отечественной войны, распределение молодых специалистов в послевоенные годы); в ней ключевую роль играл переселенческий характер общества, предполагающий освоение и преобразование среды, навыки жизни в социально и этнически разнородном обществе, интенсивную мобильность населения. По словам М. Я. Рожанского, «само формирование современного населения Сибири — это уход от прошлого, бывший для конкретного человека или семьи побегом в будущее» [Там же, 6].

Если на сопредельной Сибири территории, Урале, формирование местной региональной идентичности было обусловлено развитием промышленности, существованием горных заводов, ценностью труда, постоянной необходимостью производить, то аграрный характер колонизации Сибири еще в имперский период привел к формированию здесь отличительных жизненных практик и ценностей, связанных именно с культурой переселенцев. По сообщению А. А. Анисимовой, О. Г. Ечевской, для большинства опрошенных ими информантов значительная давность переселения их предков в Сибирь, наличие нескольких поколений семьи, живших в Сибири, являются значимыми предпосылками их собственного

¹ У современной Москвы в современной России три ипостаси: федеральный центр (столица), успешный (привилегированный) регион и мировой город. В конкретном случае важно, о какой именно ее ипостаси идет речь [9, 185].

осознания себя сибиряками и фактором конструирования сибирской идентичности [1, 38]. Это дает основание данным авторам рассматривать сибирскую идентичность как «биографический проект».

Осознание ценности культурного *многообразия* Сибири ведет к появлению *этнокультурного нарратива*, связанного как с обращением к национальности своих родителей, так и с осмыслением различий в обрядах, одежде, ведении хозяйства, свойственных народам Сибири. Данные этносоциологических исследований свидетельствуют о том, что в семьях 70 % русских, проживающих в Сибири, имеются родственники других национальностей, чаще всего украинской, немецкой, татарской, казахской, белорусской, чувашской, польской, армянской, азербайджанской, башкирской [6]. Постоянное сибирское население формировалось на основе смешанных браков, включения различных этнических групп и культур коренного сибирского и некоренного населения. В сибирских городах и деревнях проживают совместно представители различных национальностей, существуют школы на разных языках, совместно отмечаются праздники. Такое смешение различных культур, помимо прочего, исторически придавало сибирскому обществу особый колорит демократизма и толерантности.

В зависимости от этнокультурных взаимодействий в сибирской идентичности выделяются и представления об отличиях внутри самого сибирского региона. К примеру, у русского населения Восточной Сибири (Забайкалья) под сильным воздействием китайской культуры появились особые культурные практики, не характерные для остальных жителей региона (церемонии чаепития, использование китайской мебели, выращивание китайских цветов и овощей, употребление китайского языка, восточный колорит в деревянном декоре городов Байкальской Сибири и т. п.) [13, 182]. В настоящее время восточные мотивы продолжают сохраняться в том числе и в архитектурном облике многих восточно-сибирских городов (в виде причудливых башенок, мечетей, львов на постаментах и т. п.).

В сибирской идентичности необходимо выделить также значимость *исторических* ценностей и нарративов, связанных с историческими деятелями, периодами региональной истории, событиями, памятными местами региона. В числе несущих конструктов, формирующих исторический образ Сибири, иркутский исследователь М. Я. Рожанский указывает следующее: пафос свершений — вместе с Русью за Урал пришло могущество; в Сибирь шли и попадали лучшие — самые отважные и стойкие; жизнь в Сибири формировала лучшие человеческие качества; сибирский человек приходил на выручку стране, когда нужны были стойкость, выдержка, решительность [10, 51]. В воображаемую историю Сибири и миф о «сибирском пространстве» органично включены также образы Ермака («русского Колумба Сибири»²) и его экспедиций к сибирским рекам, ссыльных декабристов и их жен, строительство Транссибирской магистрали. Активно эксплуатируется и миф о Чингисхане как центральной фигуре «евразийской мифологии», который помогает обосновать культурно-историческое единство

---

² Так Ермака представляют Алексей Иванов и Леонид Парфенов в документальном сериале «Хребет России».

народов Сибири и подчеркнуть роль Востока во взаимоотношениях с Западом. Эти ценностно-нагруженные конструкты оказываются своеобразной «памятью-архивом» (термин П. Нора) и продолжают воспроизводиться в современном общественном сознании.

Выражением исторической памяти сибиряков служат символические места — музеи, памятники, военные мемориалы, святыни и т. д., то, что французский историк Пьер Нора называет «местами памяти» [16, 7], как «внешние подпорки» нашему внутреннему опыту [Там же, 14]. «Места памяти» выступают «аккумулятором» как материальных (вещей-ценностей), так и нематериальных символических (образов, ценностей, мифов, символов). Так, в Иркутске основания художественной жизни и образования связываются с двумя семьями декабристов; в Кяхте подчеркивается, что она была единственным городом с самоуправлением и что уникальные богатства местного музея были якобы вывезены в Эрмитаж; в Олекминске родословная городской культуры ведется от скопцов, живших там на поселении [10, 11]. В Омске — повышенное внимание к историческим памятникам периода правления Колчака (Дворец генерал-губернатора, дом Батюшкина — резиденция верховного правителя) и т. п. Сохранение примет исторического своеобразия остается шансом компенсировать дефицит культурного капитала сибирского региона. Ведущим смыслом сибирских «мест памяти», как правило, оказывается мотив преодоления и свершения, преобразование нетронутых прогрессом просторов, но — в рамках национальной культуры и истории.

Историческая память в такой же степени коллективна, как и индивидуальна. Солидарное взаимодействие людей сопрягается с личными ожиданиями и переживаниями. Как указывает Морис Хальбвакс, «индивидуальная память для подтверждения, уточнения воспоминаний или даже заполнения пробелов в них полагается на коллективную память, перемещается внутрь нее, сливается на мгновение с коллективной памятью» [15, 51]. В этом отношении можно говорить о переплетении биографий и судеб сибиряков с жизнью региона, об их ценностном отношении к региональной культуре.

По данным социологических опросов, проведенных в сибирских городах, у подавляющего большинства современных сибирских горожан история их семьи связана с городом, где они живут, исключительно в советский период [10, 11]. В советском сибирском дискурсе постоянно звучит тема огромных ресурсов Сибири и ее мощного промышленного потенциала, определившего ее стратегическую роль в функциональной системе государства. При этом историческая память о советском периоде амбивалентна: она может быть триумфальной и травматической. Для старшего поколения сибиряков традиционное прошлое представляет собой нечто большее, чем просто события или историческую память: сейчас это способ переосмысления жизненного стиля, в некоторых случаях традиционное прошлое рассматривается как «панацея» от всех социальных недугов.

Отметим, что доминирование советского наследия в представлениях людей о прошлом региона не только результат взросления и воспитания в СССР (сейчас «ядро» населения старых сибирских городов составляют «коренные» горожане во втором-третьем поколении), но и симптом отсутствия прочной связи человека

с историей того места, в котором он живет. Ощущение неустроенности в данном месте может компенсироваться отдельными случаями причастности к «великой» истории и идеологии, что реализуется в самопрезентации региональной идентичности через имперские знаки советской эпохи. Особенно наглядно это видно не только в «ностальгических рассказах» о славном советском прошлом Сибири, но и в сохраняющейся в сибирских городах монументальной скульптуре, советской архитектуре, городской и сельской топонимии, где преобладают названия советского периода. Такое сходство историко-культурных процессов и общность исторического наследия, отражающиеся в менталитете современных жителей за Уралом, по всей видимости, и позволяют объединить их в общую надэтническую общность «сибиряки», сконструировать само это понятие.

Особое место в сибирской идентичности занимает и *ментально-психологический* нарратив — выделение черт сибирского характера как части национального характера на основе ценностей коллективизма, терпения, эмоциональной сдержанности, устойчивости, характеристика сибиряка как особого типа человека, обладающего физической выносливостью, здоровьем, особыми чертами характера. На уровне обыденного сознания, нашедшего отражение в пословицах, сибиряки выступают как особенные люди, а Сибирь — как особое пространство (например, «Сибиряк не тот, кто в Сибири родился, а тот, кто тепло одевается»; «Сибирь — матушка, а Урал — батюшка» и т. п.). Свои версии ментально-психологических качеств сибиряков выдвигаются и на уровне литературной рефлексии, рождающей миф о «сибирском характере» и «широкой сибирской душе» [12].

Представляется, что названные аспекты региональной самоидентификации в совокупности оказываются ценностными основаниями для «контекстуальной общности» сибиряков. Многие информанты отмечают, что, когда они находятся вне дома, им (по не всегда понятным причинам) проще общаться со «своими» [1, 68]. Актуализация самоидентификации «сибиряк» происходит чаще всего в контексте осознаваемой дифференциации между Европейской Россией и Зауральем, а также в ситуациях, связанных с путешествием за границу, переездом, встречей земляков (сибирские диаспоры в Москве и Санкт-Петербурге, сибирские землячества в армии), в ситуациях общения с не сибиряками. Кроме того, в настоящее время средства массовой информации предоставляют возможность помыслить себя в разных частях физического и социального пространства и создают условия для разнопланового сравнения своего региона с другими регионами (если не в опыте, то в воображении).

Отметим, что эти контексты представляют собой определенный «материал для сборки» сибирской идентичности и «работают» на ее конструирование только в том случае, если сами жители Сибири хотят использовать их в этом качестве. Степень близости-неблизости пространства определяется не стажем жизни в нем, а в большей степени тем, насколько человек готов воспринимать пространство, в котором он живет, как ценностно-размеченное, как «свое». В исследовании А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской было показано, к примеру, что давность пребывания предков в Сибири и укорененность обеих родительских семей, длительность собственного проживания в регионе зачастую не делают

для информантов сибирскую идентичность ценностно значимой [1, 39]. Кроме того, принадлежность к региональному сообществу сибиряков может отходить на второй план в тех случаях, где имеет место присутствие явно этнического/национального колорита в его традиционном понимании. Для многих принадлежность к сибирскому региональному сообществу может вовсе быть нерелевантной. К тому же, в условиях современной классовой разделенности, джентрификации общества, идея «сибирскости» может восприниматься частью населения как совершенно чуждая.

Другой аспект представленности ценностей в структуре региональной идентичности, на наш взгляд, связан с сознательным и целенаправленным выделением и подчеркиванием «сакральных» ценностей как новых региональных идентичностей. В регионе действующие субъекты политического и социально-экономического поля пытаются опираться на «натуральные» и «самоочевидные» ценности, а «сибирскость» выделяется через определенные символы. Так, в Иркутске сакральной ценностью становится Байкал, в Новосибирске — Академгородок, в Томске — Томский государственный университет, в Горно-Алтайске — принцесса Уюк и т. п. Владение символическим капиталом означает выход городских и региональных субъектов на сцену со своим правом голоса и возможностью быть услышанными, вследствие чего целенаправленная разработка сакральных ценностей приводит к появлению региональных брендов.

Таким образом, ценности и нарративы регионального самосознания, связанные с отношением к родной земле, природному и культурному ландшафту, историческому прошлому своей семьи и региона, этнокультурному разнообразию края, ментально-психологическое единство территориального сообщества сибиряков, на наш взгляд, выступают в качестве оснований существования сибирской идентичности и способствуют ее конструированию, оформлению. Представляется, что, с одной стороны, выявление ценностных оснований сибирской идентичности позволяет рассматривать региональное сообщество сибиряков как целостную, культурно-самобытную региональную группу, с другой — ценности сибирской идентичности лежат в основе осознания личной ответственности за судьбу региона, решения общих проблем совместной жизни и обустройства региона.

---

1. Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

3. Брубейкер Дж., Купер Ф. За пределами идентичности // *Ab imperio*. 2002. № 3. С. 61–115.

4. Демешкина Т. А. Славянский компонент в самоидентификации жителей Сибири // *Русин*. 2015. № 3(41). С. 90–107.

5. Дутчак Е. Е., Каптур В. В. «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // *Общественные науки и современность*. 2013. № 4. С. 116–129.

6. Жигунова М. А. Этносоциология русских Сибири: проблемы современной идентичности // *Этносоциальные процессы в Сибири: темат. сб. / РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т философии и права. Новосибирск, 1998. С. 191–195.*

7. *Карабулатова И. С., Замалетдинов Р. Р., Федорова Е. А., Сайфулина Е. С.* Лингвомифологическое пространство топонима «Сибирь» в современном языковом сознании // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6(43). С. 396–401.
8. Конструктивизм в теории познания / РАН, Ин-т философии / отв. ред В. А. Лекторский. М., 2008.
9. *Назукина М. В., Подвицнев О. Б.* Идеологические и политико-психологические основы москворочества в российских регионах // Политический альманах Прикамья / под ред. Л. А. Фадеевой. Пермь, 2006. Вып. 6. С. 184–196.
10. *Рожанский М. Я.* Сибирь как пространство памяти. Иркутск, 2013.
11. *Сверкунова Н. В.* Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002.
12. Сибирь — это такая отдельная территория [Электронный ресурс]. URL: <http://zapovednik.space/material/sybyr-eto-takaja-otdelnaya-territoriya> (дата обращения: 26.06.2016).
13. *Шахеров В. П.* Роль азиатского компонента в формировании сибирской самобытности // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «История». 2012. № 2(3), ч. 1. С. 180–184.
14. *Gergen K. J.* Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism Cambridge, Harvard University Press, 1994.
15. *Halbwachs M.* The Collective Memory. N. Y., 1980.
16. *Nora P.* Between memory and history: Les Lieux de Memoire // Representations. 1989. Vol. 26. P. 7–24.

Рукопись поступила в редакцию 25 августа 2016 г.

УДК 642.1/5:178 + 316.752

С. В. Юрлова

**«КНИГА О ВКУСНОЙ И ЗДОРОВОЙ ПИЩЕ»:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ**

Статья посвящена исследованию текста культового издания советской эпохи «Книга о вкусной и здоровой пище». Любое издание подобного рода должно анализироваться в единстве двух аспектов — синхронического и диахронического, поскольку важно не только понять, как изначально была сформирована структура текста, но и проследить, какие изменения происходили от издания к изданию. Цель данного исследования — проанализировать трансформации советской идеологии и их опосредованное воплощение в тексте «Книги о вкусной и здоровой пище». Важной особенностью исследования выступает идея о том, что идеологический посыл содержится не только в прямых сентенциях вводных статей, но и «считывается» в рекомендациях, данных в «Заметках на полях» и вводных статьях, предваряющих рецептурные разделы. Важной задачей выступает выявление в структуре текста модели нового общества и способов ее закрепления в гастрономических практиках советского человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а: повседневность, советская кухня, традиции питания, рациональное питание, советская идеология, гастрономические практики.

Всякая культурная эпоха, отделенная от нас временем, доносит до нас свое содержание через сохранившиеся тексты. Особое значение имеет то, что многообразие этих текстов не сводится к материалам научной или литературной направленности, а включает в себя множество других, фиксирующих повседневную жизнь человека того или иного времени.

Одним из интересных феноменов любой культуры является ее гастрономическая традиция. Традиции приготовления и употребления пищи передаются в любой культуре преимущественно в рамках практик повседневности, однако в большинстве случаев важное место занимают и кулинарные книги. Не вдаваясь в историю вопроса, обратим свое внимание на гастрономическую культуру советского общества, зафиксированную в знаменитой «Книге о вкусной и здоровой пище». Данное издание, безусловно, является знаковым феноменом советской повседневности, важной характеристикой которого выступает его идеологическая составляющая. Повседневность советского человека в значительной степени определялась идеологическими рамками как с точки зрения границ допустимого и запретного, так и с точки зрения базовых жизненных ориентаций. Не избежала этого и гастрономическая культура.

К настоящему моменту существует широкий круг исследовательской литературы, анализирующей различные аспекты советской повседневности [12, 9, 8, 10 и др.]. Важное место среди них занимает и гастрономическая культура. В ряде работ эта тема возникает в контексте фундаментального анализа гастрономической культуры как таковой [4], однако существуют и работы, раскрывающие

тесную связь советской гастрономической культуры с коммунистической идеологией [3, 11].

Когда речь идет об исследовании «Книги о вкусной и здоровой пище», чаще всего она упоминается как пример воплощения утопической картины быта советского человека. Исключение составляет работа И. В. Глущенко «Общепит. Микоян и советская кухня» [2]. Автор выделяет в отдельную главу описание истории создания книги, задавая самим заголовком («Кулинарная библия») особую роль этого издания в жизни советского общества. Главная задача, отлично решенная автором, — исследовать сложное соединение утопического и практического в текстах и рекомендациях издания. Однако в ряде случаев в рассуждениях И. В. Глущенко возникают некоторые противоречия. Так, например, говоря об первых изданиях «Книги о вкусной и здоровой пище», автор пишет: «Зажиточность. Изобилие. Количество. Вот три столпа, на которых зиждется идеология “Книги о вкусной и здоровой пище”». В книге есть характерное для советского общества сочетание размаха и простоты. При богатстве кулинарного воображения она лишена эстетской изощренности. Ведь пища в Книге не экзотическая, а своя» [Там же, 150]. Однако далее, сравнивая издания 1939 и 1952 гг., исследователь указывает, что в издании 1952 г. «...нет легкомысленных “космополитичных” профитролей, канпе, крекеров, крокетов и крутонов. ...Нет таких изысков, как консоме, льезон, пети-фур и мусака» [Там же, 153]. Безусловно, автор книги берет для исследования гораздо более широкий материал, чем данное издание, да и ракурс исследования не предполагает подробного изучения всех нюансов текста многочисленных изданий «Книги о вкусной и здоровой пище». Тем интереснее обратиться именно к нюансам.

Письменный текст всегда имеет фиксированное содержание, но, как известно, ни один текст в культуре не является завершенным и не равен самому себе, именно поэтому текст Книги не может быть понят вне исторического и культурного контекста эпохи. Цель данного исследования — проследить трансформации советской идеологии (а она, безусловно, не была статичной) и их опосредованное воплощение в тексте «Книги о вкусной и здоровой пище». Предпримем попытку чтения между строк, а значит, и поиска смыслов, рождающихся на стыке основных структурных элементов Книги.

Прежде всего, следует сделать ряд замечаний методологического характера.

«Книга о вкусной и здоровой пище», безусловно, относится к категории текстов, которые принято называть документом эпохи, именно поэтому прямое использование положений коммунистической идеологии является значимой характеристикой данного издания. Однако мы не ставили целью показать, что идеология присутствует и в тех элементах текста, которые не содержат прямого идеологического посыла. Более того, материалом для исследования были выбраны «Заметки на полях», являющиеся периферийным элементом структуры Книги.

Как уже было сказано, текст всегда формирует свое содержание во взаимодействии с общим культурным контекстом. Значительная часть исследований советской кухни обращена к анализу прямого воздействия идеологии того времени на гастрономические практики и, как следствие, на специализированные издания.

Однако нам хотелось бы рассмотреть текст Книги как таковой и попытаться доказать, что изменения, происходившие в жизни советского общества, воплощались в характере и соотношении основных структурных элементов *самого* текста.

Последнее замечание касается выбора подхода к анализу. Любое издание подобного рода должно рассматриваться в единстве двух аспектов — синхронического и диахронического, поскольку важно не только понять, как изначально была сформирована структура текста, но и проследить, какие изменения происходили от издания к изданию. Книга переиздавалась множество раз, однако для строгости исследования в контексте советской культуры обратимся к нескольким версиям издания — 1939, 1952 и 1955 гг. Причина, по которой был сделан такой выбор, состоит в следующем: с 1939 по 1955 г. советское общество прошло несколько переломных этапов — от тоталитарной модели до хрущевской «оттепели». Кроме того, издание 1939 г. первое, а значит, самое важное, а Книга, изданная в 1952 г, признается эталонной версией данного текста. К сожалению, в данном перечне нет послевоенного издания (1948), но это просто библиографическая редкость.

Первое знакомство с Книгой, изданной в 1939 г., выявляет принципиальное отличие структуры ее текста от традиционной поваренной книгой. В любой кулинарной книге основную смысловую нагрузку несет рецептурный раздел, во многих случаях он является единственным (исключая введение). Однако в первом же издании «Книги о вкусной и здоровой пище» заложена иная формально-морфологическая структура, которая включает четыре основных компонента: 1) вводные статьи; 2) главы, посвященные культуре питания в целом, 3) рецептурные разделы, 4) «Заметки на полях».

Дадим краткую характеристику каждому разделу. Вводные статьи несут основную идеологическую нагрузку. Это касается как первой статьи — «К социалистическому изобилию», так и статей, предваряющих рецептурные разделы. Так, в издании 1939 г. каждый раздел открывает высказывание А. Микояна или цитата из партийных документов. В последующих изданиях прямые цитаты исчезают или переходят в текст вводной статьи соответствующего раздела.

Важнейшую роль играют разделы, посвященные культуре питания в целом. Именно они играют важную роль в продвижении концепции культурности, реализуемой в советском обществе в 30-е гг. [1]. Задача этих разделов — изменение повседневных практик употребления пищи. Это касается и принципов рационального питания, и сервировки стола, и принципов составления меню.

Наиболее традиционной является рецептурная составляющая Книги, ничего идеологического, а тем более утопического в ней нет. Текст большинства рецептов сформирован вполне традиционно: основные ингредиенты, порядок приготовления и нужные пропорции продуктов.

Та часть текста, которая обозначена как «Заметки на полях», выполняет дополнительные функции по отношению как к идеологической, так и к чисто кулинарной составляющей Книги.

Основная гипотеза нашего исследования состоит в следующем. Текст «Книги о вкусной и здоровой пище» содержит идеологический посыл не только в прямых сентенциях вводных статей, но и «считывается» в рекомендациях, данных

в «Заметках на полях» и вводных статьях, предваряющих рецептурные разделы. Важной задачей выступает выявление в структуре текста модели нового общества и способов ее закрепления в гастрономических практиках советского человека.

Прежде чем говорить подробно об особенностях «дополнительных» разделов, следует указать на то, что само количество элементов тоже менялось от издания к изданию. Если сравнивать издания 1939 и 1952 гг., то, во-первых, наряду с отдельным разделом «Пища ребенка» (1939) появляется раздел «Питание женщин в период беременности и кормления ребенка» (1952); во-вторых, отдельные элементы раздела «Порядок приготовления обеда» касающиеся кухонной техники и технологии (1939), в издании 1952 г. превращаются в отдельную главу — «Кухня». Таковы формальные различия между двумя изданиями. Издание же 1955 г. совпадает по структуре с предыдущим изданием 1952 г.

Первый раздел Книги 1939 г. разительно отличается от всех последующих изданий — он целиком посвящен репрезентации достижений пищевой промышленности СССР. Ни в одной из более поздних версий мы не находим столь подробного описания (с иллюстрациями) плавучих рыбоперерабатывающих заводов, мясных комбинатов и консервных предприятий. Главная мысль заключается в глобальном преимуществе советского строя перед капиталистическим в обеспечении благосостояния людей. «В старой России вследствие ее промышленной... отсталости... производство продуктов питания было преимущественно домашним, кустарным...». И далее: «Революционную ломку старых навыков питания советская власть начала со строительства сотен высококлассных пищевых предприятий» [5, 7]. Важнейшая для того времени идеология индустриализации красной нитью проходит и в «Заметках на полях» [Там же, 152, 160, 170]. Так, например, значительное место занимают небольшие заметки о преимуществах производства, несущего новое качество питания советскому народу. На с. 34 колонка на полях подробно воспроизводит цифры роста советской пищевой промышленности (скажите на милость, зачем они нужны в кулинарной книге?!). Но самая любопытная заметка встречается на с. 86, — это выдержка из обязательных правил для рабочих ленинградского хлебного завода, требующих соблюдения гигиены труда. Все это указывает на важнейшие элементы построения нового мира, образ которого опосредованно содержится в кулинарной книге, — преодоление отсталости старой России и индустриальный прорыв в будущее. Справедливости ради следует сказать, что в последующих изданиях текстов, пропагандирующих высокий уровень развития промышленного производства, нет, да и сравнения с дореволюционной Россией попадают крайне редко¹.

Естественным продолжением идеи высокоразвитой пищевой промышленности является продвижение готовых полуфабрикатов, призванных освободить советскую женщину от домашнего труда. Основное «бремя» рекламы несут именно дополнительные элементы текста. В первую очередь это «Заметки на полях». Разнообразие рекламируемых продуктов велико — от сухих завтраков и бульонных кубиков до готовых блюд национальной кухни. При этом важно

¹ Так, в издании 1952 г. встречается только одна заметка: «Наши товары доброкачественны» [6, 179–180].

отметить, что издание 1939 г. ничуть не беднее по количеству рекламируемых полуфабрикатов, чем более поздние. Однако заметки на полях указывают и на иную тенденцию — расширение круга потребляемых в стране продуктов. В этой связи хотелось бы отметить раздел «Сыр», появляющийся в издании 1952 г. Статья подробно и с особым вниманием к разнообразию сортов рассказывает читателю (именно читателю, а не пользователю!) о полезности и изысканности вкуса нового продукта. Завершается этот раздел вполне «буржуазно»: «...такой деликатесный сыр, намазанный тонким слоем на сухое печенье, является лучшей закуской к белому столовому виноградному вину типа “Ризлинг”» [6, 76] Вообще «Заметки на полях» рисуют несколько иной (отнюдь не пролетарский) характер новой гастрономической культуры.

Как уже было сказано выше, в первом издании «Заметки на полях» обращаются к трем темам: успехи пищепрома, основы рационального питания и реклама готовых полуфабрикатов. Классическая версия 1952 г. совершенно иная. Главное место отводится подробному описанию разнообразных видов продуктов (в соответствии с разделом). Именно из этой части Книги мы узнаем, что такое снеток и вязига, анчоус и султанка, почему колбаса называется «Докторская» и как готовить фазанов. Реклама полуфабрикатов постепенно сменяется описанием разнообразных продуктов, новых и часто изысканных. Безусловно, это означает, что посыл первого издания — будущее изобилие, а Книга 1952 г. фиксирует уже достигнутое благосостояние народа. Не случайно издание 1952 г. открывается прямой цитатой И. В. Сталина: «Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной и культурной жизни» [Там же, 4].

Важным элементом в формировании культуры нового человека было внедрение системы рационального питания в повседневную жизнь. Главную роль в этом играет специальный раздел — «Значение рационального питания для человека», занимающий в первом издании полторы страницы и разрастающийся до шести страниц в издании 1952 г. Как уже было сказано, особое значение в тексте имеют «Заметки на полях». В этом случае идеи рационального питания и полезных навыков принятия пищи реализуются тремя способами. Во-первых, любая версия Книги включает рекомендации по составлению меню, начиная с небольшой заметки «Обед за 15 минут» в первом издании [5, 35] и заканчивая развернутой характеристикой сбалансированного меню (с учетом сезонного фактора!) на неделю в издании 1955 г. [7, 43–52]. Набор блюд различен в указанных изданиях, однако сам принцип — разнообразие и сбалансированность — остается неизменным. Второй прием — описание полезных свойств тех или иных продуктов. Особый интерес в этой связи вызывают разделы, посвященные алкогольным напиткам. Скажем попутно, что место и наименование данного раздела отличаются в разных версиях Книги, и в этом просматривается определенная тенденция, закрепляемая дополнительными разделами. Так, в первом издании мы не обнаруживаем особого раздела, посвященного алкогольным напиткам, однако в «Заметках на полях» есть описание полезных свойств виноградных вин, коньяков и реклама советского шампанского [5, 89, 241–242, 255]. К 1952 г. в Книге появляется отдельный

раздел — «О виноградном вине, водке, пиве», главная мысль которого состоит в пропаганде виноградного вина как полезного для здоровья напитка (одновременно резко критикуется употребление водки) [6, 79–80]. Кроме того, начиная с основных рецептурных разделов текст сопровождают подробные описания всего разнообразия вин, выпускаемых в СССР (от крымских мускатов до дагестанского коньяка) с указанием на то, какой напиток к какому блюду следует употреблять. Это еще одна черта новой гастрономической культуры, направленной на продвижение городского жизненного уклада в повседневную жизнь советского человека.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание, это присутствие в заметках рубрики «Из старых рецептов». Источником служат хрестоматийные кулинарные издания XVIII–XIX вв., такие как «Новейшая и полная поваренная книга» 1790 г., «Кухмастер XIX века», «Поваренная книга» 1847 г. Неожиданно возникающие на полях «оливки фаршированные», «хорову чабанский» или «филе на вертеле» звучат явным диссонансом на общем фоне призывов питаться рационально, сбалансированно и используя продукцию пищевого производства. Однако и в этом случае есть интересные детали. В издании 1939 г. дореволюционная кулинария представлена преимущественно в разделе «Мясо»: это целый букет разнообразных блюд из дичи и субпродуктов [5, 122–137]. Более поздние издания смещают данный элемент в разделы «Овощи» и «Крупяные и мучные блюда».

Сравнительный анализ ряда изданий книги позволяет утверждать, что именно дореволюционная гастрономическая традиция становится образцом для построения новой культуры быта советского человека. Важно отметить, что такая тенденция не формулируется открыто в идеологических посылах Книги, а «проступает» в дополнительных разделах, содержащих практические рекомендации хозяйкам. Иного образа культурного и богатого застолья советская идеология не могла создать и вынуждена была заимствовать готовый образец из культуры прошлого.

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Морфологическая структура текста «Книги о вкусной и здоровой пище» изначально была сформирована в соответствии с важнейшей идеологической задачей — создание нового образцового быта советского человека.

2. Важнейшее значение в построении новой картины мира и новых традиций быта имеют дополнительные элементы текста. Именно они задают направление реальной трансформации практик приготовления и употребления пищи, закрепляя и развивая основные идеи в практических рекомендациях для хозяек.

3. Сравнительный анализ ряда изданий позволяет сделать вывод о том, что по мере изменений, происходящих в жизни страны, в тексте Книги меняются соотношение и количественная характеристика основных структурных элементов. Эти изменения отражают переход от идеи будущего благосостояния, достигаемого посредством индустриального прорыва, к идее уже достигнутого высокого уровня жизни советских людей.

4. Стратегической целью «Книги о вкусной и здоровой пище» можно считать внедрение в повседневную жизнь советского человека норм городского быта, являющего собой образец зажиточной и культурной жизни. Главными инструментами реализации этой цели являются дополнительные разделы текста, прививающие

на практике основы рационального питания и стремление к эстетически привлекательному и изысканному характеру гастрономической культуры.

1. *Волков В. В.* Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социол. журн. 1996. № 1–2. С. 203–211.
2. *Глуценко И. В.* Общепит. Микоян и советская кухня. М., 2010.
3. *Добренко Е. А.* Гастрономический коммунизм: вкусное vs здоровое // Неприкосновенный запас. 2009. № 2(64) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/do9.html> (дата обращения: 01.07.2016).
4. *Капкан М. В.* Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2010.
5. Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1939.
6. Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952.
7. Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1955.
8. *Кухер К.* Парк Горького: Культура досуга в сталинскую эпоху, 1928–1941. М., 2012.
9. *Лебина Н. Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб., 2015.
10. *Орлов И. Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.
11. *Сохань И. В.* «Книга о вкусной и здоровой пище»: гастрономические образы сталинской эпохи // Человек. 2012. № 6. С. 139–153.
12. *Утехин И. В.* Очерки коммунального быта. М., 2004.

Рукопись поступила в редакцию 27 июня 2016 г.

CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS OF KEY CONCEPTS IN OBAMA'S STATEMENT: CUBA POLICY CHANGES

The paper analyzes the key concepts in the US President's speech announcing the reestablishment of relations with Cuba in December 2014 from a critical discourse point of view. His arguments make a clear distinction between what America represents (Us) and what Cuba lacks (Them), glorify the half-a-century-old blockade and acknowledge its failure. Obama's words also reflect the policy change is a one-sided dialogue, a one-lane road, ignoring the needs and hopes in the island when he neglects or only vaguely mentions important areas that are undoubtedly within the Cuban national interests. When read in different geopolitical contexts, the speech, built around the same arguments the US has been using for more than fifty years, envisions a change in Cuba through empowering given population sectors to achieve the same historical objectives.

Key words: Obama, Cuba, policy, changes, democracy, human rights, empowerment, color revolution.

1. Introduction

After two years of secret negotiations on December 17, 2014, the Presidents of Cuba and the United States, Raul Castro and Barak Obama, announced in separate statements the reestablishment of diplomatic relations broken by D. Eisenhower in the early 1960s. That day The BBC reported "US President Barack Obama has hailed a "new chapter" in US relations with Cuba, announcing moves to normalize diplomatic and economic ties... frozen since the early 1960s, when the US broke off diplomatic relations and imposed a trade embargo after Cuba's revolution led to communism [1]." Gladly received by most in Cuba and the almost two million-Cuban community living in the United States as well as by the American business sector and public in general; the news marked, hopefully, the beginning of the end of the Cuban-United States dispute.

On the other hand, US congressional members of Cuban origin Marcos Rubio, Ileana Ross-Lehtinen and Ted Cruz among others in the Republican Party considered the move counterproductive. The first has on several occasions promised to reverse the steps taken if he is able to get into the White House as republican presidential hopeful for the next elections. Neither Rubio nor Cruz has ever been in Cuba; the former's parents left Cuba long before the revolution; the second's father left Cuba in 1960 and Cruz was born in Canada. Ross-Lehtinen abandoned the island with her parents in early January 1959. Therefore, it is pertinent to wonder what these US legislators know about the reality in the island, apart from what they hear from the US-paid "dissidents".

About the US President and his foreign policy, Mr. Rubio declared, "I don't know what his intentions are. His foreign policy is at a minimum naive, and perhaps even truly counterproductive to the future of democracy in the region [18]." However, is the United States foreign policy really so obscure and naïve as Senator Rubio believes,

or rather, as a senior official in the establishment wants to make us think he believes? Does it really endanger the future of “democracy”, as conceived in the US establishment, in Latin America?

The following article will answer the above questions based on the critical discourse analysis of Obama’s speech on Cuba policy changes and argue that such policy changes have very clear intentions as their implementation shows; are not naïve at all and, in no way endanger democracy in the region.

To achieve the above, first, I will look into the context the speech is produced; then, the clauses containing some of the most relevant aspects will be analyzed from above; that is, as a message, exchange and representation deriving from distinct functional components or metafunctions in systemic linguistic theory. At this stage, key concepts outlined in each clause will be examined in the light of history and intertextuality. Finally, an outline of a future scenario for Cuba will be described and how subsequent actions by the US government after Dec. 17, 2014 fit nicely in the White House announcement.

2. Critical Discourse Analysis

“Critical Discourse Analysis” (CDA) is a general term with its origins in critical linguistics, critical semiotics and socio-politics aimed at the study of talk and text. It is problem-oriented and any theoretical and methodological approach is adequate if the study effectively reveals relevant social problems. No CDA schools actually exist and its work draws on concepts from different disciplines. Language may be analyzed at discourse and text levels and in many occasions includes how the different systems of the language are realized in a text. Power, dominance and inequality relations are of special interest for CDA practitioners [8].

CDA’s father, Norman Fairclough, claims that ideologies reside in texts from which they are impossible to be ‘read off’ allowing for diverse interpretations of the same text because “Ideologies are closely linked to language, because using language is the commonest form of social behavior, and the form of social behavior where we rely most on ‘common-sense’ assumptions [9, 2].”

From the point of view of CDA, the study of Obama’s speech is characterized by the use of simple words and sentences in easy to understand colloquial language that help him shorten the distance between him and the audience [22]. At the same time, it shows the dual character of America’s perceived exceptionalism “favoring *active* US foreign policy, based on *soft power* instruments and *multilateralism*, as something that makes America exceptional [12].” American political discourse is a reflection of the good Washington represents against the bad to justify foreign policy; that is ‘Us’ against ‘Them’ and their role as world policeman. For instance, Sarfo and Agyei-waa’s study [19] illustrates how in their speeches to justify American war on terror, Bush and Obama projected terrorism negatively while they projected anti-terrorism positively by carefully selecting emotionally charged vocabulary and expressions. Other common features of their speeches were the notion of power as form of mind and context control. In reference to domestic policy, according to Horvat, [11], the use

of words such as *nation*, *new*, *America* together with ideologically embedded concepts and quotes from the *Bible* helped the second to strengthen the notion of unity in his first inaugural address.

3. The context of the 17.12.2014 speech

Obama's speech on Cuba policy changes must first be read not only as part of the almost-lost American grip on Latin America and the Caribbean, but also within the context of huge geopolitical changes at a global scale.

The retake by Russia of the role played by the former Soviet Union and the rise of China as an economic power as well as their union in the Shanghai group, founded in 2001, and the Eurasian Economic Union pose an unquestionable political, economic and military challenge to US hegemony in Asia. Andrei Bezrukov, a Russian political analyst, asserts, "Separately from each other, Russia and China are vulnerable. Russia and China together are invulnerable [21]."

On the other hand, BRICS of which Russia and China are also part extends its influence to Africa and Latin America. The five BRICS countries representing almost three billion people, with a combined nominal GDP of \$16 trillion and an estimated \$4 trillion in combined foreign reserves is a huge challenge for US imperial ambitions. Undoubtedly, the US is worried about Chinese investment and trade in Brazil, Chile, and Africa from where it has been replaced as largest partner and Cuba's close ties with Russia.

At the regional level, Cuba never exported revolutions as she was often accused of; it did, however, become an example for Latin American have-nots subdued for centuries, first from the colonizer and then by oligarchs. It also support by all possible means the revolutionary guerrillas and was a secure home for the thousands of refugees fleeing away from the US-backed dictatorships and fascist regimes that proliferated in the continent from the 70s to the 80s. Prior in 1962, Cuba had been suspended from the Organization of American States, founded in 1848 under Washington's leadership to strengthen the peace and security of the continent, promote and consolidate representative democracy, as well as to encourage economic, social, and cultural cooperation within the Americas. Except for Mexico and Canada, all countries in the region severed diplomatic ties with the island that very year.

In 2009, the suspension was lifted, but Cuba has repeatedly expressed its lack of interest in an organization patronized from the US Department. Instead, Cuba is actively involved in many regional organizations such as the Community of Latin American and Caribbean States, the Bolivarian Alliance for the Americas, and the Association of Caribbean States among others. The Cuban integration to its natural Latin American context has been the result of patient diplomatic efforts. On the other hand, Cuban solidarity with the peoples of the region and other parts of the world has yielded fruitful harvest. In fact, the island nation has more health-care workers providing health care in foreign countries than all the G8 nations. Cuba is a resource-poor country with insignificant economic growth and limited foreign investment mostly as a result of the American blockade.

The historical conflict with the US did not exactly begin in 1959 after Fidel Castro ousted Batista's government. American overt interests in the island can be traced back to 1823 with the formulation of Monroe's Ripe Fruit Doctrine. In the instructions sent by the then Secretary of State Quincy Adams to the American ambassador in Spain, US plans for Cuba were unambiguously expressed:

It could be taken for a fact that Spanish domination over the American continents, northern and southern, have irrevocably ended. But the islands of Cuba and Porto Rico remain nominally... are natural appendages of the North American continent, and one of them, the isle of Cuba... has become for a number of reasons of the uppermost importance for the political and commercial interests of our Union... the annexation of Cuba to our Federal Republic will be indispensable to the continuation of the Union and its integrity... Cuba, forcibly disjoined from its unnatural connection with Spain and inescapable of self-support, can gravitate only toward the North American Union [15, 23–24].

The rest is history. The United States intervened in the Cuban Independence War in 1898 to protect their interests in the island and “help” the in the struggle against the crumbling Spanish Empire, when the war was practically over. In that way, the more than 400 hundred years Spanish colony became an American neo-colony as a result of which domestic and foreign policy were dictated in English until 1959.

After 1959, as **tumultuous** and **confrontational** could the bilateral relations between the two countries only be described. Among the most important events are the nationalization of all American properties and business in 1960, the failed Bay of Pigs invasion of 1961, and the no-less-outstanding missile crisis of 1962, when the world was on the brink of a nuclear war. At the same time, hundreds of plans to assassinate Fidel Castro and aggressions from the base in Guantanamo, including the killing of young Cuban draftees by American snipers, are also part of the Cuban historical memory.

It cannot be forgotten Cuba was also accused of developing biological weapons in 2002, an action which prompted the island's invitation to ex-president Carter and American scientists to visit all the laboratories in the island without any restrictions. It seemed Bush had the idea to make of Cuba another Afghanistan. In 2006, the Texas ex-governor urged Cubans to work for democratic change after Fidel's obliged retirement for health reasons and transfer of power to his brother Raul, who in 2007 indicated once more he was open to relations with the US without preconditions.

The disintegration of the Soviet Union in 1992 brought with it a bleak future for Cuba. Many in the West, and especially the Miami Cuban community, expected a similar event in the island to the extent that, it is said, hundreds packed their suitcases to return to the land they had left in January 1959. A 1992 *Seattle Times* headline editorial [20] read “Cuba's impending implosion — Castro's economic props are gone; the end is near.”

Morales and Prevost [Ibid., 8] identify these five key variables as the ones defining American-Cuban relations after the disintegration of the Soviet Union in 1992.

- a) The internal Cuban situation after the collapse of the Soviet Union;
- b) Power relations in the US Congress related to Cuba;

- c) Internationalization of the blockade and international resistance against it;
- d) The attitude of the US executive branch and that of various actors inside the American establishment;
- e) Society and economic interests.

It is in this context that in February 2008, Raul Castro officially took over as president. Washington called for free and fair elections, and said its trade “embargo” would remain. On November 4, 2008, Barack Obama was elected US president and a poll in December of that year suggested a majority of Cuban-Americans living in Miami wanted an end to the US embargo against Cuba. In April 2009, President Obama lifted restrictions on family travel and remittances to Cuba. Unfortunately, at the end of the year US citizen Alan Gross was arrested in Cuba, accused of spying for Washington, and jailed for taking internet equipment into the country. At the end of 2011, Cuban agent Rene Gonzalez was freed as scheduled from a Florida jail. Gonzalez was part of the ‘Cuban Five’, who were given long terms sentences in 2001 in the US after being convicted of spying. Havana had repeatedly called for the men to be freed. At the same time, The US again called for the release of Alan Gross. Cuba’s refusal to free him froze relations for months. On September 2012, Cuba suggested it was ready to negotiate with Washington on finding a solution to the Gross case.

4. Today’s Cuban context of situation

Since becoming president, Raul Castro has taken a series of measures with impact in the social, political and economic areas. Among them, the 2013 emigration law and the possibility for Cubans to spend their vacations in national resorts paid in hard currency, the sale of houses and cars among others were decreed. At the same time, some socio-educational programs such as that of social workers, schools working in the countryside in agricultural tasks as well as the every-weekend voluntary work were cancelled. The last congress of the Cuban Communist Party renewed a great percentage of the cadres including the political bureau and approved the guidelines for a new economic model with a strategic vision until 2030 including the authorization for small private businesses. However, neither the 2012 new politics on agriculture that promotes the transfer of the state’s uncultivated lands to private hands as a means to boost food production, nor the 2014 foreign investment law aimed at attracting hard currency, for instance, have yet solved the situation as expected.

In his latest address to National Assembly (the Cuban Parliament) in July 2015, the Cuban president spoke about the challenges still ahead among them the elimination of the dual currency – which affects the real salary of the Cuban worker, the expected GDP growth from 1 % in 2014 to 4 % in 2015 and the drought [4]. He also mentioned severe financial restrictions due to the US blockade still in place despite the establishment of diplomatic relations and the world’s overwhelming opposition on twenty-two occasions. It should also be noticed that Raul Castro more than once has acknowledged the combination of the blockade effects calculated in 116.8 billion US dollars and “our own insufficiencies” as the two main factors affecting Cuban economic performance [3].

5. General features of Obama on Cuba policy changes speech

In 116 sentences with a lexical density of 33.6237, the President of the United States explains ‘his unilateral decision’ to establish diplomatic relations with the Republic of Cuba [16]. The first personal pronoun is repeated twenty-four times and ‘we’, thirty-seven. The policy change was presented as a collective agreement of the administration: *we will end... we will begin to normalize... we intend... we lifted restrictions... we are taking steps... we welcome...* . In other words, made-in-the-White House material and mental processes. Only twice, ‘we’ includes the Cuban government: *we can advance... where we disagree...* . Because this move is part of Obama’s legacy, the many ideas related to his policy change are presented in the first person: *I promised... I have been prepared... I’m now taking steps... I’ve instructed... I believe...* .

In Obama’s speech, the most often repeated concepts in the speech were “democracy”, 4 times; “democracy and human rights”, 3; “empower” always referring to the Cubans, 3; “change”, 11; “freedom” 3; “embargo” and ‘civil society’ 2 times each. However, words out of the environment in which they occur say nothing.

6. Going inside Obama’s speech on Cuba policy changes

The methodology to analyze the chosen clauses is based on Halliday’s Systemic Functional Grammar (SFG). The analysis covers the clause as a message. As such the **Theme** is the point of departure, the element the speaker selects for ‘grounding’ what he is going to say, the **psychological subject (PS)**. The clause as an exchange analysis sees such message as a transaction between the speaker, the **grammatical Subject (GS)**, and listener. The clause as representation entails some process in ongoing human experience; the **Actor** is the active participant and **logical subject (LS)** in the clause [10, 64–280]. Each of the three forms part of a different functional configuration, making up a separate strand in the overall meaning of the clause; each occurs in association with other functions of the same strand of meaning.

Yesterday, I spoke with Raul Castro				to finalize Alan Gross’s release and the exchange of prisoners, and to describe how we will move forward
Theme PS Time adjunct	Rheme			
	Subject GS	Past Finite Positive polarity	Nominal	Purposive clause complex
	Actor LS	Verbal Process	Participant	Circumstance

The message is about what happened the day prior to the announcement. The US president wants his listeners to know he has also been involved in the talks and what

he did that day. However, how the clause is built not only suggests the idea that it was Obama the one who phoned, but also the imperial character of the statement as if he were talking to a vassal: “I am going to do this and you do this” alongside with the Cuban president silence, just listening carefully to the instructions.

The ways in which the following clauses are built also suggest that it is the United States the one who will have the commanding voice in all the normalization process.

First, I've instructed Secretary Kerry		to immediately begin discussions with Cuba to reestablish diplomatic relations that have been severed since January of 1961		
Second, I've instructed Secretary Kerry		to review Cuba's designation as a State Sponsor of Terrorism		
Theme PS	Rheme			
	Subject GS	Perfect finite Positive polarity	Nominal	Purposive clause complex
	Actor LS	Verbal process	Participant	Circumstance
Third, we are taking steps		to increase travel, commerce, and the flow of information to and from Cuba		
Theme PS	Rheme			
	Subject GS	Progressive Finite Positive polarity	Nominal	Purposive clause
	Actor LS	Material Process	Goal	Circumstance

The three clauses above outline what the US government will do to change its policy; this explains why the PS is enumeration grounded. However, the GS and Actor in the first two is the same. This, in the author's opinion, means Obama wants to be seen as decision-maker delegating on others (Sec. Kerry) the fulfillment of his policy. One wonders what was discussed during the two-year talks prior to the announcement. The third clause changes the GS and Actor, which now includes different US bodies including the Departments of Treasury and Justice as well as Congress. The first two actions have already been fulfilled; for the third Obama has had to use presidential powers to put some in effect because of a Republican dominated congress and the labyrinth of laws into which the Cuban question is embedded.

Nevertheless, some of the most interesting aspects of Obama's speech are in the field of discourse. That is, what he talked about and how his key ideas for the change were put into text, the mode of discourse.

Proudly, the United States has supported democracy and human rights through these five decades				
Theme PS Comment adjunct	Rheme			
	Subject GS	Finite perfective Positive polarity	Nominal group	Prepositional time expression
	Actor LS	Material process	Goal	Circumstance

In the above clause Obama justifies US policy towards Cuba in the last five decades. The comment adjunct “proudly” in which such justification is grounded makes of him another accomplice. Obama self-glorifies the US for 50 years of undeclared war against Cuba, but this has had “...little effect. Today, Cuba is still governed by the Castros and the Communist Party...” the negative side of Cuba that justifies the need for a new approach because, “Neither, the American, nor Cuban people are well served by a rigid policy that is rooted in events that took place before most of us were born”. It seems that for him not only the Cuban have been victims but also the Americans. This clause may look like repentance, but is actually a populist one when put together with other ideas in the text.

Democracy and *human rights*, two of the key concepts in Obama’s speech are worth examining because of their real meaning in US politics. On a short explanation of what they mean, Prof. Noam Chomsky asserts *democracy* has the official meaning “of letting people run in their affairs” but also a technical meaning that implies democracy is run by the business classes, especially if these “support US interests; if not, it is not a democracy [6].” Consequently, neither Cuba nor China or Russia, for instance, is a democracy.

The Universal Declaration of Human rights, on the other hand, has been used as a tool to promote civil unrest in Cuba as in other parts of the world. More often than ever before, ‘democracy’ and ‘human rights’ appear as *natural collocations* in American political language and public diplomacy to the extent that they portray the US as the *World Champion* on these two issues. In fact, as Professor Chomsky asserts, “US policy... has sought to destroy human rights, to lower living standards, and to prevent democratization, often with considerable passion and violence (blockades, aggressions, propaganda) [4, 8]” of which Nicaragua is only one example [5]. Overall, the repetition of these two key concepts: ‘democracy’ and ‘human rights’ reflect not only Obama cannot disengage himself from these topoi so standardized in American discourse towards Cuba; but also his ignorance of the Cuban people and its reality, of whom and which visitors to the country are usually shocked by when they confront them with their propaganda-fed image.

At the same time in his speech, Obama takes no responsibility and distances himself from the state of affairs between Cuba and his country, which is logical because he apparently wants to project himself as the image of justice. “I was born in 1961 – just over two years after Fidel Castro took power in Cuba, and just a few months after

the Bay of Pigs invasion, which tried to overthrow the regime.” Nonetheless, the fact he has lifted some restriction since 2009 in no way means the ideological and economic barriers have been eased; rather, they have been raised. For instance, the support for promoting a ‘rapid peaceful transition to democracy, helping develop civil society and human rights activists’ was \$40 million in 2009 and 2010 [13, 147]. Economically, the extraterritorial application of US blockade laws has increased in the form of fines. For instance, in June 2015, the Italian bank Intesa Sanpaolo was fined almost 3 million dollars by the Office for Foreign Assets control (OFAC) for handling 53 transfers to Cuba from 2004 to 2008. On November 8 2015, once more the overwhelming majority of the UN General Assembly (191 countries) voted against the blockade with two notable exceptions: Israel and the US.

In his speech, Mr. Obama identifies several areas where both governments can advance: “health, migration, counterterrorism, drug trafficking, and disaster response.” However, the US president fails to mention other areas such as bilateral commerce, American credits and investment he knows very well are part of Cuban national interests. In other words, the rope around the neck of Cuban economy, the embargo [blockade] is positioned so far away in the text and given so little prominence, that the change Obama offers is not exactly what Cuba needs.

However, a 2009 analysis on the real costs of the embargo asserts such policy is damaging America at least as much as Cuba. America loses approximately between \$1.2 and \$4.155 billion annually, according to estimates carried out by the U.S. Chamber of Commerce and the Cuban Policy Foundation [17]. It is doubtful the present American administration did not analyze the economic pros and cons of approaching Cuba at this specific moment.

We believe that you			should be empowered to live with dignity and self-determination		
Theme PS	Rheme	Clause: Theme	Rheme		
Subject GS	Present finite Positive polarity	Senser	Modality passive	Material process Positive polarity	Purposive clause
Actor LS	Mental process	Phenomenon			

This clause is unmarked; that is, the psychological, grammatical and logical subject is the same. Said by Obama just after, “Today, I am being honest with you. We can never erase the history between us, but...”, the clause addresses unambiguously the Cubans living in the island – a very important part of his audience – and has the implicit promise to do away with all their suffering that is nothing more, from the American point of view, than the government and social system. Furthermore, Obama is trying to represent himself as positively as possible to the Cuban people, as their savior.

The combination of “empower” with another semantically charged word: “change”, repeated three and seven times respectively at different points in the text alongside with their actors lead to similar readings. How these key concepts, participants as agents or objects of change and the processes to be carried out within it allow to infer

that the claim for **change is of method while historical objectives remain the same**. That is clearly stated, “We will end an outdated approach that, for decades, has failed **to advance our interests**, and instead we will begin to normalize relations [to advance our interests, our democracy and our human rights].” The change of method, but not objectives, is also suggested by the repetition of strikingly similar ideas in other parts of the speech.

“But I believe we can do more to support the Cuban people and promote our values **through engagement**”.

“This is fundamentally about freedom and openness, and also expresses my belief in the power of people-to-people engagement”.

“But I am convinced that through a policy of engagement, we can more effectively stand up for our values and help the Cuban people help themselves as they move into the 21st century”.

Engaging the foe’s population is nothing new in politics. Historically, there has always been general agreement within the establishment about the effectiveness of engagement policies in Cuba. Carter and Clinton, just to cite two, did it long before Obama. A *Christian Science Monitor* editorial reports Lee H. Hamilton (D-In.) advising in 1991, “We should also permit travel to Cuba and a wider range of personal exchanges. If we hope to influence change in Cuba, we need to increase our dialogue and engagement with the Cuban people, especially the youth [7].”

When the American president says, “our sanctions on Cuba have denied Cubans access to technology that has empowered individuals around the globe”, the author imagines him thinking, ‘Now we will give access to that technology. It worked in Libya and in all the Arab Spring; why not in Cuba?’ Hence, the policy change seemingly consists of giving the Cubans the means to promote regime change through a ‘color revolution’. This and no other seems to be the message of Obama’s policy change.

7. A very likely future scenario

Hitherto, money to Cuba has flown limitlessly as Obama promised on December 17 2014, “...more resources should be able to reach the Cuban people. So we’re significantly increasing the amount of money that can be sent to Cuba, and removing limits on remittances that support humanitarian projects, the Cuban people, and the emerging Cuban private sector.” In other words, flooding Cuba with dollars seems to be the chosen method to build kind of a social infrastructure. When he refers to the Cuban people, Obama is talking about the ones who receive remittance from the US, roughly a third of the population, and the ‘emerging private sector’ is that part of the population with small profitable businesses, which, at some time in the near future, would like to expand but are still restrained by the actual legislation. At the same time, as a result of the thawing, tourism coming from the USA, specially Cuban Americans, has surged facilitating people-to-people engagement and the flow of information envisioned by Obama. That is, the variables having a direct influence on color revolutions as a particular type of socio-political event: ideology, finance, social infrastructure, training, information, and media [14, 78–86] are all present in

one way or another in Obama's statement and present some stage of development in the Cuban society nowadays.

The development of all these variables has been promoted in Cuba in the last few years. First, the moral and, most of all financial, support of small dissident groups and particular individuals, some even awarded with international awards, is no secret. Many of them have been trained in the US former Office of Interests in Havana in the use of IT technology and are today bloggers and 'independent journalists' who are in charge of the information war against Cuba. Now, as Obama said, the moment to 'empower people' with the use of social media has come. The building of the social infrastructure is the pending task.

According to Korybko [14], the social infrastructure comprises a core, the people and institutions set in to bring about the change; cohorts, people in charge of administrative or recruiting tasks who are the face of the organization; and civilians, the ones who the latter get in touch with. This Russian political analyst asserts:

Civilians may or may not enter into the Physical Infrastructure (i. e. participate in marches of solidarity with the Color Revolution), but when they do, they provide a valuable soft power advantage. Media footage of thousands of civilians partaking in a Color Revolution rally may influence other civilians to also take part in such activities. As with the Cohorts, a single Civilian is a pawn, but large amounts of them are a 'weapon' [Ibid., 84].

Though it may look like science fiction, in Obama's mind the social infrastructure may well be composed by a core (dissident groups), cohorts (the emerging private sector) and civilians (those connected to the private sector, have never wanted to work with the government, and many others who, for some money, will join the group. In other words, the US government seems to be working to strengthen an already existing social class to subvert the present social order from within. In other words, Obama's policy change is aimed at achieving the same historical objectives, 'the Cuban disease' but this time, with a fifth generation antibiotic.

The likelihood of a US-led 'color revolution' hypothesis may be reinforced by the idea that the Cuban president has announced his retirement will take place in March 2018. Due to the advanced age of the core of the government, the Revolution Generation, the future replacement is unlikely to follow confrontation politics with the US. At the same time, a new constitution or changes in the existing one are also expected and, with it, limits in the period to be at the head of the government and the impossibility to hold two government posts among others. Besides, the island's socioeconomic situation (low salaries, dual currency and poor economic performance) at one time or another will increase the demand, fueled from outside, for some type of accommodation in the social contract. Thereby, American historical objectives in the Pearl of the Antilles, as Cuba is also called, may be achieved by a combination of internal contradictions between the mode of production and the productive forces, the objective side of the conflict, that once matured could be sparked by subjective factors (discontent, ideologically-focused propaganda) funded from the United States. It seems the American government has been studying Historical Materialism.

At the time of publishing this paper, Obama became the second president in office and the first to have visited Cuba in eighty-eight years. The joint press conference with Raul Castro as well as his public speech given in a crowded theater where Castro and other government officials were present, elicited different reactions. The official press has inferred and, since the very moment of his departure, warned about a hidden American agenda to disrupt the existing order. Alternative mass media, on the contrary, has reflected the positive impact Obama's visit and words have had on ordinary Cubans.

8. Conclusions

From the CDA point of view, Obama's Cuba policy changes speech revolves around the same old Washington topoi: the lack of democracy and human rights in the island. The new policy, as envisioned by the present administration, is to bring about the desired changes through the empowerment of the incipient private sector and engagement with the population planting the seeds for a regime change, apparently, through soft power methods. Consequently, the move is neither obscure nor *na ve* as Cuban-American congressional representatives have been vociferating since December 2014; at the same time, it by no means endangers the future of 'democracy' in the region for it is the answer claimed by all Latin American countries, a region the US considers its backyard and wants to keep as calm as possible. Finally yet importantly, a friendly Cuba may also serve as a trustful mediator between conflicting parties as it has shown in the Colombian case. The route map conceived in Washington, and revealed by how the ideas were put into text, apparently, consists of a one-lane road where neither the people nor the Cuban government will have much to decide in the one-sided relations that America wants to impose. In other words, the new policy is neither friendly nor sincere.

Unarguably positive though the Cuban-American approach may seem, too many expectations have been raised to the extent that many think the end of the problems in the island has started. However, the very nature of those problems as well as what is tacitly offered in Obama's speech point to more ideological and cultural confrontation. The Cuban government knows this. How they will accommodate and take advantage of the new situation to advance the Cuban society wisely solving the internal situation is probably the biggest unprecedented political challenge it has ever faced.

---

1. BBC World News. Obama hails 'new chapter' in US-Cuba ties [Electronic resource]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-30516740> (accessed: 20.04.2016).

2. *Castro R.* Speech to the national assembly, July 23, 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.cubaminrex.cu/es/discurso-pronunciado-por-el-general-de-ejercito-raul-castro-ruz-primer-secretario-del-comite-central> (accessed: 20.04.2016).

3. *Castro R.* Speech to the national assembly, July 15, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.cubadebate.cu/noticias/2015/07/15/raul-castro-se-ha-revertido-la-tendencia-a-la-desaceleracion-de-la-economia-cubana-fotos-y-video/> (accessed: 20.04.2016).

4. *Chomsky N.* Turning the tide. US intervention in Central America and the struggle for peace. Boston, 1985.

5. Chomsky N. Deterring democracy. L., 1991.
6. Chomsky N. The real meaning of democracy [Electronic resource]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=w4dMV65UEms> (accessed: 20.04.2016).
7. Christian Science Monitor. Through peaceful means we can help ease Castro out. Editorial. 1991. Oct. 10.
8. Dijk T. A. van. Aims of Critical Discourse Analysis. Japanese Discourse. 1995. Vol. 1(17–27).
9. Fairclough N. (1996). Language and power. 10th Ed. N. Y., 1996.
10. Halliday M. A. K., Mathiessen Ch. An introduction to functional grammar. 3rd Edition. L., 2004.
11. Horváth J. Critical discourse analysis of Obama's political discourse. 2011 [Electronic resource]. URL: http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Ferencik2/pdf_doc/6.pdf (accessed: 20.04.2016).
12. Hrnjaz M., Krstic M. Obama's dual discourse on American exceptionalism. 2015.
13. International Business Publications. USA. Cuba: Foreign policy Guide, 2011. Vol. 1: Strategic information and development.
14. Korybko A. Hybrid wars. The indirect adaptive approach to regime change. M., 2015.
15. Morales E., Prevost G. United States-Cuban Relations. A critical history. N. Y., 2008.
16. Obama B. On Cuba policy changes [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/12/17/statement-president-cuba-policy-changes> (accessed: 20.04.2016).
17. Pepper M. The costs of the embargo. In Dollar & Sense. 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.dollarsandsense.org/archives/2009/0309pepper.html> (accessed: 20.04.2016).
18. Real Clear Politics. Marcos Rubio on Cuba deal "Obama the worst negotiator since Carter" [Electronic resource]. URL: http://www.realclearpolitics.com/video/2014/12/17/marco_rubio_on_cuba_deal_obama_the_worst_negotiator_since_carter.html (accessed: 20.04.2016).
19. Sarfo E., Agyeiwaa E. Language at war: a critical discourse analysis of speeches of Bush and Obama on terrorism. International J. Soc. Sci. & Education. 2013. Vol. 3(2). P. 378–390.
20. Seattle Times: Seattle, WA. March 4. 1992. P. A10.
21. Sputnik International. War Waged Against Russia Now Being Waged Against China — Russian ex-Spy [Electronic resource]. URL: <http://sputniknews.com/politics/20150906/1026663159/russia-china-geopolitics-forecast.html> (accessed: 20.04.2016).
22. Wang, J. A critical discourse analysis of Obama's speeches. Language Teaching and Research. (2010). Vol. 1, № 3. P. 254–261.

Рукопись поступила в редакцию 3 июня 2016 г.

Р. Ф. Фортеса Фернандес

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ В ЗАЯВЛЕНИИ Б. ОБАМЫ: ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КУБЫ

В статье анализируются основные концепты в речи президента США, прозвучавшей в декабре 2014 г. и ставшей толчком для повторного установления отношений США с Кубой. Методологической основой исследования является критический дискурс-анализ. Автор приходит к выводу, что слова Б. Обамы отражают изменение политики США в отношении Кубы, но представляют собой односторонний монолог, где не обращается внимание на потребности и надежды, существующие на острове, что проявляется в пренебрежении и замалчивании важных кубинских национальных интересов. При погружении в различные геополитические контексты выясняется, что речь президента США строится вокруг одних и тех же аргументов, которые США использовали в течение более пятидесяти лет. Несмотря на изменившуюся ситуацию

не только в Латинской Америке, но и во всем мире, США предсказывают сценарий изменений на Кубе для достижения тех же целей, что и в прошлом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Обама, Куба, политика, изменения, демократия, права человека, расширение прав и возможностей, цветная революция.

После двух лет секретных переговоров 17 декабря 2014 г. президенты Кубы и Соединенных Штатов Америки — Рауль Кастро и Барак Обама — в своих заявлениях анонсировали восстановление дипломатических отношений между двумя странами, разорванных Д. Эйзенхауэром в начале 1960-х гг. В разных странах это событие было воспринято как эпохальное не только для Кубы и США, но и для всего мира. Однако члены Конгресса США кубинского происхождения М. Рубио, И. Росс-Летинен и Т. Круз, среди прочих членов республиканской партии, сочли движение по восстановлению дипотношений контрпродуктивным. М. Рубио заявил, что внешняя политика президента наивна и ставит под вопрос будущее демократии в регионе. Но действительно ли внешняя политика Соединенных Штатов так неясна и подвергает опасности будущее демократии в Латинской Америке?

В данной статье автор постарается ответить на поставленный выше вопрос, проанализировав с помощью критико-дискурсивного анализа речь Б. Обамы об изменении политики в отношении Кубы. В методологическом плане автор опирается на одно из ключевых положений критико-дискурсивного анализа, а именно, что идеология, будучи связанной с языком, всегда прослеживается в текстах. С этой точки зрения выступление президента США об изменениях политики в отношении Кубы прежде всего должно быть прочитано в рамках контекста огромных геополитических изменений в глобальном масштабе.

Начиная с 1959 г., после того как с Кубы было изгнано правительство Батисты, конфронтация между Кубой и США только нарастала. Свообразными вехами этой конфронтации стали такие события, как национализация всей американской собственности и бизнеса на Кубе в 1960 г., неудавшееся вторжение американцев в Залив Свиней в 1961 г. и грандиозный Карибский кризис 1962 г., когда мир был на грани ядерной войны.

Среди множества сегодняшних событий, которые влияют на ситуацию в Латинской Америке, необходимо отметить повышение экономической мощи Китая, союз Китая и России в Шанхайской группе, основанной в 2001 г., Евразийский экономический союз. Эти явления ставят под вопрос политическую, экономическую и военную гегемонию США в регионе.

Уже в самом начале своего президентства Рауль Кастро принял серию мер по изменению в социальной, политической и экономической сферах. Однако, например, ни новая, 2012 г., политика в сельском хозяйстве, которая способствовала передаче невозделанных государственных земель в частные руки, ни закон об иностранных инвестициях 2014 г., нацеленный на привлечение твердой валюты, не улучшили, как ожидалось, сложную экономическую ситуацию.

Сам факт, что начиная с 2009 г. некоторые санкции США по отношению к Кубе были отменены, никоим образом не означает, что идеологические и экономические

барьеры между двумя странами были ослаблены. Например, по официальным данным, на поддержку «быстрого мирного перехода к демократии и помощь в развитии гражданского общества на Кубе» США было выделено 40 млн долларов в 2009 и 2010 гг. Но с этого же времени применение американских законов о блокаде, наоборот, ужесточилось за счет увеличения штрафов, налагаемых, например, за экономические операции с островом. Так, в июне 2015 г. итальянский банк Intesa Sanpaolo был оштрафован почти на 3 млн долларов Ведомством по контролю за иностранными активами (ОФАС) за 53 доказанных перевода денег на счета на Кубе с 2004 по 2008 г. 8 ноября 2015 г. на Генеральной Ассамблее ООН 191 страна (что составляет подавляющее большинство) проголосовала за снятие экономического эмбарго с острова. Исключение составили два голоса, принадлежавшие Израилю и США.

Идеи цветных революций внедрялись на Кубе в последние несколько лет через моральную и финансовую поддержку малочисленных диссидентских групп и отдельных активистов. Многие из них были обучены в бывшем американском «офисе интересов» в Гаване использованию IT-технологий и являются сегодня блоггерами и «независимыми журналистами», которые отвечают за информационную войну против Кубы. Сейчас, как сказал Обама, наступил момент, чтобы предоставить людям возможности изменить свою жизнь с помощью социальных медиа. Кубинский президент Р. Кастро объявил о своем уходе на пенсию в марте 2018 г. «Поколение революции» сменяется новым поколением, владеющим новыми технологиями и использующим социальные сети.

«Демократия» и «права человека» — два этих ключевых понятия в речи Обамы стоит пристально рассмотреть из-за их реального значения в американской политике. Профессор Н. Хомский утверждает, что ключевое значение демократии заключается в том, чтобы «позволить людям совершать их дела», но есть также и другое значение, которое подразумевает, что демократией управляют бизнес-классы, особенно если они поддерживают американские интересы. В противном случае все деяния рассматриваются США как недемократические. С этой точки зрения ни Куба, ни Китай, ни Россия не являются странами с развитой демократией. Понятия «демократия» и «права человека» столь часто используются американской властью, что начинают восприниматься как естественные словосочетания в американском политическом дискурсе.

Автор приходит к выводу, что с точки зрения критико-дискурсивного анализа заявление Б. Обамы об изменении политики США в отношении Кубы строится вокруг тех же тем, что и последние пятьдесят с лишним лет: отсутствие демократии и нарушение прав человека на острове. Новая политика, как предполагается нынешним американским правительством, состоит в том, чтобы вызвать желаемые изменения посредством расширения возможностей зарождающегося частного сектора, действуя методами мягкой силы. Следовательно, изменение политики США в отношении Кубы не является ни неясным, ни наивным, как об этом заявляют кубинско-американские представители Конгресса начиная с декабря 2014 г. Это изменение никоим образом не подвергает опасности будущее «демократии» в латиноамериканском регионе, который до сих пор

рассматривается США как «задний двор», ситуацию на котором необходимо сохранять как можно более спокойной. Важно и то, что дружественная США Куба может служить посредником между конфликтующими сторонами, как это произошло в случае с Колумбией.

Однако, несмотря на то что восстановление дипломатических отношений между двумя странами многими было воспринято как начало решения экономических и социальных проблем на острове, критико-дискурсивный анализ заявления президента США позволил выявить сохраняющуюся идеологическую и культурную конфронтацию. Как кубинское правительство воспользуется новой ситуацией для решения внутренних проблем страны, является, вероятно, самым беспрецедентным политическим вызовом, с которым оно когда-либо сталкивалось.

УДК 2-184.2 + 316.74:2 + 159.922

О. В. Здоровцева

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ И ПРОЦЕСС РЕЛИГИОЗНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ

Статья посвящена проблеме секуляризации общественного и индивидуального сознания россиян. Актуальность статьи обусловлена насущной необходимостью выявления внутренних причин религиозного кризиса современной России, поскольку в исследовательской литературе по проблеме указываются в основном его внешние причины. Объект исследования — современное российское общество в части, идентифицирующей себя по религиозному признаку как православные христиане. Предмет исследования — религиозное состояние современного российского общества. При написании статьи использовались методы анализа статистических данных, сравнения, метод логических обобщений. В статье на примере православных христиан как наибольшей конфессиональной группы показаны признаки секулярности сознания россиян и специфика ее проявления в России. Проведенное исследование позволяет автору утверждать, что секуляризация сознания является фактором, препятствующим процессу религиозного возрождения России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: российское общество, секуляризация сознания, религиозное возрождение.

Религиозная ситуация в современном российском обществе характеризуется как духовно-нравственный кризис. Наше общество постепенно «раскультурируется», уровень духовности и нравственности падает. Слова ап. Павла о том, что люди стали «развращенные умом, невежды в вере» (Тим., 3, 8), «более сластолюбивы, нежели боголюбивы» (Тим., 3, 4–5), как нельзя более подходят к россиянам XXI в.

В связи с этим можно подвергнуть сомнению широко распространенную точку зрения о произошедшем религиозном возрождении России, уже не первое десятилетие существующую в постсоветском пространстве. Внешнее «телевизионное» и «статистическое» православие прикрывает глубокую внутреннюю трагедию человеческого духа, которая стала возможна вследствие многовекового процесса обмирщения как индивидуального, так и общественного сознания россиян. И задумываться над этой проблемой не торопятся не только «рядовые» граждане,

причисляющие себя к православным, так называемые «миряне», но и православные священнослужители, многие из которых до сих пор обвиняют во «всех бедах» советский тоталитарный режим. По словам известного богослова прот. А. Шмемана, «трагизм православной истории видят всегда в торжестве внешнего зла: преследований, турецкого ига, измены интеллигенции, большевизма. Никогда — во “внутри”. И пока это так, то, по моему убеждению, никакое возрождение Православия невозможно» [15]. Эту мысль, на мой взгляд, справедливо можно отнести к российскому обществу и «русскому» православию.

Цель статьи — показать, что секуляризация индивидуального и общественного сознания россиян является внутренней причиной духовно-нравственного кризиса в российском обществе и фактором, препятствующим процессу религиозного возрождения России. В этом ее новизна, поскольку в исследовательской литературе по проблеме указываются в основном внешние причины названного кризиса.

Задачи статьи:

- 1) показать признаки секулярности сознания населения России на примере православных христиан как наибольшей конфессиональной группы;
- 2) показать специфику проявления секуляризации сознания православных христиан в современной России.

Современное российское общество секулярно так же, как большинство западных обществ развитых государств. Причины секуляризации во всем цивилизованном христианском мире обычно видят в исторических процессах, различных в западных и восточных странах. Общепринято объяснять секуляризацию так: религия в ходе общественно-исторических процессов была вытеснена в частную сферу из общественной, и личность стала секулярной вслед за обществом.

Однако, если посмотреть на проблему секуляризации с точки зрения христианского богословия, то выясняется, что человек Нового, а затем и Новейшего времени перестал осознавать религиозную веру как насущную необходимость для полноты своего бытия, которое онтологическим основанием имеет Бога, она ушла в бессознательное.

Секуляризация сознания характеризуется наличием ряда определенных признаков. В России они те же, что и на Западе.

1. Потеря чувства Бога

Потеря чувства Бога связана с утратой религиозной веры. «В существование Бога верит 53 % россиян... 25 % верит в существование неких неопределенных высших сил... 16 % не верит ни в то ни в другое» [2]; 7 % считают любую религию предрассудком [Там же]. В качестве национальной традиции, веры предков религию рассматривают 39 % наших соотечественников [Там же]. При этом 79 % [8] причисляют себя к православным, но из них «около 80 % не ходят к причастию; 55 % не посещают церковные службы; 90 % не принимают участия в церковной жизни; полностью соблюдают пост — 2 % (частично — 9 %); знают все 10 заповедей — около 4 %; наконец, значительная часть православных (около 30 %) вообще не верит в Бога, как его описывает христианская религия» [2].

Очевидно, что подавляющее большинство россиян причисляют себя к православию без веры, а это несовместимо с принадлежностью к церкви.

Феномен потери чувства Бога усугубил проблему восприятия современным человеком себя и окружающего мира.

2. Отрицание сакраментальности мира и человека

«Современный секулярист... подчеркнуто отрицательно относится... к сакраментальности человека и мира... считает, что мир в себе самом содержит свой смысл и принципы познания и действия» [14].

Суть секулярного восприятия бытия заключается в разделении профанного и сакрального — мира и Бога: «дихотомия “естественное — сверхъестественное” в наши дни стала основой христианской мысли и опыта» [Там же]. Принимая отношение к миру, которое десакрализует его, человек перестает верить в то, что открыло о Боге христианство: в Воплощение Слова Божия, чудеса Божии, таинства. Если человек перестает видеть мир глазами веры, то он лишает «священного измерения то, что Бог сотворил священным» [10]. В результате материальный мир воспринимается, в том числе и христианами, как некая законченная и самодостаточная форма, за гранью которой нечего больше искать. Такое восприятие мира ведет к отрицанию его способности к общению с Создателем, преобразению, а следовательно, к утрате связи между религией и жизнью.

Среди российских христиан это проявляется, в частности, в магизме: «сакраментальность везде подменена сакральностью, а откровение (epiphany) — почти магическим вмешательством “сверхъестественного” во время и вещество (“естественного”)» [14]. В качестве примера магизма о. А. Шмеман приводит повсеместно распространенное (и не только в России) понимание освящения воды как некоего «превращения» ее из обычного вещества в необычное, «святое». Подобным образом магически воспринимаются и таинства церкви: не как соединяющие с Богом человека и освящающие его земную жизнь и смерть, а как средства, подающие здоровье и благополучие. Опасность магизма в том, что человека уже интересует не Христос и жизнь с Ним, а получение от Него земных материальных благ. Это уже «христианство без Христа». Современный россиянин такой же индивидуалист и привержен идеологии потребления, как и секулярный европеец.

Неудивительно, что мир не воспринимается современными православными христианами в России как средство Богопознания и Богообщения, а церковь не видится помощницей на этом пути.

3. Инструментализация церкви

В наше время инструментализация церкви сопряжена с протестантским восприятием христианской жизни (пришедшим к нам вместе с западными проповедниками в начале 90-х гг. XX в.) как некоей «церковной деятельности», которая заключается в оказании дел милосердия, взаимопомощи членам общины и иной так называемой «общественной работе», позволяющей доказать *полезность* церкви

для мира и оправдать ее существование как религиозной организации. Между тем у «Церкви только две задачи: быть причастием Духу Святому и являемому и даруемому Им Царству будущего века, свидетельствовать об этом перед “миром сим”» [14].

Результаты опроса «Образ Русской православной церкви», проведенного в 2013 г. социологической службой «Среда», показали «сдвиг в сторону социальной деятельности и внелитургической практики в восприятии Церкви в ущерб литургической и мистической составляющей... Церковь видится полезной, помогающей, аскетичной, открытой, но без иерархии и духовной жизни» [13]. Из 22 предложенных имеющихся и желаемых характеристик РПЦ только 5 % респондентов видят в церкви духовную мистическую жизнь и всего 8 % беспокоятся о согласованности и сплоченности членов церкви; наибольшее количество опрошенных характеризует РПЦ со стороны «скромности (23 %), открытости (31 %) и помощи людям (38 %)» [Там же]. При этом 68,5 % православных не участвуют в жизни своих религиозных общин [12], а в качестве источника нравственных норм церковь видят лишь 3,8 % россиян [2].

4. Незрелость духовной жизни верующих. «Поверхностная» религиозность

Здесь следует отметить, что духовная жизнь в первую очередь связана со знанием и пониманием догматов вероисповедания. Без этого ни представление о ней, ни попытки ее вести невозможны в принципе. В России же никогда не читали Евангелие и другие библейские тексты 62 % населения, читали, но давно — 17 %, иногда читают — 8 %, регулярно читают — 1 % [5].

Количество православных христиан, *постоянно* участвующих в «религиозных практиках», иначе — живущих церковной жизнью, за последние 25 лет в России не изменилось: их всего 3–4 % [8]. Российский социолог Ю. Ю. Синелина считала, что это религиозное «ядро» можно расширить до 10 %. Если добавить сюда приводимые ею еще 30 % [12] тех, кто участвует в религиозных таинствах и обрядах нерегулярно, то мы получим ту же цифру, которую в 2012 г. предложил фонд «Общественное мнение», составив «Атлас религий и национальностей России»: около 40 %, относящих себя к православным. Это те, кто более-менее имеют представление о религиозных практиках своей веры и с различной периодичностью принимают в них участие — от одного раза в неделю до одного раза в год и реже.

Наиболее известные православные праздники — Рождество и Пасха — на протяжении всего периода с конца 90-х до наших дней собирают, практически без изменений, лишь около 4–5 % населения нашей страны [3].

Многие россияне воспринимают церковь как Масленицу, Красную горку, Яблочный Спас, а духовную жизнь — как участие в богослужениях и обрядах, церковных праздниках, соблюдении уставных предписаний. Но это не духовная жизнь, это «церковность», которая в интерпретации секулярного сознания современного человека «порабощает, сужает, обедняет. Человек начинает интересоваться “старым” и “новым” стилем, епископскими склоками или же всяческой

елейностью. И духовность он начинает воспринимать как необходимость читать... всякие брошюры о чудесах и чудотворных иконах... все время болтать на религиозные темы... Вместо того чтобы по-новому принять самого себя и свою жизнь, он считает своим долгом натягивать на себя какой-то безличный, закопченный, постным маслом пропахший камзол так называемого “благочестия”... не понимая, что смысл религии только в том, чтобы “все это” наполнить светом, “отнести” к Богу, сделать общением с Богом» [15].

Среди российских православных под духовной борьбой подразумеваются вполне социальные вещи, окрашенные в цвета церковной традиции, суть христианского делания остается невостребованной.

5. Самоидентификация православных при отсутствии религиозного мировоззрения и соответствующего ему образа жизни

Поклонение «по определению и в жизни (by definition & act) — это реальность с космическим, историческим и эсхатологическим измерениями, и, следовательно, оно является выражением не только чистого благочестия, но и всеохватывающего мировоззрения» [14].

Согласно социологическому опросу 2011 г. лишь 28 % православных назвали религию очень важной в своей жизни, как «довольно важную» ее определили 46 % [12].

«Только 18,2 % россиян хотели бы, чтобы церковь серьезно влияла на общество и государство, в то время как 29 % придерживаются мнения, что церковь должна ограничиться исключительно религиозно-обрядовой сферой; еще 47,4 % считают, что церковь и религия должны оказывать активное влияние на “духовную жизнь”; 42,9 % считают, что к моральным требованиям православия следует относиться выборочно, поскольку некоторые из них неприемлемы для современного человека, а 15,7 % вообще считают, что нравственные нормы РПЦ безнадежно устарели (полностью согласны с моральными требованиями православия только 33 %)» [2].

Показатели, характеризующие уровень религиозного сознания и мировоззрения россиян, «остаются невысокими... значительная часть респондентов, считающих себя верующими, на самом деле плохо представляют себе то, во что верят, и вера мало влияет на их жизненные цели и установки» [12].

Более того, религия вообще ассоциируется с одной из множества идей, придающих жизни смысл и нравственные ориентиры. При этом в ситуации плюрализма различных жизненных установок, которые предлагает человеку постмодерн, истинность и ценность религии по сравнению с другими «нравственными скрепами» (философскими, идеологическими) ставится под сомнение.

6. Восприятие религии как идеологии

В условиях российской действительности этот феномен проявляется как со стороны государства, так и со стороны социума. «Правящая партия делает ставку на православие, стремится наделить эту русскую религию функцией совокупного носителя национальной идеологии... православие хотят превратить

в симулякр массовой “гражданской религии”» [11, 38], поскольку она видится партнером государства в вопросах нравственного воспитания граждан, сплочения нации в условиях духовно-нравственного кризиса.

С другой стороны, в России имеют место антиклерикальные настроения в обществе со стороны групп лиц, воспринимающих религию как идеологическую установку. Атеисты, представители научной общественности пытаются воспрепятствовать сотрудничеству государства с церковью в области образования, воспитания, информационно-просветительской деятельности, усматривая в этом предоставление религии, и православия в частности, преимущества по сравнению с наукой и нарушение закона о свободе совести. Наиболее яркие примеры: «письмо 10 академиков» 2007 г., проблема кафедры теологии МИФИ 2012 г., обращение к президенту председателя фонда «Здравомыслие» А. К. Журавского 2012 г., «письмо 90 академиков» 2013 г., объединенные одной тематикой — опасением «навязывания» населению религиозного мировоззрения через образовательную и информационную сферы по аналогии с навязыванием господствовавшей прежде материалистической идеологии: «Граждане, исповедующие выбранную ими религию... не имеют права принуждать к этому лиц с другим мировоззрением — ни прямо, ни косвенно, через получение государственных преференций» [6].

Добавим к этому такие данные. Доверие к РПЦ проявляют 67 % россиян, но при этом 54 % считают, что православие должно оставаться одной из четырех традиционных для России религий, наряду с католицизмом, исламом и иудаизмом, не выделяясь в религию государственную [5].

Приблизительно треть опрошенных в 2013 г. (27 %) российских граждан не знали имени патриарха Кирилла, 37 % не выказали никаких положительных эмоций при упоминании его имени [2].

Таким образом, в сознании православных христиан, как и россиян в целом, в наши дни обнаруживается фундаментальная секуляризация, т. е. непонимание и неприятие религиозного смысла христианства.

Однако для российского секулярного общества характерна своя специфика проявления секуляризации сознания, присущая ему вследствие исторических особенностей процесса секуляризации на протяжении XX столетия, каковыми были наличие фактического подавления религии и религиозности: институционального, административного, уголовного, психиатрического и психологического; нарушение права на свободу вероисповедания; секуляризация религиозного сознания «легитимных» верующих (в том смысле, что оно оказалось «отрезано» от всех сфер общественной жизни); реинтерпретация роли религии в истории; десакрализация искусства; замалчивание или критика религиозно-философской и богословской традиций.

В результате этого в России оказалась прервана традиция веры, и за долгий период советской секуляризации сложилась традиция антирелигиозного воспитания и образования. Именно антирелигиозного, а не просто безрелигиозного (светского), как на секулярном Западе (где светское государственное образование не было направлено *против* религии и не исключало религиозного образования и воспитания как такового). Отход большинства населения страны от православной

традиции по истечении первых двух десятилетий советской власти способствовал заполнению образовавшегося в умах и душах наших соотечественников «духовного вакуума» марксистской идеологией. Это привело к формированию антирелигиозного материалистического мировоззрения как господствующего не только на уровне государственном, общественном, но и на уровне личностном. Вследствие этого в настоящее время в России остался лишь очень тонкий слой верующих в нескольких поколениях и практически полностью отсутствуют целые массовые социальные слои населения, которые исторически считают себя верующими во многих поколениях, регулярно посещают церкви и воспринимают передачу религиозных знаний и опыта подрастающему поколению как насущную необходимость. Это породило следующие явления в российском социуме.

Во-первых, феномен «боязни веры» и отсутствие культуры разговора о вере и религии в обществе. Несмотря на то что за последние 25 лет религиозная тематика, в том числе и православная, получила довольно-таки широкую гласность в средствах массовой информации (появились соответствующие радио- и телестанции и каналы, передачи, художественные и документальные фильмы, объем православного Рунета к 2011 г. достиг 5000 сайтов [7, 171]), обсуждение вопросов, касающихся веры и религии, в повседневной жизни — на работе, в общественных учреждениях и даже в быту (вне рамок образовательных программ церковных и государственных учебных заведений, храмов) — до сих пор считается исключением из правила. Это воспринимается как «навязывание» другим своего мнения, фанатизм, фундаментализм (что угодно, но не как норма) и находится под негласным «табу». Все «боятся всех»: боятся нарушить «свободу совести», попасть под влияние «чуждой идеологии», боятся оказаться в немилости у начальства и т. п. При этом во многих учреждениях, в торговых точках (магазины, рынки) сейчас можно увидеть православные иконы, используемые как предметы культа. Свидетельство об исповедании православия в повседневной жизни и быту в современной России — это в основном безмолвное свидетельство. Это результат почти столетней антирелигиозной идеологии.

Во-вторых, отсутствие массового религиозного семейного воспитания и последовательного религиозного образования. О первом свидетельствует то, что среди состоящих в браке лиц христианских конфессий России на 2012 г. 88 % не были венчаны в церкви, а 61 % не считают венчание обязательным при заключении брака [5]. В последние 25 лет в России число разводов выросло на 15 %, а число браков уменьшилось на 8 % (по данным Росстата на 2012 г. по сравнению с 1990 г.) [4]. Аборты в нашей стране ежегодно не дают родиться около 800 тыс. детей (за 2012 г. число аборт составило 429 на 1000 родов, что в 2 раза больше, чем в Западной Европе) [1].

Основы православной веры преподаются в России в воскресных школах, но численность этих школ по стране составляет немногим более 10 тыс. [9]. В 2010 г. лишь 20 % российских граждан заявили, что курс «Основы религиозных культур и светской этики» в составе школьной программы должен быть обязательным, 54 % видели его как факультативный, а 37 % и вовсе не посчитали необходимым воспитывать детей на основе традиционной для России религии [5].

Взрослые россияне, желающие получить религиозное образование, долгое время могли сделать это только в семинариях и духовных академиях. Но программы данных учебных заведений, как известно, рассчитаны на подготовку священно- и церковнослужителей, а не на широкий круг слушателей. В связи с этим в начале 2000-х гг. при православных храмах стали организовываться различные катехизаторские курсы для мирян, которые сейчас действуют практически во всех приходах РПЦ в России. С 2000 г. в отдельных государственных высших учебных заведениях появилась специальность «теология» (приказ Министерства образования РФ № 686 от 02.03.2000), на сегодняшний день таких вузов по стране всего 50. В большинстве европейских стран теология давным-давно входит в круг гуманитарных дисциплин. В России она признана Высшей аттестационной комиссией (ВАК) полноправной вузовской дисциплиной только в 2013 г.

В-третьих, *утрата института духовничества как инструмента правильной реализации религиозных убеждений в жизни*. Для того чтобы последовательно вести духовную жизнь в целях нравственного самосовершенствования, необходима помощь духовно опытного лица, каковым в христианской церкви призван быть священнослужитель. Духовничество — это своего рода педагогика. Цель ее — научить человека жить с Богом, строить жизнь по Евангелию, чтобы человек стал взрослым, целостным. Причем научить делать это самостоятельно и сознательно.

Подавляющее большинство современных православных христиан в России, даже наиболее воцерковленных, — это вновь пришедшие, те, чьи родители, а быть может и бабушки и дедушки, в храм не ходили и никогда не говорили детям о вере либо были настроены против религии и веры. Среди них не только миряне, но и священнослужители. Иными словами, Российская православная церковь сейчас в основном состоит из «язычников», заново открывающих для себя традицию предков, от которой они оказались «отрезанными» двумя-тремя поколениями.

Казалось бы, в этом есть и плюс: новички могут познакомиться с православным христианством, которое должно было бы «очиститься» от того наносного и ложного, что в свое время привело к отходу от традиции и «ломке» церкви в России — от внешней обрядности, формализма, различных народных обычаев, некритически сохраненных от язычества, которые тесно переплелись с православием. Но в годы насильственной секуляризации Русская церковь сохранила себя такой, какой была на момент революции, «законсервировав» вместе с незыблемыми догматами христианства «непоколебимые» глыбы «уставщичества» [15]. «Революция была обвалом России и также обвалом Церкви. И вот впечатление такое... что из этого обвала никаких выводов сделано не было, или, вернее, он только укрепил каждую установку — кто в чем увидел спасение, но каждый в чем-то “прошлом”: в уставе, во власти, в “юродивых”, в “иконе”, в “духовности”, в “старообрядчестве”... Да, сотни, десятки тысяч мучеников, вдохновляющее мужество — и опять впечатление такое, что это ничего не изменило в “самосознании” Церкви... Изумительные иподиаконы и рядом — всевозможные апокалиптики... Либо рабы, либо бунтари...», одного «как будто, нет в историческом Православии: свободы поклонения “в Духе и Истине» [Там же].

В современной России большинство священников — в возрасте до 40–50 лет (средний возраст их сейчас значительно снизился); несмотря на прекрасное образование, ум и способности, они еще не в состоянии «руководить» мирянами в христианской жизни, поскольку так же, как и вверенные им подопечные, вошли в «христианство» только «вчера». Они, несомненно, более сознательно и последовательно, в отличие от мирян, пытаются быть христианами на деле, а не на словах. Но у них за плечами то же самое «советское» безрелигиозное детство, а у более молодых — детство времен 90-х, самого трудного по «безыдейности», «безыдеологичности» и безнравственности для России времени. Все, что они могут, это «объяснить, как должно», передать вероучение, но *не научить жить* по-христиански, потому, что они сами этому учатся. Добавим к этому вышесказанное о церковном самосознании, укорененном в обрядности, форме, и станет понятно, почему в большинстве своем наши духовники не мастера своего дела.

В результате мы имеем ситуацию, которую наблюдал прот. А. Шмеман еще в конце XX в. среди западных православных христиан: «Больная религиозность. И все эти побеги — кто в Византию, кто в “Добротолюбие”, кто на остров Патмос, кто в иконы... Православие сейчас — это что-то вроде супермаркета. Каждый выбирает, что хочет: эпоху, стиль, identification. Невозможность быть самим собой. Все “стилизованно” — при отсутствии стиля, который всегда создает единство... А вся историческая чешуя привлекает и принимается с восторгом... Любовь к прошлому всегда ведет к идолопоклонству, а только этим прошлым или, вернее, множеством “прошлых” православные часто живут. В них прочно сидит старообрядец» [15]. В российских православных храмах сейчас вряд ли найдется с десятков лиц, кого не коснулись названные «перекося» обрядового, «исторического», какого угодно «православия», порой далекого от подлинного христианства.

Примечательно, что за 10 лет до начавшейся в 90-х гг. XX столетия в России перестройки прот. А. Шмеман писал, предвосхищая время: «“Спор о России”. Мы хотим свободы, но... сложнее обстоит дело с положительной программой этого течения... Здесь нет ни ясности, ни согласия, ни... убедительного образа... Народ как соборная личность. “Духовные запросы”... Все это увенчивается ссылкой на “религиозное” и “христианское” вдохновение этого идеала. Но при этом ни у кого из... идеологов “христианской” России не замечается никакого интереса к сущности христианства, кроме как пронизанности русского “национального быта” христианскими символами и обычаями. России нужно Православие — но... нам не нужно богословских умствований... и в этом, может быть, самое страшное» [Там же].

Таким образом, рассмотрев признаки секуляризации сознания православных христиан и особенности ее проявления в современных российских условиях, следует признать, что секуляризация общественного и индивидуального сознания россиян на всех уровнях — от обывателей до лиц властных структур, от простых мирян до священнослужителей — является серьезным препятствием на пути процесса религиозного возрождения современной России и откладывает его завершение на неопределенный срок.

1. *Адоманис М.* Количество аборт в России быстро сближается с западноевропейскими показателями // Forbes. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inosmi.ru/russia/20130211/205738882.html> (дата обращения: 30.09.2013).
2. База данных ВЦИОМ (2005, 2006, 2008, 2011, 2013) [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/#> (дата обращения: 10–12.09.2015).
3. База данных информационно-аналитического центра «СОВА» (2004, 2008, 2009, 2013) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/discussions/how-many/> (дата обращения: 17–18.09.2015).
4. База данных Росстата, 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/databases/ (дата обращения: 28.09.2015).
5. База данных ФОМ (2008, 2010, 2012) [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/> (дата обращения: 13–14.09.2015).
6. *Журавский А. К.* О защите светского государства, Конституции и законодательства // Демократор.ру. 10.12.2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://democrator.ru/problem/9468> (дата обращения: 12.11.2013).
7. *Зимова Н. С.* Аудитория «Православного Интернета» в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. 2011. № 24 (119), вып. 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/auditoriya-pravoslavnogo-interneta-v-rossii> (дата обращения: 21.11.2013).
8. *Казанова Х.* Светские режимы и религиозная динамика в постсоветских обществах: сравнительный анализ ситуации в Восточной Германии, Польше, Украине и России. 18.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doctorantura.ru/ru/2013-05-31-10-45-38/seriya-lektsij-religiya-nauka/materialy> (дата обращения: 17.07.2013).
9. Митрополит Ростовский Меркурий: Именно воскресная школа и является тем местом, где ребенок и взрослый могут получить полноценные знания о православной вере. 20 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2858911.html> (дата обращения: 28.09.2013).
10. Митрополит Антоний (Сурожский). Христианин в секулярном обществе. Женева // Studia liturgica. 1970. Vol. 7, № 2–3. P. 120–130. URL: <http://www.pravmir.ru> (дата обращения 05–08.03.2014).
11. *Пивоваров Д. В.* Обыденное религиозное сознание и его связь с идеологией. Проблемы российского самосознания. Религиозные, нравственные и правовые аспекты культуры // Тр. рос. науч.-практ. конф. светских ученых и теологов с участием зарубежных исследователей (Москва, 2 окт. 2012 г.; Пермь, 4–5 окт. 2012 г.) : в 2 ч. Ч. 2 / Ин-т философии Рос. акад. наук ; Перм. гос. ин-т искусства и культуры. М. ; Пермь, 2012.
12. *Синелина Ю. Ю.* Религиозность в современной России // Отечественные записки. 2013. № 1(52) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/religioznost-v-sovremennoy-gossii> (дата обращения: 30.01.2015).
13. *Трофимов С.* Образ Церкви: Заметки на полях тезисов «СРЕДЫ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/zametki-na-polyax-tezisev-sredy/> (дата обращения: 13.10.2013).
14. *Шмеман А., протоиерей.* Богослужение в секулярный век [Электронный ресурс]. URL: <http://predanie.ru/quote/one/77096/> (дата обращения: 22.09.2013).
15. *Шмеман А., протоиерей.* Дневники [Электронный ресурс]. URL: http://shmeman.ru/modules/myarticles/topics.php?topic_id=15 (дата обращения: 02.08–30.09.2015).

Рукопись поступила в редакцию 18 декабря 2015 г.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.1(091) + 130.3 + 159.922.32

В. И. Кудрявцева

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ АНТИЧНОГО КИНИЗМА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается проблема дефиниции кинизма как историко-философского феномена, поднимается вопрос о влиянии античного кинизма на философию и культуру, а также изучается процесс дифференциации кинизма и цинизма с позиции современности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: кинизм, Просвещение, цинизм, просвещенное ложное сознание, Слотердаик.

Чтобы лучше понять причины деформации кинического учения, которое, будучи изначально этически направленным, постепенно стало носителем негативных коннотаций, необходимо дифференцировать определения, связанные с этим феноменом. Обычно киниками называют последователей философской школы в Афинах V–IV вв. до н. э., сторонников Антисфена Афинского и Диогена Синопского. Встречаются также формулировки, в которых кинизм определяют как «образ жизни», форму мировоззрения, особую систему взглядов, построенную на отрицании законов, норм, на пренебрежении к господствующей идеологии.

Неоднозначные оценки этого культурного явления связаны с разделением феномена кинизма на собственно кинизм, псевдокинизм и цинизм. Исследование данного процесса представляет научный интерес и является актуальным во все времена, пока человек существует в обществе. Можно предположить, какие факторы оказали влияние на развитие цинического мировоззрения, получившего особое распространение в современном мире.

Чтобы обнаружить влияние кинической традиции на воззрения современности, нужно обратиться к ее истокам. Для этого рассмотрим историко-философское содержание понятий течения, направления, школы и учения.

Согласно разграничению понятий, которое было предложено В. С. Горским [2], философское учение является результатом работы одного мыслителя или нескольких соавторов, имеющих единство во взглядах и тесно сотрудничающих.

Философская школа — это союз философов, связанных отношениями учителя и ученика, основоположника и последователей.

Философское течение объединяет группы философов, которые придерживаются общих принципов, используют похожие методы, определения и т. п. Представители течения могут не быть знакомы друг с другом, так как оно может существовать на протяжении нескольких десятилетий, отражая определенный дух времени, до тех пор, пока основоположники и последователи не станут оппонентами.

Под философским направлением обычно понимают множество философских учений: «Направление представляет собой совокупность философских течений (а следовательно, и учений), которые при всех расхождениях друг с другом отстаивают некоторые общие, имеющие принципиальное значение положения. Направления обычно существуют в течение весьма длительного исторического периода, а некоторые из них — со времени возникновения философии до наших дней» [10, 10].

Если применить эти историко-философские понятия, то мы обнаружим, что академическая наука в большинстве своем определяет кинизм как философскую школу, основателем которой традиционно считается Антисфен Афинский, который был учеником Горгия, затем учился у Сократа. В. Т. Звиревич подчеркивает, что киников относят к сократическим школам, «так как содержание их учения — этика» [3, 138].

В историко-философской литературе, посвященной кинизму, встречаются мнения, что основателем кинической школы был Диоген из Синопа. Такова, например, позиция Бертрана Рассела, который считал, что решение Диогена «жить, как собака» привело к появлению определения «киник», т. е. «собачий»: «Первая из этих школ (киников. — В. К.) берет начало через ее основателя Диогена от ученика Сократа, Антисфена, который был лет на двадцать старше Платона» [11, 226].

Такие исследователи, как Эд. Шварц, Курт фон Фриц, Д. Дадли, Ф. Сейер, называют настоящим основателем школы Диогена.

Современный немецкий философ и культуролог Петер Слотердаик выделяет Диогена Синопского как родоначальника кинической традиции.

Последователи кинической философии нередко сами называют основателем школы Диогена, а не Антисфена. Например, в «Письмах киников», которые, несмотря на предположение, что они являются фиктивными источниками и были созданы авторами с чужих слов в позднее время, как подчеркивает И. М. Нахов, представляют определенную ценность, ведь в них отражена социальная атмосфера последующих эпох и сама жизнь кинического учения.

Так, в письме ученикам Кратет указывает: «Киническая философия — детище Диогена, а собака-киник — ее последователь. Философствовать по-кинически (супizein) — значит философствовать кратко» [15, 257]. Именно соответствием своего учения образу жизни, который он избрал и которому неукоснительно следовал, Диоген заслужил право называться родоначальником кинической традиции: «Считай отцом кинизма Диогена, который не пускал пыль в глаза, а всю жизнь трудился и превозмогал тягу к удовольствиям, ничего не требовал от бедняков,

пренебрегая самым необходимым, и полагался только на самого себя. Он никогда не вымаливал себе почестей из сострадания, а завоевывал их своей непреклонностью, полагаясь на разум, а не на хитрость или оружие. Он не только проявил твердость духа перед лицом смерти, но и вел себя мужественно в течение всей своей добродетельной жизни. Поэтому подражай не Одиссею, а Диогену, который и при жизни, и после смерти, оставив нам в наследство свои речи, многих отвратил от порока и наставил на путь добродетели» [15, 258].

Менипп считает Диогена законодателем жизни киников и главой школы: «Вы правильно делаете, терпя голод, жажду и холод, ночуя на голой земле, ибо так повелевает закон Диогена, написанный в духе Ликурга, спартанского законодателя. Кто ослушается его, тот попадет во власть болезни, зависти, печали и других бед подобного же сорта... так как он кощунственно оскорбил справедливый и божественный закон, провозглашенный уроженцем Синопы» [Там же, 266].

По свидетельству Диокла, на которое ссылается доксограф Диоген Лаэртский, именно Антисфен был создателем образа киника, он ввел в обиход двойной плащ (с подкладкой), котомку-суму и посох. С другой стороны, Антисфен вполне мог подражать Сократу, который, по словам Диогена Синопского, «носил один и тот же старый плащ и даже при женщинах не надевал другого...» [Там же, 235].

По мнению И. М. Нахова, отечественного ученого, обстоятельно рассматривавшего историю кинической философии, кинизм — это философская школа, появление которой было исторически обусловлено и явилось результатом разочарования в ценностях античного общества.

История кинизма доходит до последних веков Античности.

Дион Хрисостом, значительная фигура кинической философии в римское время, в своей речи «О философии» провозглашает: «Но любой обращающийся к философии и причастный к этому знанию никогда бы не отошел от наилучшего и не стремился бы совершать ничего позорного и дурного, и не [стремился бы] бездельничать и объедаться, и пьянствовать, пренебрегший [всем] этим. Ибо философия должна не восхищаться этим, но, напротив, устранять желание этого из души и приводить к неприятию и осуждению этого» [14, 104].

В «Сатурналиях» Макробий Феодосий выводит в качестве участника беседы киника Гора, которого описывает так: «...муж, одинаково крепкий телом и духом, который начал заниматься философией после бесчисленных побед среди кулачных бойцов и, став последователем учения Антисфена, и Кратета, и самого Диогена, заслужил славу среди киников» [5, 29].

Доступность кинического учения способствовала его распространению и росту популярности среди любых слоев населения, которые испытывали потребность в альтернативных векторах развития. Ориентация на сдерживание потребностей, пренебрежение к излишествам привлекала новых адептов кинической традиции на протяжении тысячелетия: «...у меня нет ничего, кроме этой одежды, которая меня покрывает. Откуда у меня и раба нет, и я не стремлюсь, чтобы он был, ибо я [сам] доставляю себе все [то] полезное, что должно служить живущему» [Там же, 512].

Среди приверженцев античного кинизма появлялись и псевдосторонники, для которых формат следования идеалам Антисфена, Диогена и прочих известных

киников был лишь копированием внешнего образа. Против лжекиников активно выступали Эпиктет, Дион Хрисостом, Лукиан, Авл Геллий, Юлиан и др. [8, 136].

Образ подлинного киника выводит Лукиан в диалоге «Киник», утверждая устами своего героя: «Да будет дано мне всю землю иметь своим ложем, в другом не нуждаясь; считать жилищем Вселенную, а пищу брать ту, какую добыть всего легче. В золоте же и серебре пусть никогда не почувствуем надобности ни я сам, ни мои друзья, так как из этой страсти рождаются для людей все бедствия: междоусобия, войны, заговоры, убийства. Все это имеет своим источником страсть к обладанию большим. Пусть же она не подступает к нам, пусть никогда не увлекает меня жажда корысти, и да буду я в силах довольствоваться малым» [15, 361].

Исследование влияния кинической традиции на философские концепции последующих веков — для историко-философской науки открытый вопрос.

Мы кратко приведем суждения и оценки, высказанные различными мыслителями о продолжении этой традиции в философии и культуре.

Прежде всего, это утверждение бесспорного влияния, которое оказали идеи кинизма на формирование концепции стоиков: «Влияние кинизма было мощным, обусловив интерес к этической проблематике и героизацию образа мудреца, противоположного массе обычных людей», — отмечает В. Т. Звиревич [16, 204].

Традиции античного кинизма находят отклик в эпоху Возрождения, а затем в Новое и Новейшее время.

И. М. Нахов указал, что кинизм оказал влияние на многие поколения: «Для последующих веков Диоген стал олицетворением идеального мудреца, безгранично свободного, ни перед кем не пресмыкающегося и умеющего свести свои потребности до такого минимума, чтобы оставаться независимым. Таким, например, рисует Диогена Дидро в “Племяннике Рамо”. В предисловии к третьей книге “Гаргантюа и Пантагрюэль” Франсуа Рабле делает своим кумиром Диогена-киника, прославляя его веселое правдолюбие, озорную независимость, жизнерадостное искание истины, палка которого — вечная угроза всем выходцам с того света, всему отжившему» [9, 64].

Идеи киников находили последователей сквозь века: «Культ природы в ее нравственном понимании, проповедь опрощения, гармонии между человеком и природой, честной и добродетельной бедности, отрицание внешних благ во имя истинных, духовных, отказ от плодов господствующей культуры и цивилизации, критика властей предрежащих — все это вдохновляло странствующих нищих монахов Средневековья и реформаторов XVI–XVII вв.; идеал естественного права и природного равенства людей нашел сторонников среди революционных мыслителей XVIII и XIX вв.» [Там же, 218].

А. Ф. Лосев отмечал, что направление античного кинизма есть огромный исторический феномен, который не только продолжал свое существование в период эллинизма, но и оказал воздействие на формирование идейных линий в литературе Византии. Влияние кинической эстетики просматривается также у многих христианских писателей эпохи Средневековья [4].

М. А. Можейко считает очевидным наличие влияния античных традиций кинической философии на идеологию молодежного бунта в 60-е гг. XX в. Он

отмечает: «Аксиологическое влияние кинизма может быть обнаружено также в различных и разнородных культурных феноменах: христианский аскетизм (особенно отшельничество и юродство в раннем христианстве и православии), дервишество в мусульманстве, феномен хиппи и движение новых левых в современной западной культуре, концепция автономии в теории “нового класса” и др.» [6, 1011].

До современности воплощение традиций кинизма доводит С. С. Аверинцев, для которого определение кинизма связано с античной формой контркультуры: «Типологически школа киников стоит в ряду разнообразных духовных движений, сводящихся к тому, что внутренне разорванное общество восполняет социальную несвободу асоциальной свободой (от йогов и дервишей до современных хиппи)» [1].

Петер Слотердаик называл Ф. Ницше первым постмодернистским неокиником, поскольку его «пестрое писательство» вопреки всем законам философии и филологии было литературной «партизанской войной» против великих истин в философии.

Слотердаик сам является продолжателем кинических традиций, обнажая в своем творчестве актуальные проблемы и поднимая неудобные темы, не оглядываясь на общественное мнение.

В беседе Ганс-Юрген Хайнрихс говорит Петеру Слотердайку, что в его образе письма «преобладают ироническая надломленность и сатирические колкости, местами даже известный цинизм. Нет ли в этом какого-то пафоса или завуалированного идеализма?». На что немецкий философ и культуролог из Карлсруэ отвечает: «...ирония делает свое дело — позволяет управляться с тяжеловесными, неудобными понятиями. Что же касается так называемой провидческой составляющей философской работы, то это — совсем другое. Я отнюдь не идеалист, но еще меньше я циник, во всяком случае, *ad hoc*. Я избегаю этих двух вариантов благодаря простому соображению. Я определяю философа следующим образом: это тот, кто не может сопротивляться умственным прозрениям, проникающим в суть больших взаимосвязей. Этого вполне достаточно, чтобы найти замену идеализму. Мне кажется, что все записные идеалисты, неоплатоники или мыслители усиленно холистического типа скопом впали в иллюзию, что к проблемам, которые даны им для осмысления, непременно следует присовокуплять собственную взволнованность и персональную добрую волю. Мне кажется странной такая иллюзия — или, лучше сказать, такое набивание себе цены; мне чего-то недостает, чтобы действительно понять подобное. Я скорее склоняюсь к концепции, что люди — это существа, которые, едва они начинают думать, тут же становятся своего рода заложниками великих тем. Стоит нам привести в действие свой ум, как мы тут же чувствуем, что оказываемся в плену проблем, которые куда-то нас влекут» [13, 34–36].

Учитывая степень влияния кинических идей на последующую философию, допустимо считать кинизм вариантом философского направления.

Кинизм явился не просто основой для формирования феномена цинизма, а стал самой возможностью для его выделения и наименования, ведь «цинизм многолик и, сдаётся, существовал вечно» [7, 231].

И. М. Нахов, анализируя причины формирования негативного отношения к киникам, приходит к выводу, что созданию отрицательного мифа о кинизме во многом способствовали три основные причины: во-первых, ошибочное толкование идей первых киников, связанное в том числе с издержками специфического образа жизни; отсюда вторая причина — мода на псевдокинизм в поздней Античности, являющийся искаженным видом кинизма, доведенного до абсурда; в-третьих, наличие отрицательной коннотации в названии школы. Это привело к тому, что кинизм стал трактоваться как негативный моральный феномен, несмотря на то, что «подлинная киническая философия никогда не опускалась до уровня эгоистически-нахального цинизма и боролась за вполне благородные цели» [7, 237].

Таким образом, можно констатировать постепенное разделение понятий «кинизм» и «цинизм».

Согласно концепции П. Слотердайка выделение цинизма связано с борьбой идеологий, противостоянием сознаний. Цинизм может быть представлен как конечный продукт деградации Просвещения.

Несмотря на сформулированное им современное определение цинизма как просвещенного ложного сознания, это выделение не связано напрямую с периодом Просвещения, ведь история противостояния идеологий может быть прослежена вплоть до инквизиции. «Поскольку нигде не существует истин, которые можно было бы утвердить без борьбы, и поскольку любое знание вынуждено искать себе место в той структуре, которую составляют власти и силы, противостоящие им, средства, необходимые для того, чтобы придать значимость знаниям, представляются едва ли не более важными, чем сами знания» [12, 42].

П. Слотердаjk поляризует кинизм «низов» и цинизм «верхов». Античный кинизм — это первая философская атака на культуру, это способ обнажить истину, когда «закосневшие идеализмы сделали ложь формой жизни», это возможность полемики с позиции позитивной дерзости: «Власть имущие теряют свое действительное самосознание, сталкиваясь с шутами, клоунами, киниками...» [Там же, 181].

Античный кинизм был вызовом плебса идеализму, современный цинизм господ — это вызов своему идеализму как идеологии. По мнению Слотердайка, чем безальтернативнее кажется современное общество, тем больше в нем цинизма.

Тем не менее, будучи противопоставленными друг другу, и кинизм плебса, и цинизм господ являются способом выражения презрения по отношению к массам.

Как отмечает П. Слотердаjk, периодически наступают времена, которые отличаются циническим настроением: «Это эпохи, когда идеология становится рефлексивной, эпохи, в которые нормы и догмы культуры, полиняв и проникнувшись иронией по отношению к себе, начинают играть со своими внутренними противоречиями» [Там же, 575–576].

Поскольку цинизм заводит в тупик, во времена хронического кризиса, когда притупляется витальность, когда отсутствуют позитивные переживания, наступает «час кинизма; он — философия жизни кризисных времен. Только под его

знаком еще возможно счастье в неведении. Он учит ограничивать потребности, проявлять изворотливость, стойкость духа и находчивость, принимать то, что предлагает данное мгновение» [12, 214].

Таким образом, идейная эволюция цинизма начинается с кинического учения древнегреческих мудрецов, которое оформляется в школу благодаря взаимовлиянию и общности философских интересов. Однако можно констатировать, что кинические мотивы проявляются в самых различных сферах социальной жизни на протяжении нескольких веков, вплоть до современности. Учитывая такую жизнеспособность кинизма и его востребованность в периоды кризиса, можно предположить, что как протест против традиции и вызов навязываемым правилам киническая «дерзость» будет востребована и в будущем, ведь кинизм как форма индивидуализации и противопоставления массе является необходимой потребностью для членов любого общества.

1. *Аверинцев С. С.* Киники // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. [Электронный ресурс]. URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Kiniki-24994.html (дата обращения: 16.10.2016).
2. *Горский В. С.* Философская школа как понятие // Философские науки. М., 1972. № 1.
3. *Звиревич В. Т.* Древняя и средневековая философия: цикл лекций : учеб. пособие / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2015.
4. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Т. 2. М., 1969 [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/lose002/txt05.htm> (дата обращения: 16.10.2016).
5. *Макробий Феодосий.* Сатурналии / пер. с лат. и древнегреч. В. Т. Звиревича. М., 2013.
6. *Можейко М. А.* Сократические школы // История философии : энцикл. Минск, 2002.
7. *Нахов И. М.* Кинизм и цинизм. Отжившее и живое (к истории понятия и слов // Живое наследие Античности. Вопросы классической филологии. Вып. 9. М., 1987.
8. *Нахов И. М.* Киническая литература. М., 1981.
9. *Нахов И. М.* Философия киников. М., 1982.
10. *Ойзерман Т. И.* Главные философские направления. Теоретический анализ историко-философского процесса. М., 1984.
11. *Рассел Б.* История западной философии : в 3 кн. 2-е изд. испр. / подгот. текста В. В. Целищева. Новосибирск, 1999.
12. *Слотердайк П.* Критика цинического разума / пер. с нем. А. Перцева ; испр. изд-е. Екатеринбург ; М., 2009.
13. *Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю.* Солнце и смерть: Диалогические исследования : пер. с нем. / примеч. и послесл. А. В. Перцева. СПб., 2015.
14. Философия римского времени (II в. до н. э. — V в. н. э.) : хрестоматия / пер. и сост. В. Т. Звиревич. Екатеринбург, 2015.
15. Фрагменты сочинений киников // Нахов И. М. Антология кинизма. М., 1984.
16. *Шитиков М. М., Звиревич В. Т.* Философия в древних цивилизациях : учеб. пособие / Урал. гос. горн. ун-т. Екатеринбург, 2011.

Рукопись поступила в редакцию 17 октября 2016 г.

УДК 1(091)+111.6+141.1

К. И. Потапова

МЕТАФИЗИКА ДЕЙСТВИЯ У АРИСТОТЕЛЯ

Анализируя деяния человека, разнообразие которых установлено Аристотелем как ἔργον, ποιησις, πράξις и βίος θεωρητικός, автор статьи предлагает построение иерархии так называемых жизненных занятий: от дел насущных — труда до созерцательной жизни — теории. Основой предлагаемой вертикальной систематизации действий выступает отношение каждого из выделяемых видов к метафизически установленному понятию деятельности, понимаемому как ἐνέργεια, для которого необходимым и важным является не только стремление к цели, но и процесс его осуществления, предполагающий раскрытие «собственной природы» деятеля, выражающий его сущность.

К л ю ч е в ы е с л о в а: деятельность, причина, стремление, цель, энергия, энтелехия, действие.

Как правило, когда говорят о действии, подразумевают некий «акт деятельности» [9], практическое совершение, предполагающее определенный результат: изменение, преобразование, создание, уничтожение окружающего пространства или его элементов и проч. Деятельность отличается процессуальным характером и понимается как активное отношение к миру или его элементам, контролируемое сознанием действующего субъекта. Понятие действия определяется понятием деятельности, выступая ее частью, элементарной единицей. Действие, как «структурная единица деятельности» [Там же], также всегда имеет направленность — либо на объект, либо на иной субъект и предполагает цель или результат, по которым оно оценивается. Однако понятие деятельности подразумевает не только нацеленность на какой-либо внешний результат. М. Хайдеггер в «Письме о гуманизме» подчеркивает, что «люди видят в деятельности просто действительность действия, чья действенность оценивается по результату. Но существо деятельности в осуществлении» [10, 266], понимаемом как разворачивание чего-то «до полноты его существа» [Там же]. Именно раскрытие сущности, выход к подлинности и есть смысл любой деятельности.

Деятельность как осуществление всегда касается того, что «есть», т. е. бытия. В ней сокрыто отношение бытия, заключенное в мысли о бытии, выразимое в языке. Деятельность, таким образом, подразумевая отношение бытия, всегда обращена к бытию; ее результат сокрыт в самом процессе о-существования как разворачивание до полноты «вот этого вот» сущего как оно есть, полноты, слышимой в зове бытия, ответом на который и выступает акт деятельности. Действие же обладает иной направленностью, являясь необходимым внешним звеном в пространстве деятельности. Иными словами, если деятельность можно трактовать как внутренний процесс само-о-существования, действие есть направленный на что-либо внешний шаг, подготавливающий внутреннее о-существование. М. Хайдеггер, придавая понятию деятельности онтологическое звучание, интерпретируя его как выход к полноте существа, вторит метафизике Аристотеля, в которой

деятельность понимается как ἐνέργεια — активность, актуализирующая каждую вещь согласно ἐντελέχεια, т. е. присущей вещи внутренней цели.

Аристотель исследует это понятие в «Метафизике»: деятельность — это не поведение, но одно из условий возможности мира в целом. Задумываясь о том, что же «есть» каждая вещь (τί ἐστί;), Аристотель, как известно, выделяет четыре причины сущего: сущность или форма (causa formalis), субстрат или материя (causa materialis), принцип движения (causa efficiens) и принцип цели или блага (causa finalis) [2, 160]. Сущность (или форма) есть суть бытия вещи. Однако «идея» вещи не может быть актуально сущей сама по себе: лишь соединенная с материей (субстрат, из которого можно сделать что угодно), обладая в себе целью и стремлением, она воплощает «вот эту вот» вещь. Форма, как и материя, не обладает самостоятельной реальностью, но в совокупности с последней образует конкретное данное нечто (τὸ δε τι). Г. В. Ф. Гегель, анализируя причины сущего, указанные Аристотелем, определяет форму (сущность) как «определенность или качество как таковое» [6, 226]. Далее, развивая идею качества как такового, он подчеркивает «два важных момента: форму возможности (δύναμις) и форму действительности (ἐνέργεια)» [Там же, 227], указывающих на то, что материя есть возможность (потенция) формы, тогда как форма — актуализация материи. Материи, для того чтобы стать действительной, необходимо направление движения, воплощенность и дооформленность, а форме — материал, чтобы «это» стало «вот этим вот». Однако именно форма, причастная к νοῦς, наделяет смыслом каждое τὸ δε τι, содержит в себе цель и причину. Νοῦς — формальная первопричина, существующая вне материи, вечно мыслящий ум, источник движения и всеобщая цель и смысл мира, поэтому «форма есть не только понятие и сущность каждой вещи, но и ее конечная цель и сила, осуществляющая эту цель» [11, 149], отмечает Э. Целлер. Таким образом, согласно мысли Аристотеля, то, что существует, предстает результатом единства первоматерии и формальной первопричины, содержащих в себе четыре причины сущего.

Любой материи необходимы оформление, т. е. некий общий смысл (οὐσία), конкретное содержание или «чтойность» (τὸ τὶ ᾗν), ἐντελέχεια, актуализирующая сущность, доводящая ее до завершенности, и ἐνέργεια или «чистая деятельность из самой себя» [6, 227] как осуществляющийся в данный момент времени переход к «вот этой вот» единичной вещи. Аристотель отмечает, что «"деятельность" (ἐνέργεια)... нацелена на "осуществленность" (ἐντελέχεια)» [2, 331]. Любой же форме необходима материя для собственного воплощения; единство формы и материи и есть вещь как «вот это вот». Форма есть суть самой чувственно воспринимаемой вещи, рождаемой из материи (ἐκ τινός). Природа вещи определена целью, положенной ей в качестве смысла собственного существования (ἐντελέχεια), и движением к ней (ἐνέργεια). Стремление к цели выступает условием любой ἐνέργεια, однако цель заключена в самой вещи как внутренний смысл, становление, развитие и разрешение. Итак, деятельность (ἐνέργεια) понимается как активность, предполагающая энтелехию (актуализирование, воплощение), имманентную энергии, как стремление к завершенности, источником которого выступает νοῦς.

Таким образом, не у М. Хайдеггера, но у Аристотеля мы сталкиваемся с так называемым онтологическим пониманием деятельности, или энергией, выступающей «чистой деятельностью из самой себя», чья причина и конечная цель заключена в самом процессе деятельности как актуализация или воплощение сути «вот этого вот» для каждого элемента сущего.

Переноса рассмотрение понятия деятельности в плоскость человеческого бытия, понимая под «человеком» единство души и тела, Аристотель называет душу формой («душа необходимо есть сущность в смысле формы естественного тела»), тело — материей: «тело не есть нечто, принадлежащее субстрату, а скорее само есть субстрат и материя» [2, 99–101]. Как форма, душа есть энтелехия естественного тела, обладающая жизнью, понимаемой как способность тела-материи, в возможности. Всякая причина человеческого действия принадлежит душе как форме, хотя совершает это действие тело; именно душа направляет его к движению (*ἐνέργεια*). Переноса по аналогии учение о причинах сущего, предложенного в «Метафизике», в область существования человека, заключаем, что душа, будучи формой, есть источник человеческой деятельности, понимаемой как само-раскрытие, доведение до полноты возможности «быть человеком».

Однако мир человека, пронизанный тем, что автор называл «общением», обладает актуальной преданностью, есть существование и со-существование людей, живущих, стремящихся, взаимодействующих между собой. Человек, чья жизнь пронизана всевозможными хлопотами и заботами, вынужден поддерживать собственное существование, выполняя различные дела, которые, строго говоря, более ориентированы на внешний результат, чем на самоосуществление, раскрытие собственной сущности. Если действие есть необходимое внешнее (по цели) условие деятельности, а деятельность понимается как «доведение до замысла», какое дело из множества дел человека, совершаемых им на протяжении жизни, может быть названо человеческой деятельностью, а какое — действием? Достаточно ли простого стремления к цели, чтобы определить «стремящуюся активность» как действие? И если нет, что выступает необходимым условием того, чтобы эта активность им стала?

Анализируя все, что мы называем «живым», Аристотель выделяет четыре способности души: растительную, способность ощущать, движение и мышление. Первая свойственна всему царству живого, в том числе и растениям; вторая — животным и людям; последняя — исключительная способность человеческой души. Третья же двояка: предполагает цель и стремление; однако, объединенные как предмет стремления, они (и соответственно способность движения) могут быть причастны как душе человека, так и душе животного, исходя из характера стремления (вызвано разумом или желанием). Мышление, не связанное с телесными умениями, есть способность души мыслить, т. е. «иметь формы не в действительности, а в возможности» [Там же, 137]. Каждой из способностей души (растительная, способность ощущать, движение и мышление) присуща некоторая степень активности, т. е. душа любого существа (будь то растение, зверь или человек) имеет свое «дело», соответствующее ее собственным способностям. Активность, связанная с витальными потребностями существа, относится к растительной способности

души. Дело ощущающей способности души — воспринимать чувственное, стремящейся — достигать желаемого, мыслительной — разуметь.

Всякое же деяние человека, поскольку оно имеет начало в душе, соотносится с разумом, ибо только его душа вбирает в себя весь спектр возможных способностей души, обладает мышлением; причастная *νοῦς*, она есть энтелехия второго порядка. Единственный наделенный рассудочной душой, он склонен к деятельности, в которой и осуществляется его собственное предназначение. Каждая из активностей человека либо повинуется разуму (как активности растительной, ощущающей и желающей способности души у человека), либо сама обладает им в какой-либо степени. Те, что повинуются разуму, суть дела, обладающие им — действия или деятельность, ибо лишь в их основе заключен сознательный выбор. Свобода, предполагающая возможность, выступает необходимым условием любого действия. Однако и дела, и действия, и деятельность человека, как проявление свойств души (энтелехии), имеют цель своего свершения — внешнюю или внутреннюю по отношению к себе. Только лишь внутренняя цель соответствует «природе человека», так как под природой Аристотель понимает «то состояние, какое получается при завершении развития» [5, 37], предназначение, то, ради чего человек существует. Таким образом, деятельностью может быть названа только та активность, которая, соответствуя природе человека, полагает в качестве собственной цели раскрытие этой природы, а также свободу выбора, выражающую разумение человека.

Одним из возможных дел, соответствующих способностям души человека, является труд — *τὸ ἔργον*, собственно дело растительной способности, послушной рассудку. *Τὰ ἔργα* — хлопотные и безрадостные дела, связанные с добычей пропитания, одежды и жилья, то, что может быть охарактеризовано как работа вне зависимости от варианта вознаграждения (натуральный продукт или его эквивалент). К подобным делам относятся охота, земледелие, рыболовство, садоводство, скотоводство, кулинария, шитье и прочие хозяйственные деятельности, перечень которых с указанием оптимальных сроков выполнения представлен, например, Гесиодом в поэме «Труды и дни»:

В позднюю осень, когда ослабляет палящее солнце
Жгучий свой зной потогонный, и льется на землю дождями
Зевс многомогущий, и снова становится тело людское
Быстрым и легким, — недолго тогда при сиянии солнца
Над головами рожденных для смерти людей совершает
Сириус путь свой, но больше является на небе ночью.
Леса, который теперь ты подрубишь, червяк не источит.
Сыплются листья с деревьев, побеги свой рост прекращают.
Самое время готовить из дерева нужные вещи [7, 414–422].

Как правило, подобными рутинными и бесконечными, необходимыми и связанными с жизнеобеспечением делами занимались рабы. Эти дела есть *ἀλλ' οὐ λόγου*: для того чтобы их выполнить, достаточно быть способным подчиняться, иметь необходимый уровень понимания речи, обладать «техническими» навыками,

являющимися результатом научения, преобразованным в привычку. Последнее отнюдь не означает, что подобного рода дела всегда выполнялись исключительно рабами: «многие из работ, которые кажутся подходящими для слуг, отлично могут выполняться и свободнорожденными молодыми людьми» [5, 243]. Эти дела не связаны с исключительной природой человека ни с позиции способностей души (мыслительная способность), ни с позиции цели, преследуемой ими. Аристотель называет их скорее не действиями, но необходимой работой для удовлетворения потребностей. Однако даже для этого вида пред-действия Аристотель определяет (в соответствии с «Метафизикой») целевую причину, т. е. направленность на некий результат, отличный от самого дела, но принадлежащий сфере сущего (causa).

Таким образом, τὸ ἔργον выступает самым базовым видом, способным быть исполненным любым человеком, однако оно не соответствует «природе человека», так как, лишая досуга, вынуждает заниматься лишь проблемами биологической необходимости, не оставляя места действиям, соответствующим сущности людей.

Ощущающая душа, руководимая рассудком, обладает способностью собирать данные при помощи ощущений, на основе которых возникает представление о чем-либо. Однако и эта способность не относится к разумной части души, но лишь предоставляет ей чувственно-воспринимаемый материал. Стремящаяся душа зависима от предмета стремления, т. е. желаемого, и поэтому в своем деле — страстях — не является свободной.

Понятие действия, теснейшим образом связанное с понятием деятельности, также подразумевает стремление к цели и подбор подходящих средств, пригодных для ее достижения, что, в свою очередь, восходит к осознанию причины (соответственно ума, который и есть источник всякого начинания, т. е. движения или, иначе говоря, мыслительной способности души) и условий, находящихся «в душе, от которых зависит поступок и истина» [3, 159–160], т. е. добродетелей души деятеля, обладая которыми, человек способен выбирать средства, соответствующие цели.

Высшая же цель, определенная природой человека, есть стремление к благу. Философ подчеркивает: «Πᾶσα τέχνη καὶ πᾶσα μέθοδος, ὁμοίως δὲ πράξις τε καὶ προαίρεσις, ἀγαθοῦ τινὸς ἐπίεσθαι δοκεῖ» [12, 1094a] («всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок и сознательный выбор, как принято считать, стремятся к определенному благу» [3, 40]). Иначе говоря, цель всего перечисленного выше определена философами до Аристотеля (что подтверждается буквальным переводом оригинала, необходимым для точной передачи мысли) как стремление к благу (Аристотель исходит из этого положения, подтверждая его далее по тексту). Однако само благо есть («εἴ τι τῶν πρακτῶν ἀπάντων ἐστὶ τέλος, τοῦτ' ἂν εἴη τὸ πρακτὸν ἀγαθόν» [12, 1097a22]: «если для всего, что делается, есть некая цель, она-то и будет благом, осуществляемым в поступке» [3, 48]); осуществляемое в действии и определенное в соответствии с ним, оно понимается как «ψυχῆς ἐνέργεια γίνεταί κατ' ἀρετήν» [12, 1098a17], деятельность души сообразно добродетели. В зависимости от поля применения благом может выступать мера, своевременность (удобный момент), соответствие этической добродетели или ум. По Аристотелю, универсального понимания блага нет и быть не может, нет и так

называемый идеи блага, как полагал Платон, но в каждой отдельной области, в каждой конкретной ситуации благом будет та или иная цель (или несколько целей). Таким образом, внутренняя цель, представляемая в «Метафизике» как само-из-себя развитие, раскрытие сути, бытие в соответствии с собственным смыслом, в сфере человеческого существования оборачивается стремлением к благу, в деле же, необходимом, но не соответствующем существу человека, цель всегда внешняя. Соответственно деятельностью в полном смысле слова стоит называть лишь ту активность, что связана с самораскрытием собственной сущности через стремление к благу; в остальных случаях речь будет идти о делах или действиях.

Аристотель говорит о нескольких видах занятий свободных горожан. Каждое из них восходит к рассудочной части души (в большей или меньшей степени), а значит, подразумевает под собой какое-либо знание; также каждое предполагает наличие соответствующих добродетелей, как этических (полагающих благо высшей целью), так и мыслительных (цель которых — истина).

Первый вид — так называемое «продуктивное действие» [5, 40], ποιησις. Положение этого действия крайне двойственно по Аристотелю, так как оно имеет цель, внешнюю по отношению к себе (и, более того, определено не благом, а пользой, т. е. рассчитано на сторонний результат, как и ἔργον), однако восходит к рассудочной части души, следовательно, опирается на знание. Это такое действие, в результате которого появляется нечто новое, сотворенное автором, вещь физического пользования или предмет, созданный для услады. Наиболее точно характер деяний этого вида представлен в «Этике к Никомаху»: как любое занятие, основанное на свободе выбора, подразумевает под собой свойства рассудочной части души, так и ποιησις, как созидание, относится именно к этой ее части, к которой, однако, применимо деление на две компоненты. Первой созерцаются неизменные принципы бытия, второй — то, что подвластно изменению. Последнее, в свою очередь, также двояко: «к тому, что может быть иным, относятся творчество и поступок» [3, 161]. Однако под творчеством также понимается некое деяние, ποιησις, поэтому фактически речь идет о двух видах занятий касательно изменчивого в мире: о творчестве (ποιησις) и о действии (πρᾶξις).

Устанавливая различие между ними, Аристотель подчеркивает, что, хотя они оба и относятся к одной области (изменчивому), принадлежат рассудочной части души, однако отличаются не только по роду, но и по цели. Касательно первого из них отмечается: «искусство и приобретенное душевное свойство творчества, следующего истинному разуму, — одно и то же» [Там же, 162]. То есть ποιησις имеет своим источником свойство души, именуемое творчеством, целью же — создание чего-либо иного. Способ, которым достигается истина с помощью этого вида действия, — искусство. В данном случае цель процесса, по мысли Аристотеля, находится вне его самого, т. е. не может быть искусства ради искусства, оно всегда с необходимостью нацелено на результат, внешний по отношению к самому себе. Не ради простого времяпровождения, но направляемые призванием обращаются люди к таким занятиям. Поэтому занятия такого рода должны выполняться людьми, обладающими соответствующими навыками и знаниями, и эти люди не должны являться рабами, но свободнорожденными, δῆμος. Чаще всего имеется

в виду слой ремесленников, однако под понятие представителей творческих занятий также должны подпадать и поэты, и актеры, и музыканты, и художники.

Касательно последних трех профессий исследователями неоднократно было отмечено, что их положение в обществе (вплоть до XVIII в.) мало чем отличалось от положения слуг, было деперсонифицированным. Сам исполнитель, его характер и склонности не интересовали зрителя: значимой была роль, которую он исполняет, а также то, насколько он правдоподобен в играемой роли. Иными словами, ключевым умением актера или музыканта, художника и проч. выступала способность точно передавать образ исполняемого персонажа или сюжета. Как правило, артистов призывали для увеселения на различные празднества или просто для приятного времяпровождения [8]. Пожалуй, единственное различие между исполнителем и слугой (рабом) заключалось в том, что «человек искусства» был свободен, принадлежал не кому-либо, но сам себе, однако должен был сам себя и кормить. Поэтому он выступал как профессиональный исполнитель, оставаясь при этом безликим для публики: он лишь представлял Диониса или Сизифа в театре, фригийский марш — на кифаре или лире.

Так, Аристотель, например, отмечал, что в юношеском возрасте нужно заниматься изучением музыки (причем практически, т. е. не только слушая ее, но и исполняя). Однако не стоит человеку, если он не собирается связывать свою жизнь с подражательным искусством, усердствовать чрезмерно, ибо исполнение и музыка в целом хотя и важны для восприятия гармонии и создания настроения, а также для усовершенствования в добродетели среди молодежи, однако же, становясь профессией, вытесняют это «воспитание добродетели», преследуя уже иную цель — доставление удовольствия слушателям [5, 261–264].

На первый взгляд кажется, что поэты и драматурги, творцы словесного творчества, авторы, должны иметь связь с самим Аполлоном для создания того или иного произведения, поэтому их творческая деятельность должна быть отлична от простого воспроизведения и подражания. Комедии, драмы и прочие произведения писались для увеселения или наставления народа, поэтому, имея цель вне самой себя, эти действия также были направлены на получение пользы (материального вознаграждения или славы), а сами авторы признавались «слугами муз». Аристотель также определяет этих авторов как воспроизводителей. При этом философ отмечает, что «эпос и трагедия, а также комедия, дифирамбическая поэзия и большая часть авлетики и кифаристики — все они являются вообще подражанием» [4, 40]. Итак, занятия как авторов, так и исполнителей, одним словом, выразителей того свойства души, что именуется творчеством, приверженцев искусства, есть ποιησις. Однако ποιησις не только искусство в привычном для нас понимании (живопись, скульптура, литература, театр, музыка, танец и проч.), но любое продуктивное действие, имеющее своей целью нечто отличное от самого себя. Так, врачевание и судоходство также являются видами искусства.

Следующий вид искусства — πρᾶξις, поступок, активное действие — так же, как и ποιησις, принадлежит рассудочной части души касательно изменчивого в мире. Однако, как отмечалось ранее, они различны и по виду, и по цели. Так πρᾶξις, во-первых, имеет целью высшее благо, во-вторых, принадлежит той части души,

что рассудочна сама по себе, т. е. непосредственно связана с принятием самостоятельных решений. Результат этого действия не только положен в будущем (что отмечал Аристотель, ибо мы принимаем решения касательно будущего, но не прошлого [3, 160]), но и чаще всего непредсказуем для самого деятеля [1, 237–254], так как мы можем только ожидать и предполагать, что тот или иной поступок произведет такой-то результат, однако каков он будет в конечном итоге, покажет лишь время. Создатель же, творя нечто, ориентируется на потребности зрителя, т. е. изготавливает продукт, запечатленный в вещи.

Судить о поступке возможно, лишь обладая всей полнотой картины, т. е. понимая мотивацию автора и его позицию и зная последствия совершенного действия. Насколько это объективно возможно — вопрос апористический, поскольку никто не знает автора лучше, чем он сам; с другой стороны, ни один автор не может обозреть всю полноту последствий собственного деяния (роль здесь играют как фактор времени, так и фактор осведомленности). Крайне важно одно уточнение: поступок всегда социален, поэтому его последствия и не могут быть «просчитаны» полностью. Если ранее рассмотренные виды действия ($\tau\acute{\alpha}$ ἔργα и ἡ ποιήσις) свершаются в области личного пространства, то именно поступок выводит нас в сферу публичного, будучи активностью в мире бытия-друг-с-другом. Именно $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ может быть понят как социально-значимое действие, разворачиваясь в области со-бытия. Поэтому Аристотель, определяя высшую цель государства как достижение блага [5, 37], особо выделял $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ как действие, сообразное добродетели, совершаемое не в частной, а в общественной жизни, предполагая, что она соответствует природе человека [Там же].

Поступок — это не только постановка цели и подбор средств, в отличие от $\pi\omicron\iota\eta\sigma\iota\varsigma$, он всегда обладает личностным характером, говоря о «Я», «Некто», кто это сделал. Это действие связано с неким начинанием — ἄρχομαι (ἄρχομαι есть также и управление, а управители — архонты), а также со словом [1, 228–230], выводя на свет Некто как деятеля, хотя и не раскрывая его сущности, говоря об этих деяниях событийно, т. е. рассказывая истории. Из всего перечисленного ранее только $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ выделяется как действие, достойное свободного человека (само понятие гражданина определяется в соответствии с делом, которым человек занят, и только тот признается гражданином, кто участвует в политических делах, непосредственно связан с какой-либо властью в области совместного существования, т. е. социума). Итак, $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ — это вид действия, совершающийся в пространстве общественности и предполагающий высшей целью стремление к общему для горожан благу, прийти к которому помогает благоразумие и рассудительность как способности души.

$\Pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ — «действие», так как предполагает активность свободных граждан, разворачивающуюся в сфере человеческой общности, воплощая ее смысл в стремлении к высшему благу. Более того, он есть действие, согласное с природой человека ($\beta\iota\omicron\varsigma$ πολιτικός), поэтому стоит ближе к понятию «деятельности», чем ранее рассмотренные дело и продуктивное действие. Однако лишь та деятельность души (ἐνέργεια) выступает деятельностью в строгом смысле, которая, имея целью (τέλος) самое себя, наиболее полно соответствует исключительной природе

человеческой души — способности мыслить. Аристотель, как известно, выделяет два вида ума (и соответственно два вида знания): «существует, с одной стороны, такой ум, который становится всем, с другой — ум, все производящий, как некое свойство, подобное свету» [2, 139]. Поэтому обладающая суждением часть души также двояка: первая часть — та, что обладает им в собственном смысле, а вторая — та, что слушается его. Все знание, полагающее целью иное, есть способность производящего ума, необходимого для всех видов деятельности; ум же, ставший всем, свойствен только созерцательным наукам: математике, физике и, в большей степени, первой философии, исследующей сущее как оно есть, которые Аристотель называет умозрительными [Там же, 266–268]. Эти науки должны пониматься в качестве высшей деятельности души, ибо таково созерцание.

Познание сущего как оно есть — занятие философа, связанное лишь с одним пониманием жизни — βίος θεωρητικός, созерцательной жизнью. Немногие люди имеют способности, необходимые для подобного занятия, большинству же оно, имеющее целью само себя (θεωρητικὴ ἐπιστήμη), недоступно. Эта деятельность, исследуя то, что неизменно, занимает особое положение, отличное как от праксиса, так и от поэзиса, так как ее предмет — подлинно сущее, а не то, что может быть так или иначе. Соответственно и θεωρητικὴ ἐπιστήμη отлична от остальных видов знания, соотносена с определенной частью души — разумной, обладающей умом в собственном смысле. И праксис, и поэзис основываются на соответствующем виде знания, имеющем цель вне самого себя, направленном либо на результат (ποιητικὴ ἐπιστήμη), либо на процесс деятельности (πρακτικὴ ἐπιστήμη), причем знание практическое Аристотель считает более надежным, чем поэтическое. Однако из пяти вещей, благодаря которым душа достигает истины: «искусство, наука, рассудительность, мудрость и ум» [3, 160], наиболее совершенной выступает созерцательная деятельность, восходящая к истине при помощи науки и мудрости.

Итак, понимание деятельности как ἐνέργεια, т. е. активности, воплощения, когда любая сущность раскрывает самое себя в осуществленности, актуализируясь, есть возможное понимание деятельности человеческой души, соответствующее ее природе. В таком случае «деятельностью» в строгом смысле слова выступает лишь такое активное отношение к миру, которое может быть названо созерцанием, в то время как любое процессуальное «преобразование» окружающего «пространства» непременно должно быть определено целью (внешней или внутренней, т. е. стремлением к благу) и соответствовать естеству человека. В этом случае возникает необходимость говорить не об одной какой-то деятельности или ее видах, но о сложившейся иерархии занятий. Эта иерархия выделяется сообразно с соответствием или несоответствием того или иного дела природе человека, со свободой, как условием выбора того или иного вида деятельности, а также с целью, каковую преследует человек, занимаясь этой деятельностью. Все совершаемое человеком может быть соотносено с иерархией: дело (внешняя цель, несоответствие исключительной природе человека) — продуктивное действие (внешняя цель, одна из возможностей человека как человека) — общественное действие (поступок; внутренняя цель, внешнее выражение собственной природы — социальность) — деятельность в строгом смысле (самоцель — постижение

как собственной сути, так и сущего как оно есть, через обладание высшей возможностью — созерцанием).

1. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина ; под ред. Д. М. Носова. СПб., 2000.
2. *Аристотель. Сочинения* / ред.-сост. Т. Г. Тетенькина. Калининград, 2002.
3. *Аристотель. Этика* / пер. Н. В. Брагинской, Т. А. Миллер. М., 2002.
4. *Аристотель. Об искусстве поэзии* / пер с древнегреч. В. Г. Апельсброта. М., 1951.
5. *Аристотель. Политика. Афинская политика* / предисл. Е. И. Темнова. М., 1997.
6. *Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 10 : Лекции по истории философии. Кн. 2 / Ин-т Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). М., 1932.*
7. *Гесиод. Теогония. Труды и дни. Щит Геракла* / пер. В. В. Вересаева. М., 2001.
8. *Головня В. В. История античного театра. М., 1972* [Электронный ресурс]. URL: <http://sno.pro1.ru/lib/golovnja/index.htm> (дата обращения: 01.02.2016).
9. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. М., 2000–2001. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3639.html> (дата обращения 30.01.2016).
10. *Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления* / пер. с нем. В. В. Бибихина. СПб., 2007.
11. *Целлер Э. Очерк истории греческой философии* / пер с нем. С. Л. Франка. СПб., 1996.
12. *Ἀριστοτέλους. Ἠθικὰ Νικομάχεια* [Electronic resource]. Aristotle. Mode of access: <http://khazarzar.skeptik.net/books/aristot/nicg.htm> (accessed: 15.01.2016).

Рукопись поступила в редакцию 25 мая 2016 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. М. Воробьев

К ЮБИЛЕЮ И НЕ ТОЛЬКО...

О новой книге профессора К. Н. Любутина

Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистской философии : моногр. — Изд. 3-е, доп. и перераб. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 332 с.

В Издательстве Уральского университета выпущена монография доктора философских наук, заслуженного деятеля науки РСФСР К. Н. Любутина «Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистской философии». По сути, это юбилейный труд автора (в 2015 г. ему исполнилось 80 лет).

С учетом этого остановимся на главных научных идеях К. Н. Любутина.

Согласимся с научным редактором монографии П. Н. Кондрашовым, который к наиболее важным научным достижениям К. Н. Любутина относит следующие открытия. «Во-первых, ему принадлежит постановка вопроса о специфике русского и советского марксизма. Это нашло свое отражение в серии публикаций (“Российские версии марксизма”), посвященных анализу таких мыслителей, как В. Ленин, М. Горький, А. Луначарский, А. Богданов, Н. Бухарин, И. Сталин и др. Во-вторых, он впервые в отечественной философской литературе обратил внимание на наличие в философии Маркса такой составной части, как философская антропология. В-третьих, К. Н. Любутин обращает внимание на такую современную область философских и социологических исследований, как повседневность. Он предлагает рассматривать это явление в рамках тотальности социального бытия, в качестве одного из уровней социальной реальности, наряду с национальной культурой и формацией. Повседневная жизнь в работах К. Н. Любутина предстает в виде непосредственной человеческой деятельности, включающей весь спектр обыденных феноменов: материальную практику, труд, отдых, быт, язык, опыт, обыденное сознание, повседневную эстетику и т. д. Исследование повседневности К. Н. Любутин осуществляет на методологической основе учения К. Маркса о практической сущности человека и общества» [1, 18–19].

А теперь об актуальности изданной монографии. В ней К. Н. Любутин сформулировал гипотезу, согласно которой современная философия, в сущности, предстает в качестве общей теории субъекта и объекта, из проблемного поля взаимоотношения которых (понимаемых в качестве общественного сознания и общественного бытия) формируются различные философские науки.

К числу «сквозных» проблем философии, как известно, принадлежит проблема субъекта и объекта, самым непосредственным образом связанная с основным вопросом философии, с пониманием ее предмета.

К. Н. Любутин, опираясь на положение теории К. Маркса, пишет о том, что историческое развитие философского знания подчиняется специфическим закономерностям, среди которых важнейшее значение имеет восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному.

В этом можно убедиться на примере политической экономии К. Маркса, который показывает, что всякая наука начинается с реальных, действительных предпосылок, с конкретного данного в представлении.

Становление марксистской концепции субъекта и объекта связано с преодолением как идеалистических, так и натуралистических точек зрения. Эта концепция отличается от предшествующих теорий своим последовательно материалистическим и диалектическим содержанием.

В ее основе, как и в основе марксистской философии в целом, находится обобщение колоссальных социально-экономических и научных сдвигов, которые обнаруживались в развитии человеческой истории, европейской прежде всего, к началу 40-х гг. XIX в.

Примечательным является то обстоятельство, что К. Н. Любутин, отмечая в своей работе прежде всего особенности немецкой классической философии, начинает с анализа точки зрения И. Канта (гл. 1 «Кантовское учение о трансцендентальном субъекте»). Дело в том, что по отношению к современному значению терминов «субъект» и «объект», пишет К. Н. Любутин, Кант поставил предшествующее их значение (в древней, средневековой, да и в новой философии) с головы на ноги [1, 51].

Подобный переворот был связан с догадкой об активности познания. Это привело Канта к мысли о том, что подлинной основой вещей является сознание: это то, что лежит в основе эмпирической действительности, природы, мира, предметов.

Далее в монографии идут главы, раскрывающие трактовку субъекта и объекта другими мыслителями — И. Г. Фихте, Ф. В. И. Шеллингом, Г. В. Ф. Гегелем, Л. Фейербахом.

Резюмируя развитие концепции субъекта и объекта в немецкой классической философии, К. Н. Любутин отмечает следующие моменты.

Во-первых, в этот период возникает понимание специфичности субъектно-объектного отношения. Эта специфичность связана с признанием человеческой активности, с признанием особого места практики в человеческой истории. Гегель, к примеру, рассматривает человека «как результат его собственного труда» (К. Маркс).

Во-вторых, возникает понимание того, что субъектно-объектные отношения суть многоплановые отношения, с учетом того, что субъект и объект — сложные многосторонние образования.

В третьих, немецкая классическая философия поставила вопрос о применении принципа развития к анализу субъектно-объектного отношения.

В последующем в монографии рассматривается решение проблемы субъекта и объекта в марксистской философии (читай, в советской философской литературе).

Если проанализировать эту литературу более чем за полвека, то можно остановиться на нескольких точках зрения на определение категорий субъекта и объекта.

Первая: субъект есть сознание, объект — природа, материя.

Вторая: субъект есть общественный человек, объект — природа, материя в целом.

Третья: субъект — общественный человек, объект — часть реальной действительности, на которую направлена практическая и познавательная деятельность субъекта. Рассматриваются содержательно в монографии и другие точки зрения на трактовку понятий «субъект» и «объект». Мировоззренческое и методологическое значение их велико. Общество было принято в качестве системы исторически развивающейся деятельности людей. Это социальный организм, в его основе — труд. Сущность человека раскрывается как совокупность всех общественных отношений. В качестве «сухого остатка» из контекста произведений Маркса и Энгельса можно вывести в качестве единственно правильного понимания следующее: практика как материальная целеполагающая деятельность общества и человека. Не случайно последующий разговор в монографии К. Н. Любутина конкретизируется в главе 6 «Общество и природа как субъект и объект», где автор сосредоточивает свое внимание на формировании и развитии практического отношения, т. е. на формировании и развитии субъекта и объекта.

Немаловажными являются познавательное и ценностное отношения, им также уделено внимание автором.

Главы 7 и 8 посвящены анализу субъекта и объекта в системе общественных отношений и индивида как субъекта и объекта.

Исследование этих понятий заканчивается советским периодом. Об этом говорят следующие строки: «Антагонизм между богатством способностей общества и бедностью способностей индивидуального субъекта ликвидируется. Практическая, познавательная и ценностно-ориентационная деятельность человека развивается в русле возрастающего гармонического единства [1, 286].

Спрашивается, куда мы пришли и что мы натворили с природой? Философы нередко ошибались в своих прогнозах общественного развития или забегали вперед. Даже Маркс полагал, что со временем государство отомрет и будет находиться в лавке древностей наряду с бронзовым топором и прялкой. Но оно и сегодня является главным «нюсмейкером», и не только в политике.

Если актуализировать разговор о современной проблематике, то он, безусловно, выйдет на диалектику взаимоотношений гражданского общества и государства, и, кстати, не только в России. Как проплыть, образно говоря, между

Сциллой и Харибдой: с одной стороны, безбрежной демократией (охлократия), а с другой, авторитаризмом?

Разумеется, ответ на этот вопрос мы не найдем в анализируемой работе К. Н. Любутина. Но импульс к поиску его она, несомненно, может дать.

---

1. *Любути К. Н.* Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистской философии : моногр. Изд. 3-е, доп. и перераб. Екатеринбург, 2015.

НЕКРОЛОГ

БАГИРОВ БОРИС БОРИСОВИЧ

14 сентября 2016 г. после продолжительной болезни завершил свой земной путь почетный работник высшего профессионального образования РФ Борис Борисович Багиров, вся трудовая жизнь которого связана с Уральским госуниверситетом.

Б. Б. Багиров родился 24 февраля 1949 г. в Свердловске. В 1967 г. поступил на философский факультет УрГУ, после окончания которого в 1972 г. преподавал в УПИ основы теории марксизма. С 1976 г. — вновь в alma mater: аспирант, а после защиты в декабре 1979 г. кандидатской диссертации, посвященной проблемам политической культуры, — ассистент, старший преподаватель кафедры теории научного коммунизма и социологии философского факультета УрГУ. С февраля 1984 г. он доцент кафедры социально-политических наук, а затем и ее заведующий, с октября 1990 г. — декан философского факультета. При непосредственном участии Бориса Борисовича Багирова и произошло разделение последнего на собственно философский и тот, что займется социологическими исследованиями и политическим анализом.

С сентября 1994 г. Б. Б. Багиров — декан факультета политологии и социологии УрГУ. Здесь он также проявил себя настоящим профессионалом в деле обучения и воспитания будущих политологов и социологов, став подлинным лидером для преподавателей и студентов. Так, в частности, под руководством декана была открыта подготовка учащихся по направлению «социальная работа», получила дальнейшее развитие лаборатория социологических и политических исследований. Неоценим и его личный организационный и преподавательский вклад в создание филиала УрГУ в городе Ноябрьске (ЯНАО), где на Тюменском Севере подготовлено более 400 специалистов в области политического менеджмента и управления.

Преподавание и активную общественную работу Б. Б. Багиров неизменно совмещал с исследовательской деятельностью. Он стал автором более 40 научных работ, неоднократно выступал на авторитетных конференциях и международных форумах.

О Борисе Борисовиче осталась память как о светлом человеке, надежном друге, на которого всегда можно было положиться в трудную минуту. Порядочность и доверие к людям были главными чертами его характера. И люди этого не забудут!

АВТОРЫ НОМЕРА

АНТОНОВА Наталья Леонидовна — профессор кафедры теории и истории социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор социологических наук. E-mail: n-tata@mail.ru

БАКЕЕВА Елена Васильевна — профессор кафедры онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: Elenabk2008@yandex.ru

БЕРЗИН Борис Юрьевич — профессор кафедры общей и социальной психологии департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: berzinb@yandex.ru

ВОРОБЬЕВ Алексей Матвеевич — главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, профессор, доктор философских наук. E-mail: selesta_ava@mail.ru

ГОЛОВНЕВА Елена Валентиновна — доцент кафедры культурологии и дизайна департамента гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: golovneva.elena@gmail.com

ГОЛУБ Елена Андреевна — студентка департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: lena.golub2009@yandex.ru

ДАНИЛОВА Анна Владимировна — студентка департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: anutadanilova@ya.ru

ЗДОРОВЦЕВА Ольга Валерьевна — экстерн кафедры философии религии и религиозоведения Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). E-mail: olgazdorovceva@yandex.ru

КЕМЕРОВ Вячеслав Евгеньевич — профессор кафедры социальной философии департамента философии Института социальных и политических наук, доктор философских наук. E-mail: Kemerov1444@yandex.ru

КЕРИМОВ Тандыг Хафизович — заведующий кафедрой социальной философии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: kerimovt@mail.ru

КУДРЯВЦЕВА Валентина Ивановна — доцент кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: remidosi@gmail.com

ЛАПАНОВИЧ Екатерина Александровна — ассистент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: ekaterina.lapanovich@urfu.ru

ЛИСАНЮК Елена Николаевна — доцент кафедры логики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук. E-mail: elenalisanjuk@yandex.ru

ЛОБОВИКОВ Владимир Олегович — главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, профессор кафедры онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: vlobovikov@mail.ru

ЛУШНИКОВА Ольга Леонидовна — старший научный сотрудник сектора экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан), кандидат социологических наук. E-mail: oltolt@mail.ru

МАЛЬЦЕВ Алексей Владимирович — доцент кафедры общей и социальной психологии департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат биологических наук. E-mail: AlrxeYMaltsev@urfu.ru

МАМИН Никита Викторович — магистрант кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: Elemvoid@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Светлана Витальевна — доцент кафедры культурологии и дизайна департамента гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: Meln-svetlana@mail.ru

МИХАЙЛЕНКО Валерий Иванович — заведующий кафедрой теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, профессор, доктор исторических наук. E-mail: valermik@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Екатерина Борисовна — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: ekamikhaylenko@gmail.com

МУСИХИНА Татьяна Петровна — доцент кафедры евразийских исследований департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: 89122637780@mail.ru

ПАВЛОВА Александра Михайловна — аспирант кафедры логики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: alexandra22@mail.ru

ПОГОСЯН Размик Арамович — аспирант кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: r.a.poghosyan@gmail.com

ПОЛЯКОВА Ольга Борисовна — доцент кафедры психологии труда и служебной деятельности факультета психологии, социальной медицины и адаптационно-реабилитационных технологий Российского государственного социального университета (Москва), кандидат психологических наук. E-mail: pob-70@mail.ru

ПОРШНЕВА Ольга Сергеевна — профессор кафедры истории России департамента истории Института гуманитарных наук и искусств, доктор исторических наук Уральского федерального университета. E-mail: porshneva@yandex.ru

ПОТАПОВА Ксения Игоревна — аспирант кафедры социальной философии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: potapovaksu@yandex.ru

ПУРГИН Сергей Петрович — доцент кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: s_purgin@list.ru

СЫСОЛЯТИН Александр Андреевич — студент философского факультета Московского государственного университета. E-mail: lar-how@yandex.ru

СЫСОЛЯТИН Антон Андреевич — ассистент кафедры философской антропологии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, аспирант этой же кафедры. E-mail: ant-berg@yandex.ru

ФОРТЕСА Фернандес Рафаэль Филиберто — доцент кафедры иностранных языков и перевода департамента лингвистики Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат педагогических наук. E-mail: rafaelforteza@gmail.com

ЮРЛОВА Светлана Валерьевна — доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: yurlova2000@yandex.ru

SUMMARY

ONTOLOGY

Bakeeva E. V. Continuity as an Ontognoseological Problem.....5

The article discusses the possibility of understanding continuity in the ontological context and the paradoxical nature of continuity as an existential ‘background’ for thinking about the being. The analysis focuses on a number of phenomena characterizing spiritual and moral, political and cognitive aspects of a modern person’s existence and requiring philosophical thematization of continuity. The research has involved the principal strategies used for understanding of the continuity paradox in the contemporary philosophy. The paradoxical strategy applied to understanding of continuity in a discrete act of the subject’s self-reflection is seen as the most consistent with the nature of the given problem.

Key words: continuity, paradox, wholeness, subject, intuition, perception.

Kerimov T. Kh. Analogy, Univocity, Difference: Analytical and Continental traditions of Understanding 17

The problem of unity and plurality of meaning of being was the subject of extensive discussion in medieval philosophy. The discussion was actualised in the continental ontology in the second part of the twentieth century and reappeared unexpectedly at the beginning of the twenty-first century in the ontology and meta-ontology in analytic philosophy. Despite the different historical background and theoretical motives of this discussion, the whole complex of problems relating to the possibility of building the ontology and its system of concepts, was taken into consideration. The history of the problem, the ways of solutions of this problem in analytic philosophy, in the “mainstream ontology” and ontological pluralism are discussed in the article. The event is postulated as the initial problem of the methodology of convergence of the analogy and univocity.

Key words: metaphysics, ontology, ontoteology, being, analogy, univocity, equivocity, monism, pluralism, difference, event.

EPISTEMOLOGY AND LOGIC

Lobovikov V. O. A Structural-Functional Analogy between Logic and *A-Priori*- Knowledge-of-Nature Exemplified by Newton’s Third Law 31

The paper puts forward a modified definition of the notion “following”, which can be used to solve the paradoxes of material implication in a new way. The classical truth-functional definition of implication is criticized as a purely “scalar” one, i.e. not containing the proper vector aspect. According to the author’s hypothesis, inclusion of the vector aspect to make the definition of implication more complete and precise (in comparison with the classical one) would provide new opportunities for eliminating the paradoxes of following. The author goes on to propose a new generalized formulation of the laws of contraposition of logical operations “implication” and “correction”, which takes into account their vector aspect. The described approach is further applied to analyze Schopenhauer’s remark about the fundamental analogy between formal logic and *a priori* knowledge of nature. In relation to the interconnection between logic and metaphysics of nature, the structural-functional analogy between two-valued algebra of logic and two-valued algebra of metaphysics as formal axiology is exemplified by Newton’s third law.

Key words: following, implication, paradox-of-material-implication, relevant-logic, vector, inversion-of-vector, contraposition, Newton’s third law.

Lisanyuk E. N., Pavlova A. M. Logical Aspects of Diversity of Agents in Practical Reasoning.....45

This paper proposes an integrated classification of cognitive agent types (presumptions) relating to formal theories modeling rational behaviour, including reasoning. The classification specifies and systematizes various approaches to the idea of agent diversity. These approaches are implicitly or explicitly present in logical formalisms used to analyze agents' knowledge and beliefs, their intellectual abilities and the strategies they apply for rational justification of their actions. This classification might serve as a conceptual ground to solve the problem of agent diversity in logical systems. The classification of the agent types contains three general classes of logical parameters, i. e. competences that might vary with different agents: epistemic, goal-oriented, and deductive. According to our hypothesis, epistemic and goal-oriented parameters function as a superstructure built over the interpretation of deductive parameters of the rational agent's behaviour.

K e y w o r d s: logical competences, cognitive presumptions, diversity of agents, practical reasoning, epistemic logic.

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Kemerov V. E. Problem of Integration of Modern Social Knowledge: Tunnel Vision 61

In the article paradoxical situation in the differentiation of social knowledge and humanities as well as of their integration is considered. They complement each other in such a manner that influence of adjacent subjects and methods on the functioning is excluded. It complicates system's display of public process and understanding of prospects of the social science. The exit from this situation is found in the characteristic of historicity of a division of labor in social sciences, in evolution of its paradigms.

K e y w o r d s: tunnel vision, subject-methodological oppositions of disciplines, dynamics of social knowledge, problem of paradigm, division of labor of social sciences and humanities, prospects of systemic integration of social knowledge.

Antonova N. L., Danilova A. V. Everyday Mobility: Sociological Conceptualization.....69

The article analyzes the phenomenon of everyday mobility, which is understood as routine repeatable movements. These movements might be interpreted as a set of actions and social interactions oriented towards establishment, maintenance and development of social relations and links. Everyday mobility is a kind of social practice determined by norms and characterized by time-space organization. The authors subdivide everyday mobility into two types (physical movements and virtual-communicational movements) and also define the functions of everyday mobility (establishment, maintenance and development of social links and relations; reproduction of the social order; integration of individuals into communities/networks; accumulation of network capital).

K e y w o r d s: everyday mobility, social practice, movements, social links and relations

Lushnikova O. L. Role of Sociocultural Capital in Globalization 76

The article is devoted to the role of sociocultural capital in globalization. Based on the analysis of different interpretations of the concept of sociocultural capital, qualitative characteristics that distinguish it from other types of capital are deduced. It was concluded that a sociocultural capital in modern society implicitly exercises function of regulator of social processes, in particular globalization processes. The efficiency of this function depends on the level of development of the society in which it is generated, and the amount of other types of capital, which can be converted into the sociocultural capital.

K e y w o r d s: sociocultural capital, globalization, convertibility of capital, identity.

Polyakova O. B. Resilience of Psychologists and Instructors with a Burn-out Syndrome.....82

We consider resilience as one of the most important parts of the human being, contributing to intensive self-development, activity and recognition as well as a prevention of stress and burn-out syndrome. The specificity of the resilience of psychologists and teachers with professional deformations: the average level of resilience is observed on below-average level of involvement, middle-control, and risk-taking. Attention is drawn to the fact that working educators with professional deformations demonstrate below-average level of involvement, which should be taken into account in the organization and implementation of the prevention of psychological and psychological correction of professional deformation.

K e y w o r d s: akmeological potential, burnout, depersonalization, vitality (hardiness), educators, professional deformation, psychologists, reduction of personal accomplishment, emotional and / or physical exhaustion.

Berzin B. Y., Maltsev A. V. School Teacher: Job Satisfaction and Socio-Psychological Health 91

In the article the problems of job satisfaction and self-esteem of the school teachers in Ekaterinburg are assessed when the school education system undergoes reforms. On materials of the sociological research we examine a number of indicators of satisfaction and well-being, and their relationship. These indicators include motives for choosing teaching profession, its image and prestige, the relation to work. The characteristic of the most sought for professional qualities and skills of the school teacher is given. The issues that concern teachers mostly are named.

Key words: teacher, profession, satisfaction, health, job, image, prestige.

INTERNATIONAL RELATIONS

Mikhaylenko E. B. Multi-level Challenges to the Nuclear Non-Proliferation Regime: The Lessons of the 2015 NPT Review Conference.....98

The 2015 NPT Review Conference failed to agree on a Final Document. Non-proliferation experts perceived the trend as very worrying one witnessing to impossibility of the NPT member states to achieve a consensus on the issue. Moreover, the trend in experts' view jeopardizes the very non-proliferation regime. Taking a political constructivist and regime theories approaches, the paper deals with challenges the non-proliferation regime faces today. The research shows that the NPT regime is transforming internally, externally, and in the context of balance of power shift at a global level. Being formed in the 1970s, the non-proliferation regime is being tested by new actors, regional non-nuclear communities, and changes in the global distribution of power. The classical two-level system the power is distributed within (between nuclear and non-nuclear states) is followed by a multi-level complexity of interests and ambitions.

Key words: Nuclear non-proliferation regime, the NPT Review Conference, NWS, NNWS.

Poghosyan R. A. Youth Factor in the «Arab Spring»: Problems and prospects..... 110

The article discusses the role of the youth factor in the events of the 2010s in the countries of the southern and eastern Mediterranean region, which were the result of profound changes in the minds of Arab youth that have occurred over the past decade before the “Arab spring”. In the Arab States a new generation who combined experience in the general economic, political and social failures of the ruling regimes came to the scene. Despite the great interest in the Russian and foreign literature to the phenomenon of the “Arab Spring”, research on the role of young people in these events and, in fact, on what the youth is in the Arab world, remains insufficient. Comparative studies on the youth movement in the Mediterranean countries is almost absent, there is a lack of comparable data and the diversity of analytical and methodological approaches.

Key words: «Arab Spring», the European Union, the EU policy in the Mediterranean region.

Musihina T. P., Mamin N. V. The Near East under conditions of the Fourth Generation Warfare (the case of Iraqi War, 2003–2011) 120

In recent decades the attention of the international community is focused on the spread of the extremism and terrorism in the Near East that takes a religious, Islamic turn. The authors of this study made an attempt to examine and analyze the war in Iraq (2003–2011) on the basis of existing theoretical approaches to the phenomenon of «4th generation warfare». Special attention was paid to the actions of the terrorist organization “Islamic State” and its expansion from the local to the global level, which is specific for such type of conflicts.

Key words: 4th generation warfare, the Near East, challenges to regional security, the war in Iraq, Islamic state.

Lapanovich E. A., Mikhaylenko V. I. Russia and Turkey in the 21st Century: an Uneasy Partnership.....132

The paper purports to analyze the dynamics of Russia-Turkey relations through the prism of cooperation and rivalry patterns in the Wider Black Sea Region. It aims at finding out cooperation and rivalry areas as well as evaluating the prospects for political, economic and energy transportation cooperation in the Wider Black Sea Region. The New Regionalism approach forms the theoretical and methodological basis for the research. In accordance with the approach regions are seen as actors per se being internally or externally constructed. The authors suppose that preserving the logic of pragmatism and fragmentation the two states will ensure positive dynamics in the relations.

Key words: European Union, Russia, Turkey, Wider Black sea region, gas, energy diplomacy, energy resources, regionalism, security.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Sysolyatin Ant. A., Sysolyatin Al. A. Problem of Life Choice: Conflict of Human Self-being 149

This article is an attempt to carry out philosophical analysis of the «life choice» concept. Reconstruction of conditions providing our participation in decision lays down a basis for revealing the fallacy of its understanding as achievement in accordance with a standard or as conformity with living conditions. The «involvement» context, which supposes common life questions' sphere of everyone around us, seems to be more adequate for understanding of decision (demonstrating its principled conflict).

Key words: life's decision, living conditions, standard, negativity, conflict.

AESTHETICS AND PHILOSOPHY OF CULTURE

Golub E. A., Purgin S. P. Photography as Meeting: Existential Aspect of Analysis..... 158

The authors analyze research strategies and approaches to photography in philosophy and aesthetics. The authors elaborate existential analytical approach and focus on the relation between photographic image and time of existence. The notion of encounter is instrumental in grasping temporal dimension of photography.

Key words: philosophy, photography, photographic image, time of existence, encounter.

Melnikova S. V., Porshneva O. S. Representation of the City through its Image (on the example of Ekaterinburg)..... 166

The studies of the cities' images are in the focus of contemporary urban research, which are interdisciplinary in their character; they have got not only scientific, but also applied significance, can detect psychological, aesthetic, socio-cultural factors, which affect the description, the evaluation, the attractiveness of a specific city. The term "image of the city" helps us to clarify invariance of the city text and the city appearance for "creative class" and for investments. It is exactly image of the city that determines its subjectivity, "vitality"; the difference between "hard" and "soft" city; it is what synthesizes historical roles of the city; what helps elements of the city space to take they imageability. There are internal and external images of the city. First one contains the senses of the city, although does not come down to it; the second can visualize them; both of them correlate with socio-cultural and historical context, which can be proved by examination of Ekaterinburg's image in its historical evolution.

Key words: City, image of the city, imageability, historical-cultural context, symbol, Ekaterinburg, Sverdlovsk.

Golovneva E. V. Who are the Siberians?: Siberian identity in Constructivist Interpretation..... 173

This paper analyses the values of Siberian identity as a social construct as well as considers the concept "Siberian". The author systematizes the discourses related to Siberian identity based on sociological reviews and scientific publications and analyzes the values of Siberian identity with their reference to narratives on Siberian nature and landscape, toponymics, settlement, and history. The specified values are considered to be the foundations for development of contemporary Siberian identity.

Key words: values, Siberian identity, the Siberians, territory, Siberia, narrative, constructivism.

Yurlova S. V. "The Book of Delicious and Healthy Food": a Comparative Analysis of the Structural and Morphological Changes..... 184

The article is devoted to the cult of Soviet-era edition of "The Book of Delicious and Healthy Food". Any publication of this kind must be analysed in the unity of the two aspects –synchronical and diachronic, because it is important not only to understand, how the structure of the text was originally formed, but also to see what changes have occurred from edition to edition. The objective of this study is to analyze the transformation of Soviet ideology and its indirect expression in "The Book of Delicious and Healthy Food". An important feature of the study supported the idea that the ideological message is contained not only in direct introductory articles, but also "read" in the recommendations in the "Notes on the margins", introductory articles, recipe sections. An important task is to identify in the text structure a model for a new society and the ways it was imposed through gastronomic practices of the Soviet citizen.

Key words: daily, Soviet cuisine, food traditions, good food, Soviet ideology, culinary practices.

<i>Forteza Fernandez R. F.</i> Critical Discourse Analysis of Key Concepts in Obama's Statement: Cuba Policy Changes	191
---	-----

The paper analyzes the key concepts in the US President's speech announcing the reestablishment of relations with Cuba in December 2014 from a critical discourse point of view. His arguments make a clear distinction between what America represents (Us) and what Cuba lacks (Them), glorify the half-a-century-old blockade and acknowledge its failure. Obama's words also reflect the policy change is a one-sided dialogue, a one-lane road, ignoring the needs and hopes in the island when he neglects or only vaguely mentions important areas that are undoubtedly within the Cuban national interests. When read in different geopolitical contexts, the speech, built around the same arguments the US has been using for more than fifty years, envisions a change in Cuba through empowering given population sectors to achieve the same historical objectives.

Key words: Obama, Cuba, policy, changes, democracy, human rights, empowerment, color revolution.

RELIGIOUS STUDIES

<i>Zdorovceva O. V.</i> Secularization of Consciousness and Religious Revival in Russia	207
---	-----

The article is devoted to the problem of secularization of the social and individual consciousness of the Russians. It is necessary to identify the internal causes of the religious crisis of the modern Russia, because in most studies only the external causes are discussed. The object of the research which is the part of modern Russian society who identify themselves as the Orthodox Christians. The subject of the research is the religious state of the modern Russian society. The methods of the statistical data analysis, comparison, logical generalizations were used in the article. The article shows the characteristics of consciousness secularization of the Orthodox Christians as the largest religious group and the specifics of secularization in Russia. The author argues that secularization of consciousness is a factor hindering the process of the religious revival of Russia.

Key words: Russian society, secularization of consciousness, religious revival.

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Kudriavtseva V. I.</i> Historical Transformation of Ancient Cynicism: Aspects of the Problem	217
---	-----

The article discusses the issue of definition of cynicism as a historical-philosophical phenomenon, it raises the question about the influence of ancient cynicism in philosophy and culture, and also distinguishes ancient cynicism from cynical attitude of the modern.

Key words: kynisme, Enlightenment, cynicism, enlightened false consciousness, Sloterdijk.

<i>Potapova K. I.</i> Aristotle's Metaphysic of Action	224
--	-----

Analyzing the human actions through life, which Aristotle identified as ἔργον, ποίησις, πράξις and βίος θεωρητικός, the author proposes the construction of hierarchy of the so-called human activities from acts of life and labor to the meditative life and theory. The basis of the proposed systematization of human actions is the relation between them and the metaphysical concept of activity as ἐνέργεια, for which not only the pursuit of goals but also their realization that reveals "human nature" and expresses it, are important.

Key words: activity, final cause, intention, the purpose, energeia, enteleheia action.

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Vorobiev A. M.</i> To the Anniversary and more... <i>On the New Book of K. N. Lyubutin</i>	238
---	-----

OBITUARY

<i>Bagirov Boris Borisovich</i>	240
---------------------------------------	-----

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3
Общественные науки
2016. Т. 11
№ 4 (158)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор   *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка   *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 19.12.2016. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 21,3. Усл. печ. л. 20,4. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 431.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13. Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета».
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2291;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в Объединенный подписной каталог «Пресса России». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/science/scientific-publications/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.

2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).

3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

4. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

5. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. Автором статья предоставляется в редакцию вместе с положительной внешней (по отношению к месту работы автора и по отношению к журналу) рецензией.

2. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.

3. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносит решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.

4. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом, при принятии решения о необходимости доработки текста или его отклонении, к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

5. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

6. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

7. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

8. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;

б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

в) инициалы и фамилия автора на русском языке;

г) заголовок статьи на русском языке;

д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

— конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;

— научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;

— основные этапы анализа или аргументации;

— главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;

и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Философский факультет.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: urgufo2005@yandex.ru

АНКЕТА СТАТЬИ

ФИО автора 1 (полностью)	
Ученая степень, звание	
Должность	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
Автор 2 (аналогичные сведения о соавторе (соавторах))	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	
На английском языке:	
Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Author 2	
Title of article	
Abstract	
Keywords	